



**ДВОРЯНСТВО:
ОТ ИСТОРИИ
К МЕТАФИЗИКЕ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ ИДЕЙ

М.И. Микешин

**ДВОРЯНСТВО:
ОТ ИСТОРИИ
К МЕТАФИЗИКЕ**



Санкт-Петербургский центр истории идей
ИПЦ «Политехника-сервис»

Санкт-Петербург
2015

УДК 929.7:130.1

Научное издание

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.Г. Афанасьев
доктор культурологии, профессор Л.В. Никифорова

Издание осуществлено в авторской редакции.

Исследования осуществлены при поддержке:

ФЦП «Интеграция»; Российского гуманитарного научного фонда — проекты 97-03-14040, 03-03-15004, 03-06-80090, 04-03-00309, 07-03-00601, 14-03-00110; Российского фонда фундаментальных исследований — проект 03-06-80090; Научной программы Санкт-Петербургского научного центра РАН; Государственной научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие»; Института «Открытое общество» — гранты SP96-906-220796-1472, HDA802; The East-West Seminar and the Mellon Foundation; The Research Support Scheme of the OSIHESP — grant 1060\1996; The Institute for Advanced Studies in the Humanities, Edinburgh University; The Caledonian Research Foundation; The Royal Society of Edinburgh; The Aleksanteri Institute of the University of Helsinki; The Helsinki Collegium for Advanced Studies at the University of Helsinki; The Kone Foundation; Smith College, Northampton, MA, USA и др.

Монография составлена из ранее опубликованных автором статей и материалов по истории и методологии исследования российского дворянства конца XVIII — начала XIX века. В книгу вошли результаты более чем двадцати лет работы. Предлагается постановка различных проблем изучения дворянства, case studies из жизни влиятельного клана Воронцовых, сделана попытка соединить государственное служение, личную жизнь и метафизику одного из ярчайших представителей российской аристократии — М.С. Воронцова.

Для специалистов и всех, интересующихся историей и методологией исследования истории дворянства.

M59 Микешин М.И. Дворянство: от истории к метафизике. — СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; ИПЦ «Политехника-сервис» 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-906782-11-3

Компьютерный макет: М.И. Микешин
Санкт-Петербургский центр истории идей
<http://ideashistory.org.ru>

© СПб центр истории идей, 2015
© Микешин М.И., 2015

Подписано в печать 10.03.2015. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80г/м². Печ. л. 25,75. Тираж 500 экз. Заказ № 15.
Отпечатано в ИПЦ «Политехника-сервис»
190005 Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

ЧАСТЬ 1 ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДВОРЯНСТВА 7

Сюжеты исторической персонологии 7

История – дело семейное: аристократический взгляд 13

Екатерина Великая в зеркале современных интерпретаций 23

«Божественный» разум Просвещения 28

П.Я. Чаадаев как философ повседневности 38

Союз Моцарта и Сальери 43

Русский Адам Смит во французском стиле 55

Вальтер Скотт и идея истории в России 64

Проблемы методологии историко-философского
исследования дворянства 95

ЧАСТЬ 2 ИСТОРИЯ: КЛАН ВОРОНЦОВЫХ 136

«Сиятельнейший лорд, граф де Воронцов»: русский посол и
британское общество 136

«Они вообразили, что стали совершенно свободными» 161

Лейтенант королевского флота 171

Архив семьи Бизли 184

Аристократический сенат – утопия братьев Воронцовых 191

«Маленькая семейная негоция» 204

Две смерти в семье Воронцовых 223

Диагнозы английского врача: Академии наук (1827) и
императору (1853) 232

**ЧАСТЬ 3 МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В
ПЕЙЗАЖЕ 262**

Предуведомление 262

Методология 264

Дворянство 285

Воронцовы 292

«Благородный разумник» 306

Мировоззрение 311

Принципы 318

Масонские символы 320

Выбор места 324

Вертикаль 340

Рай 345

Смыслы вертикали 348

Дворец 355

Заключение 369

Литература 376

Именной указатель 392



Введение

Данная монография составлена из ранее опубликованных автором статей и материалов по истории и методологии исследования российского дворянства конца XVIII — начала XIX века. В книгу вошли результаты более чем двадцати лет работы.

В первой части предлагается постановка различных проблем изучения дворянства — от вполне конкретных до самых общих.

Во вторую часть собраны case studies из жизни влиятельного клана Воронцовых.

Третья часть была написана и опубликована как отдельная книга, в которой сделана попытка соединить государственное служение, личную жизнь и метафизику одного из ярчайших представителей российской аристократии — графа, а затем князя и светлейшего князя М.С. Воронцова.

Автор смеет надеяться, что собранная им мозаика соединяется в некий подход, цель которого состоит не в том, чтобы провозгласить новую теорию в исследовании дворянства, но в том, чтобы предложить способы видения старых и новых проблем в этой интереснейшей исторической области.

Переводы, там, где не оговорено иное, принадлежат мне.

За прошедшую четверть века мне помогали в работе очень многие — и самыми разными способами. К сожалению, я не смогу перечислить здесь всех. Мои искренние благодарности — коллегам-исследователям В.Г. Афанасьеву, А.В. Бекасовой, А.И. Воронцову-Дашкову, Е.М. Воронцовой-Дашковой, Р. Дартону, П. Джонсу, А.А. Златопольской, Е.А. Ивановой, А.Б. Каменскому, В.К. Кантору, Э.П. Карпееву, М. Кивинену, М.С. Киселевой,

Л. Контлеру, Е.И. Красиковой, Э. Кроссу, С.О. Кузнецову, М. Левитту, Е. Линдебергу, Н.П. Морозовой, С.М. Некрасову, Л.В. Никифоровой, Е.А. Савельевой, М.М. Сафонову, Е.И. Столбовой, А. Тоси, В. Ойттинену, С. Уэррету, Н. Филлипсону, Дж.П. Фойнсу, М.Ф. Хартанович, Э. Шаффер, В.В. Эрлихману; коллегам по Воронцовскому обществу – В.Н. Алексееву, Т.Г. Журавиной, В.О. Кацiku, Т.Н. Ладыгиной, В.А. Удовику, Е.Н. Фирсовой и др.; потомкам С.Р. Воронцова в Великобритании – Саймону и Софи Мид, Флавии Эббисшем, Сьюзан Стевенсон и ее славному семейству, Х. Бэтти; моему неизменному терпеливому и аккуратному издателю В.Г. Мощенко; организациям – Российскому гуманитарному научному фонду, Хельсинкскому Коллегиуму инновационных исследований, Александровскому институту университета Хельсинки, Смит-колледжу, Институту инновационных гуманитарных исследований Эдинбургского университета, Музею-усадьбе Г.Р. Державина, Центру изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» в Российской национальной библиотеке, Санкт-Петербургскому филиалу института истории естествознания и техники РАН, Институту философии Санкт-Петербургского государственного университета, кафедрам философии и истории Горного университета; семье и жене – любимому соавтору.



ЧАСТЬ 1 ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДВОРЯНСТВА

Сюжеты исторической персонологии

Исследования эпохи Просвещения и, в частности, русского Просвещения обременены рядом недостатков и предрассудков. Практически полностью выпал из рассмотрения феномен дворянского просвещения и фигура дворянского просветителя, создавшие целый пласт культуры. Понятие *просвещения* часто рассматривалось в достаточно узком контексте, практически как синоним понятий *образование*, *обучение*, иногда даже *грамотность*. Вне поля исследований оказался исторически изменяющийся субъект просвещения, а также объект просветительской деятельности, ее исторически меняющееся содержание, формы и методы, философско-мировоззренческие основания просвещения, его национальная специфика. Особое внимание следует уделить выявлению особенностей личности просветителя и ее социокультурной детерминации, исторических типов просвещенного человека, просветительской мифологии, утопизма, чтобы выйти на новый уровень осмысления этих проблем и дать характеристику просвещенной лично-

Написано в соавторстве с Т.В. Артемьевой. Впервые опубликовано в полной версии: *Артемьева Т.В., Микешина М.И.* Сюжеты исторической персонологии // Философский век. Альманах. Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии. СПб., 1997. С. 5–28.

сти. Рассмотрение эпохи через призму личности, *персоналистиче-ский* подход к анализу явления является чрезвычайно плодотворным, когда он касается золотого века дворянства. Поэтому изучение таких родов как Воронцовы, Щербатовы, Шуваловы дает возможность изучить эволюцию личности в процессе социополитических и культурных трансформаций.

Одной из центральных фигур в России в свое время был Иван Иванович Шувалов (1727–1797) – выдающийся культурный и политический деятель елизаветинской и екатерининской эпох. И.И. Шувалов, которого современники называли «русским послом при европейской литературной державе», «предстателем муз», был не только человеком, богато одаренным такими качествами как обаяние, ум, широта кругозора, образование. Он обладал способностью реализовывать эти качества на общественном и государственном поприще. Шувалов выполнял для двора и всего образованного российского общества уникальную культурную задачу по объединению западной и российской культур в одну *европейскую* культуру. Хорошо известна его роль в организации Академии художеств, Московского университета, первым куратором которого он являлся, его поддержка М.В. Ломоносова. Шувалов состоял в дружеских отношениях с известнейшими интеллектуалами Европы – Вольтером, Гельвецием. Особенности своего личного положения при елизаветинском дворе (а Шувалов не имел титула и занимал сравнительно скромное положение в чиновничьей иерархии) он употреблял на то, чтобы быть организатором просвещенной среды, создателем *la République des lettres*.

И.И. Шувалов является одним из ярких представителей просвещенной элиты. Именно к нему, может быть применен идентификационный псевдоним, избранный Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым, – *дворянин-философ*. Это самоназвание достаточно точно обозначает тот сравнительно узкий круг российского общества XVIII века, который потреблял и производил философское и гуманитарное знание. Следует отметить, что философия в то время понималась в самом расширительном смысле, как метанаука, включающая в себя физику и метафизику, этику и экономику.

В стране, где государи просили советов, посылали любезные письма, приглашали на службу или милостиво жаловали таких мыслителей как Лейбниц, Хр. Вольф, Вольтер, Дидро, Монтескье

и др. быть *философом* было не только престижно, но и необходимо для того, чтобы поддержать свое реноме в свете. Знакомство с этими мыслителями, с их текстами или хотя бы признание их в качестве авторитетов приближало к «высшим сферам» и включало в кастовую систему ценностей. Следует отметить, что и сами авторитеты охотно общались с русскими аристократами и «сильными мира». Хорошо известны истории личных и эпистолярных связей Петра I с Лейбницем и Хр. Вольфом; А. Кантемира с Монтескье; И.И. Шувалова с Вольтером, Дидро, Гельвецием; Екатерины II с Дидро, Ф.М. Гриммом, Вольтером; Е.Р. Дашковой с Дидро и А. Смитом; Д.А. Голицына с Гельвецием, Дидро, Вольтером; Г.Г. Орлова с Руссо.

Дворянин-философ чувствовал себя гражданином мира и принадлежал равным образом и российской и европейской культуре. Соединяя их в себе, он занимал особое место в деле просвещения, обеспечивая духовное единство России и Запада. Это наложило отпечаток как и на проблематику, так и на формы философствования, которые были далеки от наукообразных трактатов, порожденных философским «профессионализмом». Внутри этого слоя, конечно, исследовались свойственные эпохе метафизические архетипы (доказательства бытия Бога и осмысление его сущности, выявление происхождения зла, количества субстанций в мире и т.п.), однако, помещенные в иной социокультурный контекст, они подчас политизировались, социологизировались или этизировались, что качественно меняло смыслы, выводы и способы отражения философской рефлексии. В особенности это касалось социальной философии, в том числе социального утопизма и историософии. Философствующий нобилитет не обязательно порождал тексты классического «трактатного» типа. Формирование определенного образа жизни, художественно-эстетического пространства, просвещенной среды – вот текст, который вписан им в книгу российской культуры.

Разумеется, «тексты», создаваемые представителями философствующего нобилитета, качественно отличаются от системы логически непротиворечивых дискурсов, производимых в трактатно-риторической форме преподающими «логику и метафизику» университетскими профессорами. Вместе с тем, это есть лишь

иная форма, иной способ выражения своих размышлений, в соответствии с иным типом коммуникаций, хранения и распространения знания, возможностями его пропаганды. Не говоря о качественном различии интеллектуальной и просветительской деятельности в различных сословиях, отметим, что даже возможности дворянского просвещения менялись в зависимости от статуса. Так, мелкий помещик А.Т. Болотов на протяжении десятилетий заполнял своими статьями номера журналов, а Н.И. Новиков — полки книжных лавок изданными им книгами, в то время как Петр I создавал Академию наук, И.И. Шувалов основывал Московский университет, а Екатерина II — Российскую Академию.

Среди многочисленных групп российского общества XVIII в., включая и такие маргинальные, как преподаватели высших учебных заведений, крепостная интеллигенция, иностранцы на российской службе, ученое монашество, просвещенное купечество и т.п., невозможно найти ни одной, кроме дворянства, которая обладала бы необходимыми условиями для свободного философствования. И действительно, досуг, образование, личная свобода, отсутствие меркантильных установок, непосредственной идеологической зависимости, вовлеченность в мировую культуру, наконец, потребность занять мировоззренческую позицию, возвышающуюся над обыденной и соответствовавшую привилегированному положению в социуме, — все это могло соединяться только в благородном сословии. Такая ситуация объясняет некоторую тождественность понятий *философ* и *большой барин*, *вельможа*, характерную для XVIII в. Обыденное сознание часто выделяло *философов* как некоторую группу в среде дворянства, отличающуюся экстравагантным поведением и особым образом мыслей, ориентацией на западную, прежде всего французскую, реже английскую культуру, демонстративным антиклерикализмом, вольтерьянством. С другой стороны, образ философа часто связывался со странностями поведения, ипохондрией и мизантропией. «Что есть *философ* и чем рознится *философия* от всех других на свете вещей. Сколько в нашем народе о сей науке понятия, о сем не нужно странно говорить. Многие оную называют уединенным житием, а философом того, кто от общества человеческого удален, о котором, хотя он и ничего не делает, говорят: *живет де по-философски*. Может быть сие понятие о философе и философствовании имеет

свое издалека произведенное начало: однако ж не к нашему намерению. Сие народное мнение или от недостатка книг, или, буде на других языках читать могут, от недостатка разумения происходит»¹.

Обыденное представление о философии и философах имело иные смыслы в просвещенной среде, где философ предстает скорее мудрецом или государственным мужем. Г.Н. Теплов в своем сочинении *Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут* писал: «В науке философской все то заключается, что человека делает Богу угодным, монарху своему верным и услужным, а ближнему в общество надобным»². Мысль Теплова чрезвычайно близка мнению, выраженному в статье *Рассуждение о пользе феоретической философии в обществе*, напечатанной в 1756 г. в журнале *Ежемесячные сочинения*. Ее автор считает необходимым «разрушить то предсуждение, будто философия делает нас человеческому обществу бесполезными»³. «Удовольствие в познании истины» вложено в нас Богом, а потому нет ничего более естественного, как употребить на это досуг и силы. Необходимо развивать «все то, что делает нас обществу полезнейшими, чем исправляется наш разум, чем укрепляется наша смотреливость, все то, почему бываем мы способными великое соединение истин ясно и скоро перейти мыслию. Но сие делает теоретическая философия. Она расширяет пространство нашего духа по вмещению вдруг большего числа понятий, нежели как бывает у неученых, она представляет нам близкими дальние следствия некоего положения, которые другой уже по долговременном размышлении постигает»⁴.

В статье анонимного автора *О философии*, помещенной в *Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости* дается развернутая аллегория, представляющая философа садовником в прекрасном саду, Хозяин которого удален от процесса повседневного труда, но следит за ним издалека. Сад обозначает мир, хозяин сада — Бога,

¹ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751. С. 65–66.

² Там же. С. 26

³ Рассуждение о пользе феоретической философии в обществе // Ежемесячные сочинения. 1756. Сентябрь. С. 216.

⁴ Там же. С. 219–220.

Садовник, возделывающий свой сад, является философом. С одной стороны, философы «особливый чин составляют»¹, но с другой, каждый желающий достичь совершенства в своей деятельности «в своем роде философом быть должен»². Таким образом, тщательное возделывание сада, достижение успеха на избранном поприще, деятельность приумножающая славу и богатство хозяина есть деятельность если и не философская, то осуществляемая философом.

Главным методологическим принципом исследования русского просвещения является междисциплинарный подход. Феномен просвещения носит полифункциональный и синтетический характер, требующий исторического описания, философского и социологического анализа, использования достижений современной культурологии, культурной антропологии, а также искусствоведения, филологии, политологии, экономической науки и т.п.



¹ О философии // Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. Ч. 52. Июня 1738 г. С. 197.

² Там же.

История — дело семейное: аристократический взгляд

Попробую проиллюстрировать, как история может пониматься и интерпретироваться способом, не вполне привычным сегодня.

Обычная публика, средства массовой информации, а также политики и даже ученые до сих пор часто представляют себе международную политику как театр, в котором страны — нации, государства — уподоблены людям, личностям, имеющим собственные интересы, мысли, резоны и эмоции, а правительства и лидеры являются «головами» этих «политических тел». Мы очень часто слышим такие выражения, как «Россия обвиняет», «Британия вступает в переговоры», «Корея возражает», «Китай нарушает правила» и т.д. Эти «сверхличности» обладают своей собственной внешней историей, то есть историей взаимодействий друг с другом, и своими внутренними историями, то есть историями их структурирования и переструктурирования.

Однако представления о том, как сконструировано «политическое тело» страны, бывают весьма разнообразными. Чтобы понять политическое устройство какой-либо нации, резонно обратиться к ее политическим институциям. Но такой подход даст не только формальные рамки, более того, действительность может быть весьма далека от формального описания.

Впервые опубликовано в английской версии: *Mikeshin M.I. History as a Family Affair: an Aristocratic View // The Philosophical Age. Almanac 40. The Northern Lights. Enlightenment and History: a View from Northern Europe and Russia. St. Petersburg, 2014.*

С другой стороны, можно спросить, кто считает себя принадлежащим данной стране, то есть спросить людей о национальной самоидентификации. Сегодня человек обозначает свою принадлежность к некоторой нации, отмечая этническую общность, общность языка или в широком смысле «культуры». Все эти маркеры происходят главным образом из Германии XIX в. В эпоху Просвещения люди осознавали себя несколько иначе. Дж. Кларк, изучив в своем труде политический дискурс и социальную динамику в англо-американском мире в 1660–1832 гг., утверждает, что в это время люди, опрошенные о национальной принадлежности, представляли себе в основном «юридическую и религиозную структуру»¹. Британские историки, как и другие авторы эпохи, определяли и отстаивали свое чувство судьбы и идентичности Британии в пространстве юридического, конституционального и религиозного дискурсов². Шотландцы, чтобы сохранить свою национальную идентичность, даже создали единое государство со своим извечным соперником — Англией и перешли на английский язык.

С религиозной, особенно пресвитерианской, точки зрения история полезна, потому что необходимо «исследовать прошлое, чтобы понять дела Провидения». Также важно осознать, как поступки людей и судьбы народов вписываются в единое мировое движение, какова конструктивная роль людей и их сообществ в предначертанном движении к Царству Божию. Например, знаменитый шотландский историк Уильям Робертсон — «методологический коллективист. Это значит, что его единицы исследования — не индивидуальности, а коллективы, группы, действия которых внушены божественным предопределением»³.

Еще одна серьезная проблема — взаимодействие публичной и частной сфер в истории. Это часть дискуссии о гражданском обществе. Может ли общество быть устойчивым и стабильно развиваться, если оно состоит из эгоистичных, эгоцентричных индивидуумов? Если это действительно так, и «личные грехи суть на самом деле об-

¹ Clark J.C.D. *The Language of Liberty 1660–1832. Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World*. Cambridge, 1994. P. 46.

² O'Brien K. *Narratives of Enlightenment. Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon*. Cambridge, 1997. P. 13.

³ Ibid. P. 123, 140.

щественные выгоды, тогда человек в себе разделен, а моральное значение его поступков лишено исторической размерности»¹. Исторические личности, т.е. личности с общественно полезными индивидуальными свойствами демонстрируют разнообразие указанного взаимодействия – от узурпации публичной сферы сферой личной до полного поглощения личности публичной персоной и невозможности отличить индивидуальное «я» от общественного деятеля.

Патриархальное разделение общественной жизни на частную и общественную подразумевает, что частная жизнь протекает в семье и среди близких родственников и друзей. Так как сфера частной жизни – это пространство, в котором человек воспитывается и формируется, ее необходимо включить в общественную и политическую структуру. Платон считал, что государство (республика, в частности, *полис*) – это союз хозяйств или семей, а не индивидуумов. Для Аристотеля семья ценна, поскольку представляет собой хорошо организованное сообщество с любовью, дружбой и естественной иерархией. Ее стабильность создает начальные условия для добродетели и правильно структурированного общества. Ее единство несходного – это пример и образец для государства.

Нет сомнения, что политическая жизнь предполагает, что частная сфера существует и закладывает основания всей общественной жизни, но эта сфера истолковывается мыслителями Просвещения лишь как естественное основание политической жизни. Они выносят за пределы публичной жизни проблемы сексуальности, репродуктивности, домашнего хозяйства и т.д.

Вероятно, реальные семьи не являются моделями для политической жизни, а структура семьи берется из Библии. Эта книга считается не только Священным Писанием, но и набором образцов для объединения индивидуумов, семей, кланов и правителей в общество. Эта книга – еще и описание человеческой истории, и учебник, описывающий природу человека.

В XVII в. английский политический мыслитель Роберт Филмер² утверждал, опираясь на Библию, что никто не рождается свобод-

¹ O'Brien K. Narratives of Enlightenment. P. 148.

² Сэр Роберт Филмер (1588–1653) – английский политический мыслитель, защищавший священное право королей. Его самая известная работа, *Patriarcha*, опубликованная посмертно в 1680 г., была мишенью обильной критики, включавшей «Два

ным, каждый подчиняется кому-то — тому, кто занимает более высокое положение. Таким образом, каждый человек может и должен найти предназначенное ему место в мировой иерархии. Человек не может выбирать себе место, поскольку оно уже определено Божественной Властью или, как мог бы сказать протестант, обозначено в соответствии с Божественным Планом, когда этот мир создавался.

Следование за Библией, тем не менее, не означает отсутствие всяких движений и перемен в истории. Напротив, каждая эпоха и даже многие конкретные ситуации ведут ко все новым и новым интерпретациям библейского текста. Хотя мировая «иерархия мест» всегда представляется неизменной, политические и общественные деятели постоянно создают новые «клеточки» (или роли) для себя, уютно в них устраиваясь и находя для этого прекрасные обоснования и в священных текстах, и в истории.

Во второй половине XVIII в. Екатерина Великая создает свою собственную роль «просвещенной монархини». Подчеркивая, что она «Вторая» после Петра «Первого», она в то же время представляла себя «мудрейшей Матерью отечества», которая любит своих подданных. Екатерина ввела новый личный тон в формальный блеск двора. Она поддерживала атмосферу порядка и взаимной приязни, вела себя как скромная и общительная подруга своих слуг и фаворитов. Она часто «сливалась с фоном», играя в шахматы или карты, изображая изобретательную, но отдыхающую хозяйку. Такие демонстрации доброты и симпатии отражали новую роль великодушной и воспитывающей императрицы.

Политические документы, исторические записки, пьесы и письма Екатерины проецировали на прошлое ее манеру вести себя и править. Она сделала эту манеру врожденной чертой российской монархии, обратив древних правителей Руси в своих предшественников, изображая их просвещенными и утонченными. Ричард Уортман так описывает этот сценарий: «Императрица следовала мифу империи, но не всеобщей христианской империи, а Римской империи, возглавляемой просвещенным монархом и просвещенной административной элитой, приносящей

трактата о правлении» Джона Локка. Филмер также критиковал в своих работах Томаса Гоббса, Джона Мильтона, Гуго Гроция и Аристотеля.

блага закона и улучшающей материальную жизнь на новых землях и в русских губерниях»¹.

«Материнская любовь» Екатерины отмечает новые отношения между дворянством и короной. Дворяне теперь служат не потому, что в этом состоит их формальная обязанность в соответствии с императорскими указами, но по обязанности, которая представлена как взаимная приязнь. Императрица лично старалась возбуждать такое чувство, дворяне понимали это и отвечали ей той же симпатией и глубоким уважением к ее олимпийскому образу. Екатерина установила особый тон, объединяющий элиту, тон взаимного расположения и разумного самоограничения – то есть чувства, разделяемого всеми просвещенными людьми.

Идеи Просвещения доминировали в саморепрезентации императрицы и в способах думать и вести себя, которые она внушала. Она стремилась создать новый тип людей. Р. Уортман и У. Глизон считают его близким к стоическому идеалу². Только по достижении высокого уровня просвещения дворянин мог стать честным и заслуживающим доверия человеком, могущим служить общественной пользе в новых имперских институциях. Просвещение дворянства было главной целью писаний Екатерины. Например, идеи манифеста *О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству*, изданного Петром III в феврале 1762 г. и освобождавшего оное от обязательной государственной и, в частности, военной службы, были развиты Екатериной в *Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства*³ от 1785 г. Во вступлении к *Грамоте* она объявила, что «знатнейшее и благороднейшее российское дворянство» заслужило свои права и привилегии особой преданностью Отечеству:

С новыми выгодами и приращением нашей империи, когда пользуемся всякою внутреннею и внешнею повсюду тишиною, мы подвиг свой вящше и вящше устремляем к непрерывному упражнению доставить

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 179–183, 190.

² Там же. С. 182; Gleason W.J. Moral Idealists, Bureaucracy and Catherine the Great. New Brunswick (N.J.), 1981. P. 90–92, 96–98.

³ См. <http://ru.wikisource.org/wiki/Грамота_на_права,_вольности_и_преимущества_благородного_российского_дворянства>.

нашим верноподданным во всех нужных частях внутренняго государственного управления твердыя и прочныя постановления ко умножению благополучия и порядка на будущия времена и для того, во-первых, достойно находим простерти наше попечение к нашему вернолюбезному подданному российскому дворянству, имея в памяти <...> его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержцам всероссийским, нам самим и престолу нашему оказанныя в наисмутнейшия времена, как в войне, так и посреде мира. А подражая примерам правосудия, милосердия и милости в бозе почивающих, российский престол украсивших и прославивших предков наших и движимы будучи собственною нашею матернею любовью и отличною признательностию к российскому дворянству, по благоразсуждению и изволению нашему императорскому повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов для пользы российскаго дворянства службы нашей и империи следующие статьи на вечныя времена и непоколебимо.

Грамота утверждает, что «не судится благородной, кроме своими равными», и дает «дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве». Взаимные преданность и симпатия между императрицей и дворянством привели к расширению взаимного доверия и, следовательно, привилегий дворянства. Русские дворяне начали демонстрировать свою просвещенность, воспитанность и гражданские доблести, более того, они почувствовали себя корпорацией с высокими заслугами, играющей определенную и очень важную роль в государственной жизни и истории.

Князь М.М. Щербатов (1733–1790), официально назначенный на должность историографа в 1768 г., в *Истории российской от древнейших времен*¹ пишет, что лучшей формой правления является монархическая. При ней монарх является отцом народа, а монархиня, соответственно, матерью народа. Щербатов, однако, включает в свою систему наилучшего правления тех, кого он называет «старшими детьми», то есть высокородных дворян, аристократов. Они помогают монарху соблюдать или изменять законы и дают ему хорошо продуманные советы. Такая служба может иметь

¹ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1–7. СПб., 1770–1791.

форму аристократического сената и необходима, чтобы удерживать власть от склонности к деспотизму¹.

Как пишет Т.В. Артемьева, Щербатов считает, что дворянство является не только политической силой, которая может противостоять деспотизму, сражаться с врагами и надзирать над крепостными, но и духовной и культурной средой, в которой воспитываются культурные, высокоморальные, просвещенные люди. Он доказывает это ссылкой на особую российскую дворянскую традицию, ставшую обычаем. Благородное сословие не узурпировало свои права, но получило их естественным путем, развивая лучшие качества, унаследованные от славных предков².

Историограф таким образом оправдал существование в разумно организованном государстве особой группы могущественных людей – элиты, которая не отделяет себя от политической власти, от правящего монарха, которая считает, что управление страной есть ее наследственное, традиционное семейное дело. Дворянство ответственно за государство, за народ и их историю. Это история государства, но в то же самое время наиболее активные и важные составляющие государства – это семьи и кланы, дела которых как раз и творят эту историю. Политическая жизнь не отличается от мира семейных взаимозависимостей, войн и объединений.

Хороший пример индивидуальной позиции того времени мы найдем у княгини Е.Р. Дашковой (1743–1810)³. В детстве и юности она была членом могущественной семьи Воронцовых. Ее отец был настоящим богачом известным российским масоном. Она воспитывалась в доме дяди – канцлера, занимавшегося иностранными делами России. В восемнадцать лет она сделала свой главный выбор: остаться преданной своей семье или стать личной подругой и верным вассалом восставшей Екатерины. Она выбрала будущую императрицу – и подверглась остракизму семьи. Ее молодой муж вскоре умер, оставив ее с двумя маленькими детьми и огромным количеством долгов. Так она стала главой семьи и была вынуждена

¹ Подробный анализ взглядов М.М. Щербатова см.: *Артемьева Т.В.* Михаил Щербатов. СПб., 1994.

² Там же. С. 25.

³ Подробности биографии Е.Р. Дашковой (урожденной Воронцовой) см.: *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале / Перевод с англ. М.И. Микешина. М., 2010 (Серия ЖЗЛ).

играть роль, считавшуюся тогда безусловно мужской. Дашкова не впала в отчаяние, но нашла в себе силы и способности заняться образованием детей и экономикой своего хозяйства. Через несколько лет ей удалось покончить с долгами, накопить некоторые деньги, отправиться в Европу, встретиться там с Дидро и Вольтером и помочь сыну поступить в Эдинбургский университет, а затем успешно его закончить.

Все эти годы Дашкова страдала от, как она это называла, отсутствия внимания со стороны Екатерины. Как преданный вассал, она обвиняла не императрицу, а ее фаворитов и их злобные интриги. По возвращении из Европы она продолжала представлять себя всем высокообразованной, опытной, мудрой, особенно хорошо разбирающейся в экономике, общественной мысли, литературе и образовании. Такая саморепрезентация спровоцировала при дворе еще большее количество насмешек и интриг. Чтобы направить энергию Дашковой в полезное русло, Екатерина назначила княгиню директором Петербургской академии наук. На этом посту Дашкова смогла применить все свои настоящие или вымышленные таланты. Поскольку она зашла слишком глубоко на «мужскую территорию», современники считали ее весьма эксцентричной или даже не вполне адекватной личностью.

Чтобы избежать таких оценок, особенно от потомков, и определить свое положение в российской истории, Дашкова продиктовала мемуары (так и называвшиеся во французском оригинале: *Mon histoire*¹). План оказался вполне успешным, потому что с тех пор большинство исследователей следует ее идеям и интерпретациям. Но все-таки один или два историка объясняют все ее странности тем, что она была лесбиянкой.

В гуманитарных науках бывает полезно подбирать метафоры и визуализации исследуемых принципов или концепций. Еще лучше найти метафоры, которые использовались или могли использоваться в культурных практиках соответствующего времени. Поскольку Библия и христианская традиция являются источником огромного количества ментальных схем и паттернов в Европе, я также обращаюсь к нему. Хорошо известно, что написанные в

¹ *Princesse Dashkova. Mon histoire. Mémoires d'une femme de lettres russe à l'époque des lumières / Édition présentée et annotée par Alexandre Woronzoff-Dashkoff, Catherine Le Gouis, Catherine Woronzoff-Dashkoff. P.-Montréal, 1999.*

Средние века «биографии» правителей – это не столько реальные истории, сколько нарративы, созданные в соответствии с образцами, взятыми из житий христианских святых. Конечно, в светской литературе века Просвещения эта линия была отброшена. Однако на самом глубоком, фундаментальном уровне мысли христианские образцы использовались тогда и используются до сих пор.

Я обнаружил в русской культуре того времени несколько визуальных метафор для иллюстрации того, как можно вообразить тогдашнюю социальную структуру, в которой у каждого человека было свое место, своя «клеточка». Первый образ – это *иконостас*, то есть заполненная иконами стена, отделяющая алтарь от прихожан храма в православном храме.

Существуют специальные правила и образцы того, какие иконы должны или могут располагаться в различных частях иконостаса. Наиболее развитый иконостас состоит из пяти рядов икон. Это грандиозная символическая система. В центре так называемого «Деисуса»¹ располагается большое изображение Спасителя на престоле. Слева и справа от него стоят Иоанн Предтеча и Богородица в молитвенных позах. Часто за ними располагаются архангелы Михаил и Гавриил, затем св. Петр и св. Павел, а потом и другие Отцы Церкви, если позволяет пространство. Другие ярусы организованы таким же образом и включают апостолов, патриархов, пророков, праздники и местных святых покровителей. Эта система выглядит также как большая семья, как клан с Отцом в центре. Чем дальше стоит персона от центра, тем меньшей святостью она обладает, но, в принципе, каждый человек может найти свое место в этих рядах-рангах. Персонажи расположенных в иконостасе икон ведут нас в Рай, то есть, что особенно важно в данном случае, представляют структуру человечества, каждая клеточка которой обладает своей духовной ценностью. Все вместе составляет мировую гармонию. В то же самое время, иконостас передает направленность, движение, т.е. историю человечества.

К концу XVIII в. эта визуальная структура начала приобретать секулярные воплощения в культуре дворянства. Не только святые или правители, но и дворяне видят теперь «свое место» в «мировом иконостасе». Занимая места в иерархии, в семье, дворяне, тем

¹ См.: Деисус // Православная энциклопедия <<http://www.pravenc.ru/text/171595.html>>.

самым, занимают места в мировой истории. Российский художник Дмитрий Левицкий (1735–1822) известен своими портретами и портретными сериями¹, среди которых «Екатерина – законодательница», семья Воронцовых и смолянки. Эти группы портретов, на мой взгляд, являются прекрасными примерами «светских иконостасов».

Персона в XVIII в., по крайней мере дворянская, была «персона в сценариях», или в жестких структурах. Ричард Уортман в своей знаменитой книге говорит нам о «сценариях власти», но в то время мы можем видеть целый набор определенных сценариев для многих, если не всех, сторон жизни и общественных отношений. Весьма трудно, если вообще возможно, понять, что персона XVIII в. выбирает из существующего набора сценариев, а что есть ее особый каприз.

На самом деле, это еще труднее сделать, поскольку в конце эпохи появляются Вальтер Скотт, романтизм, экзальтация и эстетизация «свободного дворянского духа». Романтические герои вырываются из традиционных рамок, эта независимость восхваляется и становится предметом жгучего любопытства. Индивидуум теперь в романтичен, стремится к свободе от старых клановых схем и сам определяет свое место в жизни и истории. Романтические герои не определяют новую структуру, они остаются непредсказуемыми вспышками. Сословия меняются или даже совершенно исчезают, но Структура в России все еще жива.

В середине XIX в. граф С.С. Уваров предложил славный теперь идеологический лозунг царю Николаю I: «Православие, самодержавие, народность». Как люди того времени воображали подобную структуру? Сегодня мы можем видеть ее, воплощенную по крайней мере в двух сооруженных несколько позже монументах — в памятнике «Тысячелетию России» в Новгороде Великом и в памятнике Екатерине II в Санкт-Петербурге.



¹ Кузнецов С.О. Неизвестный Левицкий: Портретное искусство живописца в контексте петербургского мифа. СПб., 1996.

Екатерина Великая в зеркале современных интерпретаций

В аллегорической форме «познание самого себя» выражалось в образе человека, смотрящегося в зеркало. Зеркало позволяет углубить, отстранить собственный образ, придать ему статус объекта. Собственная персона становится наглядной, а потому более понятной. Вместе с тем, отражение — это всегда «одна из» проекций, демонстрирующая не всю личность целиком, а лишь одно из ее возможных измерений.

«Частичность» отраженного прекрасно проиллюстрирована в повести *Степной волк* Г. Гессе. Отражаясь в зеркале, измученный противоречивостью своего внутреннего мира Гарри Галлер распадается на бесчисленное множество одномерных личностей, каждая из которых начинает жить своей собственной жизнью, являясь Гарри и не-Гарри одновременно. Гарри, ибо они плоть от плоти его и дух от духа, и не-Гарри, ибо отключенные от противоречий совместного существования они уже не вполне выражают его суть, основания которой — противоречие и несогласие с самим собой. Достаточное количество зеркал могут отразить различные стороны и изгибы личностной неповторимости. Однако порой достаточно одной грани, чтобы выявить самое главное. Так, на эрмитажном портрете Екатерины II В. Эриксона милая женщина, отра-

Написано в соавторстве с Т.В. Артемьевой. Впервые опубликовано: *Артемьева Т.В., Микешин М.И.* Екатерина Великая в зеркале современных интерпретаций // *Философский век. Альманах. Вып. 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд.* СПб., 1999. С. 7-12.

жаясь в зеркале, являет медальный профиль императрицы. Кокетливый жест руки, держащей веер, с куртуазно отставленным мизинцем, грациозный полуповорот головы, полуулыбка, кончик туфельки, невзначай показавшийся из под платья с пышными фижмами, лилейность кожи — все это не отражается темным стеклом, демонстрирующим лишь сосредоточенность канонического образа монархини. В сущности, это два портрета — Екатерины-Като и Екатерины Великой.

Вероятно, наиболее адекватная характеристика Екатерины II, далекая от льстивого панегиризма, «классового» неприятия или ханжеского осуждения, принадлежит ей самой. В письме к доктору Циммерману от 29 января 1789 г. она пишет:

Мой век напрасно меня боялся; я никогда не хотела кого-либо пугать, а желала быть любимой и почитаемой, естли того стою, и больше ничего. Всегда я думала, что все клеветы на меня происходят от того, что меня не понимали. Я знала весьма многих людей, кои были гораздо меня умнее; но никогда ни против кого не имела злобы и никому не завидовала. Мое желание и удовольствие состояло в том, чтобы делать всех счастливыми; но как всякий хочет быть счастлив по своим способностям, то желания мои часто находили в том препятствия, в коих я ничего не понимала. Конечно, не было злости в моем славолбии, но может быть, что я слишком много предпринимала, полагая, что люди способны сделаться рассудительными, справедливыми и счастливыми. Род человеческий вообще склонен к безрассудству и несправедливости, с коими никак не можно быть счастливым. Естли бы он слушался рассудка и справедливости, тогда бы и в нас нужды не было; что же касается до счастья, то всякой, так как я выше сказала, понимает его по-своему...¹

Отделение «желаемого» от «действительного» в осмыслении личности императрицы и ее роли в российской истории — одна из задач этого сборника, однако его научная тематика не ограничивается исключительно личностью Екатерины II, но обращена к исследованию «екатерининской эпохи» в многообразии ее проявлений. Личность императрицы служит скорее «провоцирующим поводом», она стала отправной точкой обращения к эпохе, так

¹ Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II с Доктором Циммерманом с 1785 по 1792 г. СПб., 1803. С. 146–147.

сильно мифологизированной, но в тоже время столь важной для понимания настоящего.

В исторической науке существуют различные методологические подходы, позволяющие выявить закономерности и особенности общественного развития, — от пресловутого «формационного», обращенного к социально-экономическим «основаниям», до «эстетико-художественного», ориентирующегося на «вершины» стилистического своеобразия в развитии искусства. Каждый из этих подходов, позволяющий увидеть эпоху под определенным углом, тем не менее, не дает общего впечатления, ибо *историческое целое* всегда противоречиво, непоследовательно, нерационально — как и сама жизнь. Обращение к прошлому через призму личности («персоналогия») позволяет сохранить определенную цельность и гуманистический характер такого восприятия, когда познающий субъект не расчленяет свою эпистемологическую природу, пытаясь увидеть в прошлом действие одной силы — божественной, природной, экономической, классовой или какой-либо иной, не объясняет исторические события однозначно и одномерно, но обозначает полифонизм и сложность проблем, для решения которых необходимы не только современные методы исторического исследования, но и объединение специалистов различных направлений.

Сегодня, как никогда важно освободить наше прошлое от гнета мифологизаций и конъюнктурных искажений, сделав его объектом серьезного академического исследования, но сохранив и продемонстрировав его специфику. Существует определенный набор сложившихся штампов в истории XVIII в., неоднократно разоблаченных серьезными исследованиями, но постоянно воспроизводящихся на самом профессиональном уровне в виде предустановленных идеологических конструкций. Эти штампы отнюдь не являются исключительно продуктами коммунистической идеологии. Сама императрица и ее эпоха немало потрудились над их созданием.

Для новой постановки власти имели первостепенное значение некоторые свойства характера Екатерины, которые сейчас общеизвестны. Именно они выработывались те долгие восемнадцать лет при елизаветинском дворе. Екатерина сама обозначила их словами «быть просвещенным». И одна из главных принципов этой

«просвещенности» заключается в разделении политики и «литературы» (идеологии). Екатерина стала действовать в области идеологии в европейском масштабе, используя в своих целях корифеев европейской мысли и располагая общественное мнение Европы в свою пользу. Во внутренней политике она занялась «просвещением народа». Правительство должно было направлять и литературу и общество. Царица устроила – и не одну – кампанию общения с народом выходами, поездками, манифестами и более всего разговорами.

Разговоры эти по преимуществу велись в салонах, поскольку и «народ» тогдашний вращался в них же. Салон был не только местом общения и типом времяпрепровождения. Это были еще и своеобразные «средства массовой информации», которые, вместе с перепиской, вполне создавали имиджи и паблисити для любого члена высшего общества. Поэтому тогда не быть допущенным в салон означало примерно то же, что современному политику не быть допущенным на телевидение.

В процесс просвещения личности необходимо входило создание имиджа этой личности как человека разумного, разностороннего, стремящегося к благу и т.д. Согласно концепции, высказанной в *Энциклопедии*, высшим уровнем просвещенной личности является философ-эклектик, а лучшим монархом – монарх-философ. Такой свой образ и создавала Екатерина, трудясь над ним сознательно и настойчиво. Руководствуясь стремлением обосновать свое право на престол необходимостью служить всеобщему благу, Екатерина не лицемерила, а создавала мощную идеологическую поддержку своей внутренней и внешней политике. Во всяком случае, до сих пор мы обманываемся блеском мифолого-идеологических нарядов, которые Екатерина и ее помощники так удачно сшили и со вкусом сшили.

Понимание своеобразия российской культуры XVIII в., исследование духовных, социально-политических и экономических тенденций, берущих начало в эту эпоху, требует комплексного,

междисциплинарного подхода. Необходимо участие специалистов не только из различных областей гуманитарной науки, но и из разных стран и культур¹.

Екатерина II когда-то сочинила для себя надгробную надпись следующего содержания:

Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штетине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 г., чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцать лет от роду она возымела тройное намерение — понравится своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течении 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Поощрительная, обходительная, от природы веселонравная, с душой республиканской и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей давалась легко, она любила искусства и быть на людях...²

В этой автоэпитафии нет метафизического трагизма, как нет его и в многогранной и противоречивой личности, которая символизирует для нас сложную, но необычайно интересную эпоху российской истории.



¹ Иллюстрацией такого подхода может служить, например: Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26-29 августа 1996 г. СПб., 1996.

² Цит. по: Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: В 3-х тт. Т. 3. М., 1996. С. 226.

«Божественный» разум Просвещения

Человек с вышедшей из берегов способностью к ретроспекции часто называют историком. Точно так же получает кличку философа тот, для кого реальность утратила смысл.

И. Бродский

Существование философии как учебной дисциплины и постоянно обновляемый навык преподавания философии приводят к привычке понимать и излагать концепции философов и господствующие тенденции различных философских групп и эпох как наборы клише. А в стране, где в гуманитарной области традиционно огромное место занимает литература, да еще и литература, долгое время игравшая «учительскую» роль, «эта тенденция — учить и судить — превратилась в традицию». Здесь таится много опасностей первая из них — «возникающее почти автоматически ощущение своей априорной правоты и интеллектуальной неподсудности <...> Ибо — в результате проводившейся десятилетиями политики духовной кастрации — мы все — интеллигенты в первом поколении, и наши идеи (не говоря уже о стиле) обладают для нас почти гипнотическим обаянием первородства. Отсутствие сколько-нибудь серьезного критицизма <...> довершает дело»¹.

Впервые опубликовано: Микешин М.И. «Божественный» разум Просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 24. История философии как философия. Часть 1. СПб.: СПб Центр Истории Идей, 2003. С. 147–155.

¹ Бродский И. Писатель — одинокий путешественник... // Бродский И. Сочинения. Т. VII. СПб., 2001. С. 67.

Одним и распространенных клише является «Просвещение». Этот лейбл включает фразу об обожествлении разума, о его всемогуществе в представлениях просветителей, об их иллюзии обладания универсальным методом познания. К сожалению, разум оказался не всемогущим, поэтому, как написано в том же буклете, «проект Просвещение» обернулся крахом, породив тоталитарных чудовищ. Перед «смертью» проект успел произвести на свет и несколько вполне интересных подпроектов, среди которых феномен энциклопедизма. Постоянное увеличение положительного знания о мире сделало насущной систему его систематизации, классификации, хранения и передачи последующим поколениям. Эту роль и выполняли энциклопедии¹.

* * *

Символом Века Разума стала *Энциклопедия* Дидро и Даламбера. Она будет для нас первым источником, из которого мы можем почерпнуть в чистом виде идею человека разумного, просвещенного².

Цель любой энциклопедии — собирать знания, рассеянные по земной поверхности и представлять общую систему человеческого знания. Целью любой академии — другого источника света — является собирание всего, опубликованного на любую тему, и издание упорядочивающих и проясняющих трактатов. Однако, быть энциклопедистом и даже академиком недостаточно, чтобы быть просвещенным. *Энциклопедия* не любит тех, кто «просвещен чужим светом».

Более того, *просвещенные*, согласно *Энциклопедии*, руководствуются не английским *mind* или русским *умом*, но французским *esprit*. Недостаток *esprit* порождает неумеренность и несообразность.

¹ См. об этом подробнее: *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005 (Глава 2. Энциклопедизм как форма универсального знания); *Философский век. Альманах.* Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб., 2004.

² См.: *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.* М., 1994. Статьи: «Философ», «Эклектизм», «Энциклопедия» и др. Французскую версию on-line см.: *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* <<http://www.alembert.fr>>.

Идеи порядка, отношений, меры, регулирования, симметрии, соответствия включаются в понятие Прекрасного. Прекрасное объединяет все, что вызывает в уме идею отношения. Столь редко встречающегося умения соображать недостаточно. Необходима еще умудренная опытом и чувствительная душа. Душа создана познавать и видеть. Чувствительность означает, что всякое ощущение вызывает множество ассоциаций. Необходимо, следовательно, быть любопытным, любить порядок и разнообразие, иметь развитое чувство удивления. Настоящий вкус — вот желаемый результат воспитания и образования. Просвещенный человек обладает всеми чувствами для образования вкуса, то есть умением видеть, понимать, чувствовать прекрасное, отличать его нюансы и чистоту стиля.

Авторитетная просвещенная личность обладает большими знаниями, она прекрасно информирована — и искренна. Тот, кто награжден титулом «просвещенный», не может обманывать, поскольку имеет *esprit* — светоч, зажженный самой Природой, — и следует зову своего *esprit* и совести. Например, просвещенный монарх всегда подчиняется законам справедливости и разума, которые не может отменить никто. Эти законы естественны и поэтому являются правилами и мерилami естественной свободы человека. Гражданская свобода основана на наилучших возможных гражданских законах и состоит в невозможности заставить кого бы то ни было делать то, что они не предписывают. Настоящая свобода мысли убергает разум от предрассудков и ошибок.

Лучшего из просвещенных называют философом. Философ — это честный человек, который всегда действует в согласии с разумом и соединяет в себе дух размышления и точность с высокой моралью и стремлением жить в обществе. Совершенный монарх, таким образом, есть одновременно философ. Ясно также, что настоящий философ никогда не страдает честолюбием, но стремится к жизненным удобствам.

Лучший из философов зовется эклектиком. Эклектик отрицает все, что поработает умы. Он дерзает думать по-своему, восходя к самым общим и ясным принципам, обсуждает их и не принимает на веру ничего, что не было бы доказано его опытом и разумом. Эклектик анализирует разные философские системы и строит с их помощью свою собственную философию. Эклектик — ученик человечества, а не его учитель. Он стремится переделать себя, а не

других, познавать истину, а не «пасти народы». Он не сажает и сеет, но собирает и просеивает. Эклектизм — не новая философия. Эклектики — единственные из философов, кто существует в естественных условиях, когда все принадлежит всем. Эклектик создает фундаментальное целое, являющееся результатом его собственной работы с огромным множеством частей, взятых у других. Эклектицизм, как указывается в «Энциклопедии», есть философия просвещенного разума от самого начала мира. Если бы мы могли увидеть всю цепь бытия, связывающую все объекты нашего знания, тогда основания всех наук были бы связаны в едином принципе, а человеческий разум, участвующий в высшем разуме, смог бы увидеть все собранное знание с единой точки зрения.

Разум человеческий есть всеобщий закон, ибо он управляет всеми людьми на земле. Естественный закон — это вечный и неизменный порядок, который управляет нами в наших действиях. Он основывается на сущностном различии Добра и Зла. Вечное различие Добра и Зла, неразрушимый закон справедливости установлен одобрением всех мыслящих и рассуждающих людей. Следовательно, любое разумное человеческое деяние вносит свой вклад в порядок мира, созданного Богом гармоничным и управляемым мудрыми законами аналогии. Принцип аналогии покоится на опыте и простоте, которая ближе всего к истине. И наконец, естественная религия есть поклонение, с которым предоставленный самому себе и своему просвещению разум обращается к Верховному Существо, к Создателю.

Суммируя, мы приходим к идеальному образу просвещенного человека XVIII в., обладающего *l'esprit*, то есть полнотой, соразмерным разнообразием, гармонией, а также умеренностью, простотой, ясностью и универсальными принципами порядка. Свобода понимается как соответствие законам. Полнота подразумевает энциклопедизм. Все беды происходят от нарушения пропорций. Все эти черты характеризуют личность и не зависят от ее профессиональных занятий. Существует естественная шкала просвещенных личностей: *естественный человек — просвещенный человек — философ — эклектик*. Эклектизм является высшим принципом, поскольку основывается на личном видении и на универсальном единстве.

Даже в таком гимне разуму он не превращается в бога. Важнейшим элементом является *личность* разума, необходимость индивидуальных и коллективных усилий для достижения теоретического единства и приближения к истине. Возможность провозглашается, но гарантий успешности нет.

* * *

Второй классический пример из Века Разума связан с еще одним энциклопедическим проектом. *Британская энциклопедия* началась скромно на фоне шотландского Просвещения, порождением которого она являлась. Издание ее было частной инициативой шотландских интеллектуалов и постепенно превратилось в успешное коммерческое предприятие. *Британская энциклопедия* была компиляцией, с легкостью включавшей заимствованные и переводные статьи, стремившейся не к оригинальности, но к фундаментальности¹.

Как же относились шотландские просветители к разуму и его возможностям? Для Юма, например, размышления, рассуждения, вообще, и спекуляции «чистых» философов и метафизиков сами по себе инертны и не могут служить для кого-нибудь мотивациями. Они присущи человеку, и любое ответственное социальное действие требует их полного использования. Но наиболее ценным, определяющим человека является *действие*, а мышление должно быть поставлено ему на службу.

Что же касается общих правил и принципов, которыми люди ограничивают себя, то они не меняются, конечно, в зависимости от частных взглядов и интересов, однако, они специально придуманы для определенной цели и, вообще говоря, противоречат человеческой природе, которая обычно приспособливает себя к изменяющимся обстоятельствам и не опирается только на один постоянный метод действий. По Юму, мы используем прием перехода на неизменную и общую точку зрения для того, чтобы справиться с постоянно меняющейся ситуацией. Именно пренебрежение искусственностью и специфической применимостью общих

¹ См.: *Артемьева Т.В.* Науки о человеке в первых изданиях Британской энциклопедии // *Человек.* № 6. 2003. С. 70-85.

принципов и понятий и приводит к весьма распространенным философским заблуждениям.

Любой «текст рассматривается Юмом и ему подобными как вполне безгласная и неадекватная запись или след богатого человеческого опыта, идей и откликов, которые его одушевляют; и никакой анализ только текста не может достичь того, что придает этому опыту жизнь и значение <...> это взгляд <...> присущ всей юмовской философии. События могут быть поняты только в их отношениях к другим событиям <...> только включением их в контекст — а не анализом их в изоляции или рассматриванием их самих по себе через интеллектуальный микроскоп»¹. Разумеется, детальный и тщательный анализ не отрицается, но, как это утверждали и Ф. Бэкон, и энциклопедисты, необходим для последующего составления согласованной цельной картины событий.

Во *Введении к Трактату* Юм отмечает, что уже прошло более ста лет с тех пор, как экспериментальная философия была применена к предметам естественным². После блестящей разработки научной методологии Бойлем и Ньютоном настала пора применить ее к человеку. Основы этой методологии — наблюдения, опыты, тщательные и точные эксперименты. Так же, как и в науках естественных, эмпирические исследования не дадут знания сущности, однако помогут образовать представления о силах и качествах, то есть описать устройство человеческой природы, как Ньютон понял устройство физических систем, описывая свойства тел и силы взаимодействия между ними и не измышляя гипотез по поводу природы этих свойств и сил. «Но если эту невозможность объяснения первых начал сочтут недостатком науки о человеке, то я решусь утверждать, — говорит Юм, — что она разделяет этот недостаток со всеми другими науками и искусстваами <...>» И сразу же Юм обращает внимание на роль социальных условий построения науки о человеке:

Правда, моральной философии свойствен один специфический изъян, которого мы не находим в философии естественной, а именно,

¹ Jones P. Hume and the Beginnings of Modern Aesthetics // The Science of Man in the Scottish Enlightenment: Hume, Reid and Their Contemporaries / Ed. by P. Jones. Edinburgh, 1989. P. 61.

² См.: Юм Д. Сочинения в двух томах. М., 1996. Т. 1. С. 57.

накапливая опыты, она не может производить их намеренно, предумышленно <...> такая рефлексия и такая предумышленность настолько нарушит действие моих естественных принципов, что вывести какое-либо правильное заключение из рассматриваемого явления станет невозможным. Поэтому в указанной науке мы должны подбирать наши опыты путем осторожного наблюдения над человеческой жизнью; нам следует брать их так, как они проявляются при обыденном течении жизни, в поведении людей, находящихся в обществе, занимающихся делами или предающихся развлечениям¹.

Это обращение к обыденной, обычной жизни, к ее опыту оказывается необходимым условием возможности построения науки о человеке. Более того, Юм делает из этого весьма резкий вывод: «единственное прочное основание» такой науки, «все усовершенствование в области разума и философии могут исходить только из страны терпимости и свободы»². Юм говорит об *improvement* — о понятии, ставшем буквально лозунгом шотландского Просвещения. Оно довольно многозначно, среди его значений — *улучшение, усовершенствование, исправление, развитие, прогресс* и даже *перестройка*. *Улучшение* присутствует или возникает как ценность во всех проектах и начинаниях шотландцев того времени. Юмовский проект исправления и усовершенствования разума и учения о человеке в своем пафосе, в самой системе используемых понятий и в своей интенции строится как составляющая *improvement* — процесса улучшения жизни.

Публичные обсуждения были одним из шагов социального действия, за которым обязательно следовали другие шаги: члены обществ и клубов были людьми влиятельными и проводили в жизнь идеи и проекты, обсужденные в собраниях. Фактически, это был *piecemeal engineering*, основной механизм социального прогресса (*improvement*)³.

Шотландский политик XX в. Уолтер Элиот назвал это социальное наследие страны *демократическим интеллектуализмом*. Таким образом, Просвещение возникло в Шотландии как движение *improvement* в стране, имевшей для этого человеческие возможности

¹ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 58-59.

² Там же. С. 57.

³ См. об этом подробнее: Микешин М.И. Интеллектуалы и их среда: клубы и общества в Шотландии в 18 веке // Человек, 2004, № 1. С. 115-129.

и социальные институты¹. Общество, в котором жил Юм, позволяло ему обращаться в своих рассуждениях к интеллектуальной элите, поскольку в Шотландии она была сравнительно многочисленна и действительно играла важнейшую социальную роль. Юм жил в особым образом устроенном обществе, основой развития которого был демократический интеллектуализм. Юмовский познающий субъект, трактованный как «классический» субъект классической философии, оказывается «пассивным» именно потому, что такая трактовка оказывается неполной.

Юм задался целью исследовать глубины философского интеллекта. В нем он нашел два вида философской рефлексии — ложную и истинную. Просвещение оказалось не вполне просвещенным, а истинная философия такой же редкой, как истинная религия. Философия всегда стремится понять суть вещей, ведь мы никогда не удовлетворяемся познанием эмпирическим, но «ведем свои изыскания до тех пор, пока не доходим до первичного, окончательного принципа <...> Такова цель всех наших исследований и размышлений»². При этом радикальная автономия классической философии требует от философа быть не участником заблуждений повседневности, но их наблюдателем, стоять вне обыденной жизни. В *Трактате* Юм разворачивает трехактную философскую драму появления философской рефлексии из предрассудков повседневности, «естественную историю философского сознания»³. Философия сначала воображает себя бесстрастным наблюдателем и абсолютным арбитром этих предрассудков, затем впадает в полное отчуждение и иррелевантность, наконец, достигает самоосознания и плодотворного взаимодействия с той повседневностью, из которой произошла: «мы можем отметить градацию трех мнений, которые постепенно возникают друг над другом по мере того, как образующие их лица продвигаются по пути разума и знания. Это мнения обыкновенных людей, ложной философии и философии истинной; при этом мы увидим, исследовав вопрос, что истинная философия ближе к взглядам обыкновенных людей, чем к

¹ Chitnis A. C. The Scottish Enlightenment: A Social History. L., 1976. P. 7.

² Юм Д. Сочинения. Т. 1. С. 311.

³ Livingston D. Hume on the Natural History of Philosophical Consciousness // The Science of Man in the Scottish Enlightenment: Hume, Reid and Their Contemporaries / Ed. by P. Jones. Edinburgh, 1989. P. 71.

мнениям ложного знания»¹. Центральной мыслью Юма является тезис о том, что необходимо отказаться от традиционного понимания автономии философии. Философия, совершенно отрезанная от мира обыденности с его предрассудками, оказывается пустой и, если ее рассуждения довести до логического конца, превращается в тотальный скептицизм. Юм пишет: «рассудок, действующий самостоятельно и согласно своим наиболее общим принципам, безусловно подрывает себя самого и не оставляет ни малейшей очевидности ни одному суждению как в философии, так и в обыденной жизни». Это «полный скептицизм»². Философы на самом деле не впадают в скептицизм потому, что непоследовательны в своей автономности и неявно протаскивают свои любимые предрассудки, которые и привносят содержание в их рассуждения. Автономия принадлежит не философии, а обычаю, традиции, привычке. Ложная философия считает обычай ложным, пока он не подтвержден автономной рефлексией. Юм же предлагает считать традицию истинной, пока не продемонстрировано обратное, но даже такая демонстрация не должна отвергать традицию вообще. Философская рефлексия может критиковать любой предрассудок сопоставлением его с другими предрассудками и в свете абстрактных принципов, идеалов и моделей, но эти последние следует трактовать как продукты существующей традиции, несущие ее отпечаток. Истинный философ — не наблюдатель и суверенный судья, но критически мыслящий участник той традиции, о которой он размышляет. Это критическая рефлексия *изнутри* изначальных традиций обыденной жизни. Данный юмовский принцип указывает на особый вид знания, а именно, знание через *изначальное участие*³. Во *Введении к Трактату* Юм говорит об этом так: «Обнаружив, что нами достигнуты крайние пределы человеческого разума, мы чувствуем себя удовлетворенными, хотя вполне убеждаемся, лишь в своем невежестве и понимаем, что не можем дать иного обоснования своим самым общим и утонченным принципам, кроме нашего опыта, свидетельствующего об их реальности; но такое же обоснование дают и профаны <...>»⁴

¹ Юм Д. Сочинения. Т. 1. С. 271.

² Там же. С. 312.

³ Livingston D. Hume on the Natural History of Philosophical Consciousness. P. 72.

⁴ Юм Д. Сочинения. Т. 1. С. 58.

Ложная философия ложна не потому, что ее предложения не могут быть проверены реальностью. Она ложна, поскольку совершает ошибку в понимании самой себя. Ложное философское сознание не признает конструктивной роли своих собственных предрассудков и обычаев, проистекающих из повседневности, в которой философы вынуждены участвовать. Юм изучает это состояние в *Заключении* первой книги *Трактата*. На важнейшие философские вопросы мыслитель, имеющий ложное сознание, отвечает построением при помощи автономного разума теоретического мира, совершенно противоположного миру обыденному: «строит собственный мир и рисует совершенно новые события, существа и объекты»¹. Еще один пример Юм приводит в эссе *Скептик*: «Существует одна ошибка, в которой повинны почти все философы без исключения <...> Выдвинув какой-либо излюбленный принцип, который, быть может, соответствует многим действиям природы, философ расширяет применимость этого принципа на весь мир творения, сводя к нему путем насильственного и нелепого рассуждения любое явление». Юм сравнивает такие действия с магией и колдовством, при помощи которых философ-маг извлекает из обыденной жизни порядок реальности, действуя во имя того, что называется «разумом»².

Истинный же философ является критически мыслящим участником человеческого мира, который есть совокупность спонтанно организованных конвенций — языка, законов, искусства, религии, морали. Путем рефлексии можно понять грамматику конвенций, которую мы неявно знаем посредством участия в них. Истинная философия, по Юму, есть конвенция для размышления о конвенциях, попытка раскрыть структуру разворачивающихся конвенций обычной жизни³.



¹ Юм Д. Сочинения. Т. 1. С. 315.

² Юм Д. Сочинения. Т. 2. С. 578, 580.

³ Livingston D. Hume on the Natural History of Philosophical Consciousness. P. 80-81.

П.Я. Чаадаев как философ повседневности

«Философические письма» П.Я. Чаадаева обычно рассматриваются как философский трактат о судьбах России, написанный, правда, в не совсем адекватной эпистолярной форме, да еще и на французском языке. Выбранная форма трактуется как дань привычному дворянскому способу ведения беседы, а сам мыслитель помещается в социальную и идеологическую «межеумочность» (З.А. Каменский) между олигархией и демократизмом, между рационализмом и религиозностью.

Тот факт, что мыслитель и его концепция проскальзывают между привычными для XIX в. историко-философскими категориями, означает их малую эффективность, по крайней мере, в данном случае. Разумеется, система взглядов Чаадаева складывалась с помощью тех религиозных и философских языков, с которыми он познакомился, получая образование в Московском университете или в путешествиях по Европе. Однако, вырабатывая свой язык, мыслитель имеет в виду выразить некий собственный пафос, основания которого скорее всего лежат отнюдь не в сфере идей.

Подозрение вызывает не только форма писем и французский язык оригинала. Интересно, что письма написаны к даме, что подчеркнуто во французском названии (*Lettres philosophiques adressées à une dame*) и часто опускается в русских изданиях. Эта дама, «томившаяся пустотой окружавшей среды» (М.Н. Лонгинов), пе-

Впервые опубликовано: Микешин М.И. П.Я. Чаадаев как философ повседневности // Философский век. Альманах. Вып. 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб., 1998. С. 72-76.

реживала волнующее и утомляющее смятение ума. Непосредственной целью Чаадаева было успокоить ее, объяснить причины душевного ее волнения и наставить на путь нравственных размышлений и истинной жизни. Задача оказалась совершенно пастырской, и разговор сразу зашел об истинной религии, которая должна водворить царство Божие среди людей.

Что же, однако, мучило даму? Те самые свойства, которые выделяли ее из толпы, делали ее наиболее подверженной вредному воздействию окружающей атмосферы, самого воздуха, которым она дышала. Смирная женщина, находящая прелесть в научных занятиях, серьезных размышлениях и сосредоточенной жизни, только в своем воображении может нарисовать картину мирного и вдумчивого существования. В этих грезах Чаадаев и ищет то, что может внести мир в душу дамы.

Особенность нашей страны и общества, по Чаадаеву, в том и состоит, что всемирное самовоспитание человеческого рода на них не распространилось: то, что составляет самую суть общества и жизни здесь еще только теория и умозрение. Мы

совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое <...> дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философских положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение <...> В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников <...> И не подумайте, что это пустяки. Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благоразумно жить в данной действительности¹.

Увы! Не вняли потомки призыву мыслителя и изо всех сил пытались жить жизнью чисто духовной. Свели письма философические к туманным и заумным рассуждениям об истинной религии

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 18-19.

и — главное — об исторической судьбе России. Между тем, позиция Чаадаева сугубо конкретна, даже приземлена и в корне противоречит пафосу русской интеллигенции. Ведь главный тезис Чаадаева прост: надо сначала благоустроить жизнь, сделать устроенный быт привычкой, навыком сознания, и эта возможность — в наших руках. Но в отличие от других стран и по причинам историческим нам придется создавать нормальную повседневность сознательно и самостоятельно.

<...> какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни? И заметьте, что речь идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях <...> которые в форме различных чувств проникают до мозга <...> костей вместе с воздухом <...> Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека¹.

Сюда же относятся родовое наследие семьи, все предписания и перспективы, которые определяют общественную и частную жизнь в строе, основанном на памяти о прошлом и на тревоге за будущее. Чаадаев — и мы вслед за ним — не перестает удивляться пустоте, удивительной оторванности нашего социального бытия, призрачному существованию личности.

Чаадаев считает создание плотного социального бытия заслугой западного христианства: «та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией». Все в христианском мире способствует установлению совершенного строя на земле. «И поэтому, невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено»². Таков пафос первого письма, немедленно переходящего во второе, поскольку построение царства Божия на земле подразумевает начальный

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 22.

² Там же. С. 29, 32.

шаг, задача которого в исправлении уже имеющихся идей, а на личном уровне — в создании собственного личностного мира, своей сферы бытия.

В первую очередь следует заняться окружающей обстановкой, семьей, домом, чтобы они вошли в гармонию с состоянием души.

<...> у вас прелестная усадьба: почему бы вам не перенести туда свой домашний очаг до конца ваших дней? Это счастливая необходимость, и от вас одной зависит извлечь из нее всю ту пользу, какую могли бы вам доставить самые поучительные указания философии. Сделайте свой приют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством и украшением, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид утонченной чувственности; заботы ваши будут иметь целью не вульгарные удовольствия, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Очень прошу вас не пренебрегать этими внешними мелочами. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую деликатность чувства, всякое понятие об изящном. Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении удобствами и радостями жизни <...> Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения изящного в нашей домашней жизни¹.

Последний пассаж исключительно аристократичен (как и вся рассматриваемая философия), и за ним естественно следует ссылка на аристократа Платона и среду обитания его героев-мыслителей — кипарисовые аллеи, цветущие лужайки, ароматный воздух и столы с яствами. В самом деле, в старой Европе «давно сложились определенные бытовые образцы, так что там, когда решишь переменить образ жизни, достаточно просто-напросто выбрать ту новую обстановку, в которую желаешь перенестись, — место заранее готово; распределение ролей сделано. Как только вы изберете подходящую для себя роль, и люди и предметы сами собой расположатся вокруг вас. Вам остается только должным образом их использовать»².

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 35-36.

² Там же. С. 39.

Философский трактат в форме писем — настоящих, посланных и полученных, а не чисто литературных — является носителем специфического языка, который одновременно и философский, и обыденный. Этот язык имеет свою систему категорий, часть которой — в выделенном здесь аспекте — составляют следующие понятия: необходимые рамки жизни (*la cadre nécessaire de la vie*), навыки сознания (*les routines de l'intelligence*), элементарные идеи (*idées élémentaires*), соприкосновение сознаний (*le contact des intelligences*), элементы социального мира (*les éléments intégrant du monde social*), призрачное существование (*l'existence éphémère*), личность, оторванная от среды (*l'individu détaché de l'espèce*), жизнь общественная и личная (*la vie publique et privée*), оторванность социального бытия (*solitude de l'existence sociale*), сфера бытия (*une sphère d'existence*), домашняя жизнь (*la vie intime*). К сожалению, перевод, сделанный Д.И. Шаховским в самом начале века, часто не передает все богатство и игру смыслов. Например, «почему бы вам не перенести туда свой домашний очаг» примерно соответствует «почему бы вам не поместить там ваших домашних богов», «понятие об изящном» в оригинале звучит как «*l'idée d'art*», а «уют ума» используется вместо «легкости духа», где «легкость, непринужденность» передается словом *l'aisance*, входящим в разговорное выражение, обозначающее уборную (*cabinet d'aisances*). Эти замечания позволяют предложить ответ на вопрос, почему письма были написаны по-французски. Не только по дворянской привычке. Французский язык позволял тогда передать богатство нюансов в многозначности употребляемых слов — то как бытовых, то как философских.

Чаадаевское предложение начать с собственного благоустройства до сих пор услышано в России немногими, разве что некоторыми политиками и «новыми русскими». Но «весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим Богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи <...> сохранение этих основ, их передача из века в век, от поколения к поколению определяется особыми законами»¹. Чаадаев и обращается к таким первоначальным понятиям — жизни, дома, сознания, мира, личности.

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 47.

Союз Моцарта и Сальери

Последние полтора столетия отечественная культура смотрит в Пушкина, чтобы увидеть в нем свои беды, проблемы и радости. И нам, философам, стоит поговорить с ним, как с веселым и мудрым товарищем. Сегодня особенно остры вопросы: какой должна быть философия? как излагать ее? В поисках ответов философии не могут пройти мимо Пушкина.

Видимо нет нужды доказывать, что российская философия неотделима от литературы и поэзии. «Великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией», — говорил Феофан (Прокопович), а В.К. Тредиаковский отстаивал возможность «философствовать стихами». Российский философ — художник, он всегда философ нравственный. Он редко «докатывается» до обезличенного философского трактата, и поэтому анализ его творчества методом «раскладывания и навешивания» невозможен. От этого метода оно либо — в лучшем случае — ускользает совсем, превращаясь в «просто художника», либо предстает в затертом, изуродованном, обрубленном по ранжиру виде, а от национального своеобразия в них остаются лишь глаза как у рублевского Спаса. Заглянем же в эти глаза и да отразимся в них. (Автор прекрасно осознает, что зеркало, в которое он собирается заглянуть, живое и вольно само выбирать, кого отражать, а кого нет, с кем философствовать, а над кем смеяться. Поэтому автор ни в коем случае не претендует на выявление чего-то нового у

Пушкина и о Пушкине. Он видит лишь то, что в состоянии увидеть). Поставим задачу скромную, созвучную душе и времени, Возьмем что-нибудь небольшое, маленькое — одну «маленькую трагедию». Например, *Моцарт и Сальери*.

Начнем с личных обстоятельств Пушкина, они небезразличный контекст его философствования. *Маленькие трагедии* писаны в Болдине, вокруг холера, «мрачная бездна», опасность. Тридцать лет. Долги. Предстоящая женитьба. Цензура. Критика. И — карантин. *Бесы* и *Бессонница* (бес-сонница) — вот первое настроение Болдина. Осень — карантин как условие свободы, полноты жизни, ее ступенности, насыщенности, интенсивности. «Российская империя — тюрьма, и за границей тоже кутерьма» (А. Вознесенский). Россия ли, за граница — мир един в человеке. И личная жизнь — и политика. И поэзия — и философия. Не «или». Такое личностное единство мира не менее важно для философии, чем объективное, материальное единство.

И что же делает Поэт? Он пишет диалоги. Этот древний жанр лучшим способом выявляет диалектику бытия и мышления, он полифоничен (М.М. Бахтин). Здесь диалектичны даже сами заглавия (в игре различных смыслов): «Маленькие — трагедии», «Скупой — рыцарь», «Пир — во время — чумы», «Каменный — гость», «Моцарт — и Сальери». Диалектика — теоретическая проблема века, времени Шеллинга и Гегеля, Канта и Шопенгауэра, декабристов и Чаадаева.

Самое распространенное понимание — «первый слой» выбранного нами диалога — Моцарт и Сальери суть воплощенные гений и злодейство. Два подхода к искусству, две жизненные позиции. Один светлый гений, полет вдохновения. Другой — ремесленник, завистливая серость, воинствующая посредственность. Он плетет свою интригу, уничтожает наивного и доверчивого друга, превращенного им в злейшего врага. В таком понимании просвечивает эпоха — время, как мы сегодня говорим, крутых административных мер.

Но в этом изложении нет диалектики. Ведь «гений» и «злодейство» — две вещи несовместные». Во-первых, вся борьба — внутри одного Сальери. Во-вторых, здесь нет необходимой связи Сальери-злодея гнусного и Моцарта-бога. Здесь все можно рассматривать и «с одной стороны» и «с другой стороны».

В самом деле, существует естественная традиция выставить Сальери злодеем. Тем самым он — активное действующее начало. План действий его, и этот план он неумолимо выполняет. А Моцарт не видит плана, в лучшем случае что-то неясно предчувствует. Однако, чтобы «ввести» активность Моцарта в диалог, сделаем на минуту совершенно невероятное предположение. Пусть злодеем будет Моцарт. Представим себе — лишь на минуту, — что, зная неуравновешенный, экзальтированный характер «закомплексованного» друга, играя на его зависти, Моцарт специально «доводит» соперника до убийства. Пусть Моцарт, уходя каким-нибудь чисто техническим приемом от собственной смерти, стремиться довести Сальери до краха, до безумного состояния осознавшего себя убийцы.

Такое предположение невозможно, как кажется, во многом по «внешним» для трагедии причинам: мы «из жизни» знаем, что Моцарт — гений. (Текст трагедии достаточно краток и неоднозначен, чтобы вместить и эту крайность, хотя такое прочтение будет характеризовать в основном интерпретатора. К оригиналу же наиболее близко самое глубокое и человеческое — его и мы ищем с пушкинских времен). Наш сумасшедший «перевертыш», видимо, может помочь обратить внимание на то, как *действует* Моцарт, как он воздействует на Сальери в диалоге.

«Алгебра» и «гармония», вообще говоря, не исключают друг друга. Моцарт и Сальери оба близки Пушкину, оба есть в нем. Гениальность мучительна. Она мучает и всех, кто рядом, но особенно того, кому она присуща. Гениальность часто мучительно хочется уничтожить, даже если она внутри. Близость Пушкина и Моцарта. кажется в доказательствах не нуждается. Моцарт и Сальери «дополнительны» в Пушкине. Поэт как ремесленник весьма трудолюбив и достигает «степеней известных», дающих признание, уважение, доход, наконец. «Сальеризм», «серая повседневность», упорный труд, ремесло убивают полет духа, но и служат подножием, основанием, материалом, «горючим» для вдохновения. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Выбор Пушкина-Моцарта: либо стореть, надорваться, умереть, либо жить «как все», как Сальери *somme il faut*. Реальный синтез — выбор на границе любви и смерти. Писать и жить, как хочет публика, «видит Бог — не могу...» Выбор в диалоге.

«В *Маленьких трагедиях* Пушкин в острых конфликтах раскрыл влияние кризисных моментов истории на человеческие характеры. Однако и в истории, как и в более глубоких пластах человеческой жизни, Пушкин видит мертвящие тенденции, находящиеся в борении с живыми, человеческими, полными страсти и трепета силами. Поэтому тема застывания, затормаживания, окаменения или превращения человека в бездушную вещь, страшную своим движением еще больше, чем неподвижность, соседствует у него с оживлением, одухотворением, победой страсти и жизни над неподвижностью и смертью»¹. Действительно, «доведение» Сальери «до абсурда», до человека-автомата, уничтожающего всех, кто не вписывается в установленные им рамки, прямо дает нам фашизм... Впрочем, не надо спешить. Следует рассмотреть «варианты» Моцарта и Сальери более последовательно, как два *взаимосвязанных*, взаимодействующих характера и мировоззрения, идущих навстречу друг другу и неминуемой трагедии.

Сальери — человек идеи, «усильного, напряженного постоянства», дела, ремесла. Вдохновение лишь следствие упорного, размеренного, методического труда, ради которого все остальное надо надменно отвергнуть. Вдохновение есть следствие познания. Познать — значит разобрать, разъять и собрать, чтоб было «ясно, как простая гамма». Сей путь не безошибочен, иногда приходится все начинать почти сначала («Когда великий Глюк явился и открыл нам новы тайны...»), но впереди, выше блистает Истина, к которой надо, как по ступеням подниматься. И здесь насмешкой над Истиной явился Моцарт, в котором так много того, чего нет у Сальери (потому что «не должно быть» у служителя музыки!) — безумства, шутки, праздного гулянья. Два состояния души — два темперамента. Для Сальери искусство — Абсолют, оно священо, ему надо служить и поклоняться. И все, что мешает служению, достойно гибели или по крайней мере презрения, как тот старик-скрипач, которого приводит Моцарт.

А Моцарт говорит: смотри, Сальери, что музыка для тебя и что — для старика. Это одна музыка — и разная. Разная! Для тебя она — предмет поклонения и священное дело жизни, а для него — средство к жизни. *Тоже* средство. «Уж не пародия ли он?». Верно,

¹ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1983. С. 189.

не более чем «гуляка праздный» — пародия на Моцарта. В самом деле, Сальери знает, что Моцарт — бог. Но бог лишь тот, кто Истину познал. Тот, кто владеет Абсолютом. И друг — «бездельник»... (И сегодня эта тема остра вечная тема гения, таланта среди обыкновенных. Ну, скажем, у Высоцкого: как может человек, не прошедший войну и тюрьму, не только знать все это, но и выразить это лучше, чем тот, кто прошел...). Но для нас ясно, что противоречие Моцарта-гуляки и Моцарта-бога существует лишь в голове Сальери. Реально же «гуляка» — бог.

Для Моцарта искусство, музыка — лишь часть, продолжение жизни, средство самовыражения и общения. Для Моцарта несовместимо любить музыку и презирая, умерщвлять жизнь. Нельзя «надменно отвергать». Отвергнуть жизнь ради музыки? Но для Сальери это единственная возможность. «Все говорят: нет правды на земле». Нет в жизни той глубины и стройности, что в Абсолюте. Для Моцарта музыка «берет из жизни». Музыка есть переложение жизни, вариации на тему жизни. Жизнь сочиняет, а композитор лишь аранжирует, вкладывая в вариацию всю свою индивидуальность, И, если говорить об абсолюте, то абсолют здесь — Жизнь, которой нет «вообще», которая всегда конкретна. Поэтому Моцарту и жаль расставаться с работой как с частью жизни.

Сальери парадоксален (если угодно — ущербен) для Моцарта, Сальери, как никто, слышит и понимает музыку, это в нем с детства.

Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.

Для Моцарта музыка — вольное искусство. Чувствующий музыку, как Сальери, должен быть *волен* в искусстве и в жизни. Он должен быть «счастливец праздным, пренебрегающим презренной пользой», ибо польза однобока, сиюминутна, узка. А Сальери все толкует о «пользе» Моцарта.

Вот изначальное личностное противоречие самого Сальери: чувствует, а не волен. Он не вырвался из рабства, он раб в душе — и ищет себе хозяина, и находит, создает его в Абсолюте, в Музыкае.

Корни противоречия еще в детстве: орган недостижим, он абсолютен, он потрясает. Эта рабская по своей сущности установка требует преодоления или хотя бы компенсации — и Сальери находит ее в той же схеме: я сам непосредственно общаюсь с Абсолютом, я раб его — но только его и никого другого (хотя последнее — иллюзия: если есть раб, тотчас находится неограниченное число хозяев).

Если у Моцарта «я как часть потока жизни», то у Сальери — «я как служитель Абсолюта». Сальери ради абсолюта убивает жизнь. Жизнь — ради абсолюта. Раб Сальери «преобразует» свое рабство в нравственную обязанность служения, в избранность. Он претендует на знание Абсолюта — на абсолютное знание: «Я знаю, я». (А Моцарт: «...право? может быть...»). Случайности, отклонения от Абсолюта можно оставить только на «эмпирическом» уровне, а сущностная «разумность» мира конгениальна разуму — разуму Сальери. «Сотри случайные черты и ты увидишь — мир прекрасен...» Претензии Сальери — это претензии разума на абсолютность.

С абсолютизацией рабства напрямую связана абсолютизация гносеологической процедуры «разъятия». Служение требует знать, чего «хочет» Абсолют. Необходимо открытие тайны, понимание приказа, завета. Поэтому человеческое творчество сводится здесь к познанию языка, текста завета. Чудо понимания достигается рабским трудом по разложению и комментированию текстов (в том числе и музыкальных) для уяснения их смысла или по разложению, разъятию явлений природы (в том числе звуковой гармонии) для их объяснения.

В возможности тратить время, жизнь на служение, поклонения Абсолюту есть что-то барское, паразитическое. У старика-скрипача такой возможности нет. Более того, абсолютизация разума приводит к нравственному абсолюту и к убийству. «Чистый» разум безнравствен. ибо он придумывает абсолютную нравственность — «правду выше». Безличное «для всех» негодно никому. Здесь лишь сначала противоположность «эмпиризма-рационализм». Потом из нее, как из тесной оболочки вырывается основное противоречие: «человечно-бесчеловечно». Это, так сказать, «нравственный аргумент» против Абсолюта. Но есть еще и «перевертыш» гносеологический. Сальери начинает как рационалист, но

его однозначная, стройная концепция становится все более сомнительной. Кончил же он незнанием — полной растерянностью и сомнением. Моцарт же начал незнающим, беззаботным, понимал все больше, наконец понял все. Попробуем показать это.

Ясно, что талантливость Сальери проявляется в его умении весьма сильно чувствовать музыку, сострадать ей. В таком случае Моцарт должен чувствовать-сострадать еще сильнее, ведь он гениален. Простодушный гуляка-гений — «это сказка тупой, бессмысленной толпы». Ибо такой гений, если бы существовал, был бы преступником, злодеем. «Эйфорическое отсутствие», простодушие при гениальных потенциях — преступление в том случае, если оно «первично». Истинное человеческое простодушие, истинная гениальность «вторична», ни есть результат «второго отрицания», результат снятия рационального, разумного понимания людей, жизни, «снятие в сочувствие», сопереживание, сострадание.

Конечно, Моцарт сочувствовал всю ситуацию, быть может он ее даже предчувствовал (*Реквием*, «виденье гробовое»). Между ним и Сальери организуется диалог, который, собственно, и является содержанием трагедии. Моцарт — гений сочувствия. И вот перед ним Сальери, его друг, сжигаемый сильнейшей страстью. Моцарт видит и знает, что Сальери искренно борется свою «правду», за Абсолют. Что же делать Моцарту? Ответ — пострадать. Это ли не проблема Христа? Не в этом ли идея христианства? Но это самое крайнее средство. В самом деле, можно ведь Моцарту и возмутиться, просто уйти, наконец, «разоблачить» Сальери? Это вряд ли было возможно, поскольку требовало четкости, однозначности оценки жизненной ситуации, ясности мысли, ее «изречения» — но «мысль изреченная есть ложь». Проведение анализа требовало бы «отстранения», «выключения» из жизни, прекращения ее поэтического, художественного восприятия. Так что же происходит с Моцартом? Есть несколько возможных трактовок: Моцарт был убит своим чувством-предчувствием, *Реквиемом*, доведенным до конца, т.е. реально прожитым. Смерть — естественное, необходимое следствие весьма определенного эмоционального течения жизни. Возможно эта эмоция подстроена, спровоцирована Сальери (как это трактуется в пьесе или в фильме *Амадеус*), а может

быть, Моцарт сам довел жизнь до конца, используя Сальери, Моцарт становится «источником», «каналом», через который изливается жизнь, текущая к смерти. Смерть как возможный, необходимый, неизбежный исход жизни, когда художник все сказал, все спел, все выдохнул (все — т.е. до дна души, не жалея сил) и — надорвался. А Сальери здесь со всеми своими мелкими «бюрократическими» амбициями — лишь орудие, действующее слепо.

Однако в такой интерпретации Моцарт есть лишь «воронка жизни», чувствующее сильнейшим образом, но безумное, неразмысляющее существо, орудие жизни и смерти, телесная оболочка жизненного духа. Гений «пушкинского типа» вообще не таков. Он есть гений человеческих отношений. Только сам Сальери «растворяет» гуляку-гения в потоке жизни. Поэт же прекрасно понимает и показывает, что ярчайшая гениальность личности возможна только как сильнейшая «концентрация» человеческих взаимоотношений. Поэтому скорее всего Моцарт был сознательным ведущим диалога. Его включенность в жизнь не слепа, он очень активен, он — борец, настоящий и до конца. С кем же и как борется, сражается Моцарт? Конечно, с Сальери, но не с Сальери-человеком, а с изуродовавшей человека, ослепляющей, аморальной системой взглядов, с мировоззренческой позицией, убивающей Сальери-человека. Моцарт ведет борьбу за Сальери-талант, Сальери-жизнь против Сальери — бесчеловечной схемы.

В этой борьбе он использует сильнейшее средство, которым владеет и которое также является сильнейшим для воздействия на Сальери, — музыку. Поэтому борьба за Сальери-человека для Моцарта является сражением за музыку, за ее могущество, а значит, за самое главное в жизни Моцарта. Поэтому, не предав себя-музыку-жизнь, он отступить не может

Моцарт не может навязать Сальери решение, ибо не претендует на владение им. Он предлагает различные, все более «сильные» жизненные ситуации, рассчитывая на талантливость Сальери, способность его глубоко и тонко чувствовать, доверяя Сальери-человеку, оказавшемуся в трагической ситуации. (Мы сознательно опускаем еще более подробный — бесконечный — анализ скупого пушкинского текста, например «снижение»: «Ты, Моцарт, бог» — «Но божество мое проголодалось»; или упоминание о семье — жене, мальчишке Моцарта — и пустота вокруг Сальери и

т.д.). Сначала это старик-скрипач, начинающий диалог Сальери и Моцарта. Эта «проба», определитель настроения, мировоззренческих позиций «сторон». Затем пьеса с гробовым видением после радости общения с Сальери. Разговор о Бомарше — прямое указание Моцарта на его проникновение в сущность происходящего. И наконец, *Реквием* вместе с бокалом яда. Но Сальери ослеплен глух, т.е. одержим и целеустремлен. И яд во время *Реквиема* — это последнее средство, самое сильное, потрясающее Сальери сомнением, быть может, прозрением. Победа Моцарта именно в умении пройти до конца весь путь, не изменив себе, ради человека, друга. И здесь нет места счастливому концу. Конец определен нравственно (умирает живой и остается жить мертвый) и не определен, он — в сомнении (со-чувствии), содержащем возможность «перевертыва» — «Иль это сказка...?»

Двойственность, внутренняя гармоническая противоречивость мерцает везде, во всем, и в каждой. А где же определенность? Какова же позиция Поэта-философа? Именно в этом безоговорочном признании противоречивого, «мерцающего» единства и сложности каждой личности, а значит и всей жизни. В признании возможности и необходимости для жизни столкновения, сосуществования различных точек зрения, чувств, мировоззренческих позиций. в уважении в оппоненте человека, поскольку он в нем есть. И борьба — не с коллегой-оппонентом, а за человеческое в нем и в себе. Борьба до конца. Доверие к человеческому и ненависть к мертвому в живом, к схемам к бесчеловечному. Значит, единство в этой диалектике нравственное. Единство человеческого в разных людях оказывается сильнее — должно быть сильнее — «абстрактного» единства противоречивой личности: «За твое здоровье, друг...»

За твое
Здоровье , друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии

В этом победа Моцарта, победа Пушкина. В этом одна из особенностей российской философии. Реальный синтез не столько в абстракциях, сколько в человеческом, человеческом, нравственном.

На самом деле жизнеспособного синтеза в абстракциях нет, не получается. Сооружается каждый раз лишь новая мировая бесчеловечная и безнравственная конструкция, соотношенная с суверенной, автономной, самодостаточной личностью, непосредственно связанной с Абсолютом. И встает проблема связи между людьми. Они оказываются совершенно одинокими перед абстрактным холодом Абсолюта. Ответственность людей за свои решения и действия «перекладываются» на Абсолют, «тонет» в нем. Моцарту же спрятаться не за что. Вернее, у него есть свой единственный абсолют — человек, человеческая природа. Но он как раз и предполагает полную меру ответственности.

В российской философии если и есть абсолют, то именно в общечеловеческом-человеческом-человечном в каждой личности, т.е. живая личная связь людей полагается образом жизни (и смерти). Человечность заключается не только в признании суверенности и уникальности каждой личности, в уважении к ней. Нет, «первичными» оказываются отношения между людьми, поскольку именно в них и проявляется и существует и то, что в личности человечно, и то, что в ней бесчеловечно. Граница проходит не столько между людьми, сколько в каждом из нас. Чем больше мы кричим о примате общественного над личным, тем более личность замыкается в себе и человеческая общность распадается. Чем больше мы распространяемся об уникальности отдельных личностей, тем более унижаются и обезличиваются остальные, превращаясь в «народные массы».

Если Моцарт сознательно идет на жертву ради человечности и своих убеждений, то аналогия с Евангелием неизбежна. Вряд ли здесь проявляются только вкусы интерпретатора. Для очень многих произведений российской литературы и философии характерен явный или скрытый диалог с Евангелием. Достаточно вспомнить романы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака. У Пушкина тоже можно найти при желании даже прямые параллели и противопоставления: увидевши Бога во плоти, Сальери его уничтожает; главнейшая черта Бога — он свободен от абсолютов, он не раб, но тогда внешне он «гуляка» (Христос — «гуляка праздный», он «шатается» по Палестине, посрамляя высокой нравственностью и ученостью фарисеев и толпу); скрипач у трактира — и изгнание торгующих из храма; чудеса

Иисуса — и музыкальные чудеса Моцарта; обед в «Золотом льве» и — Тайная вечеря. Если применить модную сейчас метафору, *Моцарт и Сальери* — это Евангелие от Пушкина. Разумеется, нет нужды выискивать сходство по мелочам. Главное — сходство проблемы, ее масштаб.

Без всякого преувеличения можно сказать, что эта «маленькая трагедия» есть пушкинский вариант постановки основной морально-этической проблемы европейской культурной традиции. Условно ее можно назвать «проблемой человечности». Она очень ярко сформулирована в христианстве, взаимодействие с которым не прошло для нее бесследно. Однако сама проблема не сводится к христианскому варианту, но является «первичной» и питает христианство уже два тысячелетия. Известны и другие, нехристианские и нерелигиозные ее варианты.

Александр Сергеевич Пушкин размышлял над проблемами, поставленными современной ему эпохой и историей России, например над соотношением мысли и действия, рационального и эмпирического, философии и искусства, творца и публики, преданности и предательства, России и Запада и т.д. Но подход к постановке и решению этих проблем, характеризующий Пушкина как истинно российского мыслителя, Поэта-философа, дает нам необычайную возможность поговорить с ним о наших бедах, о наших вариантах «вечных вопросов». Дело не в том, чтобы провести по ведомству философии гений и славу Пушкина. Главное для нас — попытаться увидеть, как философские проблемы становятся и разрабатываются в российской философии на примере высших ее образцов.

Маленькие трагедии, конечно, нельзя рассматривать как идеальный образец философствования вообще. Однако Поэту удалось поставить существеннейшие, важнейшие философские вопросы, не отрывая их от способа реального существования, хотя и в достаточно типизированном, обобщенном виде. За счет чего же? Конечно, за счет художественного дара. Но с точки зрения философско-методологической успех во многом был обусловлен способом видения, мышления и, следовательно, изложения. Причем это «честный способ», т.е. последовательный до конца, к каким бы сложнейшим и опаснейшим теоретическим, художественным или жизненным проблемам он ни приводил. Не только выделение и

констатация «первого слоя» противоположностей и их связи, но и видение других, более глубоких уровней противоречивости и единства, «просвечивающих» сквозь очевидность. В этом, быть может, и проявляется философская свобода мыслителя, отсутствие страха перед правдой, несведение ее к однозначной абсолютной истине-схеме. Стремление построить стабильную «мировую схему», убрать из нее всякий след субъективности (отождествляемой с ошибочностью) сегодня, как и всегда, является следствием и критерием наличия рабской социально-психологической установки. Отсюда же безнравственность философии, неспособность мыслить свободно, бесстрашно, человечно.

Моцарт и Сальери — прекрасный пример изложения философских взглядов, которые безусловно являются гуманистическими.



Русский Адам Смит во французском стиле

Шотландского мыслителя Адама Смита в России знают все¹ — ну, хотя бы все те, кто читал «Евгения Онегина». В мире Смит известен не только как автор знаменитого «Богатства народов», но и как глубокий социальный мыслитель. В последние десятилетия в мировой философии возрос интерес именно к его теории, трактующей соотношение индивида и общества. Ключевой работой Смита здесь является «Теория нравственных чувств» (1776). Первым ее переводчиком на русский язык стал П.А. Бибиков (1832 или 1833–1875). Он издал эту работу в 1868 г. с присовокуплением писем Кондорсе к Кабанису о симпатии². Второе издание вышло в 1895 г. Бибиков в этот период активно занимался переводами французских и британских мыслителей — А. Смита, П.Ж. Кабаниса, М.Ф.К. Биша, Т.Р. Мальтуса, А. Бланки, Ф. Бэкона — и пуб-

Впервые опубликовано как часть в: *Артемьева Т.В., Микешин М.И.* Перевод времени, или непереводаемая игра понятий // *Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешинной* / Под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М., 2010. С. 194–211.

¹ Подробнее о рецепции и изданиях Адама Смита в России см.: *Артемьева Т.В.* Адам Смит в России // *Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики.* СПб., 2002. С. 39–66 <<http://ideashistory.org.ru/pdfs/07artemieva.pdf>>; *Artemieva T.V.* Adam Smith in Russian Translation // *A Critical Bibliography of Adam Smith* / Ed. by K. Tribe. L., 2002. P. 153–167.

² *Смит А.* Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных, с письмами М. Кондорсе к Кабанису О симпатии / Пер. П.А. Бибикова. СПб., 1868.

ликацией их в «Библиотеке классических писателей». Последнее издание *Теории нравственных чувств* Адама Смита, вышло в том же переводе, правда уже без дополнений¹. Текст этого издания был сверен А.Ф. Грязновым с английским текстом последнего академического издания собраний сочинений Смита². Это сочинение не вызвало в России большого интереса, о чем можно судить по редкости его переизданий.

Перевод (фактически, единственный) важнейшей работы Смита на русский язык не удовлетворяет тех, кто к нему обращается (сильно переживать не стоит — таких очень немного). Перевод кажется чрезвычайно устаревшим и — как бы точнее выразиться — упрощающее вольным. Вот как передает свои ощущения один из пострадавших: «Однако впечатления от ТНЧ в этом отношении оказались совершенно особенными. Проверочные просматривания русского и английского текстов сразу насторожили многообразными по характеру смысловыми несоответствиями. А их последовательное сопоставление подсказало определяющее обстоятельство неосуществленности моих предшествующих попыток чтения этого трактата: русский перевод предстал не только искажающим, но и тривиализирующим этико-философскую мысль Смита»³. Обратим внимание: сравниваются русский текст и текст английский, т.е. оригинал. Почему же перевод так неадекватен? Пострадавший находит этому следующее объяснение, руководствуясь, видимо, своими общими представлениями об истории русской мысли: «В самых разных, казалось бы устоявшихся и апробированных поколениями исследователей и комментаторов, переводах то и дело встречались места, с которыми можно было бы поспорить. В большинстве переводов, сделанных на основе старых,

¹ *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997 (далее — ТНЧ). Заново были переведены с английского Ф.Ф. Вермель лишь два параграфа пятой главы из «Теории нравственных чувств» — «О влиянии обычая и моды на чувства морального одобрения и порицания» и «О природе того подражания, которое имеет место в так называемых подражательных искусствах» (Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Смит. Эстетика. М., 1973. С. 397–471).

² *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 1. / Ed. by D.D. Raphael and A. Laffie. Oxford, 1976 (далее — TMS).

³ *Апресян Р.Г.* Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита // Историко-философский ежегодник. Вып. 25. М.: Наука, 2005. С. 88–107 <http://www.ethicscenter.ru/biblio/apr_6.htm>.

столетней давности изданий, чувствовалась доминирующая для XIX — первой половины XX в. ориентация русских интеллектуалов на немецкую философскую традицию. Особенно это сказывалось в переводах английских авторов»¹. К сожалению, мы не можем здесь принять такое объяснение по простой причине: Бибииков перевел ТНЧ не с английского, а с французского. Впрочем, следует заметить, что редактор и автор комментариев последнего русского издания 1997 г. А.Ф. Грязнов также нигде не указывает, с какого текста сделал перевод Бибииков. Грязнов работает так, как будто тот переводил с английского, и делает симпатичное открытие: «Как оказалось, многие ключевые понятия и фразы этического учения Смита более точно и адекватно переводятся средствами современного русского языка»². В издании Бибиикова источник перевода не назван, но при сопоставлении французского и русского текста источник становится очевиден.

Имеется в виду издание *Smith A. Théorie des sentiments moraux*³, явившееся переизданием перевода мадам Софии де Груши де Кондорсе (вдовы философа), вышедшего в 1798 г. Это был третий и, как тогда считали, вполне адекватный перевод сочинения Смита на французский язык, сделанный с английского шестого издания (1790)⁴. К изданию 1860 г. были приложены письма мадам де Кондорсе к П.Ж.Ж. Кабанису, перевод которых обнаруживается и в издании Бибиикова. Н.В. Мотрошилова пишет о сегодняшней ситуации: «При переводе философских текстов приходится преодолевать немалые трудности. Они отчасти обусловлены внутренними преградами, которые какой-либо современный естественный язык (например, английский) ставит на пути адекватной передачи родившихся в лоне другого языка (например, немецкого) искусствен-

¹ Апресян Р.Г. Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита.

² Грязнов А.Ф. Комментарии // Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 332.

³ *Smith A. Théorie des sentiments moraux: ou essai analytique sur les principes des jugements que portent naturellement les hommes d'abord sur les action des autres, et ensuite sur leurs propres actions suivi d'une dissertation sur l'origine des langues / Trad. par Marie-Louise-Sophie de Grouchy Condorcet, introd. et notes par Henri Joseph Léon Baudrillard. Paris: Guillaumin, 1860 (далее — Condorset).*

⁴ Точнее, с седьмого издания, которое было копией шестого. См.: *Forget E.L. Cultivating Sympathy: Sophie Condorcet's Letters on Sympathy. P. 3* <<http://society.cpm.ehime-u.ac.jp/shet/kenkyukai/claeys&forget/forget2.doc>>.

ных, но закрепившихся и даже получивших широкое распространение тончайших философских понятийно-терминологических различений»¹. Это замечание *mutatis mutandis* относится и к нашему случаю: французский перевод занимает место первоисточника для русского перевода, отодвигая английский оригинал на дальний план.

Р.Г. Апресян², считает, что «тривиализация» русского текста особенно проявилась «в неточном (если не сказать, ошибочном), переводе словом "приличие" основного понятия смитовской этики, выражаемого чаще всего термином "propriety" и некоторыми другими, близкими по значению словами <...> В результате такой подмены по-другому представляли как содержание смитовской концепции морали, так и его место в истории моральной философии»³. И далее: «Переводчику очень неуютно с этим термином, и нередко части предложения, в котором он содержится, и где не получается подставить никакого слова наподобие перечисленных, он сокращает. Очевидно, что при таком подходе трудно обеспечить последовательность и корректность перевода».

Посмотрим, правомерно ли предъявлять такие претензии Бибикову, или он шел проторенной дорожке. Апресян приводит следующие слова, которые встречаются в русском тексте там, где в английском стоит «propriety»: приличие, естественность, соответствие, достоинство, обоснованность, законность, удобство, оправданное, одобряемое, прелесть — и, наконец, часто просто пропускается. Это — безобразия. Утрачивается «достаточная терминологическая определенность», которая заменяется «смыслами, обнаруживаемыми в живой речи». Короче говоря, это слово перестает быть термином теории. Посмотрим, что в этом случае происходит в переводе французском. Мы обнаружили следующие слова, использованные вместо «propriety»: *convenance, caractère propre, passions légitimes, décence, bienséance* — и часто просто опускается.

¹ Мотрошилова Н.В. Предисловие // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. I. «Трактаты и статьи» (1784–1796) / Подг. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М., 1993. С. 60–61.

² Апресян Р.Г. Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита.

³ Апресян сообщает в своей статье, что выяснял у чилийского профессора, как переводится смитовский термин «propriety» на испанский. Ах, зачем ему не попался француз!

Посмотрим на примерах, как и когда происходит «утрата терминологической определенности»¹:

1. Английский:

We may judge of the *propriety* or *impropriety* of the sentiments of another person... (TMS, I.i.4)

Французский:

Nous pouvons juger de la *convenance* ou de la *disconvenance* des sentiments d'autrui... (Condorset, 1860, 15)

Русский:

Мы можем одобрять или осуждать чувства другого человека... (ТНЧ, I.i.4, 40)

2. Английский:

He who laughs at the same joke, and laughs along with me, cannot well deny the *propriety* of my laughter (TMS, I.i.3.1).

Французский:

...s'il rit de la même plaisanterie que moi, et en est également amusé, il doit lui paraître tout simple que je rie (Condorset, 1860, 12).

Русский:

...если он смеется, как и я, той же шутке, которая забавляет его так же, как и меня, то мой смех должен ему казаться совершенно естественным (ТНЧ, 38)

В первом примере «утрата» произошла в русском переводе, а во втором — уже во французском. Однако вот третий пример, который прекрасно иллюстрирует применение этого «метода» в обоих переводах:

3. Английский:

In the *suitableness* or *unsuitableness*, in the *proportion* or *disproportion* which the affection seems to bear to the cause or object which excites it, consists the *propriety* or *impropriety*, the *decency* or *ungracefulness* of the consequent action.

In the beneficial or hurtful nature of the effects which the affection aims at, or tends to produce, consists the *merit* or *demerit* of the action, the qualities by which it is entitled to reward, or is deserving of punishment (TMS, I.i.3.6 и 7).

Французский:

¹ Курсив во всех примерах мой. — М.М.

C'est dans la *convenance* ou la *disconvenance* qui se trouve entre nos affections et la cause ou l'objet qui les fait naître, que consiste le *mérite* ou le *démérite* de l'action qui en résulte.

[абзац 7 опущен] (Condorset, 1860, 14)

Русский:

В *согласии* или *несогласии* между нашими стремлениями и вызывающей их причиной (или предметом) состоит *оправдание* или *осуждение* обусловливаемого ими проступка.

[абзац 7 опущен] (ТНЧ, 40)

Здесь — полное несоблюдение правил. Перевод становится не «научным», а «литературно-художественным» (или «морализаторским»). На этом примере, кстати, хорошо видно, с какого текста был осуществлен русский перевод.

Такой же прием Апресян фиксирует и при переводе важных для теории Смита терминов «*sentiment*», «*merit*» и др.

Проверим еще один важнейший термин Смита, не упомянутый, кстати, Апресяном, но являющийся сегодня ключевым при изучении социальной концепции Смита, — это «*impartial spectator*»¹. По-русски вместо него появились: «беспристрастный наблюдатель», «беспристрастный зритель», «беспристрастный свидетель», «беспристрастный человек», «беспристрастный судья», «посторонний человек», «посторонний свидетель». По-французски — «*le spectateur impartial*», «*le témoin impartial*». Мы видим, что во французском используется почти всегда один эквивалент, а в русском однозначного эквивалента просто нет².

Как же такое могло произойти? Апресян выносит суровый вердикт: «Дело здесь не только в непонимании сути этической теории Смита и ближнего и дальнего историко-философского контекста смитовских взглядов на мораль, — но и в неряшливости в обращении переводчика с текстом». И далее: «Ситуация усугубляется тем,

¹ См. об этом: Микешин М.И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005. С. 56–72.

² Можно еще довести исследование русского перевода «до совершенства», выяснив путем сравнения изданий 1868 и 1997 годов, где и какую редактуру внес А.Ф. Грязнов. Мы это не сделали, поскольку считаем, что эта редактура была незначительной (с нами, кажется, согласен и Апресян) — лишь в редких случаях русский текст оказывается в своих терминах ближе к английскому. Ср., напр., «беспристрастного наблюдателя» в TMS, III.3.4; Condorset, 1860, 154 и ТНЧ, 142.

что, формально говоря, переводы Смита сделаны хорошим языком. Если не ожидать от ТНЧ большего, чем от "Максим" Ларошфуко, то чтение этой книги вполне может доставить некое удовлетворение». Это совершенно правильное сравнение! Обратим внимание: Апресян понимает ТНЧ так, что главным термином для него является «propriety», мы понимаем ТНЧ так, что главным термином для нас является «impartial spectator». А что же Бибиков? Поскольку его перевод очень близок к французскому (Бибиков ведь не изобрел свою манеру перевода, а добросовестно позаимствовал ее у французов, поскольку также достаточно вольно обращался с французскими терминами)¹, то резонно спросить: а что же французский переводчик, точнее, переводчица? Представляется, что изучение наследия мадам де Груши де Кондорсе, ее текстов и откликов на них было бы нелишним для понимания того, какая именно интерпретация теории Смита была переселена на русскую почву. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что для нее главной категорией Смита была «sympathy» — «симпатия». Это видно из того, что в ее переводе этот термин передан практически везде словом «sympathie», и из ее объяснений в письмах к Кабанису *О симпатии*, приложенных к переводу и опубликованных как продолжение текста Смита. Выбросив их из издания 1997 г., редакторы избавили нас от возможности понять, какую концепцию нам выдают за смитовскую.

По мнению Эвелин Форджет, исследовательницы жизни и творчества мадам де Груши де Кондорсе, у переводчицы (известной со времени Французской революции и вплоть до 1822 г. хозяйки салона, где бывал и Смит) был большой опыт общения в интеллектуальных кругах и свое понимание моральной теории, в которой важнейшую роль играла «симпатия». Мадам де Кондорсе и многие ее читатели считали, что она удачно дополнила и развила концепцию Смита. Видимо, она находилась под существенным влиянием идей Руссо и других французских просветителей². Так что зафиксированный Апресяном «французский привкус», превративший Смита из социального философа в моралиста, был определен правильно.

¹ Однако, и здесь надо подробно, а не на отдельных примерах, сравнивать русский и французский текст.

² Forget E.L. *Cultivating Sympathy: Sophie Condorcet's Letters on Sympathy*.

Нам кажется, что перевод Бибикова — не «имитация», он хороший, вполне адекватный, но это не адекватный перевод сочинения Смита, а адекватный перевод *французского перевода сочинения Смита*. Если это и «культурная авария», как пишет Апресян, то произошла она не между английским оригиналом Смита и русским переводом, а между британским оригиналом Смита и *континентальной традицией* чтения и перевода британских авторов, в согласии с которой действовал и русский переводчик. А наша, российская «авария» заключается в том, что мы по отношению к «классике» не различаем не только английское и шотландское, но и британское и французское.

Этот конкретный случай замечательно иллюстрирует разницу между двумя традициями — британской и континентальной, и можно констатировать, привлекая еще множество других примеров¹: от читающих только по-русски большая часть британской классики закрыта «королевской мантией с широкими складками», ладно сшитой во Франции или Германии. Это одно из проявлений того, что «русская философская культура» находится в разрыве с англосаксонской традицией, но в сердечном согласии (*entente cordiale*) с традицией континентальной.

Этот случай еще и иллюстрирует продолжающееся влияние культуры дворянской интеллектуальной элиты на современную российскую философскую мысль. Оказывается, дворянские традиции сказываются не только в том выборе архитектурных красот и художественных ценностей, который сделали наши благородные предки в XVIII и XIX вв. Сохранилась и, несмотря на все события XX в., передается дворянская интеллектуальная атмосфера, в частности, в переводах — в преобладании французской культуры и языка, в беллетристической обработке текстов и т.д. Дворянин П.А. Бибиков «задался целью ознакомить нашу полубразован-

¹ Скажем, когда в 1980-х годах я решил почитать Ф. Бэкона на английском, то обнаружил в Публичной библиотеке в Ленинграде многие тома сочинений мыслителя неразрезанными, а они были изданы в конце 19 в. И Юм пришел в Россию через французский и переводы с французского (см. об этом: *Artemieva T.V., Mikeshin M.I. Hume in Russia // The Reception of David Hume in Europe / Ed. by P. Jones. L.-N.Y., 2005. P. 195–224*). А есть ли у нас традиция переводов и интерпретации англосаксонской философии без посредства французов или немцев? И если есть, то когда она началась?

ную публику с духом XVIII и начала XIX в. в его лучших проявлениях, в виде переводов "тех писателей, которые так или иначе пролагали пути к научным открытиям и идеям нашего столетия"»¹. Дело было благородное, но сегодня пора становиться публикой образованной.



¹ См. <<http://www.biografija.ru/biography/bibikov-petr-alekseevich.htm>>.

Вальтер Скотт и идея истории в России

Сочинения Вальтера Скотта хорошо известны в России. Эта известность имеет свою историю, практически совпадающую с его популярностью во всем мире, даже в его собственном отечестве — Шотландии. Однако, обширная литература на эту тему касается прежде всего его литературного, даже *жанрового* влияния, в то время как его теоретические причины очерчены лишь в общих чертах¹.

Обычно факт культурного влияния фиксируется почти как явление метеорологии. Он в большей мере принадлежит феноменологическому описанию, нежели аналитическому объяснению. Его данность может быть изображена в подробностях, ближайшее будущее относится уже к области гипотетических предположений, а проблема долгосрочного прогноза никогда и не ставится добросовестным исследователем. Разумеется, существует несколько объяснительных моделей, самой очевидной из которых является, если так можно выразиться, «теория культурного распределения». Она предполагает, что культурные пространства, пришедшие в соприкосновение, должны приобрести некоторую однородность, как

Написано в соавторстве с Т.В. Артемьевой. Впервые опубликовано: *Артемьева Т.В., Микешин М.И.* Вальтер Скотт в России: культурное распределение или интеллектуальная коммуникация // Современная культурология: научная школа профессора Л.М. Мосоловой. СПб., 2013. С. 117-138.

¹ В качестве наиболее значимых исследований можно назвать: *Левин Ю.Д.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975; *Альшиллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1993; *Долинин А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.

если бы они были сообщающимися сосудами. Поэтому явление, появившееся в одной культуре немедленно проникает в соседние и укореняется в них. При этом, принятие культурной инновации рассматривается как активное воздействие культуры, в которой она возникла, на воспринимающую культуру, рассматриваемую как пассивная. Эта модель, возможно, и могла бы объяснить некоторые физические явления, но применять ее к области литературы, искусства, философии вряд ли возможно, так как она не может ответить на главные вопросы. Применительно к рассматриваемой нами проблеме, например, она не может объяснить, был ли источником популярности Вальтера Скотта в России интерес к британской или шотландской культуре, что логично вытекает из самого содержания скоттовских романов, или же это результат интереса исключительно к французской культуре и ее модным течениям, что следует из того факта, что знакомство с творчеством Скотта и первые переводы его романов были связаны именно с этим языком. Ограничивалась ли эта популярность исключительно жанровыми особенностями скоттовских сочинений или же интерес представляло именно идейное содержание? Кроме того, описанная теория не объясняет, почему одно явление вызывает интерес и становится популярным, в то время как другое проходит незамеченным и непонятым.

Данный подход формирует архетип активной, стремящейся к распространению инновационной культуры, в то время как культура воспринимающая рассматривается как пассивная, питающаяся чужими соками вместо того, чтобы вырабатывать собственные. В действительности, если бы дело так и обстояло, вряд ли мы могли бы говорить о каком бы то ни было разнообразии. Возрастание духовной энтропии привело бы к полной однородности культурных ландшафтов. Однако пока этого не происходит, хотя опасения высказывались достаточно давно.

Вероятно, восприятие и творческое усвоение есть тоже один из признаков инновации (или готовности к ней) и активности. Иногда это просто форма, в которой вырабатываются новые идеи, иногда способ реализовывать свои собственные. «Сегодня для нас "подражатель" — это бранное слово; в начале же XIX столетия оно звучало, если не гордо, то вполне достойно. Писать "по образцам"

отнюдь не считалось тогда чем-то предосудительным, и авторы исторических романов могли, не боясь обвинений в плагиате, открыто признаваться в том, что они подражают Скотту»¹, — писал А. Долинин, анализируя влияние романов Вальтера Скотта и формирование традиции «вальтер-скоттовских» подражаний. Отметим, что предшествующие эпохи даже могли считать удачное подражание определенным достоинством, литературным воплощением метода *эkleктизма*, рассматриваемого в то время как право избирательного использования лучшего из достижений предшествующей мысли².

Возражать против этого могли лишь такие одиозные личности, как М.Л. Магницкий:

Отчуждаясь от собственного высшего просвещения, не зная, какая глубокая и чистая христианская мудрость заключается в недрах Русской Церкви, даже как бы стыдясь изучать церковную эту мудрость, мы, как моль на свечку, бросаемся на Шиллеров, на Гете, на Вальтер-Скоттов, Кузюев и пр. и, пленяясь ими, мечтаем, что их-то отечествам и суждено быть светилами для России. Забывая, или лучше сказать, не зная, что Россия в отношении к высшему просвещению и гораздо старше и опытнее Западной Европы, и гораздо тверже на нем основана, мы видим только молодость ее в отношении к внешней образованности; не зная притом всей шаткости и нечистоты внутреннего просвещения Европы, мы не сводим глаз с ее внешней образованности и, руководствуясь сим неведением своим, нудим Россию учиться у Европы³.

Чаще всего вызывает истинное изумление вовсе не то, как инновация, сформированная одной культурной средой, воздействует на другую, сколько то, как культура остается абсолютно пассивной к многим казалось бы необходимым ей для обновления и избавления от стагнации новшествам.

Что же привлекло русское общество начала XIX в. к романам «шотландского чародея» и заставляло зачитываться ими позже, издавая двадцатитомные собрания сочинений Скотта даже в совет-

¹ Долинин А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. С. 222.

² Об *эkleктизме* см. главу «"Божественный" разум Просвещения».

³ Магницкий М. Судьба России (публикация А.Ю. Минакова) // Исторический вестник. № 7/8. 2000. С. 230-237.

ское и постсоветское время? Разумеется, это не было вызвано интересом собственно к шотландской истории или к Шотландии. Интерес к британской культуре, а тем более идентификация шотландской культуры как «особой» и отличной от британской, был характерен для небольшой группы интеллектуальной элиты. И хотя шотландская философия и философия были интересны для отдельных российских мыслителей, они проникали в Россию гомеопатическими порциями и часто не идентифицировались как что-то специфическое по отношению к английскому. Для русского читателя более привлекательной была форма романа, которая была сравнительно новой для выражения исторического сознания. Мыслители того времени достаточно много экспериментировали с формами и жанрами исторического повествования. Можно сказать, что весь XVIII в. пребывал в поисках такой формы, ибо историческое сознание стало важной составляющей идеологии и, пожалуй, единственным видом социальной эпистемологии, не считая утопию. Наиболее распространенными были научный (или наукообразный) нарратив и драматическое произведение. Роман считался слишком «низким» жанром, тем более неприличным для изображения славного российского прошлого. Кроме того не вполне был решен вопрос о соотношения формы и стиля изложения с исторической достоверностью. Н.М. Карамзин (1766-1826) полагал, что степень художественности зависит от исторической дистанции. Он писал о «трех родах истории»: *современной* автору, *отдаленной* от него, но сохранившей еще живых свидетелей и *древней*, основанной исключительно на изучении документов. Историк сформулировал своеобразный парадокс: уровень субъективности изложения может возрастает по мере приближения к современности, но не наоборот. Запрет на художественный вымысел мог лишить историческое повествование ярких красок и увлекательности. Сам Карамзин жаловался, что «вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени*»¹, однако всем эти следовало жертвовать ради *достоверности*.

Не случайно сама эта проблема была поставлена именно Карамзиным — историком и известным писателем, чувствовавшим

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. СПб., 2003. С. 34.

определенное единство и противоречие между историческим нарративом и художественным повествованием. Писатель, известный даром проникновения в душевный мир своих персонажей, понял, насколько велик соблазн домыслить исторический образ. И если Карамзин никогда не приписывал персонажам, выведенным им в *Истории государства российского*, несвойственных им поступков, он все-таки полагая, что исторические коллизии «сильно действуют на воображение и сердце»¹, пытался изображать их душевный мир, полагая, что это не вредит достоверности, но, напротив, актуализирует исторические события. Его герои действуют «с ужасом», «с тяжким вздохом» или же «в радости и восторге сердца».

И.П. Елагин (1725-1793) отмечал: «Видим мы многих писателей учеными красотами сияющих, но принужденно ученый их слог есть мука читателю и поношение учености <...>»². Вероятно, это могло бы быть отнесено к *Истории российской от древнейших времен* М.М. Щербатова (1733-1790), которая, став одним из наиболее значимых источников Карамзина³, никогда не использовалось российскими литераторами, работавшими в жанре исторического романа. Это касается и сложного щербатовского языка, и принципиальной позиции историка основываться в описании событий исключительно на политической целесообразности. Иные мотивы поступков, психологические аффекты, «роковое» стечение обстоятельств Щербатов или не признает, или осуждает.

Карамзин невольно придает большое значение языку и стилю повествования. Он гораздо талантливее Щербатова как писатель, и это выдвинуло именно его историческое сочинение на первый план, поставив вровень с художественным произведением, сделав привлекательным источником для писателей, обратившихся к российской истории.

Карамзин использует свое художественное мастерство и научную интуицию для описания внутреннего мира участников исто-

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. С. 33-35.

² Елагин И.[П.] Опыт повествования о России. М., 1803. С. XII.

³ Так, например, П.Н. Милюков считал, что «Щербатов был для Карамзина основным источником сведений по русской истории <...> Видно, что том щербатовской "Истории" всегда лежал на письменном столе историографа и давал ему постоянно готовую нить для рассказа и тему для рассуждения». См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1887. Т. 1. С. 123-124.

рических событий. Его история — это «сентиментальное путешествие» в прошлое¹, умножившее славу «русского путешественника». Она могла бы быть противопоставлена мнению Г.Г. Шпета, согласно которому социальные науки и история не изучают «души», а следовательно, «душевных явлений»². Во всяком случае, именно она стала настольной книгой русских писателей, обращавшихся к событиям прошлого.

В эпоху Просвещения произошли принципиальные изменения в понимании истории. Оказалось, что это не просто калькуляция и фиксация известных фактов, а результат творческого процесса, требующего осмысления и понимания. Историк перестал быть просто писцом, скриптором, его роль в осознании и интерпретации прошедших событий, того ретроспективного отстранения, с позиции которого оценивалось настоящее, в значительной степени изменилась. Исторически ограниченное, тенденциозное, мифологичное летописное изложение, характерное для средневекового сознания, уступило место собственно историческому сочинению. Летописи перестали рассматриваться как «достоверные источники», сделались объектом сравнительного анализа и научного исследования. В значительной степени этому способствовали немецкие историки, работавшие в Петербургской академии наук: Герард Фридрих Миллер (1705-1783), Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738), Август Людвиг Шлецер (1735-1809). Это были истинные ученые, знатоки. Методология немецких мыслителей соответствовала «энциклопедическому» взгляду на науку и была следствием «монологического» метода, выработанного в недрах умозрительного метафизического знания, который применялся последовательно ко всем областям знания, давая прекрасные результаты. Новое, «научное» видение мира, отличавшее век Просвещения, предполагало предварительное

¹ «Знаю, что битвы нашего удельного междуусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные» (Карамзин Н.М. История государства российского. С. 33).

² Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. М., 1916.

«наведение порядка» в океане разрозненных фактов, что и было сделано немецкими историками, занимавшимися историей почти как естественной наукой.

Российские историки рассматривали историю в большей степени как явление идеологии и даже политики. В это время появляются объемные истории России В.Н. Татищева (1686-1750), М.В. Ломоносова (1711-1765), М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, в которых научный поиск сочетался с формированием идеологических установок, концептуализацией и формулировкой основных положений философии истории. Именно в это время сформировался набор устойчивых базисных позиций, можно назвать их «историософскими архетипами». Они предполагали, что описание и осмысление происходящих в России событий следует соотносить с историей Западной Европы, что история России — это прежде всего «история государства», а не «история народа», что она имеет некую исходную точку развития и харизматических лидеров, с которыми страна начинает новый отсчет времени. Таким «началом» чаще всего являлась смена политического режима и связанные с этим изменения в обществе и государстве. Пройдя эту «точку отсчета», Россия утрачивает (порывает) связи с предшествующим и начинает формирование всех своих государственных институтов «сначала», с чистого листа. Она становится «иной» — «молодой» или «новой» и делается открытой новым учениям и веяниям.

Очень немногие, как, например, М.В. Ломоносов в *Древней Российской истории*, обращались к «России прежде Рурика», то есть не пытались установить какую-то фиксированную точку отсчета, определить того «исторического Адама», до которого не было никакой истории.

Историки эпохи Просвещения пытались выявить как «точки исторической бифуркации», так и основных героев истории, иными словами, создать список действующих лиц пьесы под названием «Российская история». Они полагали, что эти события и эти герои должны быть объектами художественного отражения, что использовалось впоследствии художниками и писате-

лями. Так, Ломоносов пишет своеобразные программы к историческим картинам – *Идеи для живописных картин из Российской истории*¹.

Историки более позднего времени также сопоставляли коллизии исторического процесса с возможными сюжетами художественного произведения. Так, например, М.П. Погодин полагал, что вся русская история состоит из «романов, которые никогда бы не могло создать богатое воображение Вальтера Скотта»².

Обращаясь к центральным фигурам российской истории, ставшим популярными персонажами художественных произведений, мы видим прежде всего правителей, с которыми связывались наиболее важные повороты в судьбах России. Это Владимир, ее крестивший; Рюрик, сделавший ее государством; Петр, обративший к европейской культуре; Екатерина, закрепившая и умножившая его достижения.

Больше всего сочинений как историко-мемуарного, так и историко-литературного характера были посвящены Петру I. На их примере интересно наблюдать как свидетельства старших современников, уже готовых мифологизировать обожаемого героя, сменились домыслами тех, кто еще не мог помнить того, что было «шестьдесят лет назад». «Время Петра» было отражено не только в институционализированных формах «научных трактатов» по истории, но и в метафорико-аллегорических и художественных текстах. Под мифологическим «псевдонимом» Персея, Геракла, Ясона, апостола Петра, даже «Петра Великого» Петр I становился героем исторических полотен, од, аллегорических композиций, монументально-декоративных памятников искусства. Общественная мифология, равно как и государственная идеология нуждалась не в достоверности, а в ярком художественном образе. И получала их в изобилии.

Исторические сочинения, посвященные Петру I, составили целый пласт не только российской, но и мировой историографии, использующей персоналистическую модель в объяснении исторических явлений. Его фигура заняла значимое место в своеобразном «историческом пантеоне» государственных деятелей «европейского масштаба», олицетворяя эпоху в российской культуре и

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 365-373.

² Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 12.

русской государственности. Вместе с тем, вся эта литература сформировала амбивалентный образ Петра I, в котором историческое, мифологическое и литературное тесно переплеталось. Это дало возможность и в дальнейшем широко использовать образ Петра как героя литературных произведений и со временем практически подменить историческую личность литературным персонажем.

Сравнение настоящего с прошлым, нахождение в нем исторических образцов и аналогий, даже моделей будущего стало обычным делом не только для интеллектуальной, но и для правящей элиты, которые, впрочем, нередко совпадали. Так, Екатерина II (1729-1796) была автором исторического сочинения *Записки, касательно Российской истории*. Она пишет: «Беспристрастный читатель, да возьмет труд сравнить эпоху русской истории с историями современников великих князей русских каждого века, усмотрит ясно умоначертание каждого века и что род человеческий везде и по вселенной одинакие имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко одинакие способы»¹.

Конечно, в работе над объемным сочинением Екатерина пользовалась услугами «референтов», однако концептуальная схема принадлежала ей самой. Главная идея *Записок*, предназначенных первоначально для образования внуков, заключалась в демонстрации места и роли самодержавия в истории России. Екатерина как бы «опрокидывает» популярную в век Просвещения концепцию «просвещенной монархии» в прошлое и рассматривает всякую монархию как «просвещенную», или же ориентированную на «просвещенность». Императрица была не только автором сочинения по русской истории, но и драматических произведений, посвященных становлению Российской государственности, например, *Начальное управление Олега*, *Подражание Шакспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рурика*. Знаменитый сюжет часто использовался не только в исторических сочинениях, но и художественной литературе.

¹ Екатерина II. *Записки, касательно Российской истории* // Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными прим. академика А.Н. Пыпина. Т. 8. СПб., 1901. С. 5.

«История как наука» была отнюдь не единственной формой выражения исторического сознания. А.Л. Шлецер писал, что существуют четыре типа историков: историк-собиратель (Geschichtssammler), историк-исследователь (Geschichtsforscher), составитель истории (Geschichtsschreiber) и историк-художник (Geschichtsmaler)¹. Эти типы легко угадываются в русской историографии эпохи Просвещения. К первому можно отнести историков немцев — Миллера, Байера и Шлецера, ко второму — М.В. Ломоносова и М.М. Щербатова, к третьему — В.Н. Татищева (1686-1750), к четвертому — Н.М. Карамзина. Однако в последнем подразделении можно выделить еще одну группу авторов, которых можно назвать «сочинителями истории». В их сочинениях не нужно искать демонстрации не известных ранее фактов, исследования малоизученных документов, заполнения «белых пятен». Они не ставят описательных задач, не стремятся к «новизне». Их гипотетические построения могут быть основанными на интуиции или «чистом умствования», отсутствие информации компенсируется ими историческими аналогиями или просто фантазией. Они стоят у самых истоков водораздела, который направит науку и литературу в разные стороны. «Настоящие» историки часто осуждали такой подход, но культурой он был востребован и часто в неявном виде содержал информацию, которую не считали нужным помещать в свои сочинения историки, занимающиеся историей *как наукой*, в силу явной очевидности или неочевидности, недоказанности, высокой степени абстрактности содержащихся там положений.

Синкретичность была характерна практически для всех фундаментальных сочинений по истории XVIII в., которые в той или иной степени соединяли познавательность научного исследования, увлекательность исторического романа и концептуальность философского трактата. Однако иногда та или иная тенденция преобладала.

Век Просвещения еще давал возможность нераздельному *исчислению фактов, их осмыслению и художественному отображению*, порождая особый жанр исторического повествования, который од-

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 159.

новременно демонстрировал новый материал, формулировал умо- зрительные предположения и запечатлевал все это на красочном полотне художественного описания. Вероятно, с наибольшей пол- нотой это выражено в художественно-исторической прозе Н.М. Карамзина, не случайно его *История государства Российского* оста- лась практически единственным историческим сочинением XVIII столетия, которое до сих пор читают (заметим, читают, а не изу- чают!) «неспециалисты», причем не по необходимости, а для соб- ственного удовольствия.

Одним из наиболее ярких представителей «писателей исто- рии» был Ф.А. Эмин (ок. 1735-1770), известный также своими «по- литическими романами». В 1763 г. он выпустил два довольно объ- емных сочинения *Непостоянная Фортуна, или Похождения Миран- монда* и *Приключения Фемистокла и разныя политическия, граждан- скія, философическая, физическая и военныя его с сыном разговоры...*, написанных под влиянием фенелоновского *Телемака*. С 1767 по 1769 г. Эмин публикует три тома с характерным названием *Россий- ская история жизни всех древних от самого начала государей все великия и вечной достойныя памяти ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО дей- ствия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере ЗЛАТАГО ВЕКА во время царствования ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ в себе заключающая*. Рассуждая о целях и задачах истории, Эмин от- мечает, что она не может быть лишь простым перечислением фак- тов и не должна сводиться исключительно к описанию «политиче- ских дел». Главная задача исторического сочинения, как и художе- ственного произведения, — «прямое наставление, чему следовать и чего убежать должно»¹. Это определяет качества, которыми дол- жен обладать «исторический философ». Он не может быть «Дио- геном, одиноко живущим <...> Историческому философу должно быть совсем другого рода. Ему надобно иметь дело с обществом и уведомлять оное своим описанием о том, что к пользе целого об- щества касается. Добродетели, которым должно следовать, а по- роки, от которых обществу было или быть бы могло разорение, не- отменно ему должно описывать ясно и поучительно»². Для этого он может использовать приемы не только научного, но и художе- ственного повествования. Так, Эмин признается, что вкладывает в

¹ Эмин Ф.А. *Российская история жизни...* Т. 1. СПб., 1767. С. V.

² Там же. С. XXXVIII.

уста исторических персонажей не те слова, которые они *говорили*, а те, которые они *могли бы сказать*. Он пишет: «Должен я всех уведомить, что многие речи, которые в сей Истории разные говорят лица, выдуманы, например, речь, которую говорит *Гостомысл* к мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы признать Рюрика на владение <...> Но естли *Гостомысл* оной не говорил, то по малой мере должен был говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшийся, гордый и ничего не рассуждающий народ мог усмотреть и привести к здравому рассуждению <...> Может статься, *Гостомыслова* речь была важнее и гораздо трогательнее той, которая в сей книге изображена; но я, сообразуясь с тогдашним временем, в которое красноречия, или, лучше сказать, протяженного и пухлого штиля не знали, старался говорить языком каждого человека сродним, составляя разные речи по большей части со всевозможной важности причин и обстоятельств»¹. Насыщенность истории Эмина монологами привносит в нее элемент театральности, делает ее своеобразной пьесой.

Соблазн заставить говорить людей другой эпохи современным языком был связан не только с желанием сделать понятным язык персонажей, сколько сделать понятным их внутренний мир. Не случайно Н.М. Карамзин в «предвальтерскоттовской» по жанру повести *Наталья, боярская дочь* (1792) отмечает «что старинные любовники» говорили не совсем так, как описано, но это единственный способ сделать их понятным. Правда он категорически запрещает себе такой прием в историческом повествовании. «Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы»², — пишет он.

Однако в художественном произведении важны не факты, а язык. Историк дает писателю сюжеты, а он переплавляет их в образы, воздействующие на воображение читателя. В.А. Жуковский увидел гармоничный синтез литературного стиля и национальной специфики в романах Вальтера Скотта. Очарованный, поэти-

¹ Эмин Ф.А. Российская история жизни... С. XLIX-L.

² Карамзин Н.М. История государства российского. С. 34.

ческими возможностями исторического повествования, он соби-
рался сделать из романа *Айвенго* поэму в стихах¹. В заметке 1816 г.
под названием *Как образовать оригинальный характер русской поэзии*
он пишет «Оригинальность нашей поэзии в истории. В ней,
надобно угадать дух каждого времени и выразить его языком ны-
нешнего, но не заимствованного ни от какого из соседей по форме,
а много занять из летописей. История Карамзина — большое усо-
вершенствование прозы. Тою же дорогой должна идти и поэзия»².

Отметим, что сочинения о шотландской истории, которые
были написаны Скоттом по-английски (что привело к тому, что
его упорно называют «английским писателем»), российский поэт,
размышлявший об исторической поэтике русского языка читал
по-французски. Не нужно видеть здесь один только парадокс.
Скорее, следует обратиться к тому глубинному общечелове-
ческому уровню, который позволяет преодолеть разнословие есте-
ственных языков.

Движение от Шекспира к Вальтеру Скотту соответствует не
только логике развития российской исторической литературы, но
и отвечает общеевропейской традиции сопоставления этих имен.
Размышление над природой творчества двух великих британских
писателей, находивших вдохновение в истории, стало не только
своеобразным критерием высокой литературы, но и историче-
ского повествования. Применительно к России, такого рода сопо-
ставления и сравнения с популярными европейскими авторами
чрезвычайно характерны для формирования системы интеллек-
туальной самоидентификации российских мыслителей. Еще Н.А.
Добролюбов писал о привычке записывать талантливых авторов в
«русские Пиндары, Мольеры и Волтеры»³. Он отмечает широ-
кую распространенность, хотя и определенную бесплодность тако-
го компаративного приема. «Сочинить брошюрку о том, что
эпос Гомера воскрес в усовершенствованном виде в *Мертвых ду-
шах*, провозгласить Лермонтова Байроном, поставить Островского
выше Шекспира — это все не новость в русской литературе. Да еще
и не то бывало: теперь, вероятно, уже никто не помнит, кто у нас

¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. М. 2004. С. 517.

² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. С. 522, прим.

³ Добролюбов Н.А. Разные сочинения С. Аксакова // Добролюбов Н.А. Собрание соч.
в девяти т. Т. 4. М.-Л., 1962. С. 168.

писал исторические романы лучше Вальтера Скотта <...> и т.д.»¹. Сопоставление определенных имен подмечено им в рецензии на сочинения С.Т. Аксакова: «Одни из критиков уверяли, что С.Т. Аксаков по спокойствию и ясности своего мирозерцания есть ни что иное, как новый Гомер; другие утверждали, что по удивительному искусству в развитии характеров он скорее всего есть русский Шекспир; третьи, гораздо умереннее, говорили, что С.Т. Аксаков есть не более как наш Вальтер Скотт»². В данном случае речь идет скорее о соответствии определенному художественному уровню, однако возвращение к одним и тем же именам в случае выявления национальной идентичности не случайно. Желание постичь собственную историю, понять, имеет ли она направление и смысл, отчего славное прошлое не ведет к светлому будущему, а если и ведет, то отчего так неприглядно настоящее заставляет отыскивать способ, который мог бы это прояснить.

Движение от Шекспира к Вальтеру Скотту маркирует историческую смену жанров. Классицизм драматической историософии превратился в романтическое желание понять душевное состояние героев и увидеть историю, как «действие страстей», а затем и понять реальные причины их поступков, что соответствует жанру романа с его сюжетными линиями и авторскими отступлениями.

Такой же, «литературной» видел историю Михаил Никитич Муравьев (1757-1807) — известный поэт, государственный деятель, педагог и историк. С 1785 г. он был наставником внуков Екатерины — великих князей Александра (будущего Александра I) и Константина. Он преподавал им русскую литературу, российскую историю и моральную философию. Последнюю он преподавал, находясь под сильным влиянием шотландских философов, прежде всего Адама Смита и Адама Фергюсона. Даже герои его литературных произведений выведены поклонниками этих мыслителей. Как человек своей эпохи, Муравьев был увлечен идеями просвещенной монархии и рисовал в своем воображении софиократическую утопию, где мудрый и добрый правитель выступает в качестве источника благоденствий, а благодарные подданные платят ему преданностью и стараются подражать его высоким нравственным качествам.

¹ Там же. С. 168.

² Добролюбов Н.А. Разные сочинения С. Аксакова. С. 192.

Он с удовольствием играл роль Ментора, надеясь, что Телемак оправдает возложенные на него ожидания.

Муравьев полагал, что лучший учитель будущего государственного деятеля — история, которая заменяет государственному человеку определенный опыт. В *Письмах к молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России* Муравьев пишет: «История какого-либо народа есть лучшее истолкование умоначертания его»¹. Как и его предшественник М.М. Щербатов, который, следуя за Юмом, собирался сделать историю наукой, Муравьев использует историю для построения науки о морали: «Собрание правил называется наука. Таким образом, Естественная Наука или Физика есть собрание правил, выведенных из происшествие естественных. Нравоучение есть собрание правил, выведенных из деяний человека и общества»², — пишет он.

Большой массив сочинений Муравьева посвящен истории и прежде всего истории России. Он использует для своих исторических, а скорее, историософских сочинений разные жанры, начиная от популярного в XVIII — начале XIX в. «разговора мертвых», комментированного исторического изложения, к которому относится прежде всего *Краткое начертание российской истории*, и заканчивая яркими историко-художественными зарисовками сцен из отечественной истории. Как и все дворянские историки, Муравьев излагает историю персоналогически. Он полагает, что история творится государями, политическими лидерами, поступки которых являют пример потомству. Поэтому так важно изобразить характер, нравственные качества героя. В диалоге *Владимир Великий и Иоанн Васильевич* им отмечено: «Качества одного человека пременяют иногда судьбу народов, и государство, над которым великий человек владычествует, возвышается»³. В диалоге *Владимир и Карл Великий* Муравьев пишет: «Слава добрых государей никогда не погибает, и беспристрастный глас Истории, отделяя от них легкие

¹ *Муравьев М.Н.* Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: В 3-х частях. Часть 2. СПб., 1819-1820. С. 110-111.

² Цит. по.: *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001. С. 370.

³ Там же. С. 362.

несовершенства человечества, представляет добродетели их для подражания потомств»¹.

Особая роль, которая выпадает на долю государей могла бы развратить простых людей. Специфичность положения монарха заключается не только в том, что он готовится к этому поприщу, но и в том, что оно предназначено ему по праву рождения. «Наследственное право последования Государей есть спасительное средство, которым предупреждаются несчастья народов и замыслы честолюбивых»², — пишет Муравьев. История для Муравьева — это политическая история, но ее персонажи «между нравоучениями политики, передает бессмертию честь и позор человечества»³.

Муравьев не случайно заставляет беседовать представителей разных эпох и культур. По его мнению, все народы объединены одними и тем же нравственными установками, политическими стремлениями, социальными закономерностями. Он как бы продолжает компаративную традицию Плутарха, не только сопоставляя в описании, но и соединяя в диалоге различных исторических героев. Это, разумеется, противоречит историческим реалиям, но помогает лучше понять исторических деятелей, выявить их эмоциональную и духовную достоверность.

Персонажи Муравьева пытаются моделировать ситуацию. Так, Гостомысл упрекает Ярослава в разделении России, Ольга, став христианкой, сожалеет о мести древлянам (*Игорь и Ольга*). Князь Владимир и Карл Великий (*Владимир и Карл Великий*) понимают, что были не правы разделив империю между потомками. Раздробив великие государства они, тем самым обрекли их на междоусобную рознь. Об этом Муравьев пишет и в «Кратком начертании российской истории». В статье *Слабость удельного правления* он рассматривает тот же вопрос на примере Великобритании, объединившей Англию, Шотландию и Ирландию⁴.

«Сочиняя» историю, Муравьев следует историческим и историческим разысканиям уже проделанным до него. Он ссылается прежде всего на британских авторов Юма, Фергюсона, Робертсона, Болинброка, Гиббона, а так же Макиавелли, Монтескье,

¹ Топоров В.Н. Из истории русской литературы... С. 313.

² Топоров В.Н. Из истории русской литературы... С. 344.

³ Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений... С. 15.

⁴ Там же. С. 71.

Кондильяка и др. «Люди верховного достоинства, — пишет он, — обратили философию на изучение человека в обществе. Их сочинения, как простые и величественные драммы, имеют единство намерения, одно какое-нибудь великое преобразование человеческого рода, которое представляют они в полном свете, изъятые, так сказать, из середины тумана мрачающих его приключений, недостойных уважения философа»¹. Муравьев обращается к прошлому и анализирует его не столько как историк, сколько как философ, но описывая события не как ученый, а как писатель.

Русские мыслители размышляли о том, чему следует доверять больше — художественной интуиции гения, или же разрозненным и, порой противоречивым документальным свидетельствам. Поэтому, как следует излагать историю — «научно» или литературно? Возможно, именно художественная гармония, стремящаяся к эстетическому единству могло бы помочь заполнить маргинальные пространства, которые неизбежно возникают в пестрой ткани исторического повествования. Писатель способен увидеть в дискретном потоке ординарных явлений узловые события, меняющие лицо эпохи. Кроме того, история творится личностями, а кто, как не писатель способен лучше разобраться в логике человеческих отношений. Жуковский отмечает:

В историческом романе Вальтера Скотта более истины, нежели в истории; тоже можно сказать и об исторических драмах Шекспира. Эти два гиганта подают друг другу руку. Что если бы нашелся Шекспир для русской истории и своим гением достойно оживил и олицетворил то, о чем умолчала наша скудная летопись! Какая бы живая картина развернулась перед нашими глазами. Древняя история России слишком для нас дикая и трудно угадать и живо представить сие древнее отделение: слишком будет ощутим вымысел поэтический. О времена раздробления и междоусобия: Мономах, Изяслав, Всеволод Великий, времена ига татарского — Александр Невский, Михаил Тверской, Донской; Литва, Галич; времена Иоанна III и IV, Василий Темный, Годунов, междуцарствие — все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великим творцом, чтобы воздвигнуть стройное здание из щебня летописей².

¹ Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений... С. 14-15.

² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. С. 297.

В завуалированной и метафизически отстраненной форме вводит в свое историческое повествование Екатерину И.П. Елагин (1725-1793). Как и другие российские историки он собирается довести историческое повествование именно до «золотого века» царствования Екатерины II¹. В его *Опыте повествования о России*, опубликованном только частично, также находится место для исторических параллелей и сравнения Екатерины с Ольгой.

В контексте нашего исследования представляет интерес елагинская интерпретация исторических текстов, прежде всего *Повесть временных лет*. Описание «выбора вер» князем Владимиром в летописи Нестора кажется Елагину не соответствующим серьезности момента, искусственным и театрализованным. Елагин, конечно, не думает, что летописец сознательно фальсифицировал историческое событие. Анализируя сюжет, описанный Нестором, Елагин приходит к выводу, что «сочинял он не из словесных сказок и ложных от народа внушений, но по каким-либо сбереженным в книгохранилищах древним запискам»². Этими записками был «сценарий» пьесы, написанной одной из жен Владимира и поставленной при княжеском дворе. «Хитрая гречанка» желала привлечь Владимира дополнительными уловками, придумала и поставила пьесу, главным действующим лицом которой стал сам князь.

В театральном представлении, описанном Нестором, соблюдены все законы жанра. Доказывая это, Елагин обращает внимание на соблюдение театральных условностей и своеобразную группировку текста «по действиям». Он находит там все элементы театрального действия: экспозицию, (Владимир принимает послов), завязку (сравнение вер Владимиром и его колебания), кульминацию (изгнание с презрением представителей иудаизма), развязку (византийский священник показывает Владимиру изображение Страшного Суда. Пораженный князь отправляет послов в Византию), эпилог (послы возвращаются и рассказывают об увиденном. Князь решает принять христианство). Елагин показывает, что элемент «литературности» и домысливания ситуации вольно или невольно присутствует в самих исторических свидетельствах, что необходимо учитывать историку.

¹ Елагин И.[П]. Опыт повествования о России. С. XLV-LV.

² Там же.

Разумеется, смелая гипотеза Елагина была объектом довольно жесткой критики. Анализируя предположения о том, что этот эпизод был первоначально спланирован как театральное действие, а затем сценарий пьесы, написанный одной из жен Владимира, гречанкой, был принят Нестором за документ того времени и таким образом попал в *Повесть временных лет*, Н.М. Карамзин считает, что Елагин принимает желаемое за действительное. Он сравнивает елагинскую интерпретацию знаменитого сюжета с известным анекдотом о даме и монахе, которые, глядя на Луну, уверяли, что могут разглядеть там то, что не видно астрономам. «Монах уверял, что без трубы зрительной удобно различает соборный колокол от других предметов, дама божилась, что простыми глазами ясно видит мужчину, стоящего на коленях перед женщиною»¹.

Согласно Елагину, описание исторических персонажей может нести на себе отпечаток субъективных оценок и личных пристрастий. Он отмечает, что часто писатель наделяет историческое лицо чертами собственного характера, «особливо когда недостаток прямых сведений хочет иногда своим пополнить умствованием»². Это так же было подвергнуто критике. С.М. Соловьев отнес *Опыты* Елагина, вместе с *Российской историей* Ф. Эмина к «риторической школе», предполагая в этой характеристике все отрицательные коннотации, которые «специалист, работающий с документами», относит к деятельности по продуцированию «отвлеченных умозаключений». Знаменитый историк дал сочинению Елагина совершенно уничижительную характеристику, осудив как содержание, так цели и форму изложения. «Елагин, подобно Эмину, был литератором, славился своим красным слогом, и вот, на старости лет, счел за полезное посвятить этот свой красный слог отечественной истории <...>»³ Вместе с тем, критикой било отмечено, что именно литературные качества делают историческое изложение Елагина привлекательным. А. Старчевский замечает, что то, что Елагин считал наиболее существенным в своих *Опытах* послужило причиной его осуждения. «Это произведение славилось до тех пор,

¹ [Карамзин Н.М.] Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. № 10. С. 112.

² Елагин И. [П]. Опыт повествования о России. С. 250.

³ Соловьев С. Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. II. Отд. III. М., 1855.

пока не было напечатано, но по выходе в свет оно изменило выгодное мнение публики о нем. Он первый хотел ввести философию и критицизм в историю»¹. Старчевский приводит мнение одного из своих современников, который указал на главную идею историка:

Он первый понял, что история будет только одно скучное сцепление происшествий, одно утомительное повествование, пересказанное в одном порядке разными словами, когда оно не оживлено настоящими причинами деяний, не украшено политическими и философическими рассуждениями, когда в нем нет живой картины нравов, обычаев, законов государства, нет оттенка действующих лиц на сцене; имея сии достоинства «Опыт» его драгоценен, редок, будучи написан необыкновенным пером, *двуличным*, обращающимся по всему свету одинаково, живет со скромною свободою своею и до сих пор в рукописи. Отложивши ласкательство и боязнь, всегдашние оковы писателей народных, он смелою кистью тушет пороки и добродетели действующих и каждому из них дает настоящее место, цену, вес, но он не энтузиаст и не фанатик; и поэтому его умозаключения, доказанные прямою, смелою истиною, никогда не выходят за пределы скромности и уважения должного главам венценосцев. Жаль, что все хорошее кроется под тению неразрешимых обстоятельств: но сие действительно справедливо, что никто не подал мысли смотреть на историю нашу с такой хорошей точки, как сей писатель, и никто опять не был бы лучший руководитель для чтения оной без пристрастия и заблуждений².

Труды «сочинителей истории» принадлежат своему времени, своей эпохе. Они не всегда вырабатывают новое знание или даже не всегда используют уже полученное, предпочитая держаться стереотипных, привычных, устоявшихся суждений, отражают мнение большинства, которое, согласимся, всегда не право, консервативно, пристрастно, но критично, капризно и безапелляционно. Теоретической базой такого сочинительства является здравый смысл, формой изложения — наукообразная беллетристика, побудительной причиной — «выполнение социального заказа». Вместе с тем, именно такие сочинения содержат ту гомеопатическую дозу нового, которую только и в состоянии усвоить «общество неспециалистов». Поэтому именно такие историки бывают популярны, преуспевают при жизни, но быстро забываются, когда

¹ Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 190.

² Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. С. 199, прим.

на смену им приходят новые. Нынешнее российское общество, конечно же, не читает Эмина или Елагина. Однако для специалистов их сочинения представляют особый интерес. В контексте нашего исследования важно заметить, что в значительной степени они обусловили естественный интерес к историческому роману Вальтера Скотта и подготовили почву для его восприятия. Однако позже, как справедливо замечает М. Альтшуллер, «в сознании читателя начала XIX в. любое художественное произведение на историческую тему прежде всего вызвало ассоциации с творчеством английского романиста»¹. Труды российских «сочинителей истории», равно как и историков, подготовивших «эпоху Вальтера Скотта» стали достоянием лишь узко академического исследования.

Мыслители эпохи Просвещения видели в литературном изложении не просто жанр, а, скорее, метод, дающий возможность увидеть то, что сокрыто за набором разрозненных фактов. Они пользовались этим методом по мере своих возможностей и талантов, пока жанровая спецификация не развела историю, литературу и философию в руслу различных и не всегда пересекающихся течений.

В этом смысле не совсем верно утверждением Д.М. Урнова, что именно под влиянием Вальтера Скотта историки стали стремиться эстетизировать свои произведения. Он пишет: «Даже историческая наука испытала воздействие "шотландского барда". Наподобие вальтер-скоттовских романов исторические сочинения сделались, по выражению того времени, *живописательными*. Вослед романисту историки стали стремиться описывать события прошлого с той *живой полнотой*, какую мы видим в удачном литературном типе или образе. Эта полнота, как бы объемность и самостоятельность, образа и есть важнейший признак *художественности*»². Скорее наоборот, именно художественное изображение истории, характерное для российской историографии эпохи Просвещения, привело к бурному увлечению Вальтером Скоттом и органическому восприятию его прозы. Казалось, что в скоттовском историческом романе совершен благодетельный синтез доступности и

¹ Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1993. С. 110.

² Урнов Д.М. «Сам Вальтер Скотт», или «Волшебный вымысел» // Скотт В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 1. М., 1990. С. 9.

научности, отстраненности исторического примера и наглядности морального поучения. Найдена форма, в которой история может реализовывать свое истинное предназначение — формирования души и сердца, ибо «никакая другая наука столько не способна, как сия, к образованию нас в науке сердца человеческого, в науке существеннейшей и занимательнейшей»¹.

Однако важнейшее достижение Скотта — изображение простого человека на фоне масштабных исторических событий — никак не повлияло на российскую историю, продолжавшую (и продолжающую и ныне) описывать лишь явления «государственного масштаба», а осталось достоянием лишь литературы, на протяжении вот уже трех веков разрабатывающей в России и философию истории и философскую антропологию.

Итак, мы можем констатировать, что в России и до Скотта искали подход к истории и убедительную, «полезную» форму ее изложения (Эмин, Щербатов, Екатерина, Карамзин), поэтому семена Скотта «упали на подготовленную почву». Образованная публика в России не только была готова к восприятию художественных достижений Скотта, она активно разрабатывала и искала в Европе формы нарративов, адекватные состоянию ее ментальности.

Тогда еще не существовало «железобетонного» государственного исторического типа изложения истории. Публика была достаточно образованна и развита, чтоб допустить такое огрубление и упрощение. И Щербатов, и Екатерина, и Карамзин искали нарративные и идеологические формы истории. И здесь Скотт должен был появиться как нельзя кстати.

Скотт стал модным в России прежде всего потому, что уже стал модным в Европе, особенно во Франции. В начале XIX в. российская образованная публика была весьма немногочисленна и составляла, по сути, часть общеевропейского культурного пространства, поскольку в большинстве своем читала по-французски и по-немецки, знакомясь, таким образом, с европейскими новинками весьма быстро не дожидаясь переводов. Главное, что отличало первое восприятие в России романов Скотта, — это социальная группа, которая их воспринимает: высшее и образованное дворян-

¹ История // Яновский Н. Новый словотолкователь. Ч. 1. СПб., 1803. Стб. 855.

ство. Третье сословие, каким оно было в Европе, в России практически отсутствовало. Романы Скотта весьма быстро проникли и в более низкие слои общества, уже переведенные на русский, но очевидно, что отношение к писателю складывалось, главным образом, в среде образованного дворянства (большую роль, как замечает Долинин, в этом играли светские дамы). Возможно, кроме всего прочего, они воспринимали Скотта как «певца дворянства»: «Шотландские аристократы, эти увядающие лесные цветы, стали носителями национального чувства, поскольку их и фактическая, и легендарная роль была усилена литературным волшебством сэра Вальтера Скотта»¹.

Скотт «восстанавливал» старину на основании современных ему эмоций и многих современных ему представлений. Он был моден не стариной, но именно этими представлениями и эмоциями. Скотт мог быть моден еще и потому, что сносками на документы и очевидцев придавал своим романам модный тогда характер «научности».

В России не отметили связь Вальтера Скотта с шотландской философией XVIII в., на которой он вырос. Хотя, надо заметить, такую связь и на Западе всерьез заметили довольно поздно, уже в XX в.² Тем не менее, в России для характеристики стиля Скотта сразу же стали использовать «ключевые слова» из словаря *Теории нравственных чувств* Адама Смита: «Вальтер-Скотт остался единственным в своем роде; и этим одиночеством обязан он своему *беспристрастию*. <...> У кого из его подражателей найдем мы эту твердость, это *беспристрастие*, это всеобъемлющее *сочувствие*?»³ Об этом же говорит и современный российский исследователь творчества Скотта, фиксируя «иллюзию абсолютного беспристрастия, которая столь поражала современников и близких потомков»:

<...> многих современников поразил созданный им образ Автора «Уэверли» — невозмутимого бесстрастного реставратора и регистратора исторических событий, настолько умело прячущего свои мнения и чувства, что его присутствие в романе делается незаметным, неосязаемым

¹ Morgan K.O. Divided We Stand // History Today. Vol. 49. Issue 5. May 1999. P. 24-26.

² См.: Forbes D. The Rationalism of Sir Walter Scott // Cambridge Journal. Oct. 1953. VII. P. 20-53; Brown D. Walter Scott and the Historical Imagination. L., 1979.

³ Сын Отечества. 1834. Т. 46. № 51/52. С. 546-547 (курсив мой. — М.М.). О терминах А. Смита см. главу «Русский Адам Смит во французском стиле».

<...> он как будто ни в чем не причастен <...> именно «спокойное хладнокровие», подчеркнутое бесстрашие «скрывающегося» автора были признаны основными свойствами вальтер-скоттовского повествования <...> живописец без страха и предрассудков <...> подобные суждения о «шотландском чародее» можно было встретить на страницах едва ли не каждого европейского журнала¹.

Дьердь Лукач определяет новый образ главного героя Скотта, выбранного писателем для исторического повествования. Это не пылкий и заинтересованный герой, но человек заурядный, средний, вполне прозаический. Такой «герой» колеблется между крайностями общества, находящегося в кризисе².

Скотт использует в разных вариантах (иногда в одном романе) «беспристрастного наблюдателя» (*impartial spectator*) А. Смита. Скотт в своих романах ставит следующий «эксперимент»: «Автор» «запускает» в определенную историческую среду «биоробота» — «сквозного героя», «включенного наблюдателя». Характеристики «биоробота» таковы, чтобы он прошел сквозь все события и враждующие лагеря, описывая события и ситуации, в которые он попадает. С «Автором» он обменивается информацией на своем внутреннем языке (совпадающем с языком и понятиями «Автора»), на котором он и передает свои впечатления, тем самым интерпретируя их «по-современному». Сам «Автор», играющий, конечно, роль «Бога», рассматривает изучаемую историческую среду и интерпретирует ее на своем, т.е. современном, языке. Он описывает (а на самом деле, творит) историческую среду из изученных документов и из «культурных героев» того времени, то есть из тех персон и представлений о том времени, в которые реальные люди и события превратились, пройдя через время и культуру.

Известно, что Д. Юм много раз заявлял, что своей главной задачей при написании истории Англии он видел преодоление партийных предрассудков и предубеждений. Он заявлял не об объективности, а о независимости: «Мне казалось, что я буду единствен-

¹ Долинин А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. С. 181-183, 190.

² Lukacs G. *The Historical Novel*. L., 1962. P. 34; см. также: Gareth Jones W. 'Tis Sixty Years Since: Sir Walter Scott's Eighteenth Century and Tolstoi's Engagement with History // *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. Essays in Honour of Anthony G. Cross*. / Ed. by R. Bartlett, L. Hughes. Muenster, 2004. P. 191.

ным историком, презревшим одновременно власть, выгоду, авторитет и голос народных предрассудков»¹. Это не была позиция воздерживающегося от суждений хроникера, он, скорее, считал себя честным судьей, беспристрастным согласно своим собственным критериям. История, по Юму, — это особый опыт двух наблюдателей — историка и его читателя, а идеальный наблюдатель (*spectator*) одновременно беспристрастный (*impartial*) и симпатизирующий, рациональный и чувствующий². «Первое качество историка — быть правдивым и беспристрастным; второе — быть интересным»³.

Юм не идентифицирует постоянство человеческой природы с неизменностью исторических событий, его постоянство — не субстанциональное, а методологическое. Существенный вклад в историю делается именно тогда, когда историк обнаруживает последствия иррегулярных изменений, которые влияют на человеческую историю. Историк объясняет, когда показывает, что иррегулярное регулярно. Ни один народ, признает, например, Юм в *Истории*, не претерпел такого резкого и полного изменения в своих манерах, чем английская нация в XVII в. Более того, анализ характеров, принципов и мотивов поступков исторических деятелей того времени показывает, что новизна в истории происходит из индивидуальных людских действий. «Постоянство [*constancy*] человеческой природы для Юма есть методологический принцип, который делает историю возможной; т.е. делает возможными связность [*consistency*] и правдоподобие [*credibility*] того, что говорит историк»⁴. Без принципов симпатии и единообразия невозможно было бы никакое понимание прошлого.

На основе двух названных принципов Юм считает возможным подключить свое воображение к построению исторического нарратива, интерпретировать связи и мотивы событий, вкладывать в головы исторических персонажей мысли и намерения — лишь бы

¹ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 47.

² *Hilson J.C. Hume: The Historian as Man of Feeling // Augustan Worlds: Essays in Honour of R.A. Humphreys / Ed. J.C. Hilson, M.M.B. Jones and J.R. Watson. Leicester, 1978. P. 209.*

³ *Hume to William Mure, 24 October 1754 // The Letters of David Hume / Ed. by J.Y.N. Greig. Vol. I. Oxford, 1932. № 102.*

⁴ *Wertz S.K. Hume, History, and Human Nature // Journal of the History of Ideas. № 36. 1975. P. 491.*

они не противоречили «физической и моральной необходимости». Кроме того, в таких продуктах воображения есть и прагматический элемент — они позволяют сделать рассказ интересным и связать факты, часто разрозненные. В XVIII в. история была жанром литературы, поэтому ее «интересности» придавалось первостепенное значение, однако, это не означало, что историк мог позволить себе произвольные занимательные выдумки «в промежутках» между установленными фактами. Симпатия и то, что Юм называет конъектура (*conjecture*), — единственные способы понимания исторических данных. Обращение же к общему, обыденному опыту дает стандарт, или критерий. Юмовский лозунг «обращайся к обыденному опыту» направляет историка в его применении воображения к имеющимся данным.

В.О. Ключевский дает описание стиля Н.М. Карамзина, весьма напоминающее особенности стиля Скотта:

Карамзин смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене. Он следит за речами и поступками героев пьесы, за развитием драматической интриги, ее завязкой и развязкой. У него каждое действующее лицо позировало, каждый факт стремится разыграть в драматическую сцену. <...> Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды вокруг себя. Это — скорее воздушные тени, чем живые исторические лица. <...> Это люди разных хронологических периодов, но одинакового исторического возраста. Они говорят и делают, что заставляет их говорить и делать автор <...> действующие лица у Карамзина окружены особой нравственной атмосферой: это отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели. Речи и поступки действующих лиц у Карамзина внушаются этими понятиями и ими же измеряются <...> Взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем <...> за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях <...>¹

¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 488-490.

Ранние критики отождествляют бесстрашие с беспристрастием, с объективностью в оценке исторических деяний и личностей¹. «В тридцатые-сороковые годы <...> эта особая авторская позиция стала рассматриваться как недостаток, как свидетельство высокомерного равнодушия писателя-аристократа к внутреннему миру человека. <...> начали обвинять Вальтера Скотта в бесчувствии, в нежелании и неумении проникнуть за внешнюю оболочку явлений»². Так, сам эмоциональный и довольно поверхностный, но оказавший большое влияние на русскую общественную мысль А.И. Герцен пишет:

<...> в Вальтере Скотте другой недостаток: он аристократ, а общий недостаток аристократических рассказов есть какая-то апатия. Он иногда походит на секретаря уголовной палаты, который с величайшим хладнокровием докладывает самые нехладнокровные происшествия; везде в романе его видите лорда-тори с аристократической улыбкой, важно повествующего. Его дело описывать; и как он, описывая природу, не углубляется в растительную физиологию и геологические исследования, так поступает он и с человеком: его психология слаба, и все внимание сосредоточено на <...> поверхности души <...>³

Другой влиятельнейший критик В.Г. Белинский уже видит у Скотта «холодную безличность»⁴.

Исследователи судьбы романов Скотта в России отмечают, что довольно скоро Скотт стал рассматриваться как писатель семейный, для детей и юношества⁵. В советское время опубликовали большие собрания Скотта, Майн Рида и Фенимора Купера. Они были в каждом интеллигентском доме, например, у конструктора советских космических кораблей академика С.П. Королева. Самый известный и самый любимый в конце XX в. российский комический артист и клоун Юрий Никулин, уходя юношей на Финскую войну, взял с собой несколько книг, в том числе *Айвенго*.

¹ Долинин А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. С. 185.

² Там же. С. 183.

³ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954-1965. Т. I. С. 68-69.

⁴ Белинский В.Г. Собр. соч. В 9 т. М., 1976-1982. Т. III. С. 311.

⁵ Долинин А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. С. 150.

Долинин (к сожалению, мимоходом) замечает, что «вальтер-скоттовская концепция человека оказала значительно более глубокое и плодотворное влияние на развитие исторической мысли, чем на литературный процесс»¹. Так же декларативно заявляет об этом и Э. Оман².

Романы Скотта входили в круг любимого чтения многих известных российских историков XIX в. Так, С.М. Соловьев называет его романы в своих *Записках*³. Детские и юношеские увлечение романами Скотта сменялось в университетские годы чтением Юма, Робертсона, Гиббона.

Ведущие русские историки не могли не упоминать общеизвестные трактовки Скотта в своих исторических сочинениях. Так, Т.Н. Грановский в лекциях 1849-1850 гг. по истории средневековья об одном из своих героев замечал: «Вообще, в исторических сочинениях и в произведениях искусства этот характер представлен ложно, напр., в романах Вальтера Скотта»⁴. При этом Грановский, конечно, был хорошо знаком с британской исторической школой, в том числе «с великими произведениями Юма и Гиббона»⁵. Необходимо отметить, что слушателями этих лекций «были людьми высшего круга общества, цветом московской дворянской публики»⁶. И эта публика восхищалась его изложением истории, «за которым общественное мнение и университетское предание упрочили имя "художественного"»⁷.

В XIX в. значительным было влияние на историков философии истории Гегеля, однако это нисколько не противоречило впечатлению от романтического Скотта, а, скорее, упорядочивало взгляды историков и также направляло их внимание на борьбу противоречивых начал и на времена исторических переломов. Российские историки прекрасно совмещали «скоттизм» с гегельянством.

¹ Долинин А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. С. 194.

² Naissant E. La culture française en Russie (1700-1900). P., 1913. P. 362.

³ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 231.

⁴ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986. С. 21.

⁵ Там же. С. 234.

⁶ Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность // Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986. С. 324.

⁷ Там же. С. 327.

<...> внешние формы жизни каждого человечества, каждого века суть только инкарнации одной общей мысли, которая условливает эту жизнь; и без знакомства с этими внешними явлениями мы никогда не будем в состоянии постигнуть их творческого первообраза. Вальтер Скотт, бесспорно величайший исторический гений новых времен, вполне понял эту истину. <...> в его романах более истинной Истории, нежели в исторических произведениях большей части писателей-философов, изображавших одну с ним эпоху¹.

Так, один из известных российских профессоров-историков 1830-х годов М.И. Лунин читает Скотта как «гегельянец», для которого метод писателя важен как способ описания «внешностей». Лунин понимает объективность Скотта именно в этом смысле, «подставляя» первообраз, которого, конечно, у Скотта нет.

Восприятие и изложение истории после трудов Карамзина, «триумфального шествия Скотта» по образованной России² и прозы Пушкина стало обязательно соотносится с литературой и литературным нарративом.

Скотт стал для России одним из тех авторов — главный из них, конечно, активно заимствовавший у Скотта эстетические приемы Пушкин, — которые подвели своеобразный итог поискам века Просвещения, произведя на свет особый вид художественно-исторического дискурса. Большой интерес к вкладу Пушкина в историю России проявил, например, В.О. Ключевский. Он писал:

Пушкин был историком там, где не думал быть им и где часто не удается стать им настоящему историку. *Капитанская дочка* была написана между делом, среди работ над пугачевщиной, но в ней больше истории, чем в *Истории пугачевского бунта*, которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману. <...> Так, у Пушкина мы находим довольно связную летопись нашего общества в лицах за 100 лет с лишком. <...> Пушкин не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника³.

¹ Лунин М.И. О влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части средней истории // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1836 г. Харьков, 1836. С. 14-16.

² См. прекрасное и подробное описание этого процесса в книге: *Альшиллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов.*

³ *Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли.* С. 394, 399.

Более того, с точки зрения Ключевского, поэт, в свою очередь, стал венцом истории: «поэзия Пушкина была подготовлена последовательными усилиями двух эпох — Петр I и Екатерины II. Целый век нашей истории работал, чтобы сделать русскую жизнь способной к такому проявлению русского художественного гения»¹. Ключевский даже ищет предков такого известного литературного героя, как Евгений Онегин: «Разумеется, у такого образа могут быть только историко-генеалогические, а не генеалогические предки»². Ключевский «вписал» Онегина в российскую историю, наметив длинный ряд его возможных «предков» аж с XVII в., т.е. исторических типов, наиболее близких Онегину «по духу»: «Его предки — люди из дворянства, служившего проводником светского образования и органом управления. Это исключительные люди, которых слишком быстрая смена направлений образования и не всегда удачная его постановка ставила в неправильное положение»³.

Последующее восприятие «великих русских писателей» как авторитетных историков покоится на неявном представлении о том, что они в своих художественных произведениях описывают события весьма близко к тому, что «было на самом деле» — ведь и в этом их «гениальный художественный дар» с точки зрения концепции «реализма». Гениальный писатель — «реалист», значит, когда он пишет об истории, он наиболее близок к пониманию того, что происходило «на самом деле». Участники Бородинской битвы упрекали Толстого в неточностях и неправильностях передачи реальных событий, сейчас для нас это не важно — мы считаем, что Толстой гениально передал «дух» того времени⁴.

Государственная идеология в советское время использовала литературу и литературный вымысел (вместе с концепцией реализма) в том числе и для поддержания определенной концепции истории. Уровень культуры и образования — а значит, и понимания гуманитарных проблем — в Советском Союзе был таков, что

¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 403.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 425.

⁴ Влияние приемов Скотта на Толстого также заслуживает серьезного внимания, хотя, как отмечает Гарет Джонс, эта тема еще не исследована (см.: Gareth Jones W. 'Tis Sixty Years Since: Sir Walter Scott's Eighteenth Century and Tolstoi's Engagement with History. P. 185).

художественное изложение вполне принималось за историю, даже более «истинную», чем официальная. Образованные слои общества понимают российскую историю XVII и XVIII веков по А.С. Пушкину, XIX в. – по Л.Н. Толстому, М.Ю. Лермонтову, И.С. Тургеневу, Ф.М. Достоевскому, А.Н. Островскому, XX в. – по А.И. Солженицыну, В.Т. Шаламову, А.А. Ахматовой и др. Необычайно популярны рассказы и пьесы «про историю» М.Ф. Шатрова, В.С. Пикуля и Э.С. Радзинского.

Российские историки отмечают до сих пор существующую сильную искажающую тенденцию доверять трактовку истории художественной литературе, которая приводит к господству не только политических, но эстетических и моральных оценок в историческом дискурсе. «Общество тогда уже [в конце XIX в.] выбрало иных героев, выработало или восприняло определенные штампы в восприятии истории и исторических личностей. Люди культурной эпохи Льва Толстого смотрели на всю русскую историю, и не только на историю, с позиций автора "Войны и мира" и его глазами. <...> Позднейшие времена мало что изменили»¹. Даже спустя двадцать лет после крушения советской власти исторические деятели, стремившиеся в прошлом к революционным, насильственным методам влияния на ход событий, в явной или неявной форме оцениваются при изложении истории как «положительные», «прогрессивные», «героические», «высокоморальные».

Таким образом, в России укоренился взгляд на историю как такую реальность, которая наилучшим образом осознается и передается с помощью художественного нарратива, причем это взгляд характерен и для официоза, и для диссидентов.



¹ Грюнберг П.Н. Вступление // Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 309.

Проблемы методологии историко-философского исследования дворянства

Изучение событий, документов и мысли отдаленного от настоящего момента на 150–250 лет периода российской истории все время оставляет странное ощущение некоего несоответствия, некоего тумана, обволакивающего взгляд, размывающего картину, отдельные детали которой могут вырисовываться достаточно четко, поскольку связаны с совершенно конкретными личностями, текстами или событиями. Сначала удивление, а потом нарастающее раздражение начинают вызывать бесконечные цитаты и примеры из художественной литературы, каким-то образом постоянно служащие аргументами в историческом, историософском или философском изложении. Выясняется, что все серьезное и самостоятельное в России и российской мысли возникает не ранее тридцатых-сороковых годов XIX в. До этого времени мыслители, например, имеют только последователей, а с этого момента они получают и предшественников.

Чем больше обращаешься к документам того времени, тем больше видишь несоответствие отраженной в них жизни и нашими представлениями о том, что происходило тогда. «Дух времени» ускользает от современного исследователя, поскольку русская история, вернее, ее описание и понимание, пересекает в указанные годы некий рубеж. Русская история вдруг превращается из

Впервые опубликовано: Микешин М.И. Проблемы методологии историко-философского исследования дворянства // *Артемьева Т.В., Златопольская А.А., Микешин М.И., Тоси А. А.М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие.* СПб., 2008. С. 7–39.

истории войн и дворцовых переворотов в историю литераторов, журналов и борьбы за свободу слова и творчества.

Приведу один наглядный пример. В 1997 г. в Эрмитаже была устроена выставка «Совершенно модный живописец. Франц Крюгер в Петербурге». Само собрание великолепных портретов — не обязательно парадных — «царских сатрапов» Николаевской эпохи, лиц, глядящих на зрителя из того времени заставляет усомниться в привычных оценках эпохи «Николая Палкина». Однако мое особое внимание привлекла картина Г.Г. Чернецова «Парад и молебствие по случаю окончания в Царстве Польском военных действий в 1831 году, на Царицыном лугу». Это полотно хорошо известно всем по фрагменту, растиражированному везде, вплоть до школьных учебников литературы (и сегодня его часто демонстрируют в учебных и научно-популярных программах канала «Культура»). На фрагменте изображены прогуливающиеся И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский и А.С. Пушкин. Я в первый раз увидел целиком полотно, фрагмент которого знаем наизусть. Оказывается, картина большая (212 на 345 см¹), две трети на ней занимает петербургское небо. Царя видно хорошо, но он совсем небольшой в левом нижнем углу. А знаменитый фрагмент занимает примерно 1/130 часть площади всей картины. Пикантность ситуации придает еще и то, что на полотне изображены светочи русской литературы, «хотя подтверждений того, что они были свидетелями парада, нет»². Не афишировалось также и то, какому событию был посвящен парад, и то, что Пушкин и его коллеги попали на полотно потому, что Николай I заказал Чернецову «написать вид, изображающий парад на Царицыном лугу, в ту меру, как написана известная картина Крюгера парад в Берлине» (Крюгер, например, изобразил Паганини, которого точно не было в Берлине во время парада)³.

Итак, наше представление об истории того времени характеризуется каким-то особым, специфическим методом видения, который вырывает некоторые фрагменты, увеличивает их до размеров,

¹ *Асвариц Б.И.* «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 86.

² Там же.

³ Там же. С. 11, 10.

застылающих все остальное, да и фрагмент этот оказывается, возможно, не имеющим связи с реальностью.

По сути дело речь идет о традиции толкования — явного или неявного — историками философии истории и ее состояние в настоящий момент. Речь идет, следовательно, не о теоретических философских разработках и концепциях того, что есть история, а о практическом понимании и повседневном использовании интуитивных и полуинтуитивных представлений в работе историков политики, науки, искусства, музыки, театра, философии и т.д.

* * *

Известно, что *социально-психологический* портрет интеллигенции еще в начале века нарисован в сборнике *Вехи*, причем интеллигенты того времени описывают симптомы и ставят, как врачи, сами себе диагноз. Они делают это в отношении к политике и революции. Меня же интересует не социально-политический, а методологический и эпистемологический аспект интеллигентской ментальности, даже более частная проблема интеллигентской историософии: как видит и понимает историю человек с такой социально-психологической структурой и как он предлагает эту историю изучать.

Для начала необходимо кратко вспомнить *психологический портрет* интеллигента, нарисованный *Вехами*. Поскольку этот текст широко известен и доступен, нет необходимости давать конкретные ссылки на те или иные утверждения¹. Я буду объединять их в основные тезисы, складывающиеся в цельную картину-концепцию.

*Элитарная группа*². Интеллигенция — это своеобразный «кружковой» замкнутый мир, живущий под двойным давлением — реакционной внешней власти и казенщины внутренней — инертности мысли и консервативности чувств: изолированность от жизни,

¹ См., напр.: *Вехи. Из глубины*. М., 1991; *Вехи. Интеллигенция в России*. М., 1991 и др.

² «Русская интеллигенция — классический пример элитарного феномена, не связанного с какой-либо социально-групповой структурой ... элитарная группа "интеллигентского" типа консолидирована вокруг символов...» (*Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования*. М., 2007. С. 8).

«подпольная» психология. Эта группа состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы.

Это сонмище больных, изолированное в родной стране. Интеллигенция на девять десятых поражена неврастением: почти нет здоровых людей, — все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью; все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены. Души интеллигентов сотканы из противоречий. Не люди, а калеки. Уродство случайное и насильственное. Личность раздвоена, утрачена способность естественного развития.

Для нее характерна безытнность, отрыв от органического склада жизни, отсутствие собственных твердых устоев. Жизнь русского интеллигента — личная, семейная, общественная — безобразна и непоследовательна, а сознание лишено существенности и силы. Разрыв между деятельностью сознания и личной чувственно-волевой жизнью стал общей нормой, больше того — он был признан мериллом святости, единственным путем к спасению души. Жизнь русского общества идет по двум отдельным линиям — быта и мысли, между которыми нет почти ничего общего.

Противоречия здесь сосуществуют потому, что разнородные мотивы распределяются по различным областям идей и жизни. Имея простой и верный ключ к универсальному спасению человечества, интеллигент не может смотреть иначе чем с пренебрежением и осуждением на будничную и не знающую завершения деятельность¹.

Главные социальные причины такого душевного склада интеллигенции — застаревшее самовластие, давление полицейского прессы и вечная реакция, века рабства и отсутствие серьезного воспитания.

Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революции 1905–07 гг.

¹ Ср. одно из афористичных определений интеллигента: «Подлец с болезненно развитым чувством ответственности».

Идейно же она была подготовлена в замечательную эпоху [18]40-х гг. <...> Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему¹.

В 1860-х годах, с их развитием журналистики и публицистики, интеллигенция явственно отделяется от образованного класса как нечто духовно особое.

Ювенильность. Интеллигент усваивает свою веру в отроческом возрасте и так всю жизнь при ней и остается. Интеллигенция никак не может выйти из отроческого возраста. Юношеский пыл и отроческое неведение жизни. Прямолинейный максимализм особенно естествен для учащейся молодежи. Духовная педократия (С.Н. Булгаков) есть величайшее зло и симптом интеллигентского героизма. Интеллигенция остается на всю жизнь учащейся молодежью в своем мировоззрении. Студенчество — квинтэссенция интеллигенции. Русская молодежь мало и плохо учится. Интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию.

Примат общественного. Идеология русской интеллигенции всецело покоится на признании безусловного примата общественных форм. Крайне непопулярны понятия личной ответственности, личности. Личность иногда сводится без остатка на влияние среды и стихийных сил истории. Героический максимализм целиком проецируется вовне, в достижение внешних целей. Личная жизнь вне героического акта оставляется без внимания. Отсюда и проистекает невозможность выработки устойчивой, дисциплинированной, работоспособной личности, держащейся на своих ногах, а не на волне общественной истерики, которая затем сменяется упадком. Максимальные притязания могут выставляться при минимальной подготовке личности как в области науки, так и жизненного опыта и самодисциплины.

Примат распределения и уравнивания. Интересы распределения и уравнивания всегда доминируют над интересами производства и творчества. Любовь к уравнивательной справедливости, к общественному добру, к народному благу. Производство благ во всех областях жизни — в науке, литературе, искусстве и т.д. — ценится ниже, чем их распределение. Почетное имя культурного деятеля заслуживает тот, кто раздает массе по кусочкам плоды чужого творчества, кто

¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. С. 153.

учит, популяризирует, пропагандирует. Не любит богатства, скорее ненавидит и боится его, любит только его справедливое распределение.

Деспотическое господство утилитарно-морального критерия, политический деспотизм. Духовная подавленность политическим деспотизмом. Безнравственно полностью отдаваться творчеству. Доминируют моральные суждения. Все подчиняется интересам политики, партий, направлений и кружков. Корыстное отношение к истине. В лице своих духовных вождей — критиков и публицистов — она творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры. Силу художественного гения почти безошибочно можно измерять степенью его ненависти к интеллигенции. Ложная исходная точка зрения, что сознание нашего народа ориентировано исключительно этически. Правовое сознание интеллигенции находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности. Все типичные черты последней отражаются на склонностях интеллигенции к формализму и бюрократизму. Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют почти никакого значения. Человек обязан посвятить все свои силы улучшению участи большинства, и все, что отвлекает его от этого, есть зло и должно быть беспощадно истреблено.

Революционность. Интеллигентское сознание требует радикальных реформ. За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни ответственность несут власти. Революция была интеллигентской, духовное руководство в ней принадлежало интеллигенции, с ее мировоззрением, навыками, вкусами, социальными замашками, всем идейным багажом и духовным оборудованием. Психологическая чуждость западному «мещанству» с его повседневными добродетелями, трудовым интенсивным хозяйством и бескрылостью. Самочувствие непрерывного мученичества и исповедничества, мечтательность, прекраснодушие, утопизм. Неотмирность, эсхатологическая мечта о грядущем царстве правды, стремление к спасению человечества. Своеобразный аскетизм. Жертвенность. Интеллигенция осознала себя единственной носительницей света и европейской образованности в этой стране, где все, кажется ей, охвачено непроглядной тьмой, все варварское и ей чуждое. Она признает себя ее духовным опекуном и спасает ее, как

понимает и умеет. Героизм — сущность интеллигентского мировоззрения и идеала. Героический экстаз с явно истерическим оттенком. Максимализм. Необходимое героическое деяние выходит далеко за пределы обыденного долга. Такое мироощущение гораздо более приспособлено к бурям истории, нежели к ее затишью, которое томит героев. При таком понимании для исторического строительства требуются прежде всего крепкие мускулы и нервы, темперамент и смелость. Максимализм целей влечет неразборчивость в средствах, освобождение от уз обычной морали. Не мыслит обновления вне перемены политических или партийных программ.

Низкая культура. Низкий уровень культуры. Не признается самостоятельное значение науки, философии, просвещения, университетов. Без настоящей школы и настоящих знаний. Прimitивная недифференцированность, слабость самостоятельных умозрительных интересов. Рационализм сознания сочетается с исключительной эмоциональностью и с слабостью самоценной умственной жизни. Обо всем судит прежде всего «принципиально», то есть на самом деле отвлеченно, не вникая в сложность действительности. Средний массовый интеллигент в России большей частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой журналист, непрактичный техник и т.д. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважение. Жалкое образование получают в средних и высших школах. Интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности. В мировоззрении интеллигенции идея права не играет никакой роли. Отрицание правового строя было возведено в систему. Культура понимается утилитарно, как некое средство для достижения иной цели. Культ опрощения есть свойство интеллигентского духа. Народное просвещение понимается прежде всего как развитие ума и обогащение знаниями. За недостатком времени и образованности самих просветителей эта задача заменяется догматическим изложением учений, господствующих в данное время в данной партии.

Декаданс. Все чувствуют себя героями и мучениками, поэтому раздоры становятся неустранимыми. Интеллигенция неизбежно разбивается на враждующие фракции. Нетерпимость и взаимные распри есть сущностная черта. Интеллигенция есть лишь особая

разновидность сословного аристократизма. Высокомерие, самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим. Потом по этому образцу оценивается дворянство.

Отношение к науке, склонность к мистицизму. Подлинная философия и наука оставались непонятными, представлялись таинственными. К «науке» и «научности» интеллигенция относится с почтением и даже с идолопоклонством, но под наукой понимает особый материалистический догмат, а под научностью — особую веру, избличающую зло самодержавия и ложь буржуазного мира. Сама наука и научный дух не привились, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались особым уважением и популярностью. Под научным духом всегда понимается политическая прогрессивность и социальный радикализм. Условия русской жизни делали невозможным процветание объективной общественной философии и науки. Философия и наука понимались субъективно-интеллигентски.

Доморощенная философия. Постоянный интерес к философским вопросам, но в нефилософской постановке. Конкретное и частное превращается в вопросы мирового спасения. Публицистика и литература как способы обсуждения этих вопросов. Склонность к последним мировым новинкам, которые никогда глубоко не усваиваются. Мировые философские учения воспринимаются искаженно, приспособляются к специфическим интеллигентским интересам. Питается «объедками с философского стола XVIII и начала XIX века»¹. Малокультурное отношение к философии и другим духовным ценностям. Всегда существуют свои кружковые философы и своя направленная философия, оторванная от мировых философских традиций. Эта доморощенная сектантская философия удовлетворяет потребность иметь «миросозерцание», отвечающее на все основные вопросы жизни и соединяющие теорию с общественной практикой. Жажда целостного миросозерцания, в котором теория слита с жизнью, жажда веры. Демагогическое отношение к философским спорам. Интересы теоретической мысли всегда принижены, но самая практическая борьба со злом

¹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. С. 198.

всегда принимает характер исповедания отвлеченных теоретических учений. Интеллигенция просмотрела оригинальную русскую философию, равно как и философское содержание великой русской литературы.

Философия истории. Усвоены догматы просветительства: вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, то есть просветительство — вот несложная философия истории среднего русского интеллигента. Вера в естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека, но, вместе с тем, механическое его понимание. Все зло объясняется внешним неустройством человеческого общежития, и поэтому нет ни личной вины, ни личной ответственности. Вся задача заключается в преодолении этих внешних неустройств. Нет чувства связи с прошлым, максимализм приводит к стремлению вызвать социальное чудо. Теоретически исповедуемый эволюционизм отрицается практически. Чувства исторической связи, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического ее восприятия поразительно малы, на палитре преобладают две краски, черная для прошлого и розовая для будущего. История является, чаще всего, материалом для применения теоретических схем, господствующих в данное время в умах. Укоренился идеализм сознания, навьк нуждаться в сверхличном оправдании индивидуальной жизни, привычка видеть смысл личной жизни в идеальных благах. Социалистическое отрицание личной ответственности — главный устой интеллигентского мирозерцания.

* * *

«Таким образом, действительно русская "интеллигенция" на протяжении вот уже более чем столетия представляет из себя чрезвычайно типичное социальное образование, со столь определенной и резко выраженной идейной и эмоционально-волевой характеристикой <...>»¹

П.Н. Милюков критикует *Вехи*, расширительно толкуя интеллигенцию — как образованный слой общества. Он предлагает

¹ Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // *Вехи. Интеллигенция в России*. С. 233. См. также: *Афанасьев В.Г. История русской интеллигенции*. СПб., 2013.

один из способов ответа интеллигенции на критику: отделение интеллигенции и «интеллигентщины», «образованщины» и отождествление интеллигенции с образованным классом вообще. Этот же способ затушевывает неприятные социально-психологические особенности интеллигенции и явно демонстрирует ее претензии на культурную экспансию.

Поскольку не история интеллигенции является темой данной работы, не будем следить за тем, как эта группа эволюционировала после революции. Некоторые исследователи считают, что дореволюционная интеллигенция была полностью уничтожена, а интеллигенция советская — уже совсем другое явление¹. Однако важно, что в годы Советской власти интеллигенция в полной мере осуществила свои претензии, получив полную культурную монополию и уничтожив все другие реально до этого существовавшие подходы к культуре.

Самооценка интеллигенции продолжается в духе подхода Милюкова, тем более что иллюзия единственности, единственной правильности интеллигентской самотрактовки как бы подтверждается десятилетиями ее абсолютного господства в стране. Даже обращение к православной традиции не может служить сильной альтернативой, поскольку эта традиция характеризуется практически полным отсутствием теоретических интеллектуальных разработок, ограничиваясь догматикой и каноном.

Примером разработки подхода Милюкова может служить концепция Ю.М. Лотмана², вклад которого в выживание и развитие советской гуманитарной культуры не подлежит никакому сомнению. Ю.М. Лотман высказал следующие тезисы:

¹ Такая точка зрения высказывается, например, нынешними социологами, исследующими российские элиты (Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. С. 9, 13). Однако, она не кажется убедительной. Она во многом покоится на интеллигентском же мифе о «высокой духовности» дореволюционной интеллигенции. Кроме того, они продолжают использовать термин «интеллигенция» при описании элит советского и постсоветского периодов (Там же. С. 14, 16 и далее).

² Точка зрения Ю.М. Лотмана была им изложена, например, в серии телевизионных бесед *Культура и интеллигентность*, которая неоднократно широко транслировалась по российскому телевидению.

- надо различать интеллигенцию (профессиональную социальную группу) и интеллигентность (психологическое свойство личности);
- интеллигентность — это психологический нравственный тип, это ощущение, что есть душа; это внутренняя свобода, самоуважение;
- свойства интеллигентного человека: душевная мягкость и отзывчивость; умение посмотреть на себя со стороны, более того, страдание от собственных недостатков, мучительное интеллигентское чувство нравственного суда над собой; страдающая любовь к родине; интеллигент — это «человек, который болен любовью к родине» (Гоголь);
- авторитеты: Пушкин, Чехов; положительный пример — декабристы;
- культура (понимаемая как духовная, нравственная среда) облагораживает человека, превращает его в интеллигентного, интеллигентность — это «воспитанность»;
- культура есть система запретов, внешних и внутренних;
- противоположность интеллигентности — хамство, «идеологизированное лакейство» (Пушкин), холопство, психология раба, неуважение к себе, униженность, выпадение из культурной традиции; источники хамства — комплекс трущоб, комплекс оккупанта и др.; хамство — симптом социально-психологических болезней, интеллигентность — противоядие против этих болезней, выделяемое из себя культурой;
- бюрократия психологически построена на хамстве, она не может быть устроена иначе из-за своей социальной позиции;
- главное зло — это обыкновенное пошное зло, которое не думает делать зло, а просто так живет.

Для проявления интеллигентности нужна соответствующая среда. Среда нужна для того, чтобы врожденное чувство интеллигентности накопилось, кристаллизовалось, а потом стало осознанным в среде, характеризующейся устойчивой свободой. Среда, из которой выходит интеллигент, тесно связана с национальными традициями — крестьянскими, дворянскими. Среда между народом и дворянством, разночинная среда была тем раствором, из которого выкристаллизовалась интеллигенция. Плебей Ломоносов был одним из ее основателей. Это была среда учебных заведений,

готовивших чиновников для государства. Это были Академический университет, Московский университет и два его пансиона, Академия художеств, медицинские школы, школы для канцеляристов, мастеров и младших офицеров, семинарии, театральная среда. В этих заведениях учились и вращались солдатские дети, немного детей купцов и беспоместных дворян, дети священников, ремесленников и крепостных. Вся эта среда болела пьянством.

Подход Ю.М. Лотмана разделяет и Д.С. Лихачев, определяющий интеллигента как образованного человека, обладающего большой внутренней культурой и свободой, понимаемой как «независимость мысли при европейском образовании»¹. Свобода для интеллигента — нравственная категория; он несвободен только от своей совести и своей мысли.

* * *

Важными и гораздо более близкими к избранной теме являются попытки описания не интеллигенции как некоего объективного социального явления, но ее дискурса. В качестве примера приведем одну из наиболее удачных, на наш взгляд, таких попыток.

М.Ю. Лотман² отмечает, что кроме определения и описания самой интеллигенции существенно выявление основных внутренних параметров интеллигентского мировосприятия и авторефлексии, то есть *интеллигентской дискурса* (далее — ИД). Большинство разговоров об интеллигенции и интеллигентности совершенно естественно входят в пространство ИД. М.Ю. Лотман понимает дискурс в духе «археологического подхода» М. Фуко, при этом дискурс — это не только слова и тексты, но и стратегии их продуцирования, распространения и понимания, а также реальность, в этих словах заключенная и трансформируемая под их влиянием. Внешняя неопределенность ИД компенсируется чрезвычайной

¹ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3. Ср. это определение с пониманием Кантом «просвещенного человека». Интересно также сравнение гонений на интеллигенцию с гонениями на христиан в: Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 194.

² Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // Россия/ Russia. Новая серия. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 122–151.

внутренней устойчивостью структуры самого дискурса, его логики, на протяжении полутора веков практически неизменной. ИД оказывается чрезвычайно емким, но главные его особенности не в объеме, а в характере и структуре связей. «Дискурс этот характеризуется сверхсвязностью (все связано со всем), что отделяет его от рассудочных дискурсов научного, философского или даже публицистического типов и приближает к художественным (причем, скорее поэтическим, нежели прозаическим) и мифологическим дискурсам. А сверхсвязность, в свою очередь, закономерно приводит к амбивалентности, аморфности и прямолинейности»¹.

М.Ю. Лотман предлагает далее обзор категорий ИД, ряд которых являются культурологическими универсалиями, другие — универсалиями русской культуры, а третьи специфичны именно для данного дискурса. В первых двух случаях интерес представляют способы реализации данных универсалий.

Важнейшей чертой русской интеллигенции является соотнесенность ее с западными образцами. Однако, «дело очевидным образом идет не просто о перенесении, трансплантации западноевропейской модели — помещение ее в принципиально иной культурный контекст приводит к ее перекодировке в терминах, специфических именно для русской культуры, трансформации, в результате которой многие из исходных компонентов были утеряны, а некоторые добавлены, и, что еще важнее, большинство акцентов было смещено, например, "передвинуто" из интеллектуальной сферы в сферу нравственную. В результате такого транскультурного перевода русская интеллигенция и с содержательной, и с функциональной точки зрения оказалась явлением принципиально иного порядка, нежели западная интеллектуальная элита»².

Одна из важнейших особенностей ИД — его ярко выраженная ориентация на художественную литературу. Эта ориентация относится и к тексту и к метатексту: жизненные ситуации интерпретируются сквозь призму литературы, т.е. жизнь по отношению к литературе вторична, а типичными, «эталонными» интеллигентами становятся в основном литературные персонажи. «Производится двойная подмена: вместо реальных людей и исторических типов рассматриваются литературные герои, результаты же этого

¹ Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода. С. 127.

² Там же. С. 128.

анализа выдаются за исследование самой "жизни": Онегин с Печориным оказываются не литературными персонажами, а общественно-психологическими типами <...> интеллигент — это, в первую очередь, литературный тип <...> литературна его сущность, литературно происхождение ... интеллигенция происходит из слов, сказанных по поводу слов, сказанных по поводу слов etc.»¹ Это уже мифология. Весь ИД в своей основе глубоко мифологичен и все его параметры суть мифологемы.

В последние годы появилось необычайно большое количество исследований истории и бытия российской интеллигенции. В них мне не удалось обнаружить ничего принципиально нового по сравнению упомянутыми фундаментальными подходами, рассматриваемыми, в общем, один и тот же набор социально-психологических характеристик интеллигенции, только приписываемыми им либо положительные, либо отрицательные значения. Рассуждая об интеллигенции, многие исследователи явно или неявно включают в создаваемое определение элементы самоописания интеллигентов. Отсюда пафосность, неясность, нечеткость представлений, смешение социально-политического, революционного и морально-нравственного².

Интеллигенция активно, хотя и по своим канонам, всегда борется за «место под солнцем», то есть за влияние на власть и за саму власть. В первую очередь это выразилось в определении ее «собственной» области, т.е. в претензии на культурную монополию, на «владение умами» и на просвещение народа. Была создана мифология русской интеллигентской культуры, сам «дух» России стал отождествляться с ней. Социальное и социально-психологическое положение интеллигенции стало отождествляться с «особенностями русского духа». Окунуться в этот «русский интеллигентский дух» можно, открыв любую из все еще многочисленных книг современных пока еще не гламурных русских писателей.

¹ Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода. С. 147–148.

² См., например, зарубежные исследования на эту тему: *Obolonsky A.V. The Drama of Russian Political History: System Against Individuality*. College Station, 2003; *Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia: 1801-1917* / Trans. Robert H. McNeal and Tova Yedlin. Canada, 1985; *Read Ch. Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. N.Y., 1990; *Steinberg M.D. Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Ithaca, 2002.

* * *

Сформулируем теперь кратко ту методологическую схему, *«интеллигентскую парадигму»*, которая сложилась под полутора-вековым влиянием интеллигентского подхода к истории. При этом выделим те ее черты, которые проявляются при историческом исследовании интересующего времени.

История как литература. «Интеллигентская парадигма» родилась в среде журналистики, публицистики и художественной критики. Интеллигенция с самого своего появления стремилась во что бы то ни стало продемонстрировать, что русская литература есть ее территория, ее порождение, ее важнейшее оружие в борьбе за умы и сердца людей, в борьбе за мировую справедливость. Крупнейших российских писателей и поэтов публицисты и критики записывают в интеллигенцию, перетолковывая смыслы их произведений на свой лад, снабжая эти произведения и их героев ярлыками «революционера», «лишнего человека», «будущего декабриста» и т.д. Перетолкованные литературные тексты и мнения литераторов становятся краеугольными текстами и мнениями, библией интеллигенции. Личные писательские оценки исторических деятелей и событий становятся базисными для трактовки той или иной исторической эпохи. В качестве примеров деятелей эпохи берутся литературные персонажи, писатели становятся непререкаемыми авторитетами в исторических исследованиях. В самом деле, кто как не интеллигентные писатели так глубоко проникают в «дух эпохи», чувствуют и передают ее настроения и смыслы, ведь они причастны миру идей, миру истины.

Разделение по стилям и историческим эпохам приводит к тому, что не только «искусство», «литература», «поэзия» и т.д. становятся некими объективными сущностями, которые «развиваются», «требуют» и т.д., но и «Просвещение» и «Возрождение» становятся таковыми.

Культура как герменевтика. Культура и история человечества есть не что иное как совокупность порожденных людьми текстов. Значит, понять, объяснить и предвидеть может только тот, кто умеет читать и трактовать эти тексты. А на это способен только тот, кто посвящает жизнь чтению, толкованию и писанию текстов,

то есть «истинный интеллигент» — интеллигент, причастный истине. Все в культуре суть тексты, они лишь по-разному «мировоззренчески» нагружены. Интеллигент же есть тот, кто обладает «мировоззрением», «миропониманием», «мироощущением», и не только обладает, но сознательно пользуется всем этим. Для понимания же истории самую важную роль играют тексты литературные, «насквозь» «мировоззренческие».

«Введение в научный оборот». Понимание одной из главных задач интеллигенции — просвещения как распределения духовных благ, как раздачи чужого творчества, популяризации и пропаганды, слабость творческих потенциалов, многолетняя привычка «не высываться» привели в исторических науках к широкому распространению такого рода деятельности как «введение документов в научный оборот». В истории философии этому соответствует критический пересказ и сопоставление текстов различных исследователей. В этом случае собственная позиция исследователя не декларируется, не обосновывается и не обсуждается. Эта позиция может быть зафиксирована лишь в выборе текстов для публикации и в минимальных комментариях обычно справочного характера. Такой способ деятельности в науке, совершенно необходимый как этап исследования, превращается в конечную цель, работа не доводится до стадии явного выдвижения гипотезы.

Упрощенные гуманитарные модели. И образ жизни, и уровень образования огромного большинства гуманитарных интеллигентов оказываются весьма ограниченными. Соответственно, используемая ими рационализация обычно проста, схемы человеческих и ментальных отношений одномерны или двумерны (таблицы в два-три столбца, «прямоугольники и стрелки», схемы-«ромашки»). Для разработки же гипотез используются достаточно упрощенные догматические дуальные модели, в основе которых лежит максималистское дуальное же «мировоззрение» интеллигенции: благо народа — и зло власти, моральность общественного — и аморальность индивидуального (или наоборот). На этом фоне появляются весьма редко и резко выделяются исследования, основной пафос которых направлен на разрушение дуальных стереотипов, на описание сложности жизни и множественности действующих факторов и обстоятельств.

Суд истории. Верхний теоретический уровень «интеллектуальной парадигмы» погружает нас в атмосферу суда. Здесь доминируют моральные суждения и политические критерии. Человек, живущий позже, в силу исторического прогресса более развит и мудр, чем его предки. Поскольку интеллигент причастен истине, он имеет право и обязан творить свой суд над героями его истории и выносить им приговоры. Наивысшее одобрение получают герои-«революционеры», борцы с властью деспотического государства во благо народа, с «мещанской» повседневностью и бытом, «просветители», несущие в народ свет спасения. «Совесть» всегда стоит выше права. Многие исследователи стараются вообще избегать теоретических гипотез, ограничиваясь «предварительным следствием» и считая все остальное опасной или идеологизированной спекуляцией.

Для нашей темы особенно важно обратить внимание на *взаимоотношение аристократии и «аристократии духа»*. Интеллигенция частично произошла от дворянства, по крайней мере, в трех смыслах. Во-первых, достаточно большое количество дворян оказалось в ее рядах. Во-вторых, многие интеллигенты получали возможность учиться и жить благодаря покровительству и прямой материальной помощи богатых дворян. В-третьих, интеллигенция, так же как и купечество, заимствовали у дворянства многие нормы и привычки культурного поведения. Однако интеллигенция и аристократия всегда относились друг к другу достаточно враждебно. Для аристократов интеллигенты всегда были нищими недоучками, неврастениками, больными политикой и социальной мистикой. Аристократы же, в силу их образованности, богатства и причастности власти, всегда были ненавистны интеллигентам¹. После революционной победы интеллигентов над аристократами первые приписали себе и своим предшественникам лучшие характеристики аристократов, главным образом, образованность, культурность, «духовность», оставив аристократам «спесь», «рафинированное хамство» и «крепостничество». Такое перекрашивание нетрудно было сделать на фоне низкой культуры поднятых революцией городских низов и крестьянства. Печальная ирония заключается в том, что при советской власти «аристократами духа»

¹ См., например: Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 49, 51, 53-54.

официально считаются — и соответственно ведут себя — актеры академических театров, всю жизнь играющие аристократов и дворян в классических пьесах А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Особую героическую роль играет мифологическая фигура «Учителя» (чаще всего школьного, особенно сельского), героически «отдающего всего себя» ученикам, но при этом не имеющего ни времени, ни возможностей подпитывать свое «внутреннее пламя» серьезным повышением своего профессионального, психологического и культурного уровня. Интеллигенция стремится отождествить себя с образованным классом, представить историю России, по крайней мере, последних веков, как историю взаимоотношений и смертельной борьбы этого образованного класса и власти.

* * *

Разработанная интеллигентами традиция привела к тому, что из истории как науки почти совершенно исчезли гипотезы и теории «среднего уровня». Те, кто занимается историей (не считая «исторических романистов»), работают, главным образом, в трех областях:

- во вспомогательных исторических дисциплинах (история мундира, генеалогия, историография, публикация архивных документов и т.д.);
- в популярных жанрах (сборники рассказов и телефильмы об исторических деятелях, о пытках на Руси, о придворных обычаях и т.д.);
- в историософии.

Теории и гипотезы «среднего уровня» — весьма трудное и ответственное дело, всегда открытое для яростной критики (или презрительного умалчивания) коллег. Это дело подразумевает владение различными методами и подходами к построению научных гипотез с опорой на исторические свидетельства, а главное — внимательный и безжалостный самоанализ, выявление и описание используемых самими историками методов и приемов, их сильных и слабых сторон, их зависимости от идеологической позиции автора. Такая работа подразумевает профессионала-ученого, ре-

зультаты научной работы которого непредсказуемы и часто расходятся, как во всякой науке, с общепринятыми концепциями и взглядами.

Интеллигенция стремится совсем не к этому¹. Позиция интеллектуала-профессионала вызывает у нее очень резкую реакцию осуждения. Профессионал обвиняется, прежде всего, в безнравственности: занимаясь делом, он оказывается в стороне от нравственных проблем интеллигенции, от борьбы за народ и его культуру. Стремление профессионала как можно лучше делать свою работу (что поглощает у гуманитария фактически все его жизненное время) считается не имеющим отношения к нравственности и осуждается как бегство от проблем общества (а, возможно, и как очевидный упрек бесплодию интеллигента).

Ситуацию еще более осложняет тот факт, что в российском обществе профессионал-гуманитарий, интеллектуал вольно или невольно оказывается в окружении интеллигентов и воспринимается всеми как интеллигент. От него ждут соответствующих реакций, он сам привыкает к ним и часто не в состоянии отделить себя от интеллигенции. Обыденное мышление его сообщества фактически всегда находится во власти «интеллигентской парадигмы».

Главной же теоретической опорой интеллигенции является историософия (хотя это не всегда явно видно). Именно историософия для истинного интеллигента заменяет историю, литературу и философию, именно в ней он ищет ответы на мучающие его глобальные вопросы². Сам термин «историософия» появился одновременно с интеллигенцией и был связан с гегелевской схемой мировой истории³. Однако у Н.А. Бердяева историософия становится особой мыслительной традицией, по принадлежности к которой

¹ См., напр.: Интеллектуальное пространство современной России: круглый стол. СПб., 2008.

² Одним из самых ярких и талантливых примеров современной российской историософии является концепция В.К. Кантора. См., например: *Кантор В.К. Соседи: Арабески*. М., 2008; *Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса*. М., 2007; *Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности*. М., 2007; *Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры*. М., 2001; *Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки*. М., 1997.

³ *Русакова О.Ф. Историософия: структура предмета и дискурса // Вопросы философии*. № 7. 2004. С. 59.

он определял свою «русскость», для него русская мысль всегда была историософической¹. У В.В. Зеньковского русская мысль также «сплошь историософична»².

Интеллигентская историософия в России не просто концентрируется на соотношении общеуниверсального и индивидуального в истории, она называет главное опосредующее звено между общеуниверсальным и индивидуальным, главную категорию и предмет горячей и постоянной своей заботы — «Россию». Это понятие используется чрезвычайно часто и широко, вызывая не столько рациональные построения, сколько священный трепет и патриотические эмоции. Сомнение в построениях, использующих столь возвышенную категорию, кажется не просто ошибочным, оно кажется непатриотичным, безнравственным. Видимо, такое отношение в гораздо большей степени подавляло и подавляет всякое желание выдвигать критические исторические гипотезы, чем идеологические запреты и даже репрессии времен советской власти.

Если считать объектом историософии объективное историческое бытие³, то историософия становится «онтологией истории», точнее даже «метафизикой истории», что в интерпретации российской интеллигенции становится «теологией истории» и «этикой истории».

* * *

Мы не сможем сказать что-либо толковое про русскую культуру «доинтеллигентского» XVIII в., если не попытаемся преодолеть мифологию «разночинцев».

Один из примеров смещенных акцентов приводит американский исследователь: «После 1917 г. начало XIX в. стало рассматриваться в российской историографии в контексте почитания революционных предшественников. Советские историки настаивали на резкой и часто искусственной дихотомии между прогрессистами и революционерами <...> Более того, они, главным образом, выделяли доминирующую роль чисто внешних факторов (фискальных

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 286.

² См. об этом: Русакова О.Ф. Историософия. С. 51–52.

³ Там же. С. 55.

мер, крестьянских волнений, роста "буржуазных" экономических отношений) при мотивации действий элиты и, тем самым, недооценивали культурные и идеологические факторы»¹.

Российские социологи отмечают, что некоторые особенности «интеллигентского» взгляда на историю не являются столь уж необычными, наоборот, они воспроизводят давнюю традицию: «Российское историческое время сложено из относительно коротких — по меркам других обществ — отрезков, каждый из которых как бы начинает историю (институциональную традицию и память) заново, с "чистого листа". Каждый период обычно находит свое "оправдание" в отрицании предыдущего правления и расправах с его элитарными структурами. Функции отсутствующей исторической традиции (как инструмента легализации и поддержки существующего порядка) восполняются квазиисторической мифологией»².

Существует определенный набор сложившихся штампов в истории XVIII в., неоднократно разоблаченных серьезными исследованиями, но постоянно воспроизводящихся на самом профессиональном уровне в виде предустановленных идеологических конструкций. Например, «революционер» Петр, «наивная просветительская программа» первых лет царствования Екатерины, затем ее «лицемерие» и т.д.

«Интеллигентская парадигма» оказалась господствующей и отгородила гуманитариев от других способов видения мира и вхождения в культуру³. Чтобы открыть новые возможности интерпретаций истории, преодолеть вековые штампы и запреты, понять разных людей разного прошлого приходится заново восстанавливать основы иных, «неинтеллигентских» мировоззрений, в частности, дворянского. Для восстановления мировоззренческих, «ментальных» структур приходится учиться читать культурные деяния и творения как мировоззренческие (мировоззренчески нагруженные) гипертексты.

¹ *Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 13.*

² *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. С. 5.*

³ «Практически все современные трактовки и проблемы элитарных групп, барьеров, функций непосредственно восходят к советскому периоду» (Там же).

Первое, что, видимо, следует сделать, это попытаться освободиться от одного из главных приемов «интеллигентской парадигмы» — слияния литературы (и вообще искусства), истории и нравственности. Интересно, что проблемой освобождения от интеллигентских спекуляций озаботились, в первую очередь, литераторы, а не историки и философы.

То, что искусство не имеет прямого отношения к нравственности как системе общепринятых норм, утверждали, например, Оскар Уайльд и Владимир Набоков. Значит, литература не может претендовать на роль учебника нравственности, ибо все то, что в ней от учебника (т.е. какие-то правила или случаи, превращенные в образцы поведения), привнесено извне, в лучшем случае, из философических концепций автора, а в худшем (и наиболее частом) — из его предрассудков и комплексов. Кажется, авторы XX века уже научились это различать.

Ко многим гуманитарным исследователям можно применить описание И.А. Бродским своего поколения:

Если мы делали этический выбор, то исходя не столько из окружающей действительности, сколько из моральных критериев, почерпнутых в художественной литературе. Мы были ненасытными читателями и впадали в зависимость от прочитанного. Книги, возможно, благодаря их свойству формальной завершенности, приобретали над нами абсолютную власть. Диккенс был реальней Сталина и Берии. Романы больше всего остального влияли на наше поведение и разговоры, а разговоры наши на девять десятых были разговорами о романах. Это превращалось в порочный круг, но мы не стремились из него вырваться <...> Начиналось это как накопление знаний, но превратилось в самое важное занятие, ради которого можно пожертвовать всем. Книги стали первой и единственной реальностью, сама же реальность представлялась бардаком или абракадаброй. При сравнении с другими, мы явно вели вымышленную или выморочную жизнь. Но если подумать, существование, игнорирующее нормы, провозглашенные в литературе, второсортно и не стоит трудов. Так мы думали, и я думаю, мы были правы. Инстинкты склоняли нас к чтению, а не к действию¹.

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. СПб., 1999. С. 23–24.

Вполне естественно, что и в исторических персонажах таких исследователей привлекало и привлекает, главным образом, то, что имеет отношение к «настоящему» миру литературы.

Поэт по-своему описал процесс перехода от реальности к реальности литературы, обратившись к духовной истории Санкт-Петербурга. Петр Первый провидел этот город как Россию с лицом, обращенным к миру, «он представлял себе город как духовный центр новой России: источник разума, наук, просвещения, знания. Реализации этого видения и была подчинена вся его сознательная деятельность; это было не то что побочные продукты военных посягательств в последующие эпохи». И Петру в некотором смысле удалось добиться своего. Его город стал гаванью как физической, так и метафизической. «Нет другого места в России, где бы воображение отрывалось с такой легкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга <...> Во всяком случае к началу девятнадцатого века Петербург уже был столицей российской словесности»¹. Петербург стал для России возможностью взглянуть на себя несколько со стороны.

Далее Бродский четко обозначает социальную разницу между писателями и элитой российского общества. «Выходцы из аристократии, дворянства или духовенства, все эти писатели принадлежали, если воспользоваться экономической классификацией, к среднему классу, который почти единственный ответственный за существование литературы где бы то ни было. За двумя-тремя исключениями все они жили писательством, т.е. достаточно скудно, чтобы без комментариев или изумления понимать трудности беднейших так же, как и роскошь тех, кто наверху. Последние привлекали их внимание куда меньше, хотя бы потому, что вероятность присоединиться к ним была гораздо ниже». Поэт прекрасно представляет себе эволюцию писательства в России. «Так часто возникали эти персонажи на бумаге, и так много было людей, населявших бумагу ими, и так безупречно владели эти люди своим материалом, и таков был этот материал — слова, — что очень скоро в городе стало твориться нечто странное. Процесс распознавания этих неисправимо семантических, насыщенных морализированием образов превратился в процесс самоотождествления с ними

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 56–60.

<...> К середине девятнадцатого столетия отражаемый и отражение сливаются воедино: русская литература сравнялась с действительностью в такой степени, что <...> невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего»¹. Все это приводит литературу к присвоению себе несвойственных ей в других странах функций, и литератор принимает за аксиому, что «Россия, в отличие от народов счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т.п., в состоянии осознать себя только через литературу»² Искусство и нравственность абсолютно совмещаются.

Может показаться, что возникшая почти два века назад ситуация продолжается и сегодня. «Благодаря объему и качеству русской прозы девятнадцатого века возникло и широко распространилось убеждение, что великая русская литература прошлого столетия автоматически, в силу чистой инерции, перекочевала в нынешнее»³. К сожалению, это не так. Разумеется, в этом в первую очередь виновато государство и созданный им репрессивный общественный порядок. Однако, как замечает Бродский, *в самой литературе девятнадцатого века таилась некий порок, спровоцировавший дальнейший провал.*

Произошедшая в XX в. «беспрецедентная антропологическая трагедия» оказала огромное влияние на литературу. Эта трагедия в значительной степени ограничивает собой воображение писателя. «Личная, не говоря национальная, драма сокращает, а порой даже исключает способность писателя добиться эстетического отстранения, необходимого для создания долговечного художественного произведения». Трагедия усугубляет подобие искусства и жизни «до такой степени, что сводит его до синонима». Поэт констатирует результат с точки зрения искусства: «печальная истина касательно этого уравнивания искусства и жизни заключается в том, что осуществляется оно всегда за счет искусства». А ведь *«задача художника заключается в том, чтобы рассказать историю не по ее, а по своим собственным правилам»*, его мироощущение в большей степени предопределено «динамикой, логикой и законами его ремесла, чем его реальным историческим опытом, который почти всегда

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 61-62.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 188.

избыточен. Долг художника перед обществом — выразить это мироощущение, предложить его аудитории как, вероятно, единственный доступный путь, уводящий от своего известного, пленного "я". Если искусство чему-то и учит человека, так это — уподобиться искусству, а не другим людям <...> И именно здесь терпит поражение русская проза нашего века. Завороженная масштабами трагедии, постигшей нацию, она расчесывает свои раны, не находя в себе сил выйти за пределы этого опыта, ни философски, ни стилистически. Сколь бы ни был суров чей-либо приговор существующей политической системе, он всегда оформляется в расползающиеся периоды религиозной гуманистической риторики в духе *fin de siècle*. Сколь бы ядовито саркастическим ни был автор, мишень его сарказма всегда находится вовне, это — система и власти предрежащие. Всегда воспевается человек, и присущее ему от рождения доброе начало всегда рассматривается как залог конечного поражения зла»¹.

Действительным наследием литературы XIX в. является религиозный гуманизм. Вернее, не столько собственно этого века, «сколько общего духа примирения, оправдания существующего порядка на самом высоком, предпочтительно духовно-церковном, уровне, присущего русскому мироощущению и русскому культурному опыту как таковому. Без преувеличений можно утверждать, что ни один писатель в русской истории не свободен от этого ощущения, приписывающего Божественному провидению самые чудовищные вещи и считающего их автоматически подлежащими человеческому прощению. Проблема с этой, в общем, привлекательной позицией заключается в том, что ее полностью разделяет также и тайная полиция...» Такой «духовно-церковный релятивизм» вызывает повышенное внимание к детали (реализм), что является общим для такого писателя — и полицейского. Поскольку, по мнению Бродского, «Достоевский был изолированным, автономным явлением», «русская проза переживает метафизический спад уже достаточно долгое время, с того самого момента, как она породила Толстого, который воспринял идею искусства, отражающего действительность, все же чересчур буквально, и в тени которого по сей день вяло корчатся придаточные

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 192 (курсив мой. — М.М.).

предложения русской прозы». То, что проза Толстого появилась почти одновременно с Достоевским, и спровоцировало мнение (особенно у иностранцев, судящих по переводам) о монолитном единстве русской прозы XIX в. И «русская проза пошла за Толстым, с радостью избавив себя от восхождения на духовные высоты Достоевского. Она пошла вниз по извилистой истоптанной тропе миметического письма и через несколько ступеней <...> скатилась в яму социалистического реализма». Не следует, конечно, забывать, что русская проза устремилась туда, подгоняемая «историей и ее несокрушимым агентом — полицейским государством»¹.

Нас не интересуют сейчас подробно разобранные Бродским особенности альтернативы Достоевского, а также действительно уникальные возможности русской прозы. Важно, что именно такая литература, то есть литература, сделавшая описанный только что исторический выбор, и стала заместителем истории и основой историософии в России.

Бродский, как мы уже указывали, рассматривает, что принесло тождество литературы и жизни литературе. Главное, что это тождество пыгается отнять у русской литературы — это ее *неравенство* жизни, ее лучшую традицию: «Если и есть в русской прозе традиция, то это традиция поиска большой мысли, стремления к анализу человеческой ситуации более исчерпывающему, чем тот что доступен сегодня, традиция поиска лучших *средств, позволяющих отбить атаку реальности*. Но в этом русская литература не расходится с другими литературами Запада и Востока; она — часть христианской культуры, причем не самая лучшая и не самая экзотическая»². Системе, цель которой — внедрить свою версию будущего, русская проза в большинстве своем ничего принципиально нового не противопоставляет. «Самое глубинное ее ощущение на нынешний день заключается в том, что сущность мира есть зло, а государство — всего лишь слепое, хотя и необязательно тупое, его орудие <...> Глубоко фундаменталистская по своим ценностям, она использует стилистические приемы, главная прелесть которых — в их привычной солидности. Короче говоря, она ориентирована на классические образцы». Но образцы, именуемые «клас-

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 193–196.

² Там же. С. 206 (курсив мой. — М.М.).

сическими» на самом деле являются вчерашними. Призыв равняться на классику отбрасывает весь опыт последних ста лет. А этот опыт важен не только для литературы, но и для всей гуманитарной мысли России, которая неразрывно связана с литературой. За последнее столетие стала принята «демонстрация самоосознания, проявляемая в том, что рассказчик устанавливает дистанцию между собой и рассказом. Это, в конечном счете, есть позиция самого времени по отношению к существованию»¹. Для гуманитарного и, в частности, исторического исследования это означает постоянную рефлексивность над своим методом.

* * *

Рассмотрим для примера несколько современных достаточно репрезентативных подходов российских исследователей к изучению дворянства.

Господствующих направлений, на наш взгляд, существует два. Они соответствуют представлению «интеллигентской парадигмы» о трех «одушевленных» сущностях российской истории — государстве и противостоящей ему «духовной» личности, борющейся и страдающей за «истинную», «духовную» же «Россию». Исходя из этого представления, исследователи описывают дворянство либо на уровне социально-политических государственных событий (высокая политика, придворные интриги, угнетение крестьян, войны и т.д.), либо на уровне глубоко личной жизни, течение и события которой прослеживаются по произведениям литературным. Между этими подходами существует огромная лакуна, изредка заполняемая разными курьезами из дворянской жизни: описаниями пышных балов и собраний, законных и незаконных генеалогических связей, странных экономических решений и аристократических чудачеств. Ю.М. Лотман описал нам странности жизни и быта XVIII–XIX вв., погрузил нас в детали ушедшего прошлого, указав на символичность дворянской культуры, как и любой другой².

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 208.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

С.О. Шмидт в работе по общественному самосознанию дворянства¹ касается практически всех острых моментов понимания истории благородного сословия с позиции «интеллигентской парадигмы». Шмидт воспринимает эти моменты как серьезные проблемы, но сам остается строго в рамках «интеллигентской парадигмы». Здесь и «классовая сущность», и борьба «центральной власти» с «аристократией», и «общественное сознание господствующего класса», и «дворянство в целом как класс».

Будучи человеком книжным, «человеком текста», Шмидт занимается именно «общественным самосознанием» дворянства, «идеологией», «мыслями», «представлениями», поскольку именно их он вычитывает из документов и литературных произведений. Видимо, поэтому в его собственных текстах очень часто действуют «представления», «понятия» и «категории». Он использует весьма распространенный в российской гуманитарной науке «безлично-категориальный» тип текста, например: «имели место значительные начинания», «становятся регулярными научные заседания», «постоянными стали связи», «наука и искусство утверждаются», «возбуждалось недоверие», «опасность исчезла», «усиление влияния», «произвол и угнетение усилились», «отрицательно сказывалась нехватка», «оказывалась всяческая поддержка», «дворянство не склонно было мириться»² и т.д. Еще один широко распространенный прием — использование литературно-художественных оценок характеров реальных исторических деятелей («Екатерина — Тартюф в юбке и короне»³).

Шмидт указывает на большой вклад В.О. Ключевского в формирование «интеллигентской» трактовки истории. Сам Ключевский был обеспокоен недостаточностью своего подхода, например, понятия «о типических чертах представителей различных общественных групп»⁴, когда «отдельные лица прятались за типами»⁵, индивидуальное и особенное не надлежало показывать, а образ жизни дворянина как бы заранее предопределялся. Однако

¹ Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX века. М., 2002.

² Там же. С. 84 и след.

³ Там же. С. 97.

⁴ Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия. С. 19–20.

⁵ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 300.

именно он, по верному замечанию Шмидта, освятил своим авторитетом господство социально-государственного подхода к истории дворянства, а «прямые ученики Ключевского определяли лицо и советской науки <...> и эмигрантской». «Особенно четко выявлялись две темы: дворянин на службе и дворянин в своем земельном владении <...> "дворянин-крепостник". Идеология дворянства тоже рассматривалась преимущественно в политическом или государственно-юридическом аспекте»¹.

Ключевский же, в той же парадигме, «почитал необходимым обратить внимание на нравственную физиономию дворянства» и «опирался при этом прежде всего на образы художественной литературы»². Шмидт очень точно выделяет ключевые фигуры, ставшие непререкаемыми авторитетами при описании «нравственной физиономии», да и всей истории дворянства XVIII–XIX веков. Это Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой. Именно эти писатели представляют нам во все полноте спектр проблем самосознания дворянства.

Разумеется, с опорой на такие авторитеты Шмидт описывает эволюцию этого самосознания как рождение интеллигентности из духа дворянского. Логика движения такова:

- вместо обязательной службы дворянам предназначено служение;
- служение уже не столько государю, сколько Отечеству, далее — обществу;
- служение есть осуществление идей Просвещения, среди которых важнейшая — воспитание нравственности;
- служение становится делом личной и корпоративной чести;
- личная и корпоративная честь начинает пониматься как человеческое достоинство.

Таким образом, внутреннее развитие дворянской нравственности приводит к появлению и оформлению «кодекса интеллигента». Шмидт внимательно прослеживает этот путь на цитатах из вышеперечисленных авторов³.

¹ Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия. С. 102.

² Там же. С. 101–102.

³ Там же. С. 109–111, 114–117.

Шмидт, безусловно, прав и в том случае, когда говорит о сохранении в советское время исследований дворянства в виде изучения декабристов, Пушкина и их окружения. Однако, это сохранение не далось даром — революционная «интеллигентская парадигма» совершенно победила декабристов и с боем отстаивает свое «священное» видение Пушкина. «Корневой системой» мышления декабристов оказывается «нравственное бытие»¹ «страшно далеких от народа» европейски образованных людей. Уверенность в нравственности декабристов — одного из ярких примеров элиты, попытавшейся решить за других — не только не подрывается, но многократно укрепляется их обращением к насилию, гибелью множества обманутых солдат, убийством М.А. Милорадовича, уничтожением долгих усилий их коллег-реформаторов и т.д. В работах о декабристах особенно ясно видны два преобладающих и жестко разведенных подхода «интеллигентской парадигмы»: социально-политический (в исторических работах) и личностный (в художественных сочинениях). Если же делались попытки соединить оба подхода, то получалась концепция «типичного человека», «типа человека», «типа поведения»². «Интеллигентность» стала характерной чертой «декабризма», свойством природы декабристов³.

Мы пытались понять дворянство, а получили воспевание интеллигенции.

С.А. Экштут⁴ важен для нас тем, что не причисляет себя к профессиональным историкам, а занимается историософией и интересуется историей российской государственности, представляя и осмысливая ее как «историю болезни империи».

Экштут тоже считает XVIII в. временем «молодости» (как российского государства, так и дворянской культуры), «наивности», временем становления норм. Тогда еще не было оппозиции, а государство было мощным здоровым Левиафаном. Власть представ-

¹ Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия. С. 116, 118, 332.

² См.: Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 331–384.

³ Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия. С. 347.

⁴ Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М., 1998. С. 5 и след.

ляется некой самостоятельной сущностью, строящей свои отношения с дворянством. Основой этих отношений была служба. Экштут оперирует дворянством как неким целым, обладающим собственной «дворянской культурой», независимо от того, провинциальные ли это дворяне, московские или петербургские.

Государство проникало всюду, а его интересы не противопоставлялись личным. Государство, то есть самодержавная власть, считала себя регулятором всех без исключения сфер жизни, то есть регулятором не столько правовым, сколько нравственным. Справедливость в виде самодержавного государя ставиться выше закона.

Только в самом конце XVIII в. появляются единичные случаи частной жизни. Имперский период истории России «породил и воспроизводил иллюзию практически полного отсутствия в империи сферы частной жизни»¹. Таким образом, история государства Российского в век Просвещения есть история движения частной жизни к обособлению от государства и его опеки, история эмансипации частной жизни. Сфера частной жизни постепенно осознала себя, а самодержавное государство «не смогло своевременно осмыслить появление *новой реальности* — сферы господства частных интересов. Оно действовало карательно и запретительно, но не шло ни на союз с гражданским обществом, ни на диалог с нарождающимся общественным мнением ... С этого момента история государства Российского стала историей болезни чудовища»².

Далее следует рассмотрение процесса в примерах («историко-софских опытах»).

Первый пример связан с «Греческим проектом» Екатерины Великой и ее геополитической стратегией. Екатерина формулировала цель своей внешней политики в образной форме, в виде метафоры. Значит, чтобы понять ее (а понимать — главная задача историка), надо говорить с эпохой на ее языке, надо раскрыть содержание этого образа. Это помогают сделать толкование портрета императрицы кисти Левицкого и стихи Державина.

Дальнейшие примеры иллюстрируют (для меня — неубедительно) тезис о том, что для дворянства служба была превыше всего.

¹ Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. С. 9.

² Там же. С. 14.

Война 1812 г. привела к существенным изменениям в ценностях дворянского общества: отныне служба государю уже не отождествлялась со службой отечеству, война выдвинула множество героев, обязанных своей славой личным заслугам, сформировался механизм социального контроля, неподвластного императору общественного мнения. Экштут вводит понятие «грядущая оценка Истории».

Дворяне-мужчины, по Экштуту, довели до автоматизма мысль о том, что их призвание — служить, только служить, все остальное — следствие неудач по службе. Почетнее и важнее всего было служить в армии и при дворе. Нежелание дворян заниматься канцелярской работой привело к необходимости расплодить чиновников-разночинцев (в середине XVIII в. их было, по данным, приводимым Экштутом, огромное количество — аж... 5,5 тыс. человек на всю империю). Нежелание мужской части дворянства заниматься хозяйством привело к тому, что им вынуждены были заниматься женщины или его передавали в управление-разграбление управляющему. Для определения на службу нужны были связи... Но что это означало? Плохо было служить по гражданской части: нужен был университетский диплом, нужны были умеренность, аккуратность, скромность, терпение — качества, издавна ненавистные в «революционной парадигме». Ужасна была жизнь при Николае I: он стремился навести порядок, ввести регулярность и постепенность, благодетельствовал «усидчивой посредственности». «Николай I не поощрял ни самостоятельных индивидуальных решений, ни индивидуальной активности. Никто не смел подняться выше предела, начертанного императорским скипетром»¹. В этом Экштут видит начало истощения и угасания империи. Во второй трети XIX в. увеличилось число людей, отказавшихся от служебной карьеры и перешедших к частной жизни. «Именно в появлении этой прослойки людей праздных и независимых А.И. Герцен видел весьма характерный симптом развития революционных идей в России. Левиафан российской государственности начал быстро дряхлеть, не справлялся с обустройством империи и подозрительно смотрел на всех, чья жизненная активность казалась ему чрезмерной, даже если она была направлена на

¹ *Экштут С.А.* На службе российскому Левиафану. С. 81.

служение интересам империи <...> дворянство постепенно переставало быть исключительно служилым сословием и, превращаясь в сословие-паразит, утрачивало важнейшие позиции в политической организации империи. Именно с этого момента для дворянского сословия начались упадок, разорение и нищета — не только материальная, но и духовная»¹. «Болезнь настигла Левиафана задолго до того, как для чудовища наступили дни старческой немощи <...> государство потеряло гражданское общество, став для него чуждой и враждебной силой <...> Государственное вмешательство стало ощущаться уже не отеческой заботой и родительским попечением, но *безнравственным* ущемлением естественных прав личности <...> после 14 декабря 1825 года *творцы высших достижений русской дворянской культуры* [имеются в виду Пушкин и Вяземский] уяснили себе, поняли наконец отсутствие тождества между частными и государственными интересами <...> Действие рождало противодействие, причем ведущей силой выступало государство: оно наступало, а личность оборонялась <...> Так произошло обособление сферы частной жизни — и началась ее самостоятельная история. Российское государство пережило, уже после 14 декабря 1825 года, еще одну трагическую развилку в своем развитии. Хронологически этот период следует отнести к 30-м годам XIX века, так как именно в это десятилетие граница между государственной и частной жизнью стала отчетливой и непрерывной: к 1840 году размежевание власти и общества завершилось. Наступили *сумерки "золотого века" русской дворянской культуры*»².

Значит, абсолютистское, самодержавное государство — это тотальное государство, которое является всем, контролирует все и вся, а если какая-то сфера упускается, выходит из-под контроля, то это есть признак болезни и упадка государства. Однако, это выглядит сильной модернизацией, проекцией трагического опыта XX в. на прошлое. «Самодержавие <...> управление самодержавное, монархическое, полновластное, неограниченное, независимое от государственных учреждений, соборов, или выборных, от земства и чинов»³ есть, как видно из определения, особая форма отношений монарха и государства, при которой тотальное государство просто

¹ Эжитут С.А. На службе российскому Левиафану. С. 82–83.

² Там же. С. 239–244 (курсив мой. — М.М.).

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1980. С. 133.

невозможно, поскольку государство есть аппарат, который абсолютный монарх может отставить в сторону и решить все по своей воле. Да и невозможно было тотальное государство в огромной стране с армией чиновников всего в 5,5 тыс. человек.

Наиболее неприятны времена спокойствия, отсутствия чрезвычайных обстоятельств, например, конец Александровского царствования или 1830–1840-е годы, то есть времена, когда государство было главным фактором жизни, когда о нем нельзя было почти забыть в связи с патриотическим подъемом или революцией. Все признаки стабильности общества считаются отрицательными и связываются с личной позицией Николая: установление жестких правил, старение руководящего состава, осторожность и даже нежелание нового.

Весьма характерным для «интеллигентской парадигмы» является оперирование обобщающими абстрактными понятиями «государство», «дворянство», «образованная личность». Государство оказывается тупой, вездесущей машиной, управляемой царем. Единственно существенным различием внутри дворянства становится степень «интеллигентности» «передовых» ее представителей». При этом личности рассматриваются как типы, как проявления тенденций; их частные особенности — не более как забавные подробности, не имеющие существенного значения и принимающие характер исторических анекдотов.

Позиция «вне» государства — это позиция разночинца, интеллигента, может быть, части дворянства, но не всех. Кто-то входил в государство, кто-то «ходил» в государство.

Важны также риторика и тон изложения. Книга Экштута являет собой пример изложения не вполне «академического», склонного к публицистике, иногда даже к памфлету. В отношении к «царским сатрапам» тон часто ернический, без особого уважения. Ни один из людей, описанных автором, не симпатичен ему. Все они несут в себе какие-то нравственные изъяны. Экштут выделяет одну-две их черты, кажущиеся важнейшими, и строит на них исторический портрет, превращающийся в шарж: де Рибас — авантюрист, Мордвинов — педант, Корнилов — талант, деятельность которого становится бессмысленной в дряхлеющей империи, Бенкендорф — жандарм, сделавший «заурядную в своей блистатель-

ности карьеру»¹, и т.д. Царствование Николая I, все 30 лет его определяются... цитатой из скандально известных *Петербуржских очерков* П.В. Долгорукова. Ясно, что аккуратность и сдержанность профессионала принесена в жертву литературной яркости.

Важно, что примерно 10% примечаний в книге содержат ссылки на Пушкина. Это значит, поэт является для автора наиболее авторитетным историческим свидетелем и мыслителем российского Просвещения, вернее, конечно, «пушкинской эпохи».

Концепция Экштута демонстрирует сегодняшнее состояние многих умов в российской истории и историософии. Освобождение от господствовавшей весьма идеологизированной советской традиции привело к тому, что исследователи — добровольно или вынужденно — вырабатывают индивидуальные подходы к истории, которые в неявной форме содержат многие черты прошлого дискурса. «Интуиция», использованная Экштуттом, как раз и состоит из неявных постулатов прошлой парадигмы, — конечно, не в вульгарной идеологической, а, скорее, в обычной интеллигентской форме.

Существует и широко представлена, особенно в более популярных жанрах, литература, рисующая красочные детали дворянской жизни с восторгом, восхищением и пиететом. Например, О.Ю. Захарова, которая выпустила уже несколько книг, посвященных светлейшему князю М.С. Воронцову, выступает добросовестным составителем биографии князя. Она старательно пересказывает хорошо известные мемуары XIX в. и официальные источники того времени, как архивные, так и опубликованные. Она почти не использует современные источники и публикации, выбирая из них лишь фактические детали, а главное, в ее книгах отсутствуют оба важнейших элемента исторического исследования — обращение к архивам и выдвижение новых гипотез². В результате получается

¹ Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. С. 216.

² Захарова О.Ю. «Я князь, коль мой сияет дух...» Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.С. Воронцова. Подольск, 1997; Захарова О.Ю. Генералы своих судеб. М.С. Воронцов — генерал-губернатор Новороссийского края. М., 1998.

обновленный вариант биографии князя, подобный изданной после его смерти М.П. Щербининым¹, то есть вполне панегирический рассказ, не содержащий никакой концептуальной идеи.

Известный историк литературы А.Л. Зорин посвятил книгу истории государственной идеологии в конце XVIII — начале XIX в., в которой в особом разделе рассмотрел теоретические основы понимания идеологии в ее связи с литературой². Уходя от вульгарного советского понимания идеологии, он использует известные разработки Т. Иглтона, Д. Лукача, К. Манхейма, П. Рикера, Л. Альтюссера, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и, особенно, К. Гирца³. Для них между анализом источников и анализом последствий существует огромное поле идеологии как системы взаимодействующих смыслов, культурных норм и регуляторов. Идеология, по Гирцу, размечает для человеческих сообществ культурное пространство, и делает она это, поскольку обладает образной природой, т.е. само ядром идеологического мышления составляют метафоры, которые и осуществляют символическую демаркацию социальной среды, позволяющую коллективу и его членам обжить ее. Идеологическая метафора способна схватывать реальность и продуцировать новые смыслы, что существенным образом сказывается на динамике исторических событий.

В 80-е годы XX в. метафора становится в теоретических концепциях одним из основных механизмов языка. Метафорическое смыслообразование рассматривается теперь как основа и когнитивного процесса, и практической деятельности человека. Метафора теперь — неотъемлемый элемент научного и правового дискурса, повседневной языковой практики. Однако это привело к признанию за литературой привилегии быть лабораторией для порождения, накопления метафор и изучения механизмов производства смыслов. Будучи лишь одной из возможных сфер производства идеологических метафор (наряду с театром, архитектурой, праздниками, ритуалами и т.д.), литература и, прежде всего,

¹ Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.

² См.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. Раздел «Литература и идеология».

³ А.Л. Зорин использует следующие работы Гирца: Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y., 1973; Geertz C. Local Knowledge. L., 1983; Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29.

поэтический язык становятся, по Зорину, «универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилем их практической реализованности», а «идеология обладает способностью конвертироваться в столь многие и столь разнообразные проявления социального бытия, потому что она располагает золотым стандартом, сохраненным в поэтическом языке»¹. Далее Зорин сильно сужает постановку задачи, переходя к истории *государственной* идеологии, вырабатывавшей и изменявшей свои базовые *внешнеполитические* идеологемы, для которых более широкая идеологическая сфера культуры предстает как своего рода резервуар метафор. В следующих за указанным теоретическим введением главах книги Зорин на конкретных исторических примерах рассматривает, по существу, взаимовлияние политических и литературных метафор, отражение политических реалий в литературе сочинителей, близких ко двору. Получается весьма интересный политический комментарий к поэтическим текстам, позволяющий расшифровать их смыслы обращением к политическому контексту.

Литературный подход к эпистолярному наследию дворянства приводит к тому, что дворянские письма рассматриваются практически в литературном, точнее, «духовном» контексте. Так, Е.Н. Марасинова, используя «в качестве критерия классификации писем их социальные функции», разделяет их «на традиционно-ритуальные, а также эмоционально-интимные и интеллектуально-эмоциональные письма»². Такой на самом деле внутренний критерий весьма ограничивает возможности понимания смыслов самого текста письма, а также и социальной роли этого письма как целого. Сформулированный исследовательницей подход позволяет работать с письмами, не выходя за рамки дворянской переписки как совокупности текстов. От такого подхода практически ускользает роль письма как *инструмента* в жизни и взаимоотношениях дворянства. Письма «олитературируются», вырванные из весьма значимого для них жизненного контекста.

Марасинова видит слабость традиционных подходов к дворянству — отсутствие промежуточных инстанций между политиче-

¹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... С. 28.

² Марасинова М.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999. С. 43.

ским, классовым и личностным уровнями. Она считает, что пробел следует заполнить с помощью исторической социальной психологии: сосредоточиться на потребностях и интересах личности, выделить преобладающий социальный тип личности, базисную систему ценностных ориентаций, господствующие и новые модели поведения. Социальный состав дворянства настолько сложен, что не только позволяет, но и заставляет исследователя работать на, как минимум, трех уровнях — классово-сословном, групповом и личностном. Соответственно, необходим подбор и интерпретация источников, отражающих эти уровни психологии дворянства¹.

Марасинова отмечает отсутствие интегрального очерка социальной истории дворянства и пытается написать таковой для второй половины XVIII в. Интересно, что, подразделяя дворянство на группы, она по умолчанию использует традиционное социально-политическое деление — мелкие, средние, родовитые... Таким образом, ни сообщества внутри дворянства, ни их структурные связи и перестройки не обсуждаются как проблемы, хотя отмечается неоднородность сословия и неадекватность *Табели о рангах* для описания «постоянно меняющейся, пульсирующей действительности»². Вслед за Г.А. Гуковским Марасинова выделяет в среде дворянства особую группу, которую называет «дворянской фрондой», «интеллигентами-аристократами», «интеллектуальными аристократами», «родовитыми просвещенными интеллектуалами» и, наконец, «дворянской интеллигенцией»³. Итак, в конце XVIII в. внутри дворянства образуется «слой образованного дворянства», который эмансипируется от власти, его настроение лучше всего выражают писатели, чье занятие литературой превращается в род общественного служения. В результате добавления в историографию российского дворянства «важного звена» — «психологии человека» Марасинова не объясняет нам дворянства, а опять рисует картину превращения «просвещенной» его части в интеллигенцию. Возможно, подобный процесс и происходил, но легко ли доверять исследователям, которые во всех изучаемых объектах видят только самих себя?

¹ Марасинова М.Н. Психология элиты российского дворянства. С. 3–5.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 17–18.

Российская литература о дворянстве огромна, но сводится к четырем основным типам: социально-политические (идеологические) сочинения, описание быта и реалий дворянской жизни, биографии, литературно-художественные и нравственные сочинения. Мы ограничимся приведенными выше примерами, которые, на наш взгляд, достаточно полно характеризуют наиболее интересные или типичные подходы.

* * *

Обсуждение серьезных проблем в изучении российского дворянства, однако, не может сводиться к критике существующей традиции. Весьма уместно было бы предложить хотя бы некоторые ходы и идеи, позволяющие выйти из создавшегося положения и отправиться дальше.

Мой скромный личный исследовательский опыт в истории российского дворянства позволяет сформулировать следующие три «простые» проблемы:

1. Дворянство, видимо, характеризовалось во все моменты своей истории большим внутренним разнообразием. Мы плохо умеем описывать это разнообразие и учитывать его в исследованиях. Часто даже аккуратные обобщения здесь могут быть рискованными, поскольку многие дворянские персоны были уникальны.

2. Мы очень плохо знаем, как была устроена жизнь дворянства, изменчивая система личных, неформальных и формальных связей. Особенно важно было бы внимательно изучить и описать многообразные семьи, кланы, группировки, союзы, ложи, в которые объединялись дворяне. Совершенно очевидно, что дворянские персоны XVIII и XIX вв. нельзя модернизировать и моделировать по личности века двадцатого. В связи с этим, мы плохо понимаем мотивации и смыслы их поступков.

3. Мы плохо понимаем, как разные дворяне мыслили и часто не понимаем, что они писали и как они читали. Например, как они использовали различные символы и символические языки, связанные с их сообществами.

Разумеется, существует большое количество зарубежных работ о русском дворянстве. Многие из них носят обзорный или поверхностный характер, многие укладываются в рамки обозначенных

выше типов, существующих сегодня в России. Обзор этих работ, среди которых много весьма интересных, требует отдельной статьи. Особое внимание я обратил на работы Дж. ЛеДонна именно потому, что в них он пытается вступить в важнейшую, но малоисследованную зону дворянских «кланов», их влияния и «клановой» жизни дворян¹. Его работы сегодня хорошо известны, но, к сожалению, они не вызвали особого энтузиазма у российских историков, да и сам он перестал развивать свой «клановый» подход².

При нехватке своих идей мы можем, как это принято, обратиться к Западу. Там ведется много исследований по структурам и истории собственного, европейского дворянства, которое также весьма разнообразно³. Эти исследования позволили отказаться от многих предрассудков в интерпретации истории дворянства. Возможно, это связано с тем, что оно как влиятельная социальная группа ушло в прошлое, как и ожесточенная борьба за власть и конкуренция с ним других социальных групп.

В настоящее время исследователи довольно активно изучают ряд важнейших тем, касающихся российского дворянства. Среди них:

- элиты в России и дворянство как одна из их исторических форм;
- борьба между собой аристократических придворных партий и ее влияние на государственную политику;
- дворянские общества, в первую очередь, тайные;

¹ См., например: *LeDonne J.P. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796.* Princeton, 1984; *LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order 1700–1825.* Oxford, 1991.

² Мне известна лишь одна работа, где подробно изучается «клановая» структура, правда, лишь на примере внутренних отношений в одной семье. См.: *Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева.* Дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2006.

³ За рубежом выходит огромное количество литературы по дворянству. Вот, например, только несколько книг на английском: *Dewald J. The European Nobility, 1400–1800.* Cambridge, 1996; *Black J. The Grand Tour in the Eighteenth Century.* Phoenix Mill, 1997; *Tillyard S. Aristocrats. Caroline, Emily, Louisa and Sarah Lennox, 1740–1832.* L., 1995; *Murray V. High Society in the Regency Period, 1788–1830.* L., 1999; *Scott H.M. The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Western Europe.* In 2 vols. L., 1995; *European Nobilities: Northern, Central and Eastern Europe / Ed. by H. Scott.* L., 2006.

- государство и дворянство как двигатели модернизации и просвещения России;
- дворянская «публика» и «общественное мнение» и их взаимодействие с властью и политикой;
- литературная деятельность дворян;
- дворянские меценаты и покровители искусств;
- роль салонов в жизни дворянства;
- частная жизнь и быт дворянства, особенности жизни в усадьбах, архитектура и культура дворянского жилища.

Большинство проведенных к данному времени исследований пропускают, не учитывают некий очень важный уровень «между» индивидуумом и государством или «между» индивидуумом и обществом «как целым». Дворянский индивидуум» трактуется как «личность», то есть индивидуум высокой степени автономности, подобный современным. Для описания дворянина XVIII и первой половины XIX в. больше подходит термин «персона», подразумевающий гораздо большую степень связи индивидуума со своим «кланом» и другими гибкими и, в то же время, довольно устойчивыми структурами дворянских *сообществ*.

Поскольку дворянская среда и особенно аристократическая ее часть были *персонифицированы*, а привычные методы обобщений и нахождения «типического» кажутся исчерпанными и не дают адекватного результата, особую роль играют персонологические исследования, в которых уникальные индивидуумы («персоны») изучаются с широким использованием конкретных, часто архивных, материалов и понимаются вместе с образующими их связями.



ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ: КЛАН ВОРОНЦОВЫХ

«Сиятельныйший лорд, граф де Воронцов»: русский посол и британское общество

Русские аристократы со времен Петра Великого, а может быть и раньше, отличались своим общением с Европой. Среди них были и поклонники Пруссии, и галломаны, и англофилы. К последним относили себя и императрица Екатерина Алексеевна, и многие представители одного из могущественнейших аристократических кланов — графов Воронцовых.

Ни елизаветинский канцлер Михаил Ларионович Воронцов, ни его брат Роман англomанами не были. Однако дети последнего — Александр, Семен и их сестра Екатерина (в замужестве княгиня Дашкова) — прославились в России и Европе как истинные любители всего британского. Граф Александр Романович был назначен российским послом в Британию в 1762 г. и прослужил на этом посту почти год. Княгиня Екатерина Романовна дважды посетила Британию и дала образование своему сыну Павлу в Эдинбургском университете. Но более всего связал свою жизнь с Британией их младший брат, граф Семен Романович. Он прослужил

Впервые опубликовано в виде двух статей: *Микешин М.И.* Последние годы жизни С.Р. Воронцова (некоторые подробности) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 6. Петушки, 2001. С. 65–72; *Микешин М.И.* Британская пресса о жизни С.Р. Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 16. СПб., 2013. С. 37–50.

полномочным российским министром (послом) при Сент-Джеймском дворе с 1785 по 1806 г., а затем жил в Англии до самой смерти, последовавшей в 1832 г.

Граф Семен Романович фактически обрел в Британии вторую родину. Однако, удалось ли ему стать «своим» в довольно замкнутом и иерархическом британском обществе XVIII и XIX веков? И если удалось, то каким образом?

* * *

Семен Романович Воронцов оказался в Англии, когда ему было уже сорок лет, когда он считал свою карьеру и жизнь вполне состоявшимися.

Он получил в детстве домашнее образование и в самой ранней юности был отправлен отцом в путешествие по России с посещением находящихся во владении семьи заводов. Однако, мальчика привлекала не экономическая деятельность, а военная служба. Во время переворота, совершенного в 1762 г. Екатериной, Семен уже служил офицером в гвардии. Он был одним из немногих офицеров Преображенского полка, отказавшихся изменить присяге, данной императору. Более того, он бурно выражал свое возмущение и пытался остановить товарищей по полку от такого предательства, за что был посажен под стражу на 10 дней в подвал Зимнего дворца. Уже тогда проявился вспыльчивый и упрямый нрав Семена. Его дядя граф Михаил Ларионович, бывший тогда канцлером, от греха подальше отослал молодого и горячего племянника в Вену послужить там при русском посольстве. Возможно, именно тогда Семен получил первые навыки дипломатической службы. Дальнейшие уроки преподавал ему, видимо, сам дядя — весьма опытный дипломат, когда они вместе отправились в путешествие по Европе. С детства обученный французскому, Семен изучил и итальянский — язык, часто употреблявшийся тогда в дипломатических документах.

Вернувшись через несколько лет из Европы, молодой граф при первой же возможности вступил в армию. Однако, его армейская карьера складывалась весьма неровно. На войне с турками под командованием П.А. Румянцева он проявил себя как исключительно

храбрый и талантливый офицер, сыгравший важную роль в победах русского оружия при Ларге и Кагуле в 1770 г. Граф Воронцов был одним из активных участников подготовки и подписания документов Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Ревностно относясь к военной службе, он часто считал себя несправедливо обиженным и обойденным чинами. Наконец, он вышел в отставку в генеральском чине и провел несколько неприметных лет (как он писал, «*vivant très retiré*»¹) в Петербурге.

Эти годы были неприметными лишь для посторонних. Именно в это время Семен Романович стал частым гостем британской колонии в Петербурге. С 1776 по 1783 г. британским послом в Петербурге был сэр Джеймс Харрис (впоследствии лорд Мальмсбери). Граф Семен обедал у него два-три раза в неделю. Сэр Джеймс держал у себя в посольстве открытый стол, и на его обедах часто присутствовали видные члены британского торгового сообщества в России. Среди них были главы торгового дома «Томсон и Бонар» и другие купцы, банкиры и бизнесмены, державшие под контролем довольно интенсивную торговлю между двумя странами — а к концу XVIII в. между Лондоном и Петербургом ежегодно курсировали до 500 судов. Позднее граф Воронцов называл Т. Бонара своим дорогим другом, которому он бесконечно обязан, а фирма «Томсон и Бонар» вела все его финансовые дела до самой его смерти². В 1779 г. граф познакомился с путешествовавшим по России лордом Гербертом (впоследствии лордом Пемброком).

Разумеется, частые встречи Семена с британскими аристократами и деловыми людьми не были простым развлечением. В эти годы старший брат Семена Александр, бывший посол в Лондоне, был президентом Коммерц-коллегии (1773–1794) и сенатором (1779–1793) и отвечал не только за торговлю, но и за тарифы. Отношения же между двумя братьями всегда были очень близкими. Таким образом, братья Воронцовы, видимо, эффективно «курировали» с российской стороны торговлю с Британией.

Этот период жизни Семена Романовича закончился и радостно, и трагически. В 1781 г. он женился на Екатерине Алексеевне, до-

¹ «Живя весьма уединенно» (франц.).

² *Twist A.F. Widening Circles in Finance, Philanthropy and the Arts: A Study of the Life of John Julius Angerstein (1735–1823)*. Amsterdam, 2002. P. 5–6.

чери прославленного адмирала А.Н. Сенявина. В 1782 г. у него родился сын Михаил. Через год Воронцов был отправлен послом в Венецию. Он поправлял там свое подорванное на войне здоровье и жаловался в письмах на вынужденное безделье. Должность посла в тогдашнем европейском захолустье его не устраивала. Вероятно, Воронцовы использовали все свое влияние при дворе, и в марте 1784 г. ему предлагают пост в Лондоне. После рождения дочери Екатерины в скором времени от чахотки умирает его жена. Судя по письмам, он с трудом переживает это горе.

7 июня 1785 г. граф С.Р. Воронцов прибывает в Лондон как полномочный министр Екатерины II. 15 июня «графу Воронцову, Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру Императрицы России дана Первая Частная Аудиенция Его Величеством для вручения Верительных Грамот»¹, а 23 июня граф был принят и королевой².

* * *

Русское посольство в Лондоне в то время представляло собой очень небольшую группу людей. Посольство помещалось на Харли Стрит и имело при себе небольшую посольскую церковь³. Работники посольства жили тесным кружком, у них устанавливались почти родственные отношения. Взаимопомощь была часто не просто приятна, но и являлась единственным способом выполнить посольскую работу и даже выжить, поскольку послу приходилось все время жаловаться в Петербург на недостаток средств и скудное содержание работников. Возможно, такой стиль работы с подчиненными Семен Романович выработал в армии, во всяком случае, он не только сам эффективно работал, окружая себя тесной группой лично преданных людей, но и передал этот навык своему сыну, который также всегда опирался на близкую ему «хунту».

Одним из главных членов «команды» был священник посольской церкви отец Яков Смирнов. Он был буквально мастером на

¹ The London Gazette. June 1785. Issue 12656. P. 293.

² The London Gazette. June 1785. Issue 12658. P. 305.

³ Подробнее о посольстве см.: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1–2. Варшава, 1897; *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 17–48.

все руки, служил не только священником, но фактически и секретарем, и чиновником по особым поручениям. Он писал письма, устанавливал и поддерживал многочисленные связи посольства в британском обществе, помогал приезжавшим из России соотечественникам¹. Многие работники посольства оставались друзьями Семена Романовича и впоследствии много лет поддерживали с ним переписку.

Поддерживаемый небольшой, но сплоченной группой сотрудников, граф Воронцов принялся активно и тщательно изучать Британию. Сам он жаловался, что опыта сложной дипломатической работы у него практически нет, что он генерал, а не дипломат, но, видимо, его характер и закаленное в армии чувство собственного достоинства не позволяли ему относиться к своей должности спустя рукава. Однако, важнее всего было то, зачем он приехал в Лондон. Во-первых, конечно, он имел возможность послужить своей стране на одном из самых важных направлений европейской политики. Во-вторых, младший брат оказался-таки на том конце «цепочки», в то время как другой конец, в России, «держал» старший брат Александр, ведь Воронцовым, безусловно, было выгодно с семейной точки зрения, контролировать и политические, и экономические связи между Россией и Великобританией. Союз с Британией позволял России успешнее противостоять революционной и агрессивной наполеоновской Франции, а объем торговли между двумя странами в конце XVIII в. был достаточно велик. Россия поставляла Британии сырье, в основном, необходимое для снабжения знаменитого британского флота, в обратную же сторону шли передовые технологии, вооружение и предметы роскоши. То, что Британия проиграла американскую войну за независимость Штатов, сделало ее еще более зависимой от балтийской торговли². Российская императрица также была особенно внимательна к российско-британским отношениям.

¹ Смирнов Яков Иванович (1759-1840) — малороссийский дворянин, священник посольской церкви в Лондоне, протоиерей (1817); был близким помощником С.Р. Воронцова. Его брат Иван также служил при посольстве. О Я.И. Смирнове см.: Cross A.G. Yakov Smirnov: a Russian Priest of Many Parts // *Oxford Slavonic Papers*. NS. VIII. 1975. P. 37-52; *Кросс Э.Г. У Темзских берегов*. С. 59-68.

² См. об этом подробнее: *Kaplan H.H. Russian Overseas Commerce with Great Britain During the Reign of Catherine II*. Philadelphia, 1995.

В том же 1785 г., когда Семен прибыл в Англию, Александр был назначен императрицей одним из членов комиссии по подготовке нового торгового соглашения с Британией. В это время он уже был президентом Коммерц-коллегии и главным автором торгового тарифа 1782–1783 гг. В 1785–1787 гг. две главные фигуры с российской стороны — братья Воронцовы — занимались составлением и согласованием с британской стороной нового торгового соглашения, которое, к сожалению, не было подписано.

Чтобы работать с британцами, их надо было хорошо знать, считал Семен Романович. Войдя по должности в придворные и дипломатические круги, развивая петербургские контакты, а также используя связи и советы брата, русский посол не только завел необходимые знакомства в свете, среди банкиров, промышленников и предпринимателей, но и установил со многими настоящую длительную дружбу.

Одной из самых интенсивных форм светской и дипломатической жизни тогда были частные обеды, которые давали по очереди члены государственной элиты и иностранные дипломаты. На этих обедах можно было в неофициальной обстановке обсудить все важнейшие проблемы отношений между государствами, завязать дружеские отношения или выстроить интригу против врага. Семен Романович пользовался этим «инструментом» часто и умело. Русский писатель-эмигрант М. Алданов в одном из своих романов описывает это так:

У графа Воронцова собиралось самое лучшее общество Лондона, но почти всегда в таком сочетании, какого не мог себе позволить ни один другой салон. Английские гостиные, из-за разгара страстей, отвечавшего грозному ходу французской революции, становились все замкнутее и нетерпимее. Виги перестали бывать у тори, тори больше не ходили в гости к вигам. Жены, разумеется, разделяли политические страсти мужей. Только в нейтральных салонах иностранных послов еще считали возможным встречаться люди противоположных взглядов. В дипломатическом же корпусе граф Воронцов занимал первое место — благодаря счастливому сочетанию высокого личного авторитета с огромным военно-политическим престижем России. Попасть к нему на прием считалось большой честью¹.

¹ Алданов М.А. Девятое Термидора // Алданов М.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., 1993. С. 62-63.

Воронцов умел заводить и поддерживать знакомства. Многие контакты переходили в многолетнюю дружбу. Важнейшую роль как в профессиональной деятельности, так и в личных связях графа имела переписка. В архивах семьи Воронцовых и в разбросанных по всему свету архивах многочисленных адресатов графа сохранилось большое количество писем из его обширнейшей переписки. Лишь некоторые из этих писем опубликованы (в частности, в *Архиве князя Воронцова*¹). Посол был лично знаком со многими британскими политическими деятелями, включая премьер-министра Уильяма Питта. В его наследии можно обнаружить переписку с высокими аристократами и с начинающими свою карьеру неизвестными юношами, с посланными в учение подмастерьями и с крупными банкирами и бизнесменами.

Например, известный британский промышленник того времени Мэтью Болтон рассказывает о визите графа Воронцова с семьей в Сохо, близ Бирмингема, где Болтон всячески стремился угодить высокому послу, чтобы получить от России огромный заказ на устройство Монетного двора в Петербурге. Дело происходило при Павле, в зените славы графа сразу после награждения его орденом Св. Андрея Первозванного. Вот что писал Болтон в одном из писем:

В понедельник Его Превосходительство граф де Воронцов и прочая, и прочая прибыл в Сохо со своей дочерью и сыном, а также с мадемуазель Жарден, преподобным отцом Смирновым, своим камердинером и двумя слугами. Вся компания, включавшая также двух моих дочерей и меня, отправилась в театр и смотрела, как Кембл играл Гамлета. Во вторник они посетили монетный двор, наблюдали прокатку и резку металла, а также работу гидравлического прессы и так далее, а затем переоделись для элегантного обеда (у меня были хорошие блюда и повар на всю неделю), который закончился музыкой. В среду они посмотрели различные мануфактуры в Бирмингеме и вернулись переодеться и пообедать. Граф смотрел пьесу, в которой Том Кинг играл лорда Огльби, а потом Синюю бороду в прекрасных устроенных декорациях. Мы с Мак-Креди придумали секретный план. Все мы вошли в ложу точно в семь, и весь оркестр вместе с военным оркестром заиграли «Боже, храни короля», поскольку граф очень короля любит. По

¹ См.: Архив князя Воронцова. Т. I–XL. Азбучный указатель. Роспись Архива / Изд. П. Бартенева. М., 1870–1897.

окончании пьесы 40 певцов и весь оркестр исполнили песню «Британцы достигают цели» вместе с добавленными строками, и когда дошло до имен Суворова и Павла, граф был без ума от удовольствия; он повернулся ко мне, стал трясти мою руку, будучи уверен, что это мои проделки. Публика прокричала бис и присоединилась к хору, граф и его сверкающий орден доставили ей большое удовольствие. После пьесы граф проводил к своему украшенному короной экипажу мисс де Люк, а Мак-Креди шел впереди, как Шеридан, с двумя свечами. В четверг мы смотрели на последнего из бирмингемских львов. В пятницу утром я предложил поездку до литейного цеха в Сохо, и в 10 часов граф со своими дамами и я со своими собрались у дока Уинсон Грин, от которого я заранее спланировал и организовал секретную экспедицию; я снарядил две баржи с крытыми кабинами по шесть окон в каждой: одну я послал вперед, чтобы ее не было видно; в ней было две трубы, два французских рога, два кларнета, две немецких флейты, два фагота, два гобоя и большой двойной барабан. Как только граф сел в свою кабину, он вскричал: «Чу! Я слышу музыку». Окна были открыты, и звуки нарастали, в то время как мы подплывали ближе. Мы доплыли до литейного цеха, обошли его и вновь сели в баржу, причем оркестр все время играл перед нами. Примерно через два часа мы прибыли в Брейдс и осмотрели одну из наших обрабатывающих машин, которая шлифовала стальные листы, сверлила стволы пушек и полировала стекла для очков. Мы сделали паузу в доме мистера Ханта, где обнаружился большой стол с холодной жареной телятиной, языками, пирогами и разнообразными гарнирами и фруктами. Оркестр играл в доме пока мы закусывали, а после пира исполнялись верноподданнические песни о Павле и Суворове. Мы вновь сели в лодки и с помощью музыки привлекли огромное количество собравшегося вокруг народа. После остановок для осмотра угольных шахт, сталеплавильных печей, паровых машин и различных цехов, мы въехали в темноту, которую я приказал рассеивать сотней факелов. Огромные пещеры открывались перед нами, оркестр играл все время, и музыка отзывалась эхом в чертогах Эреба. Мы отобедали в Сохо в девять часов и пели до часу ночи¹.

Разумеется, Семен Романович не ограничивался личными отношениями, но посвятил много времени изучению политической

¹ A letter of M. Boulton to Mrs. Matthews. 7 August, Soho. Цит. по: Industrial Revolution. A Documentary History. Industrial revolution: a documentary history. Ser. 1, The Boulton and Watt archive and the Matthew Boulton papers from the Birmingham Central Library. Marlborough, 1993. Pt. 7. P. 75–76.

системы Британии, ее обычаев, писанных и неписанных. Обсуждение различных аспектов и особенностей этой системы часто можно встретить в переписке братьев Воронцовых. Летом 1787 г. Семен писал брату из Ричмонда: «Я хочу понемногу осмотреть весь этот прекрасный остров. В будущем году я поеду в Бат, Бристоль и в некоторые другие города. Еще год спустя отправлюсь в Йоркшир и Дербишир»¹. Из своих исследований и долголетнего профессионального опыта граф сделал свой знаменитый вывод: «*Tout bon Anglais doit être bon Russe et tout bon Russe doit être bon Anglais*»². Интересно, что сформулировано это было по-французски — естественно для дипломата и европейца-аристократа XVIII века, однако, некоторые мемуаристы утверждают, что граф, как это не парадоксально, не знал английского (по крайней мере, не говорил на нем свободно)³.

Подобный опыт и знания особенно пригодились послу в период серьезного кризиса российско-британских отношений в 1790–1791 годов, едва не приведшего к войне. Именно в этот момент Семен Романович впервые в истории дипломатии использовал обращение к «просвещенной публике» (*polite society*). Правительство Питта-младшего вело дело к войне с Россией, снаряжался и готовился к выходу в море флот. Оппозиция во главе с Чарльзом Фоксом⁴ была против войны. Во что бы то ни стало хотел предот-

¹ Архив князя Воронцова. Т. IX. С. 98. Письмо к А.Р. Воронцову от 11 (22) июня 1787 года. Русский перевод цит. по: Штейнберг Е. С.Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал. Кн. 11–12 (123–124). 1943. С. 36.

² «*Всякий хороший англичанин должен быть хорошим русским и каждый хороший русский должен быть хорошим англичанином*». Это высказывание цитируется неоднократно в различных источниках, вплоть до анекдотов (см., например: Кросс Э. Исповедь лобителя XVIII века // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.–СПб.–Ферней-Вольтер, 2001. С. 374).

³ Это утверждение настолько удивительно, что ему трудно поверить, однако тому есть несколько документальных подтверждений (см., например: *The Diary and Letters of Gouverneur Morris*. Vol. II. N.Y., 1888. P. 89). Мы обсуждали эту странность с профессором Кроссом, но доказательства обратного не нашли.

⁴ Екатерина была в восторге от действий Ч. Фокса. Она заказала через С.Р. Воронцова мраморный бюст политика. Бюст был изготовлен скульптором Ноллекенсом в 1791 г. и доставлен в Петербург в 1792 г. (*Ettinger P. Portraits of Charles Fox at the Hermitage* // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. Vol. 45. No. 257. August, 1924. P. 88).

вратить эту войну и русский посол. Чтобы поддержать парламентскую оппозицию, небольшой коллектив посольства развернул активную деятельность: отправляли письма влиятельным политикам, писали, печатали и распространяли множество брошюр и памфлетов, доказывавших ненужность войны предпринимателям и народу, подогревали оппозиционную кампанию в прессе. В результате общественное мнение Британии было настроено против войны с Россией, а оппозиция победила в парламенте¹. Умелое применение послом иностранной державы основных инструментов британской демократии для достижения разумных и всем понятных целей не могло не произвести большого впечатления на местное общество.

В 1792 г. Екатерина решила возобновить переговоры с Британией, и братья Воронцовы вновь приняли в них активное участие. В следующем году переговоры завершились успешно — был подписан торговый трактат и декларация о совместных действиях против Франции². Посол имел полное право гордиться своей работой. Художнику Джону Хошпнеру был заказан портрет, на котором Семен Романович изображен с гордо поднятой головой и свитком договора в руках.

Поскольку договор был взаимовыгодным, это еще более упрочило авторитет посла в британском обществе. По-своему отметил заслугу Воронцова исследователь Аляски капитан Джордж Ванкувер. Он назвал открытый его экспедицией 4 мая 1794 г. мыс «в честь Его Превосходительства русского посла при британском дворе <...> мысом Воронцова»³ (Point Woronzow, ныне Point Woronzof, Anchorage, AK, United States).

Горячий характер графа давал о себе знать и в его дипломатической деятельности. Относясь очень дружелюбно к Британии как стране, он мог очень резко и даже враждебно высказываться по

¹ Подробнее об этом см.: *Станиславская А.М.* Англо-русские отношения в конце XVIII века // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1957. № 12; *Лопатин В.С.* Несостоявшаяся англо-русская война 1791 г. // *Лопатин В.С.* Светлейший князь Потемкин. М., 2005. С. 444–459.

² *The New Annual Register, or General Repository of History, Politics, and Literature, for the Year 1792.* L., 1793. P. 15–18; *Authentic Copies of Treaties...* L., 1793. P. 7–21.

³ *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean ... under the Command of Captain George Vancouver.* Vol. III. L., 1798. P. 116.

отношению к правящему кабинету. Например, в 1802 г. он признавал, что основополагающие принципы работы британского правительства вполне приемлемы и даже хороши, но само оно слабо, совершенно невежественно и не обладает необходимыми для государственных дел качествами. Воронцов реагировал на это столь эмоционально, что заставлял своих британских коллег опасаться, не является ли его индивидуальная реакция предвестием ухудшения отношений между двумя странами¹.

Не понимая истинного смысла отношения графа Семена к Британии, многие, особенно представители враждебных придворных фракций в Петербурге, распространяли слухи, что он даже больше защищает своими действиями милую ему Англию, чем служит российскому императору². Это испортило Воронцову много крови. Сам он, видимо, рассуждал примерно в таком духе:

Вот странная проблема: какова должна быть власть? Где она хороша? У нас – Зубовы, у французов – Мараты... Лучше всего в Англии, это бесспорно. Но радости и здесь мало: парламентское лицемерие, интриги, подкуп. И везде деньги, деньги... Я обо всем этом думаю лет двадцать пять и пока ничего хорошего не придумал: Думали, впрочем, об этом люди и поумнее меня... Одно ясно: истории ломать нельзя. Именно потому Англия первая страна в мире, что в ней ничего не ломают. Глубокое слово сказал Берк: «I do not like to see anything destroyed»³.

Некоторые решения посла прямо провоцировали его недоброжелателей, вызывая при этом признательность местной публики. Так, в 1797 г. император Павел решил отозвать из Британии задержавшуюся там группу русских военных кораблей — три линейных и четыре фрегата, — стоявшую на якорях в устье Темзы. Они

¹ Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury. Vol. IV. L., 1844. P. 68–69.

² См. об этом, например: *Grimsted P.K. The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825. Berkeley, 1969. P. 131; Sherwig J.M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France, 1793-1815. Cambridge (Mass.), 1969.*

³ *Алданов М.А. Девятое Термидора. С. 82.*

были посланы сюда еще Екатериной для взаимодействия с Королевским флотом в борьбе против революционной Франции¹. Однако в это время на нескольких стоявших здесь же британских кораблях вспыхнул серьезный бунт — восставшие даже планировали отправиться на своих кораблях во Францию. Будучи настроен резко против «революционного духа», граф Семен Романович задержал отправку русских кораблей, чтобы те могли участвовать в защите британских берегов до тех пор, пока бунт не будет подавлен. Корабли направились на родину только через три недели, когда восставших матросов успокоили, а зачинщики бунта были повешены.

Британский флот хорошо знал русского посла, который приложил также немало усилий для снабжения флота российского опытными и умелыми британскими морскими офицерами. С 1787 по 1789 гг. на русскую службу поступили около тридцати британских офицеров. В одном из писем адмиралу Мордвинову Воронцов с гордостью упоминает четырех человек, которых он завербовал для российского флота в 1787–1788 гг. «Именно в развитие российского флота британцы внесли свой самый последовательный и значительный вклад — как офицеры действительной службы, как администраторы и как кораблестроители. Воронцов был недалек от истины, когда признавал, что российский военно-морской флот был по крайней мере *sur le pied Anglais*»².

* * *

Для русского читателя самым известным описанием графа Семена Романовича являются, пожалуй, посвященные ему строки в *Письмах русского путешественника* Н.М. Карамзина. Дипломат и писатель встретились в Лондоне в июле 1790 г. Карамзин, выразив восторг английскими продуктами, кофейнями и обедами, добавляет:

Но всего чаще обедаю у нашего посла, Г. С. Р. В., человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-английски,

¹ Anderson R.C. *Naval Wars in the Baltic, 1522–1850*. L., 1969. P. 294–298.

²«На английскую ногу» (*франц.*), т.е. на английский манер. См.: Кросс Э.Г. *Британцы в Петербурге: XVIII век*. СПб., 2005. С. 223, 228, 241.

любит англичан и любим ими. Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу, и читал мне наизусть лучшие места из од Ломоносова. Такой посол не уронит своего двора; за то Питт и Гренвиль¹ очень уважают его. Я заметил, что здешние министерские конференции бывают без всяких чинов. В назначенный час министр к министру идет пешком, в фраке. Хозяин, как сказывают, принимает в сюртуке; подают чай — высылают слугу — и, сидя на диване, решат важное политическое дело. Здесь нужен ум, а не пышность. Наш граф носит всегда синий фрак и маленький кошелек, который отличает его от всех лондонских жителей: потому что здесь никто кошельков не носит. На лето нанимает он прекрасный сельский дом в Ричмонде (верстах в 10 от Лондона), где я также у него был и ночевал².

Главные черты личности посла подчеркивает М. Алданов: «Граф Семен Романович, высокий, красивый, преждевременно поседевший человек с усталым, болезненным, очень тонким лицом<...> без следов гордости и барства <...> Воронцов был такой настоящий аристократ и так это было само собой очевидно и для него самого, и для всех окружающих, что ему не приходило в голову выставлять или подчеркивать свое барство <...>»³

Коллеги-дипломаты подтверждают высокое мнение о Семене Романовиче. Еще до назначения его послом, в 1780 г., прусский дипломат А. фон Герц вручил своему принцу памятную записку, в которой описывает братьев Воронцовых:

Граф Александр Воронцов, председатель коммерц-коллегии, был посланником в Лондоне и Гааге и даже с поручениями у короля. Это человек заслуженный и достойный внимания. Его система вероятно такова, что Россия должна заботиться только о себе и не вмешиваться в дела других государств. Он стоит, так сказать, во главе партии, состоящей из кровных русских патриотов, самых почтенных. <...> Его брат, генерал-майор Семен Воронцов, который по несправедливостям к

¹ Уильям Питт-младший (1759-1806) — в то время британский премьер-министр; Уильям Гренвиль, 1-й барон Гренвиль (1759-1834) — министр иностранных дел в правительстве У. Питта (the British Foreign Secretary, 1791-1801), премьер-министр (1806-1807) многолетний друг С.Р. Воронцова.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 337-338.

³ Алданов М.А. Девятое Термидора. С. 55.

нему Потемкина оставил службу, может быть, — самый достойный человек во всей России. Это человек добродетельный, дорожащий честью, правдивый, талантливый, высокий дипломат, и притом самый любезный в обществе. Его личная дружба для меня была весьма полезна, как вообще дружба людей с надежным характером. Он осветил мне путь в делах самых важных, и за это, равно как и за свой личный характер, он заслуживает особого отличия со стороны такого принца, как его королевское высочество. Это отличие будет вполне заслужено и полезно, так как граф Семен имеет сильное влияние на многих важных особ¹.

Один из журналов британского высшего общества того времени характеризует графа Семена как благородного человека «самого мирного и спокойного нрава, совершенной мягкости манер, соединенных с величайшей силой ума»².

Видимо, граф «удовлетворял всем требованиям» британского *polite society* — он вел себя совершенно *comme il faut*, что включало и некоторую оригинальность, которой у Семена Романовича, как у иностранца, вполне хватало, и верность определенным твердым принципам, что тоже было в его характере.

Русского посла часто видели на концертах и в ложах театров. Сохранилась схема зрительного зала Королевского театра, и в одной из лож указана фамилия графа: «Box N. Lady Clarges: Miss Bull, Miss Day, Count Woronzow, Lord St. Asaph»³. Он часто посещал концерты старинной музыки, проходившие под патронажем королевской семьи⁴. Любил он и итальянскую оперу⁵.

¹ См.: <<http://nata1216.livejournal.com/10154.html>>.

² The Gentleman's Magazine. 1832, July. P. 78-80. Цит. по машинописной копии из Архива семьи Бизли.

³ См.: Lee W. The Plan of the Boxes at the King's Theatre, Hay-market, with An Alphabetical List of the Subscribers. L., 1797. P. 5.

⁴ Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Rooms, Tottenham-Street. L., 1794. P. X; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1795. P. XII; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1796. P. XII; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1798. P. 16.

⁵ Сохранился жетон С.Р. Воронцова, свидетельствующий об абонировании им ложи № 16 в итальянской опере «Пантеон» на Оксфорд Стрит в 1790–1791 гг. <<http://www.historicmedals.com/viewItem.php?no=480>>.

Не пропускал Семен Романович и другие «массовые зрелища». Например, он посещал громкие судебные процессы. Видимо, это было связано с его интересом к тому, как работает британское правосудие. Так, в апреле 1806 г. в Саррее он был среди других представителей знати — герцогов Сассекского, Камберленда, Орлеанского, лордов Портсмута, Грантли, Монтфорда, Сеймура, сэров Фредерика, Шелли, Клейтона и др. — на процессе Ричарда Патча, обвиненного в убийстве мистера Блайта¹.

Граф выполнял еще одну важную функцию, которая сближала его со многими британскими любителями искусства и коллекционерами, — он заказывал и покупал картины², гравюры, другие произведения искусства и предметы роскоши по заказу двора³, других сановников и своих друзей. Известны несколько его портретов, созданных британскими художниками: в петербургском Эрмитаже и в имении графов Пемброков Вильтон Хауз находятся его портреты, выполненные знаменитым Т. Лоуренсом; Дж. Хопшнер, как уже указывалось, изобразил графа со свитком в руке, гравюра с портрета Р. Эванса помещена в девятом томе *Архива князя Воронцова* и в изданных Ю.М. Лотманом, Н.А. Марченко и Б.А. Успенским *Письмах русского путешественника* Н.М. Карамзина, а художник Т. Хифи был обязан своим успехом именно тому, что нарисовал портрет русского посла⁴.

Знаком русский посол был и книгоиздателям и лондонским продавцам книг. Он был активным читателем и собрал неплохую

¹ The Weekly Entertainer; or, Agreeable and Instructive Repository, Containing a Collection of Select Pieces, Both in Prose and Verse; Curious Anecdotes, Instructive Tales, and Ingenious Essays on Different Subjects. Vol. XLVI. Sherborne, 1806. P. 293.

² См., например, список картин, купленных С.Р. Воронцовым при распродаже коллекции В. Тейлора в 1823 году: The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. Vol. XCIII. Part 1. L., 1823. P. 547; С.Р. Воронцов купил также полотно П.П. Рубенса «Распятие», которое было затем, к сожалению, утеряно при перевозке морем в Санкт-Петербург (см.: *Waagen G.F. Peter Paul Rubens. His Life and Genius. L., 1840. P. 10*).

³ Например, об участии С.Р. Воронцова в заказе и доставке Екатерине картины Дж. Рейнольдса «Младенец Геракл, удушающий змей» см.: *Felton S. Testimonies to the Genius and memory of Sir Joshua Reynolds. L., 1792. P. 29-30*.

⁴ Томас Хифи (Thomas Heaphy, 1775-1835). См.: <<http://www.intofineart.com/usa/oil-painting-artist-Thomas%20Heaphy.html>>.

библиотеку¹. Часто он подписывался на издания. Его имя можно встретить в списках подписчиков на художественные произведения, на книги о путешествиях, по истории, по искусству, наукам, на учебники и справочники². Он не только покупал книги для своей библиотеки, но и посылал их в Россию. Так, в конце 1786 г. он послал своему брату Александру среди нескольких книг недавнее издание *Богатства народов* Адама Смита и попросил брата отметить все главы и пассажи, с которыми тот не согласен³. Видимо, Воронцовы были одни из первых русских, всерьез изучивших этот знаменитый труд⁴.

Часть книг предназначалась для учения детей Семена Романовича — сына Михаила (будущего фельдмаршала, героя кавказских, турецких и наполеоновских войн) и дочери Екатерины. Традиции лондонского дома Воронцовых заслуживали всяческого одобрения. Граф уделял огромное внимание воспитанию и образованию детей. День его рождения был главным семейным праздником. На обед в этот день собиралась вся семья — дети, а потом и внуки, приглашались старые друзья, устраивались музыкальные вечера⁵.

Довольно мало известно о жизни графа Семена Романовича Воронцова после его ухода в отставку в 1806 г. Если яркий период его дипломатической деятельности освещен во многих архивных и печатных источниках как важный с точки зрения изучения механизмов российской политики, то последние годы жизни графа но-

¹ См. описание библиотеки: Cross A.G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London // Solanus: International Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies. New Series. Vol. 3. 1989. P. 12–24.

² См., например: List of Subscribers в: Mortimer G. Observations and Remarks Made during a Voyage to the Islands of Teneriffe... L., 1791; Mudge T. A Description, with Plates, of the Time-Keeper Invented by the Late Mr. Thomas Mudge... L., 1799; The Works of Dr. Jonathan Swift / Collected and revised by D. Swift. L., 1765. Vols. VIII, XV; Delavergne L.-E. Histoire de Robert, surnommé le Brave. L., 1800; Taylor M. Tables of Logarithms... L., 1792; Loyal volunteers of London & environs, infantry & cavalry, in their respective uniforms. Representing the whole of the manual, platoon, & funeral... L., 1799.

³ Scott W.R. Adam Smith as Student and Professor. N.Y., 1965. P. 428.

⁴ Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew S. Skinner, Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 248.

⁵ См., например: Letter of Catherine Pembroke to M. Vorontsov. London, 27.07.1815. Clanwilliam/Meade Papers. D3044/C/5/3.

силы, в основном, частный характер и требуют обращения к частным источникам. В 1802 г. он последний раз побывал в России, когда его брат Александр стал канцлером. Вскоре граф Семен опять вернулся в Англию, чтобы прожить там до конца жизни. Лишь несколько раз он выезжал во Францию в 1815 г., где посетил сына, тогда командующего русским оккупационным корпусом, и где вновь увидел Париж ровно через 50 лет после первого визита в этот город. После ухода в отставку граф Семен Романович продолжал играть важную роль на политической сцене Европы и в России, что было показано исследовательницей из Австрии Ингрид Фрабергер¹.

В 1808 г. Семен Романович выдал свою дочь замуж в одну из самых значительных семей британской знати — Пемброков. Мужем Екатерины стал тот самый Джордж Огастес, 11-й лорд Пемброк, с которым граф познакомился еще в Петербурге почти 30 лет назад. Сначала состоялась церемония бракосочетания по православному обряду в часовне в Мерилебон в Лондоне, а затем епископ Солсбери провел англиканскую церемонию на Кавендиш Сквер в доме графини Пемброк². Таким образом два рода породнились, а в доме Пемброков появились впоследствии портреты Семена Романовича и его детей. Память о «русской графине» сохранилась не только в поместье Пемброков Wilton House и построенной неподалеку церкви. Британский журнал так описывал ее душевные качества:

<...> [ее] быстрый ум и здравые суждения, ее огромная и нежная щедрость, ее благородные и вместе с тем приятные манеры, кажется, открывали тем, кто имел честь ее знать, тайну ее обаяния <...>³

Как настоящий аристократ, граф имел и внебрачного ребенка — сына, которого звали Джордж Бизли⁴.

¹ *Фрабергер И.* Неизвестная сторона Семена Воронцова: его политические взгляды и его доля участия в реформах в России в начале 19 века. Выступление на 8-х Воронцовских чтениях. СПб., 11-13 октября 1999 г. См. об этом подробнее в главе «Аристократический сенат — утопия братьев Воронцовых».

² *The European Magazine, and London Review, Containing Portraits, Views, Biography, Anecdotes...* Vol. 53. From January to June 1808. L., 1808. P. 153.

³ *Sidney Herbert, First Baron Herbert of Lea (Obituary) // Fraser's Magazine for Town and Country.* Vol. LXV. No. CCCLXXXVI. L., February, 1862. P. 212.

⁴ См. об этом подробнее главу «Лейтенант королевского флота».

Одним из свидетелей последнего периода жизни Семена Романовича был врач Август Гранвиль, которого Воронцовы и Пемброки ввели когда-то в фавор британского высшего света в благодарность за успешное лечение Екатерины Семеновны и ее сына Сиднея. Михаил Семенович уговорил Гранвиля поехать вместе с ним в Россию, где врач и побывал под покровительством Воронцовых в 1827 г., оставив два тома воспоминаний об этой поездке¹. Эти уговоры происходили в присутствии Семена Романовича, с которым в то время доктор ежедневно общался. Гранвиль рассказывает далее:

Старый граф, который тогда гостил у своей дочери <...> присоединился к уговорам сына принять это предложение <...> «А кто будет заботиться о Вашем Превосходительстве? — спросил я. — В Вашем возрасте Вы не можете отпускать врача, наоборот, Вам следует постоянно прибегать к помощи доктора, который так долго наблюдал Вас». «О, если на то пошло, — ответил благородный старец, — вы можете ехать без опасений; по возвращении вы найдете меня таким же, каким оставите — живущим и чувствующим себя хорошо. В таком возрасте, как мой, быстро не умирают. Мне только восемьдесят пять; до сотни лет еще далеко»².

До самой смерти граф Семен Романович находился под наблюдением Гранвиля. Приглашался для консультации и известный врач сэр Генри Халфорд. Состояние графа было достаточно стабильным, хотя он и чувствовал постоянную горечь во рту, желчь мучила его. Графу пришлось отказаться от апельсинов и ограничить количество сельтерской воды, которую он особенно любил³. Вероятно, граф прожил бы дольше, если бы не злосчастное падение с лестницы в собственном доме. Как писал Яков Смирнов, «наш самый дорогой и несравненный друг граф Воронцов <...> покинул эту жизнь <...> [21 июня 1832 г.] без 5 минут 3 пополудни, окруженный всей своей семьей, находящейся сейчас в Лондоне.

¹ См. об этом подробнее главу «Диагнозы английского врача».

² *Autobiography of A.B. Granville*. Vol. 1. L., 1874. P. 238.

³ Архив семьи Бизли. Письмо М.С. Воронцова Дж. Бизли, Лондон, 28.06.1831. Копия.

Он сохранял все свойства своего разума, кажется, до самого последнего мгновения своей жизни, и его смерть была самой легкой и спокойной из всех, что я видел»¹.

О смерти графа Воронцова сообщила в субботу 23 июня 1832 г. газета «Таймс»:

Генерал граф Воронцов, в течение многих лет бывший российским послом при нашем Дворе, умер в четверг в своем доме на Мансфилд Стрит на 88 году жизни. Его превосходительство был предшественником нынешнего посла России князя Ливена и являлся представителем российского правительства при британском дворе в течение, кажется, почти 30 лет. Он был аристократом, глубоко чтимым в тех высоких кругах, в которых он вращался. Его смерть была довольно неожиданной спустя недолгое время после того, как он повредил позвоночник, что в конце концов и послужило причиной смерти. Его превосходительство оставил графиню и сына, графа Михаила Воронцова, занимающего высокий пост на российской службе. Со смертью этого благородного человека многие благотворительные организации нашей страны потеряли щедрого покровителя².

Другой источник называет конкретную сумму этой потери: граф «распределял в благотворительных целях более £4700³ в год»⁴. Следует заметить, что во многом это определялось не столько щедростью души графа, сколько необходимостью поддерживать соответствующее реноме посла могучей державы. Финансовое состояние графа можно оценить исходя из баланса, составленного банкирами графа Томсоном и Бонаром 27 июня 1832 года. На текущем счете графа в этот день было чуть более £10325, за три предыдущих месяца он потратил около £335⁵, а все движимое имущество в его доме было оценено примерно в £2000⁶. Довольно трудно понять, велики ли были эти суммы. Курс фунта стерлингов испытывал значительные изменения, однако чтобы получить примерный современный эквивалент, надо умножать на 50⁷. Тогда получается, что граф

¹ Архив семьи Бизли. Письмо Я. Смирнова Дж. Бизли, Лондон, 22.06.1832.

² Цит. по: Архив семьи Бизли. Рукописная копия заметки в «Таймс» 23.06.1832.

³ Имеются в виду британские фунты стерлингов.

⁴ The Gentleman's Magazine. P. 80.

⁵ Wiltshire Record Office. Trowbridge, England. 2057/F4/48.

⁶ Счет расходов на похороны графа С.П. Воронцова. Ibid. 2057/F4/48.

⁷ Murray V. High Society in the Regency Period. 1788–1830. L., 1999. P. 50.

в момент своей смерти имел на текущем счету в современном исчислении около полумиллиона фунтов! Это, конечно, очень неточно, но ясно, что граф не был беден, хотя британский высший свет того времени требовал очень больших трат. Британские современники графа в 1816 г. считали богатым человека с годовым доходом как минимум в £5000¹.

В «Таймс» появилось и описание похорон графа, на которые было истрачено £233²:

Во вторник тело скончавшегося графа Воронцова было перенесено из его последней резиденции на Мансфилд Стрит, Портленд Плейс в часовню Российского посольства. Среди присутствующих на похоронах были граф Воронцов (сын умершего), граф Пемброк, его племянники и слуги мужского и женского пола. Церковная служба была проведена по православному ритуалу со значительной помпой и торжественностью, после чего процессия направилась к Новой церкви Сент-Мерилебон, где преподобный отец Мур встретил тело у главного входа, прочитав над ним заупокойную молитву по нашему обычаю, что произвело глубокое впечатление. Гроб был опущен в склеп, уже содержащий останки одного из его внуков, которые находились там в течение многих месяцев, но которые вскоре, вместе с телом графа, будут перевезены в Россию³.

Это описание, кстати, ставит под вопрос утверждение Юрия Давыдова о том, что граф Семен на склоне лет принял англиканство⁴. Следует заметить также, что церемония почти соответствовала пожеланиям графа, разве что была несколько более помпезна, чем ему представлялось. Его тело сопровождалось двенадцатью экипажами. На могиле, как и желал граф, на мраморной плите были обозначены лишь его имя и даты жизни⁵: «Семен Романович Воронцов, родился в Москве в 1744 году, умер в 87 лет в 1832 году»⁶.

¹ Ibid. P. 62-70, 80.

² Счет расходов на похороны графа С.П. Воронцова. Wiltshire Record Office. 2057/F4/48.

³ Архив семьи Бизли. Ксерокопия заметки в «Таймс» 28.06.1832.

⁴ Давыдов Ю. Русский с Гарлей-стрит // Родина, 1992. № 8-9. С. 35.

⁵ The Gentleman's Magazine. P. 80.

⁶ Завещание С.П. Воронцова от 7/19 сентября 1827 г. PRO Chancery Lane Prob/11/2233/549. Цит. по машинописной копии из Архива семьи Бизли (английский перевод французского оригинала).

Останки С.Р. Воронцова не были перенесены в Россию. Они пролежали в крипте церкви Мерилебон до 1983 г., а потом, в связи с реконструкцией крипты, были перенесены вместе с другими захоронениями из этой церкви на кладбище Бруквуд к юго-западу от Лондона¹.

По завещанию Семена Романовича все книги, картины, гравюры и географические карты перешли к сыну Михаилу. Дочь графиня Пемброк получила весь фарфор, то есть столовый, чайный и кофейный сервизы, кухонную утварь, вина и ликеры, сохранившиеся у графа в погребке (а среди них была, например, красная «Малага» 115 лет²), салфетки, скатерти и мебель. £500 были переданы местному дому призрения. £1000 получил священник посольской церкви отец Яков Смирнов³. Внебрачный сын графа Джордж Бизли должен был получить через отца Якова кольцо с профилем графа, локон его волос, одну из табакерок и копию с портрета графа работы Эванса⁴. Свою одежду и остальные белье и утварь граф велел продать и раздать вырученные деньги бедным⁵.

1 июня 1833 г. управление прихода Мерилебон решило потратить £500, полученные от Семена Романовича, на строительство домов для престарелых бедняков⁶. Первое здание было закончено и заселено в 1837 г.⁷ На парадной лестнице установили бюст графа Воронцова⁸.

* * *

¹ См.: Brookwood Cemetery. St Marylebone Church Reburials (Plot 77) <<http://www.brookwoodcemetery.com/st-marylebone-reburials.htm>> и The Monumental Inscriptions of St Marylebone Parish Chapel and Churchyard and Parish Church. L., 1978 (typed manuscript).

² Записка С.Р. Воронцова Е. Пемброк. 1828. Wiltshire Record Office. 2057/F4/48.

³ Завещание С.Р. Воронцова от 7/19 сентября 1827 г.

⁴ Архив семьи Бизли. Письмо М.С. Воронцова Дж. Бизли, Лондон, 02.08.1832. Копия.

⁵ Записка С.Р. Воронцова Е. Пемброк. 1828. Wiltshire Record Office. 2057/F4/48.

⁶ The National, Municipal, and Parochial Register. L., July, 1835. P. 34.

⁷ St Marylebone Almshouses: A history of the Early Years // Tales from St John's Wood <http://talesfromsjwood.blogspot.ru/2009_06_09_archive.html>.

⁸ См.: Mitton G.E. Hampstead and Marylebone — The Fascination of London. L., 1902 <<http://www.hotfreebooks.com/book/Hampstead-and-Marylebone-The-Fascination-of-London-Geraldine-Edith-Mitton.html>>.

По смерти графа Семена Романовича в британской прессе появилось множество некрологов. В них кратко передавалась биография графа и отмечались его особые заслуги:

<...> он постоянно играл важную роль в политике не только России и Англии, соответственно, но и всей Европы. Хотя он и разделял либеральные идеи в своем искреннем принятии этого мира, он был непримиримым врагом Французской революции и стойким и активным сторонником принципов законности. Несмотря на то, что император Павел при восхождении на престол обласкал его, он, нимало не сомневаясь, оставил свою службу, когда этот монарх вступил в союз с Наполеоном; и только после того, как Александр унаследовал корону отца, он был вновь назначен послом при Сент-Джеймском дворе. <...> Его превосходительство был благородным человеком, глубоко уважаемым в тех высоких кругах, в которых он вращался. Полное спокойствие и совершенная мягкость манер вместе с величайшей силой ума характеризовали его возвышенную личность. <...> Он был благороден в своих стремлениях, прост в манерах, добр в сердце¹.

Однако, уже в этих некрологах видна явная тенденция вносить ошибки и путаницу в описание жизни русского посла. Эта традиция продолжается до сих пор. Часто путают даты, а еще чаще путают отца и сына — Семена Романовича и Михаила Семеновича. Оба они были яркими личностями и оба были связаны в своей деятельности с Британией². Когда главы трех союзных держав собрались в 1945 г. на Ялтинскую конференцию, премьер-министр Великобритании У. Черчилль жил в Алушке во дворце, построенном Михаилом Семеновичем. Британские газеты, освещавшие ход переговоров, легко приписывали строительство этого дворца Семену Романовичу. Известному русскому эмигранту Г.П. Струве, который в то время начал заниматься сбором материалов для биогра-

¹ Count Woronzow. Obituary // The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December, 1832. Vol. CII. Part 2. L., 1832. P. 78-90; The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, of the Year 1832. L., 1833. Appendix to Chronicle. P. 209.

² Пишут, например, в некрологе Екатерины Пемброк, «соединяя» отца и сына: «Она была единственной дочерью графа Семена Воронцова — российского посла в этой стране, а затем наместника Южной России» (The Gentleman's Magazine. Vol. XLV (New Series). L., 1856. P. 515; The Annual Register, or a View of the History and Politics of the Year 1856. L., 1857. Appendix to Chronicle. P. 248).

фии С.Р. Воронцова (так им и не написанной), пришлось опубликовать разъяснение на эту тему. Однако, разъяснения мало помогают. В комментариях к современному изданию писем леди Спенсер читаем: «Генерал граф Воронцов, посол в Англии. Знаменитый русский генерал, который сыграл выдающуюся роль в победе над Бонапартом в 1814 году»¹. То ему приписывают жену из рода Пемброков, то называют представителем русской аристократической фамилии выходцев из Крыма...

Однако, все это вполне простительно, ведь род Воронцовых славен многими своими представителями. Британцы помнят людей, сделавших им немало добра. В честь Воронцова-благотворителя улицу, на углу которой стоят дома призрания в районе Сент-Джонс Вуд назвали Woronzow Road. 26 ноября 2002 г. на этой улице открыта мемориальная доска. В торжественной церемонии приняли участие посол России в Великобритании Григорий Карасин и мэр столичного округа Кэмден Джуди Петерсен. Российский посол в своем выступлении отметил, что «Воронцов оставил заметный след в развитии добрых отношений между Россией и Британией»².

В самом деле, Семен Романович оставил не только след в политике и культуре Британии, не только воспоминания в сердцах своих британских друзей, но и довольно многочисленное потомство. Его дочь графиня Пемброк подарила ему внука и пятерых внучек — Элизабет (в замужестве графиня Кланвильям), Сиднея Герберта, Мери-Кэролайн (маркиза Айлсбери), Кэтрин (графиня Данмор), Джорджиану (графиня Шелберн) и Эмму (виконтесса де Веси).

Самым известным из них стал Сидней Герберт (1810-1861). Наполовину русский, он во время Крымской войны (1853-1856) был британским военным министром (Secretary at War), а значит,

¹ The Letter-Bag of Lady Elizabeth Spencer-Stanhope. Vol. I. Compiled from the Cannon Hall Papers, 1806-1873 by A.M.W. Stirling. Note 29 to Ch. 1 (The Project Gutenberg EBook. Release Date: January, 2005 [EBook #7253]).

² В Лондоне открыта мемориальная доска графа Воронцова // Коммерсант, 26 ноября 2002 г. <<http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=57511>>. См. также: Wilton and the Russian link // The Salisbury Journal, Thursday 2nd Jan. 2003 <<http://www.thisiswiltshire.co.uk>>; Богомолов П. Почтили память бунгаря-москвиты // Парламентская газета, 7 февраля 2003 г. <http://www.cargobay.ru/news/parlamentskaja_gazeta/2003/2/7/id_141741.html>.

воевал против России и своего дяди — Михаила Семеновича Воронцова, который приложил огромные усилия для обустройства и процветания Крыма. Сидней руководил, как известно, вполне успешно, и в мемориале на углу Пэлл Мэлл и Ватерлоо Плейс в центре Лондона ему поставлен памятник — он изображен в полный рост в весьма задумчивой позе.

Сегодня британские потомки Семена Романовича хранят память о своем происхождении. Портреты самого графа, его сына, дочери, внука и внучек, письма, книги, доставшиеся в наследство серебряные ложки и даже вышитые подушечки XVIII в. можно встретить и в одном из домов лондонского района Сохо, и в сельском доме в графстве Повис в Уэльсе, и в частном доме в Эдинбурге, и в роскошном поместье Вильтон Хауз близ Солсбери, и в небольшом городке Миэр в Вилтшире.

Помнят русского графа и потомки его внебрачного сына Джорджа. Они собрали небольшой семейный архив документов и писем, отражающих непростые отношения семьи отца и семьи сына.

Своеобразной памятью о Семене Романовиче стало и то, что российский консул в Лондоне Самуил Самуилович Грейг, сын прославившегося на русской службе шотландца адмирала Грейга, назвал своего сына «Woronzow». Воронцов Самуилович Грейг (1805–1865) стал адвокатом и ученым, членом Лондонского Королевского общества, в помещении которого в 1998 г. установлен его бюст¹.

Друг Семена Романовича лорд Гренвиль однажды упрекнул графа в том, что тот сочувствует оппозиции. «Я ответил ему, — писал Семен Романович, — что он меня плохо знает, что я не принадлежу ни к какой партии, кроме партии моей родины, что я русский и только русский, что мне совершенно безразлично, правит ли страной его кузен и друг Уильям Питт или Чарльз Фокс, лишь бы это был человек, желающий поддержать доброе согласие между Россией и Англией, и что всякий, кто будет иметь такое же-

¹ См.: *Appleby J.H. Woronzow Greig (1805–1865), F.R.S., and His Scientific Interests // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 53. No. 1. January, 1999. P. 95–106.*

ление, столь разумное и основанное на истинных интересах и выгодах обеих стран, всегда найдет во мне усердного сотрудника для осуществления этого доброго дела»¹.



¹ Архив князя Воронцова. Т. VIII. С. 28. Русский перевод цит. по: Штейнберг Е. С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков. С. 40.

«Они вообразили, что стали совершенно свободными»

Интеллектуальная культура России довольно привычно ассоциируется с интеллигенцией, с принципиальными противниками власти, оппозиционерами или хотя бы с людьми аполитичными, погруженными в мир науки или искусства. Порядочный человек не может поддерживать существующую власть, он просто обязан ее критиковать и осуждать. Однако приходится признать, что большую роль в интеллектуальной культуре России играли и играют те, кто не просто обслуживают властные структуры, но сами являются носителями власти. Их доктрины вовсе не всегда следует оценивать как исключительно консервативные и охранительные. Время от времени в России появляются люди, представляющие власть, но умудряющиеся сохранить при этом не только свою совесть и принципы, но и трезвое критическое мышление. Вероятно, появление таких людей связано с теми или иными особенностями «духовного климата» в стране, но здесь, мне кажется, обобщения нужно делать с большой осторожностью, поскольку они всегда опираются на априорные принципы, весьма слабо связанные с конкретными историческими и социальными исследованиями. Всегда полезно обратиться к конкретному историческому случаю, чтобы на его интерпретации проверить и уточнить свою интерпретацию тех или иных социальных зависимостей.

Впервые опубликовано: *Микешин М.И.* «Они вообразили, что стали совершенно свободными» // Международный журнал исследований культуры. Научное рецензируемое электронное издание. № 4(13) 2013: Интеллектуальная культура России <<http://culturalresearch.ru/ru/archives/93-intellcult>>.

В качестве конкретного исторического «случая» я выбрал частное письмо российского посла в Британии графа С.Р. Воронцова сыну Михаилу при отъезде последнего в Россию¹. Это тот случай, когда жизнь и деятельность требуют постоянной интеллектуальной работы, и эта работа не отделена от повседневной профессиональной деятельности.

Адресат письма — Михаил Семенович Воронцов (1782-1856), граф, князь, а затем светлейший князь по прибытии в Россию воевал на Кавказе, не раз отличался в войне с Наполеоном, стал героем Бородин, после войны командовал русским оккупационным корпусом во Франции, затем в течение многих лет был генерал-губернатором Новороссии и Кавказа, развивал Крым и построил знаменитый дворец в Алушке. Закончил свою карьеру и жизнь фельдмаршалом.

Надо сказать, граф Семен Романович не только старался наилучшим образом служить своей стране, но и постоянно размышлял о ее обустройстве, проблемах, несчастьях и преимуществах. Он много читал, собрал обширную библиотеку и воспитал сына в весьма патриотичном духе. Граф, прожив в Англии почти 50 лет, усердно изучал эту страну, выяснял причины ее процветания, особенности ее устройства.

Семен Романович был человеком чрезвычайно информированным в европейской политике. Это давало ему возможность сравнивать устройства и поведение различных стран, предлагать возможные изменения и улучшения в управлении и политике России. Российские монархи неоднократно предлагали ему различные должности на родине: Екатерина предполагала сделать его генерал-губернатором, Павел предлагал ему то воспитывать его детей, то стать российским канцлером. Под предлогом слабого здоровья и невозможности жить в российском климате Семен Романович отклонял все подобные предложения и до конца своих дней оставался в Англии.

¹ Письмо было опубликовано на языке оригинала (французском) в XVII книге *Архива князя Воронцова* в 1880 году. Краткий пересказ его содержания по-русски см.: Удовик В.А. Воронцов. М., 2004 (Серия ЖЗЛ). С. 37.

Граф Воронцов оставил после себя большое рукописное наследство. Служа в армии он обдумал и написал *Инструкцию ротным командирам*¹, в которой писал, в частности: «знаю и то, какая великая разница командовать людьми, хорошо выученными и совершенно знающими долг своего звания и преисполненными благородным честолюбием <...>» Сохранилась его автобиография, посланная в письме графу Ф.В. Ростопчину в 1796 г. и впоследствии опубликованная². Однако более всего мы обязаны ему огромной перепиской с родными, с друзьями, с известными политиками, учеными, военными, писателями, художниками, композиторами того времени — многих из них он знал лично, со многими дружил годами.

Предлагаемое вниманию читателей письмо написано в конце апреля 1801 г. в тот момент, когда восемнадцатилетний сын Семена Романовича Михаил отправился на родину, которую он когда-то покинул в младенчестве, чтобы поступить на столь желаемую им военную службу. Это был важное время в жизни не только семьи Воронцовых, но и в истории России. В марте был убит Павел I, на престол только что вступил Александр — именно поэтому закончилась опала графа и его сын мог поехать на родину. Семен Романович вновь приступал к обязанностям посла, его брат с его колоссальным опытом вновь понадобился при дворе — его ждало вознесение в должность канцлера. Воронцов фиксирует в письме это ощущение перелома. Однако, он не поддается всеобщей эйфории, но смотрит на события, происходящие в родной стране, весьма трезво.

Письмо выдержано в распространенном жанре напутственного письма отца при вступлении сына во взрослую жизнь и содержит вполне обычные моральные наставления: «будьте благоразумны и осмотрительны», «слушайте со вниманием, говорите со скромностью», «честь — хороший государь», «быть добродетельным лучше, чем быть богатым и могущественным». Здесь необходимо,

¹ Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. М., 1991. С. 38-40 (избранные отрывки; полный текст см.: Военный сборник. № 11. М., 1871).

² См.: Архив князя Воронцова. Кн. VIII. М., 1876. С. 1-36 (на французском языке); Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 33-59 (перевод на русский язык).

однако, заметить, что Михаил был хорошим сыном и довольно точно следовал заветам отца, воспринимая их не как формальные фразы, а как конкретные правила жизни. Он, несмотря на участие в войнах и обширные административные обязанности, в последующие двадцать лет регулярно приезжал к отцу в Англию. Они виделись почти каждый год.

Поскольку Михаил вырос в Британии, отец посчитал необходимым описать настроение, царившее в то время в России, и высказать свое отношение к нему. Граф уделял очень большое внимание воспитанию и образованию сына, стремился вырастить его «настоящим русским», знающим историю, политики, литературу, достижения и язык своей родной страны. Поэтому в напутственном письме важно было передать сыну именно особенности конкретного момента. Надо сказать, что граф описывает горячо им любимую родину в довольно резком тоне. Соотечественники только что вышли «из наиболее зверского рабства», под которым подразумевается правление императора Павла. Они воображают, «что стали совершенно свободными», однако не понимают, что значит быть свободным. Семен Романович поясняет, что истинная политическая свобода может быть основана только на «особой конституции», то есть на подчинении законам, одинаковым для всех. К важнейшим проблемам России граф Воронцов — на основе своего богатейшего жизненного опыта — относит «невежество», «отвратительные нравы» и унижающая «форма правления». Он не сомневается, что в огромной стране следует придерживаться авторитарной, самодержавной формы правления, однако предупреждает, что многое зависит от правильной организации власти: «Наша страна слишком велика, чтобы один монарх, будь он хоть второй Петр Великий, смог все делать в одиночку, управляя без конституции, без строгих законов, без установленных независимых судов». Самодержавная форма правления часто приводит к появлению всесильных фаворитов, перед которыми все унижаются, приучает «к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству»¹. В результате в любимой

¹ Политические взгляды С.Р. Воронцова и его брата Александра в начале царствования Александра I рассматриваются подробно в главе «Аристократический сенат — утопия братьев Воронцовых».

стране Воронцовых живет «нация униженная, расслабленная, потерявшая великолепие и чувство долга». Однако она характеризуется «такой легкостью характера, что сразу же забыла ужасный деспотизм, от которого томилась» — как римские рабы, забывающие о своем рабстве только на время праздника.

Таким образом, граф Воронцов демонстрирует здесь пример специфического, абсолютно трезвого патриотизма, когда любовь к своей стране не только не мешает, но способствует строгой интеллектуальной оценке ее реального состояния и важнейших проблем.

Именно из такой оценки следуют указания сыну, как вести себя в России: не закрывать глаза, не прятаться, не бежать, не обливать всех презрением, не «учить всех жить», не осуждать нравы и обычаи, но искать и находить людей порядочных, серьезных, деловых и добродетельных, опираться на помощь и советы друзей, внимательно анализировать поведение окружающих и результаты своих действий и суждений, учиться оценивать и сознательно строить свою жизнь.

**Напутственное письмо С.Р. Воронцова
при отъезде его сына Михаила в Россию¹**

Лондон, 3 мая (21 апреля) 1801 г.

Я думаю, нет нужды говорить вам, мой дорогой Мишель, сколь трудно мне расставаться с вами. Эта разлука очень болезненна для меня, но вашему приезду будет рад мой брат², которого я люблю, как моего первого друга, как самого лучшего друга в мире, и почитаю, как если бы он был моим отцом. Я иду на это также и для вашей пользы. Ведь ваше благополучие мне дороже, чем мое собственное удовольствие, ради которого я никогда бы не расставался с вами. Я бы пренебрег долгом отца и друга (а я считаю вас другом по тому, каким разумом и характером одарила вас природа), если бы не дал вам несколько советов о том, как вам вести себя по прибытии и при жизни в той стране, куда вы направляетесь. Она совершенно не похожа на ту, кото-

¹ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1880. С. 5-10. Оригинал на французском языке. К письму приложено несколько страниц, в которых С.Р. Воронцов подробно описывает, как и с кем его сын должен встретиться в России и кому он должен передать рекомендательные письма. Это приложение в данной публикации опущено.

² Граф Александр Романович Воронцов.

рую вы покидаете, и хотя новое царствование сделало наших соотечественников счастливее, когда, выйдя из наиболее зверского рабства, они вообразили, что стали совершенно свободными и чувствуют себя, как жители других стран (ведь они не знают истинной свободы, основанной на особой конституции, какую имеет счастливая Великобритания, где люди подчиняются только законам, одинаковым для всех классов, и где человек сохраняет все свое достоинство). У нас — невежество, отвратительные нравы — как следствие этого невежества и формы правления, которая, унижая людей, лишает их всякого душевного подъема, приучает их к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству перед всеми могущественными людьми или фаворитами государя. Наша страна слишком велика, чтобы один монарх, будь он хоть второй Петр Великий, смог все делать в одиночку, управляя без конституции, без строгих законов, без установленных независимых судов. По самой своей природе такая форма правления приводит к появлению любимого министра, который становится великим визирем, назначающим правительство и сажающим во главе провинций своих родителей, друзей и любимцев, которые, чувствуя его покровительство и свою безнаказанность, становятся пашами. Весь двор у ног визиря, и вся империя следует его примеру. Это нация униженная, расслабленная, потерявшая величие и чувство долга, и в то же время с такой легкостью характера, что сразу же забыла ужасный деспотизм, от которого томилась, поскольку теперь может носить круглые шляпы и сапоги с загнутыми носами. Вы увидите, как она совершенно непринужденно заявляет, что была угрюмой, дрожащей и молчаливой, а поскольку нынешний государь добр, она считает себя по существу свободной, не помышляя о том, что сам человек может изменить свой характер, или что вслед за ним может прийти другой тиран. Нынешнее состояние страны — это лишь временное прекращение тирании, а наши соотечественники подобны римским рабам во время Сатурналий, после которых они опять впадают в свое обычное рабство.

Так будьте же благоразумны и осмотрительны, мой друг, в своем поведении и речах. Не торопитесь устанавливать связи. Избегайте, когда только можете, знакомиться, пока не узнаете о характере тех, с кем вы будете в данном случае иметь дело; поскольку, помимо опасности дурных связей, тот, кто не знает вас, судит о вас по характеру тех, с кем вы связаны. Слушайте со вниманием, говорите со скромностью и никогда не берите решительный тон, который всегда шокирует у молодого человека. Для него существуют только два случая: берясь за всякое честное, добродетельное и милосердное дело и отказываясь решитель-

тельно от какого-либо участия в деле бесчестном, если бы его вам предложили или хотели в него вовлечь; ведь честь — хороший государь, и лучше пожертвовать всем, чем ее потерять.

Приобретите привычку размышлять вечером о том, чего вы достигли за день; это лучшее средство понять сделанные ошибки и как их избежать в будущем. Я бы желал, чтобы вы привыкли вести дневник всего, что вы видели или слышали замечательного и что вы думаете об этом; вы увидите через 5-6 лет прогресс вашей способности истинного суждения, и как то, что нам казалось правильным и хорошим, больше не таково, поскольку, при тех же принципах чести, появилось больше опыта и суждения стали более зрелыми.

Не вините ни нравы, ни обычаи, которые вас будут шокировать, поскольку нравам довольно не подражать, если они плохи; не будьте критиком их — что не пристало молодому человеку, — особенно тех, что вошли в привычку. Каждая страна имеет свои нравы и обычаи, зависящие от климата, управления и образованности. Изменить их не в наших силах. Будьте вежливы со всеми, внимательны и уважительны по отношению к людям пожилым или выдающимся своими талантами, а также оказанными отечеству услугами, к тем, кто известен своими добродетелями. Постарайтесь научиться всему, что касается этой страны, всему, что нельзя узнать иначе, как часто встречаясь с теми, которые ее хорошо знают и которых вы должны слушать внимательно. В любой ситуации не пренебрегайте возможностью оказать услугу, сделать добро тому, кто честен и несчастен, всякий раз, когда вы достаточно удачливы, чтобы быть в состоянии это сделать; ведь это невыразимое удовлетворение — иметь возможность сделать счастливыми и довольными тех, которые этого достойны.

Я вам уже говорил много раз со дня смерти Павла I и еще раз повторю, мой друг, что не хочу мешать той служебной карьере, которую вы хотите избрать, но я советую вам не принимать никакого решения, не обсудив его с моим братом, в котором вы найдете второго отца, но отца более просвещенного, знающего досконально, лучше всех в мире страну, в которую вы едете, он всегда даст вам самые полезные советы: спрашивайте его обо всем, когда только будете с ним рядом, а если вы вдали — спрашивайте письмом. Он относится к вам и вашей сестре так, как будто вы его собственные дети, и это истинное счастье для нас всех иметь главу семьи столь просвещенного, добродетельного и ученого, который любит нас с такой нежностью.

Так советуйтесь же с ним всегда и следуйте его советам; пользуйтесь счастьем иметь такого руководителя, который столь глубоко мудр в делах внешних и внутренних, который обладает таким общепризнанным благоразумием и таким просвещенным разумом, что покойный

князь Безбородко¹ считал необходимым консультироваться с ним в самых серьезных делах. Когда вы не будете рядом, пишите ему каждой почтой, рассказываете ему обо всем, что вы делаете, что с вами происходит, и просите его совета, которому прошу вас следовать. Когда вы будете от него далеко, всегда обращайтесь к моим хорошим и преданным друзьям — графу Кочубею² и господину Роджерсону³. Они мне бесконечно привязаны, чему имею самые убедительные доказательства, которые никогда не забуду; они будут счастливы провести вас самым верным путем через лабиринты царского дворца и двора. Барон Николаи⁴, мой друг в течение 39 лет, у которого вы остановитесь, тоже даст вам хороший совет. Если его нет в городе, обратитесь к г-ну Рындину⁵, он предоставит вам комнату в своем доме. Будете вы жить в его доме или нет, заходите к нему почаще. Я рассказывал вам о том, что он сделал и продолжает делать для меня; он очень надежный друг. К этим четверем людям вы должны иметь наибольшее почтение и обращаться во всех важных случаях; вашего дядю поможет вам найти г-н Рындин. Поскольку вы не едете на родину, чтобы только развлекаться и проводить время со своими ровесниками с их балами, зрелищами и другими увеселениями, но едете, чтобы узнать свою страну, семью и определить свои ценности, чтобы посоветоваться со своим дядей о будущей карьере, и какой бы она ни была, она потребует, чтобы вы старались хорошо знать и точно выполнять свой долг. К счастью для вас и для меня, Бог дал вам здравый рассудок и спокойный, уравновешенный характер; я также уверен, что вы не будете подражать молодым людям вашего возраста, которые только и думают об удовольствиях, и чем меньше вы будете иметь с ними дело, тем более будете в результате счастливы. Не пренебрегайте занятиями математикой, которые вы уже так хорошо начали, продолжайте их при малейшей возможности.

¹ Безбородко Александр Андреевич (1747-1799) — граф, затем светлейший князь, канцлер при Павле I, давний друг С.Р. Воронцова.

² Кочубей Виктор Павлович (1768-1834) — граф, затем князь, вице-канцлер при Павле, при Александре — член Государственного совета и Негласного комитета.

³ Роджерсон Джон (Иван Самойлович, 1741-1823) — шотландец, лейб-медик Екатерины II, почетный член Петербургской академии наук; давний друг братьев Воронцовых, его письма к С.Р. Воронцову являются очень ценным источником информации о придворной жизни в России его времени.

⁴ Николаи Андрей Львович (1737-1820) — барон, государственный секретарь при Павле I, в 1798-1803 гг. президент Петербургской Академии наук.

⁵ Рындин Кирилл Степанович (1754—1809) — полковой товарищ С.Р. Воронцова, впоследствии сенатор.

Дружите с г-ном Новосильцевым¹, который едет вместе с вами: он человек полезный и светлая голова.

Поскольку я стар и слаб, я не знаю, буду ли иметь счастье увидеть вас или умру до вашего возвращения. Будьте отцом вашей сестре², вы знаете, какую нежность она испытывает к вам и какой у нее прекрасный характер. Здоровье никогда не позволит ей жить в таком суровом климате, как в России. Впрочем, воспитанная в других принципах и правилах, чем принято у нас, она стала бы самым несчастным созданием, если бы имела несчастье у нас жить, даже если бы здоровье ей это позволило; существует также договоренность между мной и моим братом, и именно он мне ее первый предложил. Итак, когда я умру, она останется с м-ль Жардин³ в Англии, где я ее рекомендую четверем лучшим моим подругам в этой стране — леди Пемброк, г-же Робинсон, леди Спенсер и леди Дандэс. Они помогут ей своими советами вместе с м-ль Жардин, которая очень дружит с Катенькой, очень ей предана и не покинет ее. Эти пять женщин, все мои близкие подруги, нежно любящие вашу сестру смогут хорошо ее здесь устроить, а вы исполните, я уверен, совершенно точно указания, которые дал мой брат относительно ее приданого. Любите свою сестру, которая столь заслуживает дружбы и предана вам и сердцем, и душой.

Пишите нам как можно чаще, не лишайте нас этого утешения в той печали, в которой мы пребываем из-за разлуки с вами.

Прощайте, мой дорогой сын, прощайте, друг мой. Помните, что быть добродетельным лучше, чем быть богатым и могущественным, что порядочность и честь служат твердым основанием совершенному счастью и что с чистой совестью и достойными друзьями вы всегда будете утешены в любых возможных несчастьях.

Развивайте свой разум и применяйте его всегда для добрых дел. Прощайте еще раз. Я даю вам мое благословение из самой глубины души и остаюсь, насколько могу надеяться, вашим истинным другом

С. гр. Воронцов

Священник Яков Смирнов, много сделавший для воспитания Михаила, при отъезде его из Лондона положил в коляску *Историю Шотландии* — сочинение знаменитого шотландского историка У.

¹ Новосильцев Николай Николаевич (1761-1838) — член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803-1810), граф (с 1833 г.); возвращался домой, прожив в Англии время правления Павла.

² Графиня Екатерина Семеновна Воронцова, в замужестве Пемброк (Катенька).

³ Наставница Екатерины Семеновны Воронцовой, получившая воспитание в России.

Робертсона для чтения «в забаву и для препровождения времени»¹.

Аристократы граф С.Р. Воронцов и его сын ни минуты не сомневаются, что они должны служить России, несмотря на то, что состояние ее и порядки в ней им чрезвычайно не нравятся. Они понимают свой долг как ответственность за свою страну и ее историю. Их жизни, жизни их друзей, партнеров и врагов, их семьи, собственно, и есть для них история России. Сегодня такое поведение и понимание, которое когда-то было вполне сословным, мы оцениваем как набор определенных личных качеств.

Дворянская интеллектуальная элита очень часто высказывалась не в печатных, а в рукописных текстах, основную часть которых составляли именно письма. Большая часть их еще не опубликована и даже не прочитана исследователями, таким образом, огромные пласты интеллектуальной культуры российского дворянства еще ждут своего изучения.



¹ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1880. С. 18.

Лейтенант королевского флота

Лейтенант отличается от капитана
нашивками, выраженьем глаз,
фотокарточкой Бланш или Франсуаз,
чтением «Критики чистого разума»,
Мопассана и «Капитала».

Капитан отличается от Адмиралтейства
одинокими мыслями о себе,
отвращением к синеве,
воспоминаньем о длинном уик-энде,
проведенном в имени тестя.

И. Бродский. Новый Жюль Верн.

В Британии, как и в России, есть люди, интересующиеся судьбой представителей клана Воронцовых и их потомков. Недавно я получил еще одно тому подтверждение. Британец Джулиан Фойнс прислал мне свою брошюру «Загадка лейтенанта Бизли»¹, в которой описал жизнь внебрачного сына графа Семена Романовича Воронцова, используя документы местных архивов, опубликованные материалы и сведения, добытые из бесед с потомками Бизли. Я коротко перескажу работу Фойнса, добавив результаты

Впервые опубликовано: *Микешин М.И.* Лейтенант королевского флота // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 13. СПб., 2010. С. 123–137.

¹ *Foynes J.* The Mystery of Lieutenant Beazeley. Isleworth, 2005. Джулиан Пол Фойнс окончил Королевский колледж в Лондоне, преподает историю в средней школе Латимера (Лондон), он — историк и генеалог, автор нескольких книг о британцах — участниках Первой и Второй мировых войн.

собственных поисков и проиллюстрировав их копиями некоторых документов из моего собрания¹.

В семьях потомков Джорджа Бизли (George Beazeley или Beaseley) сохранилось немало легенд об их общем предке, многие легенды весьма далеки от фактов, но в одном все уверены: Джордж был сыном графа Семена Романовича Воронцова, российского посла при Британском дворе. В конце 1780-х годов вдовец граф Семен Романович встретил женщину, которую звали Мери Бекельбек (Beckelbeck — написание приблизительное), и 29 декабря 1789 г. родился Джордж Воронцов-Бекельбек, он же Бизли. Фамилия Бекельбек — или хоть сколько-нибудь похожая на нее — не встречается среди представителей английского высшего класса или хотя бы среди известных ремесленников. Может быть, фамилия Бизли придумана, а может быть, это фамилия приемных родителей или законного мужа Мери (если таковой у нее был).

Когда в 1810 г. Джордж подавал прошение в Адмиралтейство, он должен был предоставить доказательство, что он является тем, за кого себя выдает. В качестве такового доказательства он прислал письмо, подписанное викарием церкви Св. Марии в Мерилебон и утверждавшее, что он был крещен там двадцать лет назад. Это письмо указывает дату 17 июля 1790 г. и родителей младенца — Джорджа и Кэтрин Бизли (при оформлении документов во время своего бракосочетания в 1819 г. Джордж-сын указал эти же имена). Однако, потомки его утверждают, что местом крещения была церковь российского посольства (также известная как «греческая часовня») на Уэлбек стрит, священником был Яков Смирнов, днем — 17 мая 1790 г., а родителями — граф Воронцов и Мери Бекельбек.

Если подумать, то эти утверждения могут и не противоречить друг другу. В самом деле, граф Семен Романович для спасения души младенца мог сначала крестить его по православному обряду, а затем передать чете Бизли, которая окрестила мальчика уже по англиканскому обряду и дала ему новое имя. При этом в обоих случаях не было выдано никаких официальных докумен-

¹ См. также: Cross A.G. Marginalia. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse // The Slavonic and East European Review. Vol. 70. No. 4. October, 1992. P. 708–721.

тов. Интересно, что дочь графа Семена Романовича звали Екатерина, а ее мужа — Джордж, поэтому, возможно, при выдаче справки в 1810 г. в нее могли внести их имена как имена вымышленных родителей. Естественно, получение такой справки должно было быть хорошо оплачено, может быть, ими или графом.

Как указывает профессор Кросс, Смирнов записал в регистрационной книге, что ребенка нарекли Василием, что он незаконно-рожденный и что его родителями были «ГСРВ» (что можно прочесть как «граф Семен Романович Воронцов») и «МБ»¹. Более того, дочь Бизли Кэтрин вспоминала, как отец рассказывал ей о том, что у нее была маленькая сестра, но она умерла во младенчестве вместе с матерью Мери. Возможно, это означает, что Мери была беременна от графа Семена Романовича дважды и умерла во время вторых родов.

Кем же могла быть эта Мери Бекельбек? Ее имя отсутствует в указателях лондонских фамилий того времени, в индексах записей рождений и смертей и т.д. Позже Джордж называл ее англичанкой, но фамилия ее не английская, не принадлежала она и никому из жителей города иностранного происхождения. Фамилия кажется немецкой или голландской, там встречаются похожие формы, например, *Weigelbeck* или *Neckelbeck*². Возможно, Мери была гувернанткой в семье Воронцовых, а у Джорджа не было ни капли английской крови.

То, что ребенка отдали в приличную семью, косвенно подтверждается тем, что в указанное время в районе Лондона вокруг русского посольства жили несколько семей «среднего класса» с фамилией Бизли (*Beazeley* или *Beazley*). Они принадлежали к той среде, в которой потом вращался Джордж.

Маленький Джордж не отличался крепким здоровьем (или граф просто хотел отослать его подальше), поэтому на втором году жизни он был отправлен в деревню под присмотром няньки. В шесть лет он пошел в школу в Брайтоне, поскольку его организму

¹ См.: *Cross A.G. Marginalia. An Anglo-Russian Medley...*

² А возможно, и фамилия *Beckelbeck* (или *Becklebeck*) придумана. Например, она созвучна названию улицы *Welbeck*, а первая ее часть звучит похоже на *buckle*, что по-английски значит не только «пряжка», но и «женильба», причем с шутивным оттенком. А для русского слуха эта фамилия звучит вполне как тарабарщина, «бла-бла-бла».

требовался морской воздух¹. Может быть, именно поэтому мальчик полюбил море.

Джордж Бизли поступил на службу в королевский британский флот как «волонтер первого класса» 24 января 1804 г. в возрасте 14 лет. В то время не было предварительной учебы на берегу, и Бизли сразу вышел в море на 16-пушечном шлюпе «Раттлер». Шлюп отправился патрулировать дельту Шельды, чтобы воспрепятствовать выходу наполеоновских судов из Антверпена. Затем он следил за гаванью Остенде, где участвовал в небольшом сражении с французскими кораблями и получил значительные повреждения. Двое членов команды были убиты, десять ранены. Видимо, это было боевое крещение юного Джорджа.

После ремонта «Раттлер» участвовал еще в нескольких стычках, а в мае следующего года был послан сопровождать атлантические конвои. Пока основной британский флот сражался при Трафальгаре², Бизли замерзал на своем шлюпе у берегов Ньюфаундленда.

В августе 1806 г. Бизли был произведен в мичманы и перешел служить на только что построенную 22-пушечную «Дафну». На ней он отправился атаковать испанские колонии в Южной Америке, участвовал 3 февраля 1807 г. в штурме Монтевидео и, позже, в нападении на Буэнос-Айрес. По дороге домой «Дафна» взяла в плен два судна французских союзников.

В апреле 1808 г. «Дафна» уже у берегов Швеции для охраны важных для Британии морских путей, по которым перевозили так необходимые королевскому флоту железо и корабельный лес. Имя Бизли, тогда восемнадцатилетнего мичмана, впервые упоминается в письменном отчете о боевых действиях 25 апреля как отличившегося при захвате десяти груженных зерном датских судов. В ноябре «Дафна» вернулась домой, а затем отправилась к французскому порту Шербур.

Летом 1809 г. Бизли опять сменил корабль и опять отправился к Антверпену, а в сентябре его перевели на первый в его морской карьере большой двухпалубный 74-пушечный корабль «Сан Доминго».

¹ Брайтон — город-курорт на побережье Ла-Манша в 70 милях к югу от Лондона.

² Битва при Трафальгаре произошла 21 октября 1805 г.

Когда Джорджу исполнилось двадцать лет, он подал прошение о присвоении ему чина лейтенанта. Пока прошение рассматривали, Бизли успел совершить поход к мысу Доброй Надежды. Поскольку все отзывы капитанов, под началом которых он служил, были благоприятными, Бизли по возвращении получил желаемый чин младшего лейтенанта. В 1812 г. он стал лейтенантом, а по окончании войны с Наполеоном — командером (что примерно соответствует чину капитана третьего ранга).

Следующие три года лейтенант Бизли служил на 74-пушечном «Аберкромби», патрулируя атлантические берега Франции и Испании. Теперь к войне с Францией добавилась война с Америкой, и «Аберкромби» занимался перехватом судов, следовавших из Штатов во Францию и обратно. В конце 1814 — первой половине 1815 г. Бизли на другом военном корабле совершил еще один поход к южной оконечности Африки.

В детстве и во время службы на флоте Джордж ничего не знал о своем настоящем отце, хотя он, видимо, знал о матери. Смирнов, который вел себя как добрый крестный, делал вид, что российское посольство взяло на себя заботу о мальчике после смерти матери (что дает право предполагать, что Мери работала у графа Воронцова).

В 1814 г. Джордж во время отпусков часто жил в Лондоне и, вероятно, гостил у графа и у Смирнова. Ему понравилась младшая дочь Смирнова, причем так, что по возвращении из последнего похода он написал Смирнову письмо с просьбой разрешить ему жениться на ней (хотя ей было всего 16 лет). Девушка заявила, что влюбленность Бизли является для нее полной неожиданностью. Самому Смирнову это предложение совершенно не понравилось, и он ответил вежливым отказом, сославшись на слишком юный возраст дочери. Он также посоветовал лихому лейтенанту завершить его далеко не полное образование изучением математики и французского языка. Джордж внял его совету и по окончании войны отправился во Францию. Видимо, оттуда он писал мадемуазель Смирновой, поскольку, узнав, что Бизли собирается возвращаться домой, Смирнов описал сыну графа Семена Михаилу, который в то время командовал русским оккупационным корпусом во Франции, свои мрачные предчувствия. Он писал, что не может

позволить свадьбе состояться, пока граф Семен Романович не признается сыну в своем отцовстве, и что Джордж уже начал подозревать... Он добавил, что эта тайна всегда была всем известна в посольстве. Очевидно, как только Джордж вернулся, граф Семен Романович принял его и во всем признался. Теперь они стали называть друг друга «отец» и «сын» даже перед слугами.

Итак, война закончилась, и в августе 1815 г. Джордж Бизли вышел в отставку после одиннадцати с половиной лет службы. Ему была назначена пожизненная пенсия, которая позволяла ему жить, как сказали бы сегодня, как представителю «среднего класса», хотя и не «джентльменом», даже если бы он не получал больше никаких доходов. Что же побудило боевого морского офицера покинуть флот?

20 июня 1814 г., еще будучи на службе, Бизли во время одного из отпусков на берегу заплатил 5 фунтов в качестве вступительного взноса в недавно образованное общество последователей Сведенборга¹. Учение шведского мистика выглядело тогда вполне современно, многими оно считалось «рациональным», «научным» и

¹ Сведенборг (Swedenborg) Эммануил (1688–1772) — шведский ученый и теософ-мистик, почетный член Петербургской АН (1734). Написал значительное число научных работ по горному делу, математике, астрономии и др., автор ряда технических проектов. Первоначально развивал механистическую концепцию мироздания, которая затем уступает место спиритуалистической натурфилософии, родственной неоплатонизму. В 1743–1745 гг. Сведенборг переживает душевный и религиозный кризис, сопровождавшийся «видениями», «голосами» и т.п., в результате чего превращается в мистика и духовидца. Он провозглашает, что избран Господом, чтобы написать новую доктрину для реформирования христианства. Он заявляет, что Господь открыл ему глаза, поэтому теперь он может свободно посещать рай и ад и беседовать с ангелами, демонами и другими духами. В последующие 28 лет он публикует 18 теологических работ, в которых стремится дать «истинное» толкование Библии, излагает учение о точных соответствиях («корреспонденциях») явлений земных и «потусторонних». Сведенборг открыто отвергает понимание Троицы как единства трех Лиц, поскольку, как он утверждает, такого толкования не было в раннем христианстве. Он объясняет, как Божественная Троица существует в одном Лице, в одном Боге, во Христе. Сведенборг также отказывается от доктрины спасения только верой, поскольку считает, что для спасения необходимы и вера, и милосердие. Наиболее известное его сочинение — *Рай и ад (Heaven and Hell, 1758)*. Сочинения Сведенборга вызвали самые разнообразные отклики. К концу его жизни в Англии и Швеции образовалось несколько групп для изучения его трудов. Общины последователей Сведенборга получили распространение в различных странах, преимущественно в Великобритании и США. Его влияние испытали такие мыслители и писатели как В. Блейк, Э. Браунинг, А. Стриндберг, Р. Эмерсон,

«гуманистическим». Кроме того, оно было вполне «прагматичным», т.е. практичным, во многом соответствующим повседневности и казалось совсем не ханжеским. Например, внутреннее состояние «любви» должно было «соответствовать» физическим действиям любящего. Сведенборг уважал практичность в этом мире и не любил самоотречения, поэтому его учение было удобно для многих, в том числе представителей среднего класса и купечества — издателей, художников, книгопродавцев, мелких торговцев, т.е. тех, кто не имел хорошего образования, но были независимыми и разумными людьми. Конечно, для традиционного христианства Сведенборг был еретиком, поэтому его учение периодически осуждалось официальной церковью.

В местечке Брайтлингси (Brightlingsea) на побережье Англии, примерно в 80 милях к северо-востоку от Лондона, 3 июня 1819 г. приехавший из Лондона Бизли женился на Элизе Флетчер (Eliza Fletcher), дочери доктора Мозеса Флетчера, ярого последователя Сведенборга. Молодой жене было всего 19 лет, и отец уже обратил ее в свою веру. Видимо, как в этой деревне, так и в обществе последователей Сведенборга, Бизли был неординарной фигурой — единственный «джентльмен» среди представителей «нижнего среднего класса». Только он имел официальное звание и только он мог не работать и жить на государственную пенсию. Кроме того, он был славным героем войны, поэтому пользовался довольно серьезным авторитетом. Взгляды его были довольно консервативны. Стоит также заметить, что, согласно сохранившимся документам, четверо из пяти мужчин деревни были неграмотны. В целом, остается неясным, почему Бизли предпочел жить в маленькой деревне вместо Лондона. Возможно, он сильно влюбился в Элизу, а та была женщиной явно «несветской», может быть, он стремился к тихой семейной жизни и воспитанию детей. И уж во всяком случае, Бизли не сидел в приморской деревне ради работы — нет никаких свидетельств того, что он в течение шестидесяти лет жизни после выхода в отставку занимался хоть чем-нибудь кроме семьи и религиозных штудий.

Ш. Бодлер, А. Мицкевич, О. Бальзак, В. Йейтс, Х. Борхес. Сочинения Сведенборга в русском переводе можно свободно прочесть в интернете, см., например: <<http://swedenborg.org.ua>>, <<http://www.michaelglebov.ru>>.

Кроме того, возможно, что и граф Семен Романович не очень доверял Джорджу и желал его отъезда из Лондона, быть может, они даже поссорились, и Бизли решил жить независимо. Судя по образу жизни молодых в деревне, вряд ли тогда граф помогал сыну деньгами.

Через несколько недель после свадьбы супруги Бизли познакомились с приехавшим из столицы священником Самуэлем Ноблем (Samuel Noble), который стал другом Джорджа на всю жизнь.

30 марта 1820 г. в семье Бизли родился первый ребенок. Через три дня девочку крестили, назвав Эллен. Вторая девочка — Симеона (конечно, в честь деда; в семье ее звали «Она») родилась в августе 1821 г.

Три года семья тихо и спокойно провела в Брайтлингси. Родители жены жили напротив. У Бизли был свой симпатичный и даже живописный (переделанный из жилища старого контрабандиста) дом. В нескольких шагах на той же улице стояла новая часовня их общества. Вероятно, много времени они проводили за чтением Сведенборга, книг Исайи и Св. Иоанна. Бизли чувствовали свою принадлежность к просвещенному, тесно спаянному и независимому сообществу.

Однако, идиллия скоро закончилась. Эллен, старшая дочь, стала страдать от частых приступов лихорадки даже еще до того, как начала ходить. Врачи определили «болотную лихорадку» (т.е. малярию), которая тогда была обычна на этом морском берегу. Летом 1822 г. Бизли сняли дом близ популярного тогда курортного города Бат. Следуя моде, Бизли, видимо, считали, что морской воздух и вода из источников вылечат больную. И действительно, в Бате здоровье девочки стало улучшаться, но неожиданно заболела мать, что было тем более опасно, что она была в то время беременна третьим ребенком. Летом 1823 г. Джордж привез жену обратно в Брайтлингси, чтобы поместить ее в привычные обстановку и климат. Вскоре стало ясно, что она умирает от туберкулеза. В последней надежде ее перевезли в Гастингс, который тогда считался хорошим «легочным» курортом. Там в октябре Элиза родила дочь, которую назвали Эммой. Через две недели мать умерла. Ей было всего двадцать три года. Через неделю за ней последовала и новорожденная. Обе были похоронены в Гастингсе. На могильной

плите Джордж начертал стихотворение в 14 строк, которое одновременно стало данью памяти жены и кратким изложением учения Сведенборга.

Двойная трагедия в семье Бизли не оставила графа Семена Романовича равнодушным. Когда Джордж вернулся в Лондон, старик Воронцов принял его в своем доме, подарил несколько дорогих вещей и свой портрет и даже сам посетил дом Бизли¹, где рожденные в деревне Эллен и Симеона, наконец, встретили своего знаменитого деда. Джордж написал графу по-французски благодарственное письмо, начинавшееся словами «*Mon cher et bon Pègre*»².

В 1827 г. Бизли, с двумя маленькими девочками на руках, женился в Лондоне на Элизе Никольсон (*Eliza Nicholson*), которая за несколько месяцев до этого обратилась в веру будущего мужа. В начале 1829 г. у супругов родился ребенок, опять дочка — Кэтрин Элиза (*Catherine Eliza*). И вновь повторился ужас шестилетней давности: молодая мать умерла через десять дней от осложнений после родов. Через год Бизли нашел себе третью жену — Маргарет Ноулз (*Margaret Knowles*). Возможно, она была подругой умершей Элизы. Старый граф одобрил обе женитьбы сына.

В течение следующих десяти лет Бизли по неясным причинам начал свои передвижения вдоль британского побережья. В 1830 г. он жил в Брайтоне, в 1831 — в Сидмуте, а в середине тридцатых годов переезжал из Бата в Клифтон, затем в Порт Банатайн и в Эдинбург, останавливаясь в некоторых местах по два раза. Ряд посещенных им городов были тогда модными водными курортами, в которых, возможно, Бизли пропагандировал свою религию. В это же время у него родились Маргарет, Роман, Мери Джейн, Александр и Михаил (Джордж часто давал своим детям имена, характерные для клана Воронцовых). Первые трое умерли во младенчестве, а в 1838 г. умерла старшая Эллен. Достаточно долгая жизнь была суждена только Александру, Михаилу и Кэтрин.

В 1831 г. старый граф Воронцов оступился и упал с лестницы, и Джордж навестил больного. Однако в следующем году, когда граф

¹ 14 Burton Street. Дом до сих пор стоит рядом со станцией подземки «Russel Square».

² «Мой дорогой и добрый отец».

умер, Смирнов не сообщил об этом Джорджу сразу, и у Бизли появилось чувство, которое он затем сохранил на всю оставшуюся жизнь. Он почувствовал, что русские опять отвернулись от него.

По завещанию граф назначил сыну годовую выплату в 600 фунтов (что было в 6 раз больше государственной пенсии Бизли!), но граф Михаил Семенович не стал выплачивать эти деньги, а вместо них через два месяца написал письмо:

Дорогой Джордж,
Г-н Смирнов обещал послать вам вместе с этим письмом, 1-е, кольцо с профилем и прядь волос нашего покойного высокочтимого родителя. 2-е табакерку также с его портретом и надписью <...>
Да благословит Бог вас и также всю вашу семью, и будьте уверены в братских чувствах, которые я всегда буду испытывать по отношению к вам.

Сестра Екатерина Семеновна (которая с 1808 г. была замужем за эрлом Пемброком) и Смирнов также были настроены враждебно, может быть, именно из-за них годовые выплаты были остановлены. Затем деньги все-таки начали выплачивать, но через два года выплаты прекратились. Джордж фактически должен был прибегнуть к шантажу, чтобы получить деньги. Он написал Смирнову, что хранит подписанные письма отца. Он собрался изменить свою фамилию на «Фитцсимеон» (Fitzsimeon — «сын Семена») или даже на «Бизли де Воронцов» (Beazeley de Woronzow) и опубликовать ее в печати. Он начал подписывать свои письма именем «Woronzow». Однако, оказалось, что Джордж не может взять эту фамилию на законных основаниях без согласия графа Михаила Семеновича, а тот разрешения не дал. В банке также ответили, что не могут платить тому, кто самовольно изменил свою фамилию.

В 1837 г., через два года после прекращения выплат, Бизли написал письмо Екатерине Семеновне, в котором заявил, что не будет менять фамилию, что она лишила его принадлежавшего ему по праву и что «пусть Бог простит вас». Он вернет портрет отца. Он никогда не будет больше выдвигать никаких претензий к Воронцовым, но сделает скандал достоянием прессы. «Русская графиня» ответила, что такие угрозы «и не нужны, и предосудительны». Выплаты возобновились. В следующем году в Лондон приехал граф Михаил Семенович, и они с Джорджем обменялись

письмами. Бизли извинился и пожелал встретиться. Генерал-губернатор Новороссии ответил, что это «было бы нежелательно <...> Вы говорите, вы простили меня за то, что, как вам кажется, я сделал плохого, поэтому и я охотно прощаю вас за все, что вы написали мне и обо мне».

В 1840-х годах семья Бизли опять жила в Лондоне в различных, но вполне дорогих домах, например, в центре у Гайд-парка. В это время Джордж подружился с немецким последователем Сведенборга Иоганном Иммануилом Тафелем, у которого, кажется, гостил в Тюбингене, где тот служил университетским библиотекарем. Одно из писем своему приятелю Джордж написал по-немецки, что позволяет предположить, что он знал этот язык.

В 1848 г. он отправился со своей семьей, которая состояла из жены Маргарет и детей Симеоны («Оны»), Кэтрин («Кейт»), Александра и Михаила, в самое дальнее и трудное путешествие. Он решил обосноваться на острове Принца Эдуарда в Канаде в заливе Св. Лаврентия. Он бывал в тех местах в 1806 г., когда служил на «Раттлере». Теперь они пересекли океан на судне, где было грязно, еда была отвратительной, а погода вокруг весьма мрачной. В первый день нового, 1849 г. семья достигла Шарлоттауна — маленькой деревянной столицы острова. Мотивы переезда Бизли в Канаду остаются неясными. Кажется, это не была миссионерская поездка. Может быть, это было стремление порвать с британской городской жизнью (еще в 1815 г., когда он был отвергнут Смирновым, Джордж заводил разговор об Америке), сменить климат или стать сельским джентльменом. В одном письме из Канады своим друзьям в Лондон он писал, что «устал от бродяжничества», что нашел, наконец, место для постоянного жительства и что даже наметил, где в Шарлоттауне будет его могила. Денег, видимо, хватало, поскольку он купил несколько сотен акров леса и лугов у берега моря в непосредственной близости от города.

Суровый климат, в который Бизли перевез свою семью, не замедлил сказаться на здоровье ее членов. В 1850 г. жена и дочь Симеоны заболели туберкулезом, и Маргарет умерла 13 ноября, а дочь — почти через год, 31 августа 1851 г. Могилы двух женщин до сих пор можно найти на протестантском кладбище Шарлоттауна.

В состоянии полной депрессии Джордж Бизли признал, что его «колониальное» предприятие было ошибкой. К 1855 г. семья опять

была в Лондоне. Еще в Канаде сыновья стали учиться на юристов, но теперь, в Англии, им пришлось сменить ориентацию и стать инженерами. Карьеры обоих были вполне успешными.

В 1870 г. в возрасте 80 лет Джордж, наконец, стал дедом. Сын Михаил стал отцом Джорджа Адама. Когда мальчик вырос, он стал, как и дед, военным, только не моряком, а инженером, и служил в Индии, Африке и Палестине, достигнув чина полковника. В семье Бизли женщины жили недолго, а вот мужчины, наоборот, отличались долголетием. Полковник Джордж Адам Бизли дожил до 91 года.

Когда в 1856 г. умер светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, ежегодные выплаты Джорджу Бизли опять прекратились. Родство Джорджа с Воронцовыми позволило ему значительно укрепить свое финансовое положение. Он никогда не работал по выходе в отставку, не обучался никакой гражданской специальности. Он ничего не писал, кроме небольшого количества графоманских стихов. Он не был сведенборгианским священником или официальным лицом. Он получал пожизненную государственную пенсию 2 фунта в неделю, которая в три раза превышала среднюю заработную плату рабочего, однако тратил гораздо больше. Он трижды женился, менял место жительства не менее семнадцати раз, дал образование двум сыновьям, жил в больших и довольно богатых домах в Лондоне, держал слугу, заплатил за путешествие своей семьи в Канаду и обратно, купил там землю и много раз оплачивал поездки своего друга Самуэля Нобля, чтобы тот крестил или отпевал его детей.

Когда деньги перестали приходить, Джордж, потом его сын Александр, а потом и дочь Кэтрин приложили много усилий, чтобы восстановить выплаты. Дочь особенно нуждалась в деньгах, поскольку у нее не было ни мужа, ни работы. Она писала Воронцовым, русскому послу в Британии, британскому послу в России. Неожиданно последний поддержал ее ходатайство. В 1881 г. приехавший в Лондон сын фельдмаршала светлейший князь Семен Михайлович Воронцов согласился платить семье Бизли еще десять лет. Однако, он умер через год, и выплаты опять прекратились.

Настойчивые Бизли продолжили свою борьбу вплоть до конца XIX века...¹

В старости Джордж жил с дочерью Кейт и сыном Александром, у которого теперь были жена и дети. Старик и на девятом десятке обладал ясным умом и не потерял страсти к перемене мест — семья опять переехала в Гастингс. Здесь Джордж и умер 19 апреля 1875 г. в возрасте 85 лет. Его похоронили рядом с первой женой и дочерью.



¹ Последнее письмо по этому делу, имеющееся в архиве Бизли, датировано 1899 г.

Архив семьи Бизли

В мае 1997 г. я был в Англии, где посетил г-жу Хелен Бэтти, дальнего потомка внебрачного сына графа Семена Романовича Воронцова капитана (commander) Королевского военно-морского флота Британии Джорджа Бизли.

До меня в гостях у г-жи Бэтти побывал профессор Энтони Кросс. Он просмотрел в ее семейном архиве все, что касалось рождения Джорджа и его отношений с отцом и семьей Воронцовых, написав об этом статью¹. Когда я посетил тот же небольшой дом в маленьком городке недалеко от Лондона, хозяйка была уже в весьма преклонном возрасте (она родилась в 1907 г.). Меня встретили скромные копии гравированных портретов Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны Воронцовых. У Хелен, как она считала, не осталось родственников, интересовавшихся русскими связями семьи, но она хотела, чтобы те документы, которые накопились в семейном архиве, не пропали для истории. Возможно поэтому она, вполне неожиданно для меня, решила передать мне весь свой архив, чтобы в России стала известна еще одна малая часть сложной и разнообразной жизни клана Воронцовых.

Впервые опубликовано: *Микешин М.И.* Архив семьи Бизли // Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Вып. 11. СПб., 2007. С. 103–118.

¹ *Cross A.G. Marginalia. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse.*

Архив, хоть и небольшой, требует серьезного описания и исследования. Я хочу лишь познакомить читателя с тем, какие документы в нем содержатся. Я приведу содержание некоторых документов и список материалов архива¹.

Рождение сына графа Воронцова зафиксировано в выписке из книги регистраций церкви при Русском посольстве, которая была скопирована позже Майклом Бизли, одним из сыновей Джорджа:

Выписка из регистратора, или памятной книги крещений церкви при Русском посольстве, 30, Уэлбек Стрит, Лондон.

17 мая 1790 г. Крещен ребенок (рожденный незаконно) от русских предков (Г.С.Р.В. и молодой леди М.Б.²) и назван Василий. Его крестным был церковный служка Литкевич.

Это точная копия, снятая мною с записи в регистрационной книге. Объяснение в скобках было записано для меня м-ром Смирновым. Я не помню дату беседы с ним; но, должно быть, это было между мартом и июнем 1886 г., поскольку мы жили тогда в Бедфорд Гарденс, Кенсингтон³.

М. Бизли
25 августа 1894 г.

Большая часть сохранившейся переписки Дж. Бизли с графом Михаилом Семеновичем и с отцом Яковом Смирновым, священником посольской церкви и секретарем посольства, посвящена попытке Джорджа добавить к своей фамилии, как он писал в одном из писем, «христианское имя отца». Его желание не было поддержано, и он в конце концов перестал подписывать свои письма и стихотворения «Джордж Бизли де Воронцов».

Основной корпус документов составляет переписка по поводу выплат (пенсии) семье Бизли от Воронцовых. Изложение финансовой тяжбы представлено в «Заявлении» дочери Джорджа Екатерины (1829-1903) от 17 октября 1885 г.:

Мой отец покойный Джордж Бизли был сыном покойного графа Семена Воронцова (в течение многих лет посла в Лондоне). Незадолго

¹ Все переводы с английского мои. — М.М.

² Г.С.Р.В. значит «граф Семен Романович Воронцов». В родословной, находящейся в том же архиве, М.Б. расшифровывается как Мария Бекельбек. То же в указанной статье А. Кросса. Дата по новому стилю.

³ Район Лондона.

до своей смерти в 1832 г. он сказал моему отцу, что отложил некоторую сумму денег для него, которая позволит выплачивать ему по 600 фунтов в год, и что брат моего отца покойный князь Михаил Воронцов будет следить за выплатами. После смерти графа Семена его сын князь Михаил написал по этому поводу моему отцу письмо (копия прилагается). Общая сумма никогда не была выплачена моему отцу, как было обещано, хотя доходы с нее в сумме 600 фунтов в год регулярно присылались из России до смерти князя Михаила в 1856 г., когда выплаты прекратились. Мой отец обратился, как он всегда делал, к банкирам Томсону и Бонару¹ и получил ответ, что у них нет никаких указаний о выплате, и с тех пор деньги не выплачивались. Мой отец умер в 1875 г., и, просматривая его бумаги (как душеприказчица), я нашла письмо (уже упомянутое) от князя Воронцова и сразу написала его сыну князю Семену Воронцову с объяснением дела. Эта переписка привела к тому, что покойный князь (будучи в Лондоне в 1881 г.) сказал мне, что он в течение долгого времени чувствовал, что следует что-то сделать с этим делом, что за 20 прошедших лет накопилась весьма большая сумма, и он не может выплатить ее всю сразу, и он согласился выплатить мне половину задолженности, а именно, 600 фунтов в год в течение 10 лет, ради моих племянников и племянниц. После 10 лет он сказал, что посмотрит, что сможет сделать, поскольку обнаружил, что его дед *действительно* отложил деньги для моего отца. — Он затем сказал мне, что для предотвращения будущих ошибок эта договоренность должна быть соответствующим образом выполнена, и для этого немедленно по возвращении в Санкт-Петербург он отдал распоряжение — подписанное, с печатью и при свидетелях — начать выплаты (копия прилагается). Эта сумма в 600 фунтов выплачивалась каждые полгода до смерти князя в 1882 г., еще одна выплата пришла после его смерти. В марте 1883 г. я получила уведомление от Томсона и Бонара о том, что вдова князя распорядилась прекратить выплаты. Поэтому я написала ее брату князю Трубецкому, подписавшему распоряжение как свидетель, он ответил, что, не являясь более агентом княгини, он не может вмешаться. Затем я написала княгине и не получила ответа. Тогда я обратилась к племяннику и наследнику покойного князя (князю Воронцову графу Павлу Шувалову), который уже умер. Он переслал мое письмо в контору попечителей, они ответили, что, подчиняясь особым правилам, они не уполномочены делать выплаты.

Кэтрин Е. Бизли

¹ Лондонские банкиры, услугами которых пользовались члены семьи Воронцовых.

Однако, Екатерина Бизли не удовлетворилась отказом и продолжила свое дело. Примером ее борьбы может служить одно из архивных писем (письмо сэра Мориера из Британского посольства в Санкт-Петербурге к мисс Бизли от 30 апреля 1890 г.):

Посольство Ее Величества
Санкт-Петербург

Апрель 30, 1890

Дорогая мисс Бизли,

Я, наконец, совершенно уладил ваше дело, хотя и с сожалением сообщая, что все попытки получить вашу долю от княгини Марии Воронцовой¹ провалились. Вы, следовательно, должны удовлетвориться двумя третями, которые граф Шувалов (князь Воронцов) и мадам Балашова² взяли на себя из ежегодной выплаты, т.е. 32000 рублей. Они предложили, а я от вашего имени согласился, что выплаты будут производиться в течение четырех лет каждые полгода по 4000 рублей каждая. Все, что нужно теперь сделать, это написать некий формальный документ, в котором стороны обязуются делать эти выплаты, а вы, со своей стороны, откажитесь от всех претензий к ним относительно требований, указанных в соглашении с князем Михаилом Воронцовым от 24 апреля 1881 г.

М-р Кинг, ваш здешний юрист, напишет для меня черновик такого документа для одобрения его мадам Балашовой и графом Шуваловым, с одной стороны, и вашего — с другой.

Я буду в Англии на следующей неделе и надеюсь вас увидеть, поэтому вам не надо отвечать на это письмо.

Искренне ваш,
Р.Б.Д. Мориер

P.S. Вы увидите, что соглашение 1881 г. было составлено *в рублях*, а не в фунтах стерлингов — Это весьма в вашу пользу теперь из-за сегодняшнего обменного курса, составляющего 90 рублей за 10 фунтов.

Р.Б.Д.М.

Однако в архиве встречаются и интересные записи, касающиеся некоторых членов семьи Воронцовых. Так, блокнот с записями по истории семей Воронцовых и Ноулзов (1885 г.) рассказывает нам следующее:

¹ Вдова князя Семена Михайловича Воронцова.

² Екатерина Андреевна, урожденная графиня Шувалова.

В прошлом мае 1885 г. я посетила подругу, которая прожила 22 года как английская гувернантка в семье графа Петра Шувалова¹, женатого на Софье², считающейся дочерью генерала Нарышкина. На самом деле она была дочерью мадам Нарышкиной и князя Михаила Воронцова. Граф Андрей Шувалов³, брат упомянутого Петра, женился на Софье Воронцовой⁴, дочери князя Михаила Воронцова, эти два брата были сыновьями старого графа Павла Шувалова⁵. Эти две семьи постоянно жили в одном доме, но в разных квартирах, и две Софьи были как сестры, только любовь была со стороны Софьи Воронцовой более, чем со стороны Софьи Нарышкиной, поскольку последняя была умна, а первая — очень тиха, без всяких способностей. Она была вполне живой (по крайней мере, ездила на приемы) до замужества, после которого она перестала выезжать в свет и вообще что-нибудь делать, сидела часами глядя прямо перед собой, ничего не говоря и качая ногой, просидев так, возможно, полдня она вяло произносила «Кажется, идет дождь» или «Кажется, погода хорошая, не покататься ли нам?» Она всегда раскладывала пасьянсы, когда делала хоть что-то, и обычно раздражала своего мужа графа Андрея, говоря, когда он входил в комнату, «Давай разложим пасьянс, Андре?», и он обычно уходил раздосадованный, поскольку он был очень умным, активным и филантропическим человеком, любившим общество; ее неподвижность и глупость заставляла его постепенно отдаляться от нее. Она боготворила его. Он умер внезапно в Одессе в 1875 г.⁶ Он был в Присутствии, где пытался провести решение об улучшении работы извозчиков. Он встретил сопротивление поддерживаемому им решению и был возбужден и раздражен. По дороге домой он заехал к графине ***, поскольку она тоже была очень заинтересована в принятии этого решения. Когда он зашел к ней, то попросил пить. Графиня спросила его, чего бы он хотел, он сказал — молока. Она двинулась позвонить слуге, он, не позволяя ей сделать это, пытаясь ее скорее остановить и сделать все сам, как только прикоснулся к колокольчику — упал мертвым к ее

¹ Петр Павлович Шувалов (1819-1900). Умер в Ницце.

² Софья Львовна Нарышкина (1829-28.10.1894).

³ Андрей Павлович Шувалов (12.3.1817-10.4.1876).

⁴ Софья Михайловна Воронцова (1825-15.8.1879). Свадьба состоялась в Вене 23.4.1844.

⁵ Павел Андреевич Шувалов, генерал-адъютант Александра I, сопровождал Наполеона на Эльбу. Даты рождения указываются разные — 1774, 1776, 1778. Умер в 1823 г. Сыновья Андрей и Петр — от брака с кн. Варварой Федоровной Шаховской (1796-1864).

⁶ По другим данным — в апреле 1876 г.

ногам. Его вдова графиня Софья умерла в Вевее¹ в 1883 г.² от какого-то заражения крови, не вполне понятно какого. Она была очень полной, с круглым лицом, некрасива. Ей было около 58 лет, когда она умерла. — У нее было 5 детей — 2 мальчика и 3 девочки. Старший мальчик Павел был всегда очень слабым и в юности часто болел. Поэтому он воспитывался дома со своими сестрами и кузинами. Они его все очень любили и всегда звали «тетя Поля». Когда ему было <пробел> лет, он выказал склонность к слабоумию.

В 1882 г. по смерти его дяди князя Семена Воронцова он унаследовал всю земельную собственность князя, а также титул, и его стали называть князь Воронцов граф Павел Шувалов. Именья были отданы в руки опекунов, поскольку и Павел, и его брат Михаил были слабоумными, с ними обращались как с детьми, не компетентными в их собственных делах. Павел женился 19 января 1885 г. в Санкт-Петербурге на мадам Столыпина³ (которая развелась со своим первым мужем). Недавно он унаследовал именья Воронцовых, которые оцениваются в миллион рублей ежегодно. Они уехали во Флоренцию после свадьбы, а в мае он прибыл в Париж, оставив жену во Флоренции. Он умер внезапно в Париже в июне⁴.

Его брат Михаил⁵, учившийся на дипломата, в 16 лет выказал слабоумие, которое приняло форму меланхолии. Пришлось оставить идею образовать его для общественной жизни. Он очень нервен и склонен к пляске св. Вита. Со смертью брата, которого он очень любил, он еще более погрузился в депрессию и меланхолию. Елизавета⁶ (которую называют Лилли) — старшая дочь графа Андрея и графини Софьи Шуваловых. Она красива, но очень тиха и безжизненна — как прекрасная статуя. Она замужем за князем⁷ Воронцовым-Дашковым⁸, внуком графа Ивана Воронцова⁹. Его дедушка принял фамилию Дашков, поскольку все Дашковы умерли. Князь¹⁰ и его жена Елизавета — большие друзья Императора и Императрицы и всегда с ними рядом. Он — министр двора, а Императрица очень любит княгиню¹¹, которая, на

¹ Город в Швейцарии.

² По другим данным — 15 августа 1879 г.

³ Елизавета Карловна Столыпина, ур. Пилар фон Пильхау. Родилась 29.5.1852. Третьим браком за гр. Ручелаи.

⁴ По другим сведениям — 4 апреля 1885 г.

⁵ Михаил Андреевич Шувалов (7.7.1850-23.12.1903).

⁶ Елизавета Андреевна Шувалова (25.7.1845-15.7.1924).

⁷ Правильно — графом.

⁸ Илларион Иванович Воронцов-Дашков (27.3.1837-15.1.1916).

⁹ Иван Илларионович Воронцов (1790-1854), с 1807 г. — Воронцов-Дашков.

¹⁰ Т.е. граф И.И. Воронцов-Дашков.

¹¹ Т.е. графиня Е.А. Воронцова-Дашкова.

самом деле, ее ближайшая подруга. У них 7 детей¹. Старшему мальчику² — 14 лет в этом, 1885 г. Он очень умен и хорошо образован для своего возраста. Его лицо очень красиво, но он слегка деформирован: одно плечо выше и выдвинуто вперед. Он хороший и добрый. Его отец совершенно очарователен, очень красив, обладает безукоризненными манерами, благородной душой и прямоотой.

Екатерина³, вторая дочь (ее называют Китти) замужем за Балашовым⁴ (будет княгиней Паскевич). Она живая и умная — любимица семьи. — Однажды, когда они были еще маленькие, все вместе пили чай в учебной комнате и разговаривали друг с другом с раздражением, Китти обратилась к своей гувернантке и сказала: «Однажды вы услышите, что мы разбойники, и вы не будете любить нас, как вы любите теперь, и не будете уважать нас». Гувернантка сказала: «Чепуха, Китти, как вы можете говорить такую чепуху». Китти сказала: «Ах, но так и будет...»

Мария⁵, третья и самая младшая дочь, замужем за г-ном Булацелем.

По моему мнению, к этому рассказу следует относиться с осторожностью. Многие указанные в нем данные не совпадают с данными из других, например, родословных источников. Однако, я публикую этот документ, поскольку он передает впечатление очевидца об обстановке в семье и ряд семейных преданий.



¹ Всего у Воронцовых-Дашковых было 8 детей: Иван (1868-1897), Роман (1874-1893), Илларион (1877-1932), Александр (1881-1938), Александра (1869-1959), Софья (1870-1953), Мария (1871-1927) и Ирина (1872-1959). О жизни семьи см., например: *Журовина Т.Г.* Дворянское гнездо: Санкт-Петербург, Английская набережная, 10. СПб., 2002.

² Видимо, речь идет об Иване, которому в 1885 г. исполнилось 17 лет.

³ Екатерина Андреевна Шувалова (28.7.1848-27.1.1931).

⁴ Николай Петрович Балашов (12.9.1840-4.4.1931). Свадьба состоялась 9.11.1869.

⁵ Мария Андреевна Шувалова, ум. 7.3.1900.

Аристократический сенат – утопия братьев Воронцовых

Александр I взошел на трон в марте 1801 г. Он тогда во многом полагался на четырех своих молодых сотрудников – Н.Н. Новосильцева, графа В.П. Кочубея, князя А. Чарторыйского и графа П.А. Строганова – и объединил их в Негласный комитет. У комитета не было официального статуса, но до 1803 г. он обсуждал почти все проекты реформ. Протокол первого заседания комитета датирован июнем 1801 г. Вскоре после первого заседания, в июле 1801 г., Александр предложил Сенату доложить ему, какими правами Сенат обладает. И император, и Сенат, и Негласный комитет были согласны, что реформы необходимы, но каждая из сторон имела свои идеи об их сути. Главная стоявшая перед ними проблема была следующей: должен ли Сенат обладать административными, судебными, законодательными функциями или же он должен соединять их все?¹

В начале царствования Александра в Петербурге существовали и другие влиятельные группы, с которыми он поддерживал тесные контакты. Все эти группы были довольно расплывчаты и переменчивы, их члены в разных обстоятельствах меняли группи-

Впервые опубликовано в английской версии: *Mikeshin M.I. The Vorontsov Brothers' Utopia of the Aristocratic Senate // The Philosophical Age. Almanac 39. The Northern Lights: Social Philosophies and Utopias of the Enlightenment in Northern Europe and Russia. St. Petersburg – Helsinki, 2013. P. 22–35.*

¹ *Narkiewicz O.A. Alexander I and the Senate Reform // The Slavonic and East European Review. Vol. 47. No. 108. Jan., 1969. P. 121.*

ровки, поскольку решали при дворе, главным образом, свои индивидуальные задачи. Так, В.Я. Гросул выделяет группировки не только по политическим взглядам, но и по возрасту. Он насчитывает их четыре — «молодые друзья» императора, «конституционалисты», «бюрократическая партия» и «убежденные консерваторы»¹.

Одной из них была так называемая Сенатская партия. Эта «партия» вряд ли была больше, чем группой старых друзей, служивших еще при Екатерине и воспитанных в соответствии с просвещенными принципами философов XVIII в. Разные исследователи называют разных членов этой партии — Д.П. Троцинского, П.В. Завадовского, Н.П. Румянцева, Г.Р. Державина, братьев Воронцовых. В эту партию записывают даже членов Негласного комитета². У этих людей была еще одна общая черта: ни один из них не принимал участия в мрачных эксцессах царствования Павла. Сенатская партия состояла из аристократов, не запятанных связями с фаворитами Екатерины или Павла. Их опытность в государственных делах представляла ценность для молодого государя.

Основатель этой неформальной партии, князь Безбородко, канцлер и фактотум Екатерины, умер еще до того, как Александр взойшел на трон. Из других ее членов наиболее яркими были *братья Александр Романович и Семен Романович Воронцовы*. Первый долгое время управлял российской коммерцией, выступал за торговые связи с европейскими странами и считался либералом. Вторым был два десятка лет послом России в Великобритании и убежденным сторонником британской системы правления. После воцарения Александра он на несколько месяцев приехал из Лондона в Петербург и принял участие в обсуждении сенатской реформы. Граф Семен Романович был единственным членом группы, который сам не служил в Сенате. Оба Воронцовы были весьма дружны с некоторыми членами Негласного комитета. Однако несколько влиятельных групп при дворе конкурировали за влияние на императора, а Александра часто изображают, как слабого либерала, который не знал, как использовать самодержавную власть. Многие

¹ Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 37.

² Там же. С. 37, 50. См. также: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 222.

считали Сенатскую партию серьезной силой, ведомой опытными и влиятельными политиками¹.

Члены Сенатской партии считали, что реформированный Сенат послужит основой для более свободной и основанной на законах формы правления. Сенаторы быстро подали свои проекты на рассмотрение императору. Негласный комитет рассмотрел всего пять проектов, не считая доклада собственно Сената. Первым обсуждался меморандум Александра Воронцова².

Историки интересовались Сенатской партией главным образом потому, что ее членами были важнейшие государственные деятели, объединенные общей верой в потенциальную важность русского Сената, и потому, что ее программа, казалось, воплощала нечто вроде смутного аристократического либерализма, похожего на то, что был знаком Европе в XVIII в. Сенатская партия заявила, что сильный Сенат мог бы ограничить «деспотизм» и поддерживать «власть закона». Ее члены даже предложили гарантировать Сенату «право представления», которое, на первый взгляд, было аналогично тому, которым обладали парламенты во Франции. «Таким образом, Сенатская партия, кажется, прекрасно соответствует давнишней историографической традиции, которая видит политическую историю имперской России как длинную череду попыток европеизировать [Westernize] самодержавие путем ограничения его власти»³. Историки, начиная с Н.М. Карамзина, утверждали, что Сенатская партия надеялась обуздать самодержавие. В этой традиции В.О. Ключевский упоминает «главный недостаток», с которым решил бороться молодой царь — с «произволом нашего правления»⁴. С.В. Мироненко уверен, что в первом десятилетии XIX в. «сановная аристократия попыталась прежде всего создать орган, который, хотя бы в минимальной степени, ограничивал произвол самодержца»⁵. Эта точка зрения была суммирована М. Раеффом. Он считает, что Сенатская партия

¹ McConnell A. Alexander I's Hundred Days: The Politics of a Paternalist Reformer // *Slavic Review*. Vol. 28. No. 3. Sep., 1969. P. 389–390.

² Narkiewicz O.A. Alexander I and the Senate Reform. P. 122.

³ Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801–1803 // *Russian Review*. Vol. 38. No. 3. Jul., 1979. P. 298–300.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М., 1997. С. 385.

⁵ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 28.

предложила передать главную роль в управлении высшему дворянству путем основания Сената заново <...> как высшего исполнительного органа и передачи ему права консультативного голоса и ограниченного права инициативы в законодательном процессе <...> Таким манером, без специального ограничения абсолютной власти монарха, Сенат получил бы эффективные средства для защиты и сохранения «фундаментальных законов» государства; то есть прав и привилегий различных классов российского народа, в особенности, конечно, дворянства. Совершенно ясно, что эти предложения были основой для аристократической, олигархической «конституции»¹.

Сторонники этой концепции, кстати, прекрасно видели ее противоречивость, но списывали ее на двойственность самих проводившихся тогда преобразований. Так, Н.М. Дружинин писал, что «в 1801-1820 гг. российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»². Представляется, что российские историки и их последователи в данном случае не находили нужным подробно исследовать внутреннюю логику политических идей того времени, поскольку эта логика уже считается известной — она вытекает из принятой еще в советское время историософии, основывающейся на классовой борьбе.

«Однако, внимательное изучение различных проектов реформ, представленных членами Сенатской партии, показывает, что указанная интерпретация не работает»³. Аналогия с Европой оказывается ложной. Она затемняет специфически российскую природу политических идей и поведения Сенатской партии. Следует отличать поведение Сенатской партии и европейских политических партий. Идеи, объединявшие членов Сенатской партии, могут быть поняты, только если мы восстановим российскую интерпретацию европейской терминологии, в которой они были выражены.

Политику России XVIII в. лучше всего рассматривать, как ряд конфликтов между соперничающими группами-клиентами. Сенатская партия вовсе не была партией в европейском смысле

¹ *Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772-1838. The Hague, 1957. P. 35, 36.

² *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 457.

³ *Christian D.* The 'Senatorial Party'. P. 301.

слова. Скорее, это была небольшая клиентела. Связи между ее членами были личными, а не идеологическими, а стремились они не к осуществлению политической программы, но к единственной политической цели, достижимой при самодержавии, — праву советовать самодержцу и, тем самым, влиять на него, на единственный источник реальной власти.

Во-первых, члены Сенатской партии все время настаивали, что они признают необходимость самодержавного правления. Они считали, что Россия — государство самодержавное.

Во-вторых, ни одно из их предложений, даже знаменитое «право ремонстрации», не могло создать никаких практических ограничений власти самодержавия. «Право ремонстрации» было заимствовано из *Наказа* Екатерины II, оно там означало всего лишь позволение Сенату выдвигать предложения, которые монарх мог принять или отвергнуть. Кроме того, члены Сенатской партии не предполагали увеличения влияния дворянства в Сенате. Напротив, они были вполне согласны, чтобы монарх, как и ранее, продолжал назначать его членов. *В-третьих*, невозможно даже представить, что они намеревались создать хоть какие-то процедурные ограничения для монаршей власти. Конечно, они надеялись, что монарх будет проявлять свою власть исключительно через Сенат. Но такие процедуры ни в коем случае не могли связать монарха¹.

Язык, использованный членами Сенатской партии для описания их планов, был чрезвычайно двусмысленным. Их словарь многим обязан *Наказу* Екатерины II (1767)². Она, в свою очередь, заимствовала язык европейской политической мысли первой половины XVIII в. и ввела его в официальный оборот. На первый взгляд, члены Сенатской партии используют этот язык обычным для Европы того времени образом. «Особенно удивительным было их использование таких выразительных слов как "закон", "право" и "деспотизм". Они провозгласили, что Сенат — это оплот против деспотизма, гарант закона и защитник прав народа. Более того, чтобы обеспечить эффективное выполнение Сенатом своей роли, считали они, необходимо вернуть ему некоторые основные права,

¹ Christian D. The 'Senatorial Party'. P. 301.

² См.: *Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения* // *Екатерина II. О величии России*. М., 2003. С. 72-153.

которые были забыты»¹. Однако, они использовали каждое из этих ключевых слов необычным образом. Ни одно из слов, отмечает Д. Кристиан, не было употреблено в определенном, общепринятом смысле, который использовался в европейских дискуссиях того времени.

Так, западные концепции закона не были приняты или как-нибудь особо интерпретированы членами Сенатской партии. Для них гражданско-правовые обязанности включали и права, и долг: права по отношению к подчиненным и долг по отношению к начальству. Они не представляли себе права по отношению к начальству, т.е. тот вид прав, который закреплялся во французской *Декларации прав человека и гражданина* и в американском *Билле о правах*. Напротив, считалось само собой разумеющимся, что все права делегируются и, следовательно, могут быть свободно взяты обратно теми, кто их делегировал. Права, как и законы, были выражением самодержавной воли и могли быть свободно изменены или даже отменены этой волей. Очевидно, такая концепция законов и прав не только была прекрасно совместима с верой в самодержавное правление; она была логическим следствием этой веры. Соответственно, «власть закона» означала не то, что самодержец должен подчиняться некоему высшему авторитету, но то, что его подчиненные должны строго выполнять отдаваемые им приказы. Под «властью закона» они понимали власть указов, издаваемых самодержцем.

Члены Сенатской партии обычно применяли слово «деспотизм» в значении, использованном во фразе Семена Воронцова «министерский деспотизм». Когда слова «деспот» или «деспотизм» применялись членами Сенатской партии, они описывали не поведение монарха, а произвол его чиновников. Александр Воронцов, например, писал:

Если из различных сторон управления каждая вверена [самодержцем] некоей персоне <...> все будет управляться деспотизмом и произволом <...> а самодержавная власть обременит себя <...> необходимостью постоянно контролировать злоупотребления и прихоти каждого. Таково правление визирей и пашей.

¹ *Christian D. The 'Senatorial Party' . P. 302.*

«Деспотизм» в этом смысле означал *поведение чиновников*, которые игнорировали, попирали или запутывали законы, изданные монархом. «Убеждение, что не существует власти выше монаршей, заставляет членов Сенатской партии интерпретировать каждое из этих слов совсем не так, как европейские мыслители, для которых «естественное право», «божественный закон» или даже «воля народа» были более высокими авторитетами, чем монарх»¹.

Почему члены Сенатской партии использовали данные термины таким образом? Д. Кристиан считает, что «главная причина <...> в том, что сам язык был не адекватен задачам реформы. Российская политика фундаментально отличалась от западноевропейской, и тем не менее Россия так и не развила собственную традицию в политической теории, которая бы соответствовала особенностям самодержавной политики». Политическим деятелям приходилось «растягивать» существующий язык, как это делали члены Сенатской партии, чтобы описывать реалии российской политики»². Более того, они не только использовали слова, заимствованные из французского языка, они вели политические дискуссии почти исключительно по-французски³.

Это были конкретные и вполне разумные дискуссии о некоторых типичных российских политических проблемах. Документы Сенатской партии содержали согласованный набор идей о природе самодержавного правления, главных его слабостях и лучших способах борьбы с этими слабостями. В основе этого набора лежала аксиома о том, что Россия должна иметь самодержавного правителя. Как писал Александр Воронцов в июле 1801 г., «большие и населенные государства не могут управляться никак иначе, кроме как самодержавными монархами»⁴. Из его замечаний и высказываний его коллег видно, что они были согласны с мнением Монтескье о необходимости деспотического правления для таких больших стран, как

¹ Christian D. The 'Senatorial Party'. P. 305.

² Ibid. P. 306.

³ См., например, написанную в 1803 г. на французском языке «Записку» Семена Воронцова: Записка графа С.Р. Воронцова о внутреннем управлении в России // Архив князя Воронцова. Т. 15. М., 1880. С. 441–452. «Записка» была написана, как частное письмо от члена Сенатской партии к члену Негласного комитета (В.П. Кочубею). Вообще, для этой дискуссии характерно, что большая ее часть велась в частной переписке.

⁴ Сборник Археологического института. Т. 1. СПб., 1878. Отд. 2. С. 157.

Россия. Семен Воронцов предостерегал против ограничения российского самодержавия в следующих словах:

<...> ввести такие фундаментальные изменения в крупнейшей в мире империи с населением более чем 30 миллионов человек, в нации неподготовленной, невежественной и коррумпированной, в то время, когда духовное брожение распространилось по всему континенту, означает не просто подвергнуть страну опасности, но неизбежно вызвать в стране огромные проблемы, вызвать падение трона и распад империи¹.

Это означает, что братья прагматично подходили к проблеме и не отвергали идею ограниченной монархии в принципе. Однако они считали, что в России в то время любая попытка ввести такую форму правления привела бы к катастрофе. Это было бы столь же глупо и неуместно, как и немедленная отмена крепостного права.

Таким образом, они даже не рассматривали идею ограничения монаршей власти. Вместо этого члены Сенатской партии сосредоточились на ряде центральных проблем самодержавной политики в России. Главным, что их заботило, была проблема, возникавшая из самой природы самодержавного правления: *как делегировать самодержавную власть монарха, не теряя ее*. В теории власть самодержца безгранична. На практике, однако, конкретный индивидуум на троне мог осуществлять лишь очень ограниченные властные функции, особенно в такой огромной стране, как Россия. В структуре власти не хватало очень важного механизма.

«Опасность, которую они видели, заключалась в том, что политическая власть, сконцентрированная в руках самодержавного монарха, могла с легкостью из них выскользнуть. Члены Сенатской партии имели свое объяснение этого явления. Они считали, что такое обязательно произойдет, если император будет опираться исключительно на советы небольшого числа фаворитов»². В письме к императору, написанном в октябре 1801 г., Семен Воронцов выразил эту мысль более энергично:

¹ Письмо Семена Воронцова к брату Александру, Лондон, 14 (26) июня 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. X. М., 1876. С. 99.

² *Christian D. The 'Senatorial Party'*. P. 308.

Нет ничего в мире более опасного, чем манера обсуждать проблемы с глазу на глаз с главами департаментов. Как Ваше Императорское Величество может быть уверено, что они не вводят Вас в заблуждение намеренно или ненамеренно? Откуда Вы можете знать, что они сообщают Вам все, что необходимо? Как Вы можете быть уверенным, что Ваши приказания выполняются строго в соответствии с Вашими намерениями?¹

От незнания к слабости — лишь один короткий шаг. Если истина сокрыта от самодержца, значит у него нет гарантии, что его воля будет выполнена, что его законам будут подчиняться. Видение самодержца будет затуманено, его собственная бюрократия станет непрозрачной, и он больше не будет знать, как она действует и как выполняет его приказы. Если его приближенные манипулируют доставляемой ему информацией, то монарх оказывается лишенным власти, заключенным в нечто вроде большой потемкинской деревни, созданной чиновниками. Но пострадает в таких условиях не только самодержец. Раз он перестанет быть реальным источником власти, она уйдет от него к другим людям, у которых нет ни общего видения, ни чувства большой ответственности, ни понимания своего долга, отличного от эгоистических интересов.

Вся информация поступала к российскому царю через единственный канал — через посредство бюрократии, заинтересованной в представлении своей деятельности в наилучшем виде. Таким образом, парадоксальным результатом неограниченной власти было то, что российский самодержец был чрезвычайно зависим от советов своих чиновников, до такой степени зависим, что время от времени становился их пленником².

Члены Сенатской партии предложили вполне предсказуемое решение: вернуться к первоначальной, «истинной» структуре российской власти. Они нашли ее в «Духовном регламенте», выпущенном Петром Великим в 1721 г. и написанном Феофаном (Прокоповичем). «Регламент» включал общее описание коллегиальных институций, которые Петр создавал в последние годы своего царствования. И именно в этой системе, возглавляемой одной верхов-

¹ Архив князя Воронцова. Т. X. С. 394.

² *Christian D. The 'Senatorial Party'*. P. 308–311.

ной коллегией — Сенатом, члены Сенатской партии видели модель решения волновавших их проблем. Именно поэтому их предложения выглядели столь консервативно. Они считали, что Петр прекрасно понимал неизбежность чиновничьего деспотизма в случае, если монарх опирается на частные советы отдельных царедворцев. Петр чувствовал, что «большой страной невозможно управлять во всех ее частях исключительно одному государю; что поручить это управление 10 или 12 неподконтрольным чиновникам означает лишь создать 10 или 12 деспотов, которые согласно человеческой природе будут вольно или невольно злоупотреблять своей властью»¹.

Логичным решением было назначить группу официальных лиц, коллективно ответственных за принимаемые решения. Александр Воронцов (вслед за Феофаном) утверждал, что лица, назначенные в такие институции, будут обязаны иметь более широкие, более взвешенные и менее эгоистичные взгляды на свои задачи. Каждый из них следил бы за своими коллегами, и каждый был бы на виду у всех остальных, у некоего подобия *искусственной публички*, состоявшей из членов такой коллегии. Это была попытка решить в рамках *одной бюрократии* проблемы, решенные в Западной Европе борьбой конкурирующих групп². Коллегиальный принцип казался также гарантией того, что бюрократия останется прозрачной для монарха. В теории он смог бы всегда проследить, как она работает, и увидеть реальное состояние народа, которым он управляет. Именно в этом смысле члены Сенатской партии иногда описывали Сенат как «опосредующую власть», используя еще один термин из языка Монтескье.

Для братьев Воронцовых и других членов Сенатской партии главная задача реформы состояла в обращении к консервативной утопии, то есть к «перереформатированию» бюрократии так, чтобы в ней каждое звено состояло из группы индивидуумов, петровской «коллегии», которая с необходимостью действовала бы в соответствии с желаниями и интересами монарха. Сенат, каким, как они считали, он был во времена Петра, должен был увенчивать такую систему, координировать и направлять работу коллегий. Таким образом, схема Сенатской партии была фактически направлена на

¹ Записка графа С.Р. Воронцова о внутреннем управлении в России. С. 447.

² *Christian D. The 'Senatorial Party'*. P. 312.

усиление власти монарха за счет увеличения его контроля над бюрократией, посредством которой эта власть распространялась.

Предложенное решение проблемы чиновничьего деспотизма отнюдь не было сильным. Административная история XVIII века демонстрировала его слабые стороны. Коллегиальные институты, основанный Петром, все без исключения стремились *переложить ответственность* на отдельных персон, которые затем были только рады присвоить себе авторитет этих учреждений. «Как позже показал Сперанский, коллегиальные институты не были хорошо приспособлены к осуществлению исполнительных функций, на что надеялась Сенатская партия. Как и все большие комитеты, они были политически безынициативны и реагировали очень медленно, когда требовались быстрые или хотя бы обычные решения. Они были, однако, <...> довольно хороши для более пассивных задач, характерных для юридических институций, и именно поэтому различные коллегиальные организации и, в частности, Сенат таким естественным образом превратились в юридические институции»¹.

Политическое поведение членов Сенатской партии было весьма характерно для самодержавной политической системы. Они знали, что на самом деле непрактично настаивать на своих идеях, они, разумеется, были готовы пойти на компромисс, если таковой будет предложен царем. Они надеялись, что сражение с оппонентами под знаменем «Мы за коллегиальность!» доставит им лично преобладающее влияние в новой системе управления, а монарх примет их сторону, поскольку они, конечно, предлагают лучший метод поддержки и усиления эффективности самодержавия. Сражение, в общем, было за то, кто будет назначен управлять реформированной бюрократией.

Императору сначала чрезвычайно понравилась идея реформы Сената. Члены Сенатской партии были довольно влиятельны, следовательно, если бы их совет был принят, немедленным результатом было бы уменьшение влияния Негласного комитета, а члены Сенатской партии оказались бы в тесном круте советчиков, которые непосредственно определяли политику российского правительства.

¹ Christian D. The 'Senatorial Party'. P. 313.

Наконец, царь произвел назначения и заполнил вакансии в только что созданных министерствах. Большинство членов Сенатской партии заняли в них главные посты. Эти люди незамедлительно оставили свои прежние взгляды, поскольку достигли своей главной цели — заняли наиболее важные посты рядом с царем. Проблема чиновничьего деспотизма перестала казаться такой уж важной Александру Воронцову и его соратникам. Только Семен Воронцов сохранил свои прежние теоретические взгляды, видимо, потому что остался в прежней же должности.

Поведение Сенатской партии и ее политическая программа становятся понятными, когда рассмотрены в указанном выше контексте. Ясно, что Сенатская партия, как и большинство других неформальных группировок, столь характерных для самодержавной политики, боролась прежде всего за доступ к монарху. Их программа была создана специально, чтобы привести к намеченной цели. Однако Д. Кристиан считает, что программа была больше, чем просто маскировка их амбиций; она была создана, чтобы поддержать власть монарха, советчиками которого они желали стать, и основана на прекрасном знании шестеренок бюрократической машины, посредством которой эта власть осуществлялась¹.

Через месяц после начала дебатов о реформе Негласный комитет сделал ответный ход. Его члены убедили Александра I в том, что он поступил слишком импульсивно. В подробной записке они доказывали, что реальная задача, стоявшая перед императором состояла не в том, чтобы просто воспрепятствовать деспотизму высших чиновников, но в том, чтобы правильно использовать самодержавную власть, поэтому сенатская реформа была просто неуместна.

В феврале 1802 г. А. Чарторыйский представил Негласному комитету план организации исполнительной власти, состоящей из ряда министерств. «План показывает, что князь и его коллеги решили теперь принять некоторые аргументы в пользу коллегиального управления. В результате они с самого начала приняли, что новые министерства должны подчиняться авторитету различных коллегиальных организаций, включая Сенат»². Но, кажется, они

¹ Christian D. The 'Senatorial Party'. P. 322.

² Ibid. P. 317.

зашли даже дальше в компромиссе с коллегиальностью. Они решили, что министерства, как группа, должны быть организованы в отдельную коллегиальную институцию, Комитет министров, в который они должны были вносить все предложения перед тем, как представить их императору. Именно степень применения коллегиального принципа позволила Семену Воронцову считать эти реформы скромным триумфом своей партии.

Работоспособность этого принципа, т.е. основной идеи, на которую полагалась Сенатская партия, зависела от реализации коллегиального контроля над министрами. Вскоре стало ясно, что на практике коллегиальность поставленной задачи не выполняет. Надежды Сенатской партии были похоронены уже через год. Комитет министров просуществовал более века (упразднен 23 апреля 1906 г.) и сохранял довольно значительное влияние, но он не мог удерживать министров от установления «интимных» отношений с императором.

Почему реформы провалились? Возможное объяснение было предложено Семеном Воронцовым в «Записке» 1803 г.¹ Он считал, что основные принципы Сенатской партии правильны. Понятие «чиновничьего», или «министерского», «деспотизма» («le despotisme ministériel») как раз и объясняет провал реформ. Назначенные царем новые министры просто поддались удовольствиям министерской власти. Теперь они получили регулярный доступ к монарху и решили, что никакая коллегиальная институция не должна ограничивать их свободу действий. В результате они постоянно сводили к нулю надзорные функции Сената.



¹ Записка графа С.Р. Воронцова о внутреннем управлении в России. С. 441–452.

«Маленькая семейная негодия»

Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негодия, так не будет ли эта негодия не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Н.В. Гоголь. «Мертвые души». Т. I.
1835–1842

Семья Воронцовых известна своей ролью в истории России. Известен и ее вклад в политику и культурную жизнь Европы, особенно после переезда графа Семена Романовича Воронцова в Англию. Иногда политика и семейные дела переплетались так тесно, что служили продолжением друг друга. Здесь мне хотелось бы проследить на архивных материалах, как Воронцовы разрешали одну небольшую семейную проблему — оформляли передачу земель графа Семена Романовича в Финляндии во владение по наследству его дочери графини Екатерины Семеновны (в замужестве графиня Пемброк), а затем внуку Сиднею Герберту. Дело осложнялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, земли находились в Финляндии и на них распространялись финские законы, отличные от законов родной России. Во-вторых, графиня Екатерина вышла замуж за английского аристократа и, по существу, стала иностранкой. Сын ее, Сидней Герберт, уже не только был представителем одной из самых известных аристократических английских фамилий, но и играл в середине XIX в. важную

Впервые опубликовано: Микешин М.И. «Маленькая семейная негодия» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 3. Петушки, 1998. С. 109–126.

роль в британском правительстве. В связи со всем этим, дело приняло серьезный оборот и решалось на самом высоком уровне...

Граф Семен Романович в начале июня 1785 г. занял место полномочного министра (посла) России в Лондоне. За более чем десять лет своей службы в этом качестве он блестяще проявил себя во многих сложных ситуациях и был оставлен императором Павлом на своем посту в том же звании. Во время коронации 5 апреля 1797 г. в Грановитой Палате Павел провозгласил среди других награжденных и графа С.Р. Воронцова, которому пожаловал орден Св. Андрея и в потомственное владение половину когда-то принадлежавших дяде графа Семена графу Михаилу Ларионовичу Воронцову имений в Карелии¹. В этот же день дочь графа Семена Екатерина была пожалована фрейлиной. В письме от 8 сентября 1798 г. Павел предлагает графу занять место вице-канцлера, прибавляя в конце: «вы сами знаете расположение мое к себе». Рескриптом 22 декабря того же года графу Воронцову был пожалован орден большого креста Иоанна Иерусалимского с командорством в 3000 рублей ежегодного дохода². 2 марта 1799 г. Павел предложил ему прибыть в Россию и занять должность канцлера вместо заболевшего князя Безбородко³.

Вскоре однако последовал разрыв дипломатических отношений с Англией, опала постигла и графа Семена Романовича. 4 апреля 1800 г. графу Воронцову было предложено просить увольнения от службы, а 22 апреля в приказе было объявлено, что «генерал от инфантерии гр. Воронцов, по прощению его за слабостию здоровья, всемилостивейше увольняется от службы с ношением мундира»⁴. Графу разрешено было остаться в Англии, однако в начале 1801 г. за ним был установлен тайный надзор⁵. Наконец, 19 февраля Павел повелел: «за недоплаченные Лондонскими банкирами Пишелем и Броденом казне принадлежащие деньги 499 ф. ст.,

¹ Архив князя Воронцова. Т. XIII. М., 1879. С. 372.

² Архив князя Воронцова. Т. XXVIII. М., 1883. С. 199.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 214–215.

⁵ Архив князя Воронцова. Т. XI. М., 1877. С. 382.

14 ш. и 5 п. конфисковать на такую сумму имения генерала гр. Воронцова; прочее же его имение, за пребывание его в Англии, взять в казенный секвестр»¹.

К счастью, 1 апреля 1801 г. в Лондоне стало известно о восшествии на престол Александра I. Секвестр, наложенный на имущество гр. Воронцова был снят по высочайшему повелению². Граф снова был аккредитован при британском дворе. Граф Семен проработал послом еще пять лет и указом от 15 мая 1806 г. был отправлен в отставку. Он прожил в Англии еще четверть века и умер 9 июня 1832 г.

Вопрос об имениях не был только делом чести или жадности. К сожалению, доходы, получаемые от имений, были насущной необходимостью для русского посла в Англии, поскольку правительство всегда отпускало слишком мало средств для содержания как посла, так и всего посольства³. Граф Семен Романович получил, например, в 1795 г. дохода со своих имений 21000 рублей (по курсу £2200) и все-таки делал долги⁴. «Дипломатический агент в Лондоне в качестве министра второго ранга получал 10000 р. Благодаря разным прибавкам и это содержание к концу удвоилось, так что гр. С.Р. Воронцов получал от казны до 20000 р., и несмотря на это все-таки проживал свои средства». Речь, в первую очередь, шла не о роскоши, а о престиже дипломата и представляемой им страны. Кроме того, «не будучи в состоянии принимать у себя иностранных министров и дипломатов и награждать лиц, оказывающих ему услуги, дипломатический агент будет вынужден действовать только официальным путем, что далеко недостаточно для полного успеха дипломатической миссии»⁵.

Смешение графом Семеном личного и государственного, конечно, не было его личной особенностью, наоборот, это было характерно для того времени, не говоря уже о более раннем этапе

¹ Архив князя Воронцова. Т. XI. С. 341. См. также краткое описание этих событий в замечательной книге *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. С. 73, 77-78, 87-88, 135, 171, 172, 174, 184-187, 404-405.

² Архив князя Воронцова. Т. X. М., 1876. С. 94.

³ «Братья Воронцовы получали доходы с своих имений и проживали из своих средств почти то же, а иногда и более того, что отпускало им русское правительство» (*Александренко В.Н.* Цит. соч. С. 135).

⁴ Архив князя Воронцова. Т. XVI. М., 1880. С. 243.

⁵ *Александренко В.Н.* Цит. соч. С. 184, 135.

развития дипломатии. Как раз в XVIII в. происходит становление дипломатической профессии, отдельной от многообразных форм придворной и салонной жизни. Граф Александр Романович, бывший послом в Лондоне в 1762–1763 гг., приложил много сил для устройства личных знакомств. Он, «скорее, добился успеха в лондонском обществе, а не на дипломатическом поприще, и у него появилось немало преданных друзей, что обнаружил его брат Семен больше двадцати лет спустя»¹. Граф Семен необычайно развил дело брата, став важным членом английского общества, принимавшем у себя не только высший свет, но и банкиров, промышленников, путешественников.

Видимо, поэтому граф Семен Романович очень серьезно относился как к своим доходам от финляндских имений, так и к самим имениям, даже после того, как вышел в отставку с пенсией в 6000 рублей. Речь же идет о землях, прилегающих к северо-западной части Ладожского озера и находящихся сегодня на территории российской Карелии (район Элисенваара, Лахденпохья, Сортавала). Эти имения по-фински называются Яаккимаа и Куркийоки, по-шведски — Якимвар и Кроноборг.

Первый известный владелец Яаккимаа, которому были дарованы эти земли, — сенатор князь Яков Федорович Долгорукий². В записи, сделанной 16 июня 1720 г., в Яаккимаа отмечено 308 домов, среди которых 23 богатых. Однако это дарение было отменено уже 21 февраля 1721 г. с изменением линии дороги Выборг — Кякисалми (Кексгольм, ныне Приозерск), к северной стороне которой прилегали эти земли. В 1726 г. Екатерина I объявила Яаккимаа, Куркийоки и Париккала собственными дворцовыми угодьями («taffelgoods»), но после смерти императрицы Петр II передал их 3 января 1728 г. во владение Елизавете Петровне. Земли были освобождены от налогов. И при Екатерине, и при Елизавете Дворцовое ведомство назначало управляющих, власть которых была практически безграничной.

За период 1726–1741 гг. документов о жизни в Яаккимаа и Куркийоки практически не сохранилось.

¹ Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 30.

² Долгорукий Яков Федорович (1659–1720) — князь, один из сподвижников Петра I, сенатор, генеральный кригс-комиссар, председатель Ревизион-коллегии.

Взойдя в 1741 г. на престол, Елизавета пожелала наградить тех, кто помогал ей в этом. 11 июля 1743 г. она пожаловала земли Яакимаа, Куркийоки и Париккала Михаилу Ларионовичу Воронцову. Эти «Кексгольмские деревни» неоднократно упоминаются в письмах графа М.Л. Воронцова к императрице и графу А.Г. Разумовскому. Жалуясь в 1751 г., что «чин и должность моя по министерски, а не по философски жить заставляют», он напоминает, «что за мною ни единого двора крестьян в России нет, и только содержуся жалованием и пожалованными в 1743 году Карелскими деревнями»¹. Поскольку предки графа не приобрели «за службы свои и по разным случаям <...> должные награждения и богатства», Михаил Ларионович для избавления от вынужденных долгов предлагал время от времени свои деревни «к придворному ведомству в залог» (в 1746, 1759 гг.) или посылал проект указа о расширении своих владений, в частности, за счет присоединения Рянзелского погоста (1752 г.)².

После смерти Михаила Ларионовича в 1767 г. его наследницами стали жена Анна Карловна, урожденная Скавронская, и дочь Анна Михайловна. Дочь умерла совсем молодой в 1769 г., и вопрос о владении этими землями был поднят вновь. Мать объявила, что она — наследница дочери. Братья Михаила Роман и Иван Воронцовы пытались воспрепятствовать передаче земель Анне Карловне, утверждая, что мать не может наследовать земли дочери, и их следует передать по мужской линии. Их попытка получить эти земли окончилась неудачей, и в 1775 г. Анна Карловна получила все права на владение ими. Она умерла в следующем 1776 г. Земли перешли от нее к брату Мартыну, его жене Марии Николаевне (урожденной Строгановой), а затем их сыну Павлу Скавронскому. Когда Павел попытался в 1780 г. официально оформить свои права на эти земли, он получил отказ. Через год он обратился по этому поводу с личной просьбой к Г.А. Потемкину и получил все права, в том числе разрешение на сбор налогов с этих земель. Однако по указу Екатерины II от 18 декабря 1783 г. все земли, полученные Павлом Скавронским в наследство от его тетки Анны, отбирались в казну. Указ вступил в действие 1 января 1784 г. В это время в Яакимаа было 300 домов.

¹ Архив князя Воронцова. Т. II. М., 1871. С. 617 и 619.

² Там же. С. 610, 623, 628.

30 апреля 1797 г. Павел I передал имение Куркийоки и более половины имения Яаккимаа (182 дома) во владение графу Семену Романовичу Воронцову.

Граф Семен Романович составляет в 1821 г. специальное завещание¹ в пользу своей дочери Екатерины и ее детей, в котором, в частности, говорится:

Во имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа Аминь.

Я ниже-подписавшийся Генерал от Инфантерии и Кавалер Граф Семен Романович Воронцов, возлагая упование мое на всемогущаго Бога о определении мне предела жизни; но размышляя о неизвестности оной и о преклонности моих лет; дабы быть готовым на всякой случай, пачеже, желая воспользоваться пребыванием на время здесь любезнаго моего Сына Генерал Лейтенанта и Кавалера Графа Михайла Семеновича Воронцова, и по благодсти Божией, будучи в здравом уме и твердой памяти, заблагоразсудил купно с ним и с его согласия и любви сделать следующее распоряжение или завещание, в пользу любезнейшей моей дочери Графини Екатерины Семеновны Пемброк, урожденной Графини Воронцовой и моих внучек, ея дочерей.

Первое. Сим вторично утверждаю прежде сделанное мною в пользу ея Графини Екатерины Семеновны Пемброк постановление, касательно до Финляндскаго моего владения, которое сим моим завещанием отдаю ей вовсе в вечное и потомственное владение, которое она вольна заложить, продать или иначе употребить по своему благоразсуждению <...>

Наконец, призывая Благословение Божие, заключаю тем что, все что при жизни моей исполнено быть не может, то я уверен, будет исполнено любезным моим Сыном Графом Михайлом Семеновичем в точности по сему завещанию.

Лондон. Октября 10/22 1821^{го} года.

Генерал от Инфантерии и всех Российских орденов Кавалер Граф Семион Романов сын Воронцов

При сем <...> родителя моего свидетелем был и во всем что от меня зависит свято по оному исполню <...> Генерал Лейтенант Граф Михайло Семенов сын Воронцов

¹ Дубликат Завещания С.Р. Воронцова. Wiltshire Record Office. Trowbridge, England. 2057/F4/48. Оригинал на русском языке. Здесь и далее цитируются документы из архива, переданного в Wiltshire Record Office из дома Пемброков в Вильтоне.

При сем были свидетелями Действительный Статский Советник, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при Королевском Великобританском Дворе Кавалер Барон Павел Андреев сын Николаи¹

Действительный Статский Советник Кавалер и Генеральный Российский в Великобритании Консул Андрей Трубачевский

Находящийся при Императорской Российской Миссии Протоиерей и Кавалер Яков Смирнов

Согласно этому документу все права на финляндские имения переданы графине Пемброк. Доходы от них поступали, видимо, через графа Михаила Семеновича. Поскольку завещание было законно оформлено, семья не знала никаких хлопот с этой собственностью, пока Екатерина Семеновна не решила передать ее, в свою очередь, по наследству сыну Сиднею Герберту.

На этом месте вновь возникает тема личных связей и знакомств. Все свидетели, присутствовавшие при составлении завещания, за исключением, быть может, Трубачевского, были близкими друзьями отца и сына Воронцовых. Именно через друзей и начинает действовать графиня Пемброк, когда она натолкнулась на неожиданные трудности в осуществлении своего намерения.

Необходимо было разузнать через знакомых, что на самом деле нужно было сделать, а от чего следовало воздержаться. Графиня Екатерина Семеновна обращается, естественно, за помощью к своему брату, тогда уже генерал-губернатору Новороссии, имевшему обширные связи в правительственных кругах. Граф Михаил Семенович Воронцов попросил посодействовать делу известного дипломата и надежного человека Петра Ивановича Полетику². Поле-

¹ Николаи Павел Андреевич (1777–1866) — барон, друг графа М.С. Воронцова, к которому последний затем неоднократно обращался за помощью в рассматриваемом деле, поскольку имение барона — знаменитое Монрепо — расположено в той же «русской Финляндии» недалеко от Кроноборга. Отец Павла Андреевича — барон Андрей Львович (Генрих-Людвиг, 1738–1820). Взаимоотношения семей Воронцовых и Николаи столь важны и разнообразны, что требуют отдельного исследования.

² Полетика Петр Иванович (1778–1849) — действительный тайный советник, сенатор. Известный дипломат, англоман. Был членом «Арзамаса», поддерживал близкие дружеские отношения с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным. П.И. Полетика был знаком с многими членами клана Воронцовых: в 1803 г. он был представлен канцлеру графу А.Р. Воронцову и причислен к Коллегии иностранных дел. В 1816–1817 гг. он — советник посольства в Лондоне.

тика, давний приятель Воронцовых, передавая привет всем дочкам графини, «отчитывается» перед Екатериной Семеновной в письме от 9/21 апреля 1835 г.:

Граф Михаил написал мне некоторое время назад, дорогая графиня, введя меня в курс Вашего намерения передать Ваши земли в Финляндии Вашему сыну Сиднею. В то же время он возложил на меня задачу получить истинные сведения о законных формальностях, которые Вам следует выполнить в данном случае, велел мне прямо сообщить их Вам, как только я эти сведения получу. Именно по этому предмету я и обращаюсь к Вам в этих строках. Чтобы выполнить желание Вашего брата, я не откладывая обратился к графу Ребиндеру¹, министру и Государственному Секретарю по делам Великого Княжества Финляндского, прося его сообщить мне желаемые сведения, и для избежания всех возможных ошибок или неясности в этом деле ознакомил его с письмом графа Михаила.

Через несколько недель граф Ребиндер прислал мне записку по-русски, которую я прилагаю. К ней добавлен плохой перевод на английский, Вы можете попросить Джона Смирнова его исправить. Эта записка, копию которой я передал графу Михаилу, заключает все, что Вам важно знать относительно перевода, который Вы задумали, однако Вы также увидите там, что действие завещания Вашего отца теперь сомнительно, поскольку по законам Финляндии, оно должно было быть представлено в течение года; это обстоятельство было мне подтверждено позже графом Ребиндером и устно, он также предложил свои услуги в преодолении этих трудностей. Я рассказал графу Михаилу о возможности использовать это хорошее предложение и обратиться непосредственно к графу Ребиндеру, поскольку только он один мог бы помочь в доведении данного дела до благополучного конца <...>

«Как дипломат, Полетика пользовался особым расположением графа С.Р. Воронцова» (Б.Л. Модзалевский). Полетика переписывался долгие годы с членами клана Воронцовых, например, он написал в июне 1825 г. письмо графине Пемброк с рассказом о последнем пленении Наполеона (Wiltshire Record Office, 2057/F4/48).

¹ Ребиндер Роберт-Генрих Иванович, (1777–1841) — граф, член Государственного Совета, с 1834 по 1841 г. — статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского.

Позвольте мне, дорогая графиня, просить Вас обратить благосклонное внимание на молодого графа Хрентовича¹, зятя графа Нессельроде², который отправился в Лондон, чтобы временно заменить там князя Ливена³: это хороший молодой человек. Я не могу упустить случая просить Вас напомнить обо мне Вашим очаровательным дочкам <...>⁴

В конце письма появляется еще одна важная деталь — упоминание графа Хрентовича. Поддержка молодого зятя Нессельроде при его первых шагах в Англии будет, безусловно, приятна вице-канцлеру, от которого во многом зависело благоприятное разрешение проблем. Впрочем, Михаил Семенович уже давно поддерживает личные отношения с Нессельроде, состоя с ним в обширной переписке как по политическим делам, так и по проблемам Новороссии.

За письмом Полетики следовала вышеупомянутая записка графа Ребиндера:

Сведения, которые Господин Сенатор Полетика желает получить насчет Воронцовского в Финляндии Имения, относятся к трем ниже-следующим вопросам:

1^я Может ли Графиня Пемброк на основании существующих в Великом Княжестве постановлений посредством какого-либо распоряжения предоставить в пользу сына своего Сиднея завещанное ей Графом С. Воронцовым Краноборгское имение в Выборгской Губернии; 2^я Что должно наблюдать для приведения в исполнение такового распоряжения, если оное возможно; и 3^я Может ли сын Графини, как Англичанин, получить право на владение помянутым имением. Касательно первого пункта имею честь сообщить, что по взятым мною сведениям духовное завещание, по которому Граф Воронцов оставил помянутое Краноборгское имение дочери своей Графине Пемброк, не было надлежащим образом предъявлено в Абоском Гофгерихте; также, что в том месте, где находится имение, об оном не известно иначе как что оно принадлежит Новороссийскому Генерал-Губернатору Графу Воронцову, именем коего управляющий ведет все дела по

¹ Хрентович Михаил Иринович — граф, муж дочери графа К.В. Нессельроде Елены.

² Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — граф, с 1828 г. — вице-канцлер, с 1845 — канцлер.

³ Ливен Христофор Андреевич (1774–1838) — граф, с 1812 г. — посланник в Лондоне, с 1834 — воспитатель наследника.

⁴ Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Перевод с французского.

сему имению. — В таких обстоятельствах необходимо, чтоб Графиня Пемброк немедленно приняла надлежащие меры к вышеупомянутому предъявлению, и коль скоро духовное завещание получит законную силу, на что потребно, чтоб в продолжении года никто не оспаривал оно, тогда Графиня может почитаться полною владельницею сего имения. Насчет же приведения сих мер в действие, я с готовностью приму на себя, если будет угодно Графине, попечение о том чрез посредство поверенного при Гофгерихте; но для этого надобно иметь такую доверенность от Графини Пемброк на сей предмет, которая могла бы служить предьявителю оной; каковая доверенность должна быть подписана Графиною и двумя свидетелями с приложением ее печати и потом заверена в Российском посольстве в Лондоне. Однако же я должен заметить, что по финляндским узаконениям тот, в пользу коего учинено духовное завещание, обязан по крайнему сроку в течение одного года по получении известия о смерти завещателя и о духовной предьявить оную, так что если прошел уже год со времени извещения Графини о смерти ее отца, духовное завещание по законам недействительно. —

Коль скоро право Графини на владение Кронборгским имением будет надлежащим образом утверждено, ни что, кажется, не может препятствовать Ей располагать оным в пользу своего сына. Но как распоряжение Графини по сему предмету должно быть сделано сообразно с финляндскими законами, то можно будет поручить тому же поверенному в Финляндии составить проэкт таковому распоряжению. — Наконец, что касается до того, может ли сын Графини, как иностранец, иметь право владеть помянутым имением, вероятно, препятствий к тому не встретится, хотя соизволение на таковое право зависит от Высочайшей Его Императорского Величества воли¹.

Таким образом, вскрылось забавное обстоятельство: поскольку завещание графа Семена Романовича не было своевременно предъявлено финляндским чиновникам, то само владение графиней этими именьями оказывается под большим вопросом. Граф же Ребиндер, вполне искушенный в эпистолярно-бюрократических вопросах, сразу же предлагает «принять на себя попечение о принятии мер в действие», стремясь оказать влиятельной семье Воронцовых личную услугу.

В этих выяснениях прошло три года. 20 августа 1837 г. графиня пишет самому императору Николаю:

¹ Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Оригинал на русском языке.

Сир!

Распоряжения, сделанные моим отцом графом Семеном Воронцовым в его завещании, сделали меня владелицей земель в Финляндии в приходах Кроноберг и Якимвар со всеми принадлежащими или приписанными к оному угодьями. Желая, в свою очередь, предоставить эти земли в пользование моему сыну Сиднею Герберту <...> и будучи предупрежденной, что для этого мне необходимо предварительно получить согласие Вашего Императорского Величества, я решилась просить об этом с тем большей верой, что переводя мою собственность в Финляндии моему сыну, я действую во благо процветания страны моего рождения, к которой я не перестаю питать самую глубокую и истинную любовь <...>¹

Граф Михаил Семенович продолжает переписываться по этому делу с Нессельроде. Последний видит все трудности предприятия и даже советует леди Пемброк не настаивать на передаче наследственных имений в Финляндии сыну².

Ответ на просьбу графини императору передан в официальном письме графа Нессельроде:

Леди Пемброк и Монтгомери, урожденной графине Воронцовой
Миледи,

Император получил в августе месяце прошлого года письмо, в котором Вы обращались к Нему с просьбой разрешить Вам передать Вашему сыну земли, доставшиеся Вам в Великом Княжестве Финляндском согласно распоряжениям, записанным в завещании графа Семена Воронцова. Решение этого дела, Миледи, несколько задержалось из-за путешествия Его Императорского Величества на юг России и в провинции Кавказа, и просьба, выраженная в Вашем письме, решалась компетентными лицами посредством переписки. Я чрезвычайно счастлив сообщить Вам наконец, Миледи, что Император соизволил благосклонно удовлетворить Вашу просьбу и что Его Императорское Величество с удовольствием оценил Ваши благородные мотивы.

Я ознакомил с этим высочайшим решением Министра Государственного Секретаря Великого Княжества Финляндского <...>³

¹ Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Перевод с французского. Надписано: *Copie de ma supplique à L'Empereur 20 aout 1834.*

² Письмо гр. Нессельроде к гр. М.С. Воронцову. 18.01.1838 // Архив князя Воронцова. Т. XL. М., 1895. С. 226–227.

³ 27 февраля 1838 г. Wiltshire Record Office, 2057. Перевод с французского.

Гр. Нессельроде уведомляет о решении и графа Михаила¹.

Высочайшее решение задержалось, поскольку Государь изволил путешествовать по югу России. Интересно посмотреть, где побывал император и кто его принимал. А побывал он, фактически, в гостях у графа Михаила Семеновича Воронцова. Граф не впервые принимал императорскую фамилию. Еще в 1828 г. Воронцовы устроили знаменитый праздник в Одессе, о котором А.Я. Булгаков с восторгом писал:

Ай да праздник задали Воронцовы Императрице! Какая новая и прекрасная мысль представить высадку Танкредовой флотилии; это уже не театральное представление, а сама натура; на это надобно было море, prima-донны, а более всего догадка Воронцовых. Счастливая мысль и хорошая погода увенчала праздник².

На этот раз, в августе – сентябре 1837 г. путешествие императорской семьи завершало программу образования наследника-цесаревича, будущего императора Александра II.

Из Вознесенска Наследник сопровождал Императору в Николаев и Одессу, где снова соединилась вся царская семья. Проведя в этом городе три дня в празднествах и увеселениях всякого рода, их величества с Цесаревичем отправились на пароходе «Северная Звезда» в Севастополь. Черноморский флот в полном составе вышел им навстречу и, по приказанию Государя, маневрировал в открытом море. Выйдя на берег, они посетили порт и арсенал, а также Георгиевский монастырь, построенный на месте древнего Херсонеса <...> а на другой день предприняли поездку в Бахчисарай – бывшую столицу крымских ханов, откуда проследовали в Симферополь. На южном берегу Крыма они были гостями новороссийского губернатора графа М.С. Воронцова, принявшего их с восточной пышностью, соединенной с утонченностью западной Европы, в Айданиле, в Массандре и в Алушке. Оставив там Императрицу, Государь взял с собою Цесаревича на пароходе <...> Наследник, осмотрев в Керчи музей греческих древностей и один из

¹ Письмо гр. Нессельроде к гр. М.С. Воронцову 01.03.1838 // Архив князя Воронцова. Т. XL. С. 228.

² Письмо А.Я. Булгакова к брату 18.07.1828 // Русский архив, 1901. Кн. 3. С. 174–175.

недавно разрытых курганов, возвратился морем в Алупку к Императрице. Отдохнув два дня, он 28-го сентября снова пустился в путь¹.

Граф Воронцов хорошо подготовился к встрече императора, ему пришлось срочно заканчивать главный и столовый корпуса своего дворца в Алупке, некоторые украшения и отделка, а также пол и мебель были временными. Окончание первого этапа строительства дворца как раз и было отмечено праздником в честь царской фамилии². Таким образом, Романовы и Воронцовы, если так можно выразиться в данном случае, «дружили семьями».

Видимо, прекрасные впечатления, полученные Государем во время визита к графу, помогли Николаю «изъявить знак Всемилоостивейшего благоволения семейству Графов Воронцовых».

Уже через полмесяца после высочайшего решения вышла и официальная бумага финляндского статс-секретаря.

Отношение Министра Статс Секретаря Великого Княжества Финляндского к Г^{ну} Финляндскому Генерал-Губернатору от 12/24 марта 1838 года, за № 177.

Государь Император, вняв просьбе Леди Катерины Пемброк, владеющей по духовному завещанию отца ея, умершего ныне сенатора Графа Воронцова, Фрельдовым именем в Кроноборгском и Яхимварском приходах, Выборгской Губернии, и желая изъявить знак Всемилоостивейшего благоволения семейству Графов Воронцовых, признал за благо дозволить Леди Пемброк предоставить, посредством духовного завещания, помянутое имение, со всеми принадлежащими или приписанными к оному угодьями, сыну ея Сиру Сиднею Герберту с тем чтобы он владел и пользовался сим имением, хотя и не будет Финляндским Е. И. В. подданным.

О сем Высочайшем повелении, сообщенном мне Г. Вице-Канцлером Графом Нессельроде, который об оном уже объявил Леди Пемброк, почтнейше прошу Вашу Светлость уведомить Финляндский Сенат для надлежащего сведения и объявления кому следует³.

¹ Александр II // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб, 1896. С. 429. См. также: Сафонов С.В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. Одесса, 1840.

² Ширнев С.Д. Алупка. Дворец и парки. Симферополь, 1927. С. 25–26.

³ Получено графиней Пемброк 5 апреля 1838 г. Wiltshire Record Office, 2057. Копия.

Графиня Екатерина Семеновна с облегчением пишет благодарственное письмо графу Нессельроде:

Господин граф,

Я имею честь подтвердить получение Вашего письма от 27 февраля, в котором Ваша Светлость извещает меня о высочайшем решении Императора, соизволившего снизить до моей просьбы разрешить передать сыну мои земли в Финляндии согласно нижайшему письму моему, посланному в 1837 г.

Позвольте мне, господин граф, просить Вас передать Императору чувство истинной признательности, которое вызывает у меня этот акт благосклонности и милости. Этот акт является одним из множества благодеяний по отношению ко мне и моему брату, и меня переполняет печаль, что мое здоровье и семейные обстоятельства удерживают меня в Англии и не дают мне возможности лично повергнуться к стопам Его Императорского Величества и заявить свое право именоваться Его преданной и признательной слугой.

Разрешите, господин граф, воспользоваться случаем и выразить Вам всю свою дружбу.

Кэтрин Пемброк¹.

Однако, как это ни странно, высочайшего разрешения оказалось недостаточно. Появляются всевозможные «трудности и неувязки», состоявшие, например, в том, что владельцы имений, проживающие за границей, должны были по закону время от времени представлять пред ясны очи местных финляндских чиновников, подтверждая тем самым свои права на владения. Граф Михаил Семенович снова и снова пересматривает все обстоятельства дела, подключая свои связи и знакомства. Он подробно обсуждает ситуацию в письме к барону Брунову² уже в 1842 г.:

Я благодарю Вас от всего сердца, дорогой Брунов, за Ваше письмо от 2 марта с вложением для графа Нессельроде <...> Я узнаю Вашу добрую и давнюю дружбу по тому, что вы уже сделали по данному вопросу, и по интересу, который Вы выказали моей сестре, чтобы избавить ее от некоторых трудностей и возможных неувязок в связи с ее

¹ Из Вильтона 5 апреля 1838 г. Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Копия. Перевод с французского.

² Брунов (Бруннов) Филипп Иванович (1797–1875) — барон, посланник, а потом посол в Лондоне (1840–1854, 1858–1874), в 1820-е гг. в Одессе был чиновником канцелярии графа М.С. Воронцова.

владениями в Русской Финляндии. Я заново изучил все приводящие обстоятельства, свою переписку с графом Нессельроде по поводу прав моей сестры на эту землю и ее права передать землю сыну, переписку, принесшую благоприятное решение Императора, которое Вам известно. Я полагаюсь также на то, что сообщил мне барон Николаи по поводу ответа, полученного им от Статс-Секретаря Финляндии, на вопрос, должна ли моя сестра, как владелица собственности в данной провинции, подчиняться правилам и условиям, имеющим место, если владения располагаются на территории собственно Российской Империи. Это изучение утвердило меня во мнении, что я уже знаю все последствия и все документы и письма по этому делу за последние три года. Представляется 1) что правила, принятые для отсутствующих собственников в провинциях России и Прибалтики, не распространяются на Финляндию; 2) что моя сестра, будучи иностранкой, может получить, согласно законам Финляндии, разрешение Императора только после выполнения всех внешних формальностей, вследствие которых она будет признана владелицей согласно завещанию моего отца на территории Финляндии; 3) что это разрешение дано так, как оно объявлено моей сестре в письме графа Нессельроде 7 февраля 1838 г.; 4) что Император также соизволил разрешить моей сестре передать эту землю в распоряжение сына. Итак, если документы по первым трем пунктам, которые я перечислил Вам, говорят, с моей точки зрения, в пользу моей сестры, за исключением правила являться раз в пять лет, то четвертый пункт утверждает ее право передать землю сыну. Еще более нравственно очевидно, что, разрешая эту передачу, Государь, конечно, не ожидал, что мистер Сидней Герберт, Лорд-Хранитель Адмиралтейства и со дня на день, быть может, Первый Лорд Казначейства и Премьер-Министр Англии будет обязан являться раз в пять лет в Россию под страхом того, что если он не будет вести себя хорошо, Государь пересмотрит свое решение о передаче ему земли в Финляндии. По всему этому, я полагаю, что надо хранить спокойствие и ничего не предпринимать, и я высказываюсь со всей данной Вами мне свободой против посылки Вашего письма графу Нессельроде. Когда я приеду в июне в Петербург, я переговорю с графом Нессельроде в том же смысле, и если будет хоть какая-нибудь нужда, я раздобуду для моей сестры там наверху еще какие-нибудь важные бумаги; но все это мне кажется бесполезным, и вновь поднимать этот вопрос, по-моему, совершенно не стоит <...> В заключение мне следует еще раз поблагодарить Вас за все усилия, которые вы приложили, оказывая нам услуги и за ту дружескую и деликатную манеру, с которой Вы вели эту

маленькую семейную негодия¹, во время которого Вы были заняты такими большими, хорошими и полезными делами, служа Государю и общим интересам <...>²

Обращает на себя внимание ехидное замечание графа Михаила Семеновича, в котором он напоминает, что члены его семьи — люди весьма важные, с их статусом необходимо считаться в международном масштабе, а решение «маленького семейного вопроса» Воронцовых есть некий ход в общеевропейской политике.

По ходу дела граф М.С. Воронцов пишет успокоительные письма своей сестре, уверяя ее, что он держит дело под контролем, что ничего делать не надо, не стоит и беспокоиться. В его письмах финляндская проблема стоит далеко не на первом месте, и другие семейные события оказываются гораздо более важными — как в следующем письме:

Моя дорогая Кэт

Мы вернулись вчера из Петергофа, и я спешу уведомить Вас, зная, что это доставит Вам удовольствие, что наша маленькая Софи³ стала фрейлиной. Наша превосходная и любезная Государыня сказала Лизе, что она должна привезти Софи в Петергоф 1 июля, поскольку та должна получить сувенир на память об этой счастливой годовщине, и в тот самый день, как раз когда мы сидели в сомнении, князь Волконский принес нам от Государыни *шифр*⁴; конечно, это делает событие еще более приятным, поскольку связывает его с памятью о такой счастливой годовщине для Императорской семьи. Праздник в Петергофе прошел очень хорошо, и погода, которая была такой плохой в предыдущий день, стала великолепной как раз к маскараду. Я вспоминаю, что впервые я увидел этот праздник с Вами вместе ровно сорок лет назад; это воспоминание разбудило во мне тоску и дало мне право пойти сразу после ужина при дворе спокойно спать вместо прогулки среди ярких огней <...> Тысяча благодарностей, моя дорогая Кэт, за Ваши письма, посланные через Хрентовича и по почте, за музыку, забавные и смешные вырезки из газет и т.д. Мы опять обсуждали с

¹ В оригинале — «Cette petite négociation de famille».

² Из Одессы в Лондон от 23 марта 1842 г. Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Перевод с французского.

³ Софи — графиня Софья Михайловна Воронцова, в замужестве графиня Шувалова (1825–1879), дочь графа М.С. Воронцова.

⁴ «Шифр <...> знак отличия, резной вензель государыни, какой получают на выпуске институтки, и знак фрейлинского звания» (Даль).

нашим хорошим другом Николаи Ваше положение с финляндским именем. Совершенно ясно, что Вы не должны появляться здесь, чтобы имение оставалось за Вами, и то же, конечно, относится к Сиднею. Я посылаю Вам копию письма Статс-Секретаря Финляндии к Генерал-Губернатору князю Меншикову¹, которое совершенно закрывает вопрос. Я не помню, есть ли у Вас уже копия этого письма, но если она есть и если Брунов ее видел, то я не могу понять, почему он смог даже допустить возможность того, что Вам надо являться сюда на определенных условиях. Та же бумага яснейшим образом демонстрирует Ваше естественное право, признанное Государем, передать по завещанию или как либо иначе Ваше имение Сиднею, и нет необходимости еще формально это доказывать. Но чтобы Вы чувствовали себя уже совершенно свободно в отношении практических форм узаконений, я встречусь здесь с деловыми людьми из Финляндии и поговорю с ними об этом. — Перед последней поездкой в Петергоф мы вместе с бароном Николаи отправились с визитом к графу Армфельду², который теперь владеет финляндским портфелем; но его не было дома. Однако времени еще достаточно для повторения визита, и Вы можете быть уверены — я не забуду об этом. Я получил ответ от Брунова на мое письмо из Одессы по этому делу, в нем он одобряет мое решение не посылать его письмо графу Нессельроде. Я напишу ему через несколько дней, пошлю ему еще одну копию того письма, что я прилагаю сейчас к этому, и подкреплю авторитетом графа Нессельроде его правоту в том, что он не распространяет на Вас правила для русских дам, отсутствующих более пяти лет в России <...>³

Интересно, что для графа Воронцова естественным является как личный визит домой к одному из высших чиновников империи, так и общение с «деловыми людьми из Финляндии». Эта естественность как нельзя лучше характеризует стиль графа в его организационной и административной деятельности.

Подобные письма идут в Лондон одно за другим, а в промежутке между ними граф является туда сам в сопровождении

¹ Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) — светлейший князь, вице-адмирал, член Государственного Совета, правнук А.Д. Меншикова, в 1831–1835 гг. — финляндский генерал-губернатор.

² Армфельд (Армфельт) Александр Густавович (1794–1875) — граф, член Государственного Совета, министр, статс-секретарь Великого княжества Финляндского, действительный тайный советник. А.Г. Армфельд был назначен статс-секретарем в марте 1841 г. по смерти графа Ребиндера.

³ Из Санкт-Петербурга в Лондон 3/15 июля 1842 г. Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Перевод с английского.

своей семьи (он делает это почти ежегодно). Вот еще такое же письмо:

Дорогая Кэт

Я только что написал длинное письмо Кланни¹ и еще напишу Вам до того как мы уедем в конце следующей недели; но я уже давно Вам не писал и не позволю сегодняшней почте отправиться без нескольких строчек Вам. Сегодня вечером мы едем по железной дороге в Царское Село на завтрашнюю церемонию крещения маленькой Великой Княгини. Государь отправляется в поездку по военным поселениям во вторник утром. Мы ждем разрешения Государыни покинуть Ее, и я еще должен обсудить с Ней Ее строительство в Ореанде. В воскресенье 6/18 мы провожаем Лиз² в Варшаву, где она проведет две или три недели со своей сестрой и Александриной Потоцкой, тогда как я поеду сразу в Мошны³, а оттуда через два или три дня в Бахмут и нашу угольную сторону, затем на несколько дней в Одессу, а оттуда на весь остаток осени на Южный Берег, где Лиз присоединится ко мне, приехав прямо из Варшавы в середине октября. Я окончил здесь порядочно дел и, как всегда, несколько таких, которые трудно и почти невозможно сделать, находясь вдалеке. Вы видели в моем письме к Кэтти⁴, которое она должна была показать Вам и только Вам одной, мои планы на следующий год. Это только прожекты, и я не хотел бы, чтобы они стали известны до того, как, я надеюсь, если ничего экстраординарного не случится, придет пора приступить к их выполнению. Я просто думаю, что они разумны и в большой степени удовлетворительны; мы их еще обсудим с Вами со временем. Я все время спрашивал направо и налево о существовании какой-нибудь конкретной формы, необходимой Вам для передачи по завещанию Вашего финского имения Сиднею; единственный ответ, который я везде получал, состоит в том, что любое завещание или дополнение к завещанию, заключенное законно в какой-либо стране, будет законным и здесь. И более того, если это завещание или это дополнение признано и зарегистрировано в русской миссии в Лондоне, Вы имеете позволение Государя, которое официально передано соответствующим официальным лицам, а у Вас осталась копия, то я не сомневаюсь, что

¹ Кланни — дочь графини Пемброк Elizabeth (1809–1858), в замужестве (1830) леди Clanwilliam.

² Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, урожденная графиня Браницкая (1792–1881), жена графа М.С. Воронцова.

³ Имение Воронцовых на правом берегу Днепра между впадением в него р. Рось и Черкассами.

⁴ Дочь графини Пемброк Catherine (1814–1886), в замужестве (1836) леди Dunmore.

этого совершенно достаточно и что более ничего сделать даже невозможно. Если бы граф Армфельд, финляндский статс-секретарь, был здесь, я бы обязательно узнал бы и его мнение об этом; теперь его нет, но его ожидают со дня на день, и если он прибудет до моего отъезда, я его увижу; если нет — я попрошу нашего друга Николаи поговорить с ним или написать ему обо всем, чтобы еще более успокоить Вас на сей предмет; но в любом случае, я думаю, что Вы почувствуете, что не может быть ни малейшего затруднения или причины беспокоиться <...>

Благословит Вас Господь, дорогая Кэт <...>¹

Видимо, уверений брата Михаила было недостаточно, и графиня Екатерина Семеновна, вняв давнему совету Нессельроде, решает продать свои владения, оставив сыну в наследство не финляндские имения, а русские деньги. Земли были проданы графу Александру Кушелеву-Безбородко². В написанном через десять лет завещании графини читаем:

Сим Завещанием ее милость назначает высокочтимого Сиднея Герберта и Фредерика Ильтида Николла душеприказчиками и опекунами <...>

Ее милость отдает высокочтимому Сиднею Герберту <...> также 100,000 серебряных рублей, полученных от продажи ее имения в Финляндии <...> также позолоченный десертный сервиз и чайные ложки, которые ранее принадлежали графу Воронцову <...>³

Так протекала семейная жизнь Воронцовых, сплетая воедино придворный этикет, семейные радости и горести, европейскую политику, торжество монаршей воли над законами, светские визиты и праздники, дипломатические изыски, дружеское общение, административные решения, встречи с деловыми людьми, денежные доходы и расчеты, протезирование молодых родственников важных персон и возвращение долгов давнишнему патрону. Это была многотрудная жизнь людей, причастных власти, внутренней и внешней политике и — истории.

¹ 29 августа 1842 г. Wiltshire Record Office, 2057/F4/48. Перевод с английского.

² Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800-1855) — граф, камергер.

³ 29 июля 1853 г., дополнения от 2 августа 1853 г., 21 февраля 1856 г. и 17 марта 1856 г. Конспект. Wiltshire Record Office, 2057. Перевод с английского.

Две смерти в семье Воронцовых

Клан Воронцовых оставил весьма заметный след в русской и европейской истории и культуре. Этот род интересен еще и тем, что оставил огромный семейный архив, частично опубликованный в конце XIX в. П. Бартеневым (*Архив князя Воронцова*, 40 томов). По документам архива можно судить обо всех сторонах дворянской жизни в России и Европе на протяжении нескольких веков. Есть в этом архиве и свидетельства о том, как относились к смерти близких — стариков, детей, как умирали и переживали смерть друзей. А смерть всегда была рядом и не только из-за многочисленных войн. Часто умирали дети. Так, Михаил Семенович и его жена Елизавета Ксаверьевна пережили смерть троих детей, причем один умер младенцем, двое — подростками. До зрелого возраста дожили лишь двое. И это при том, что семья была богатейшая и имела лучших докторов из Англии.

В XI томе *Архива* можно прочитать описание последней болезни и смерти светлейшего князя, принадлежащее (предположительно) его личному врачу Э.С. Андреевскому. Однако даже такой обширный архив не содержит всех семейных документов. Более полное описание указанного события тем же автором опубликовал Г. Струве в основанной на английских архивах статье¹. Здесь можно найти и другое письмо, рассказывающее о том же, а также

Впервые опубликовано: Микешиш М.И. Две смерти в семье Воронцовых (по публикации Г. Струве) // *Фигуры Танатоса: Искусство умирания*. Сб. статей. СПб., 1998. С. 76–84.

¹ *Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nikolaijs, and Others* // *California Slavic Studies*. 1970. Vol. 5. P. 93–136.

историю последних дней сестры князя Воронцова Екатерины Семеновны. Г. Струве опубликовал все документы на языках оригиналов, то есть на английском и французском, поэтому кажется необходимым привести на русском языке описание умирания двух близких членов одной дворянской семьи, живших большую часть жизни далеко друг от друга, но относившихся друг к другу, видимо, с настоящей любовью. События происходят в начале и конце 1856 года в Англии и России.

* * *

Племянник князя Воронцова Сидней Герберт пишет ему 25 марта 1856 г. о смерти своей матери.

Екатерина Семеновна медленно теряла силы всю осень и зиму, приехав 24 декабря в Вильтон к Гербертам с постоянным кашлем. Она очень редко выходила из дома, разве что в церковь. Она избавилась от кашля только к концу января, когда покидала Вильтон, но и тогда жаловалась на нехватку дыхания. Уезжая, графиня остановилась в аркаде, посмотрела вокруг и сказала: «Ах, я никогда больше не увижу это дорогое место». Через неделю в Лондоне она все еще обедала вместе со всеми. Но симптомы болезни усиливались, врачи находили ее сердце очень слабым. Ей стало больно дышать.

Графиня все время спокойно контролировала свое состояние, так что не было возможности и необходимости скрывать от нее опасность. Екатерина Семеновна уже давно готовилась к смерти, уповая на Бога, так что смерть потеряла для нее все свои ужасы.

Герберт пишет об этом:

Она сказала мне, что всегда верила и полностью полагалась на Господа, что Дарден¹ научила ее этому с детства; она так любила Его, что даже сомневалась, имеет ли достаточный страх перед Ним. «Мое сердце было так полно Любви, что в нем не было места для страха. Даже сейчас, в этот ужасный момент я не чувствую его. Разве это хорошо?»

Графиня сделала мельчайшие распоряжения о своей воле после смерти с таким спокойствием, будто отправлялась в обычное

¹ Гувернантка.

путешествие. Между приступами она была весела (как обычно до болезни), относилась ко всем с нежностью, благодарила всех за мелкие услуги и была счастлива, что дети заботятся о ней.

В этой комнате не хватало только одного лица, чтобы счастье, с которым она покидала этот мир, было полным. Она велела вапш [князя Воронцова] портрет (тот, что был нарисован в Берлине) внести в комнату и расположить напротив кровати. Она смотрела на него с величайшей любовью и один или два раза, лежа в постели, сжала руки, воскликнув внезапно: «О мой Минга! мой Минга!»¹

Через три дня силы стали так быстро покидать графиню, что стала ясна близость конца. Каждый день она, надеясь, что не будет долго страдать, спрашивала докторов: «Это будет сегодня?» За день до смерти она попрощалась с внуками. Ее любимую внучку Фанни, которая была больна, принесли прощаться специально. В этот же день Екатерина Семеновна попросила сына похоронить ее рядом с мужем в церкви Вильтона. Ей уже становилось трудно говорить, хотя ум оставался ясным. На следующий день ее дыхание все замедлялось, и без четверти пять она тихо отошла, так что окружающие ее постель родственники не заметили и самого момента смерти. «Ни у кого не было более мирного и благословенного конца, чем у этой чистой и святой жизни», — пишет Сидней Герберт.

Все дети графини были в огромном горе. Они без устали находились рядом с ней в ее последние дни. «Но мы находим лучшее из утешений в мысли о той благословенной жизни, к которой она теперь призвана. — Дорогой Минга, все наши сердца обращаются к вам, и мы молим Господа укрепить и утешить вас, потерявшего свою дорогую сестру», — заключает Сидней свое письмо к Воронцову.

* * *

Г. Струве публикует еще два письма (на французском языке) из Вильтоновского архива, в которых описаны последние дни и смерть светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова. Одно

¹ Минга — домашнее имя князя.

из них, видимо, написано племянницей Елизаветы Ксаверьевны в Англию к одной из дочерей графини Пемброк накануне смерти князя при временном улучшении его состояния. Второе — меморандум Эраста Семеновича Андреевского (1809–1872).

По словам Струве, оба документа хранились в маленьком конверте с черной каймой и надписью: «Подробности последних дней и смерти дяди Воронцова в Одессе 6/18 ноября 1856 г.».

Письмо племянницы княгини Воронцовой к леди Данмор

5/17 ноября 1856 г. Одесса

Уже почти две недели, как у вашего дорогого дяди случилось большое внутреннее расстройство, которое он объяснил тем, что поел устриц, но которое может быть также связано с эпидемией, не пощадившей почти никого в Одессе. Она уже оставила свои жертвы и город, но дядя все время был подвержен небольшим приступам своей болезни и всегда соблюдал очень суровый режим. В остальном течение его жизни осталось совершенно таким же, и не чувствовалось никакой слабости. В понедельник он обедал с графом Строгановым, был все время очень весел и крепок. Ложась спать этой ночью после вечера и чтения, он почувствовал дрожь и слабость. Доктор Бок, считающийся сегодня первым врачом в городе, получил инструкции от Андреевского, уехавшего в свое поместье по соседству. Во вторник и среду режим был усилен, даны легкие лекарства. В среду вечером — большая слабость; он принял участие в вечере, но не смог больше идти; решив покинуть общество, он покачнулся, готовый упасть. Его поддержали и с трудом уложили в постель. Улегшись, он пришел в себя, и мы немного почитали ему по его желанию. Но как только я ушла из комнаты, тетя в смятении поспешила за доктором, который расположился в комнате этажом ниже. Тот объявил, что это приступ холерины. Пять раз в эту ночь он вынужден был вставать. Можете вообразить, что это была за ужасная ночь. В четверг послали за Андреевским, и в субботу утром он, к счастью, уже был здесь. В четверг и пятницу в приступах лихорадки князь не покидал больше постели. Ночью некоторое время было состояние бреда. Суббота началась с жестокой тревоги. Хотели сменить белье, он потерял сознание, а когда пришел в себя, то совершенно ничего не чувствовал. Боялись кровоизлияния в мозг. Андреевский приготовил пиявок, но они не понадобились. Все внутренние лекарства давать перестали, но применили пластырь на затылок, горчичники на ноги, растирание спины рвотной горчицей и нефтью — живота. Вечером он произнес несколько слов с присутствием духа. Его

доброта нисколько не изменилась. Он заставлял себя улыбнуться каждому. В ночь с субботы на воскресенье, когда тетя покидала его, чтобы отправиться в церковь, он сказал, что ей следует попросить священника отслужить в его комнате молебен, предназначенный нашей церковью специально для больных. Он просил также свою жену побыть с ним, и я представляю, с какими слезами тетя молилась в церкви во время службы. Наконец, Бог внял мольбам, возносимым ему за дорогого больного. Вот почему я говорю вам, что подвергаю испытанию Его доброту, рассказывая подробности, которые покажутся вам столь горькими. — Когда первые несколько дней этой недели прошли, я объявила, что собираюсь вам наконец написать, и он мне сказал: «Ну хорошо, я вам скажу тогда все, что должен им сообщить». В надежде, что наступит улучшение — ведь между нами условлено, что я говорю только правду, — в надежде я проводила день за днем, и тут пришла эта ужасная суббота, когда я думала, что у меня не хватит больше смелости взяться за перо, чтобы еще раз пережить то, что, казалось, должно уже кончиться. — Но со вчерашнего вечера он чувствует самую счастливую перемену. Он понемногу ест, разговаривает, шутит, он обрел все свое самое великолепное присутствие духа. Ему запрещено пока слушать чтение, но все же он вполне доволен. Брюсы видели его в Москве гораздо более слабым, чем сейчас. Наконец, вот последнее мнение Андреевского о его состоянии. Я забыла рассказать вам, что та ночь с воскресенья на понедельник была просто великолепна, а он заскучал. После еды он приказал принести список вин в погребе, чтобы показать епископу, и это его развлекло. — Все это так мало напоминает этот позавчерашний ужас. — Я вам уже говорила, что сегодня понедельник. — Андреевский сказал, что его [князя] прекрасный организм победил с Божией помощью этот очень опасный кризис. Теперь болезнь изменилась и протекает как вполне безобидная лихорадка. Ему немного хочется пить, немного жарко, но, я повторяю, в Москве все было намного хуже. — Он совсем не страдает. Он совершенно спокоен. Он жалуется на скуку, поскольку ему следует как можно больше быть одному за ширмой. Тетя пишет в своей комнате, и я рядом с ней. — А он говорит «que faire, што делать».

Князь умер через день.

Меморандум доктора Андреевского

Одесса. 29 ноября 1856 г.

Большое умственное напряжение 1853 и 1854 гг., а также малярийная лихорадка 1851 г. привели в расстройство всю вегетативную систему его организма, доведя ее до того состояния, в котором она была последнее время; усваивание веществ было весьма неполным, репродукция почти прекратилась. Первый нервный удар имел место еще в Ставрополе в марте 1854 г. Лечение, которое князь прошел за границей, не принесло ничего существенного; по крайней мере, я не заметил видимых изменений в его излишней худобе, которая появилась зимой 1853/1854 гг. Плеврит, который князь получил в последнее время вследствие переохладения, только еще более поколебал его жизненные силы, тем более что по самой своей природе эта болезнь требует лечения, которое значительно ослабляет организм.

После прибытия в Одессу в начале октября князь не чувствовал себя хорошо. Его прекрасный лоб, пересеченный морщиной, выражал глубокий упадок сил. Никто не мог сказать, что происходит у него внутри, но порядок, в который он привел свои дела и корреспонденцию, позволял это понять.

Во время своего пребывания в Мошнах он попытался сесть на лошадь, но был слишком слаб для этого; вспоминая об этом, он всегда впадал в глубокую печаль. Если иногда он ел с некоторым аппетитом, то этот аппетит был только напускной; нервы желудка лишь слабо реагировали на стимуляции и не могли больше выносить нарушений диеты. Последнее расстройство пищеварительных путей было естественным следствием этой слабости нервов, которая уже приближалась к параличу. Вместе с тем, голова оставалась ясной, и когда он пускался в серьезный разговор, его суждения были прекрасны. К большим проблемам общего благосостояния и политической экономии он подходил с легкостью, рассуждал о них ясно и не оставлял принципов, которыми он постоянно руководствовался всю свою долгую карьеру государственного человека.

Поскольку князь плохо себя чувствовал, он 1 ноября в четверг на свою обычную прогулку выехал в экипаже. Вернувшись домой, он вынужден был попросить отнести себя в комнаты, так как не мог сам подняться по большой лестнице. С этого дня он оставался в постели. Его болезнь несколько напоминала перемежающуюся лихорадку.

Прибыв из моей деревни 3 ноября в субботу ранним утром, я сразу же отправился к князю. Он принял большую дозу сульфата хинина, и

я нашел его под очень сильным воздействием хиноза: его руки дрожали, он почти ничего не слышал, если говорили спокойно. К 10 часам мы — княгиня и я — попытались дать больному немного старой маляги; вино он принял хорошо, но маленький кусочек намоченного хлеба вызвал затруднение в гортани, и князю пришлось его выплюнуть. Он сделал это мускулами рта; нервы гортани, очевидно, были поражены болезнью. Через несколько мгновений конечности стали холодеть, пульс исчез. Это был первый приступ нервной апоплексии. Растирания нашатырным спиртом вернули пульс и тепло, но забытье продолжалось, и руки его ужасающе дрожали, все время пытаясь достигнуть лица. Мы не пренебрегли ничем, что было необходимо ему в этом состоянии общей прострации, но улучшение не наступало до 7 часов. Затем он совершенно неожиданно переменялся. Князь начал прекрасно разговаривать, сел в постели, выпил чаю с хлебом, нисколько не затрудняясь держать большой стакан; его руки больше не тряслись. Восхищенные этим внезапным улучшением, мы вдохновились. Княгиня не отходила от постели больного ни днем, ни ночью. Мы ловили каждое его желание, каждый намек, каждое движение, чтобы действовать соответственно. Нужно сказать, что князь все время оставался в совершенно спокойном расположении духа, иногда даже веселом. Возможно, он старался ободрить княгиню. Он почти ничего не ел, но пил чай и — с большим удовольствием — содовую воду. Жаловался он только на ногу, где стояли горчичники.

В понедельник 6 ноября князь выглядел очень усталым. Почувствовав уже ночью мучительную пустоту в желудке, он, против обыкновения, попросил чашку черного кофе. Хотя и слабый, князь удивлял нас ясностью своего ума, совершенной искренностью и памятью, которая оставалась столь детальной, что мы посчитали необходимым проверить, как обстоят дела, чтобы узнать, не в бреду ли он говорит с нами с такой уверенностью о вещах, нам непонятных. Он позвал секретаря и стал обсуждать с ним ответы на письма. Видя его поступающим таким образом, никто не мог подумать, что князь не переживет этот день.

В 3 с 3/4 часа после полудня князь еще раз принял лекарство, сказав, что оно пошло плохо, и попросив содовой воды. Через 5 минут после того, как он ее выпил, он сказал, что хотел бы отдохнуть. Несколько мгновений спустя княгиня услышала хрип. Это было повторение воскресного приступа нервной апоплексии. В 4 часа 20 мин. сердце еще билось, но он был без сознания, в 4 часа 25 мин. от этой благородной жизни осталось лишь неподвижное тело, но выражение энергии и доброты, некогда столь присущее его прекрасному лицу, внезапно вернулось, и мы увидели его таким, каким знали в течение пятнадцати лет. Это были

черты того человека, в котором Россия, как тогда говорили, потеряла одного из самых славных своих представителей.

Счастливо наделенный с детства всеми преимуществами физического склада: красивый ребенок, прекрасный юноша, красивый старик, князь имел еще и счастье умереть так, как редко кто умирает.

Без печали и без долгой мучительной агонии отдал он Богу свою прекрасную душу. Объехав в последние годы часть Азии и Европы, он специально вернулся в Одессу, чтобы окончить там свои дни среди великих воспоминаний о своей административной деятельности и среди тех бесчисленных выражений чувств и сыновней любви, которые сопровождали его тело к последнему пристанищу.

Э. Андреевский
(его личный врач)

В *Записке о князе М.С. Воронцове*¹ добавлено, что княгиня Елизавета Ксаверьевна стояла на коленях у кровати умирающего. Доктор отдал ей снятое с покойника обручальное кольцо.

* * *

Как и в каждом подобном скорбном случае, комментарии кажутся неуместными. Однако я все-таки позволю себе высказать некоторые соображения.

Читая все эти письма и отчеты, следует, конечно, сделать поправку не только на эмоциональное состояние писавших и презумпцию *aut bene aut nihil*, но и на условности принятого тогда культурного языка. Все же искренность мне кажется главным тоном происходившего. В обоих умираниях чувствуется семейная аура. Бросается в глаза спокойствие и ясность души умирающих. У них нет счетов ни с Богом, ни с окружающими. Обязанности семейные и дружеские сестра и брат продолжают выполнять до последней физической возможности, а когда становятся беспомощными, пытаются ободрить окружающих, поддержать их. Я думаю, здесь можно говорить о завершении жизни как выполнении долга перед Богом и людьми, о сохранении умирающими верности себе. Сознание этого и поддерживает умирающих, служа опорой их внутреннему спокойствию и уверенности в себе.

¹ Архив князя Воронцова. Т. XL. С. 513.

Достойное поведение близких, их самоотдача создает невеселый контраст с состоянием врачебной науки того времени с ее «холеринами», универсальными «лихорадками», пиявками и «нервной апоплексией».

Что же главное дает членам семьи Воронцовых возможность достойно встретить смерть? Не только то, что они не раз уже сталкивались с нею в жизни — на войне и в мирное время, теряя родственников, в том числе и детей. Все-таки самое важное: они не одиноки, они в искреннем единстве с близкими. Отсюда спокойствие, уверенность, верность себе, любовь и примиренность с миром.



Диагнозы английского врача: Академии наук (1827) и императору (1853)

В середине июля 1827 г. известный в аристократических кругах Британии врач А. Гранвиль решил принять приглашение графа и графини Воронцовых сопровождать их в обратном путешествии на родину. Граф Михаил Семенович и его супруга Елизавета Ксаверьевна приезжали в Англию навестить графа Семена Романовича Воронцова, бывшего при Екатерине II полномочным министром при британском дворе, и сестру графа Михаила графиню Екатерину Пемброк.

Гранвиль познакомился с последней еще в феврале 1822 г., когда был срочно вызван из Лондона в поместье Пемброков в Вильтоне для помощи больной хозяйке. Врач спас ей жизнь, и это дало ему наилучшие рекомендации и открыло двери самых известных домов Британии. Он был обласкан семьей Воронцовых и рекомендован всем их знакомым. Дела его быстро пошли в гору. В 1824 г. граф Михаил пригласил Гранвиля стать семейным врачом Воронцовых и отправиться в Россию на три-четыре года. Однако Гранвиль не поехал, но рекомендовал Воронцовым другого доктора – Уильяма Хатчинсона (ставшего затем известным как «умный афей», с которым встречался А.С. Пушкин). Хатчинсона сменил – так же по рекомендации Гранвиля – выпускник Эдинбургского университета Роберт Ли.

Август Боцци Гранвиль (Augustus Bozzi Granville, 1783–1872) родился в Милане в семье Генерального почтмейстера. Его бабушка по материнской линии происходила из Корнуолла в Британии. Гранвиль учился в университете Павии у Вольты и Джозефа Франка и получил в

Впервые опубликовано: Микешин М.И. Диагнозы английского врача: Академии наук (1827) и императору (1853) // Философский век. Альманах. Вып. 6. Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998. С. 34–64.

1802 г. диплом доктора медицины. Жизнь его была полна приключений. Еще в студенческие годы он был ярким республиканцем, за что был арестован. Спасаясь от записи во французскую армию, он бежал из Италии, много путешествовал по Средиземноморью, служил врачом в турецком флоте и в Испании. После смерти матери он, согласно ее последней воле, взял фамилию Гранвиль. В 1806 г. он поступил в Лиссабоне врачом на английскую эскадру, а затем, успешно сдав экзамены, получил должность хирурга. У берегов Португалии его корабль потерпел крушение. Он принял англиканство, заявив, что до этого был атеистом. В 1809 г. Гранвиль женился. В 1811 г. на Антильских островах он встречался с Биливаром. В Манчестере он подружился химиком Дальтоном и опубликовал свою первую работу по-английски. В 1812 г. его корабль участвовал в бомбардировке Кадиса. С 1813 г. Гранвиль поселяется в Лондоне, учится в Вестминстерском госпитале и посещает частные лекции. Все время он занимается политическими делами, стремясь приблизить освобождение Италии. В 1814 г. Гранвиль на Парижском конгрессе. Он возвращается из поездки по Италии и Франции с предупреждением о возможном бегстве Наполеона с Эльбы. Предупреждение услышано не было. Из этой же поездки Гранвиль привозит первые образцы йода, только что выделенного Гей-Люссаком. Наш врач читает лекции по химии, предлагает вместе с итальянской депутацией миланскую корону герцогу Сассексу, помогает Канове организовать реставрацию шедевров итальянского искусства, за что получает от мастера в подарок портрет анатома Везалия кисти Тициана. В 1816–1817 гг. Гранвиль трудится в Париже, чтобы получить квалификацию акушера. Он также занимается под руководством Кювье, Гей-Люссака, работая по восемнадцать часов в день. Написанная им в это время «История науки во Франции во время революции» опубликована не была. С 1818 г. он получает значительную собственную практику в Лондоне. Он выступает в парламентских комитетах по карантинным законам, редактирует журналы *Medical Intelligencer* и *London Medical and Physical Journal*, избирается членом Королевского Общества.

В 1827 г. граф и графиня Воронцовы вновь приехали в Англию, и угрозы возобновились. На сей раз Гранвиль согласился отправиться на три месяца в Россию понаблюдать графиню Елизавету Ксаверьевну и познакомиться с системой военно-медицинского образования в этой стране. Все расходы в размере около тысячи фунтов Воронцовы взяли на себя. 20 сентября 1827 г. три экипажа тронулись в путь в далекий Санкт-Петербург. В первых двух ехали сами Воронцовы, Гранвиль, слуга, служанка

и официальный фельдгегерь генерала графа Воронцова. В третьем, кухонном, помещались повара с большим запасом съестного и всем необходимым для приготовления пищи. Проехав через всю Европу, 27 октября все благополучно прибыли в Петербург в дом на Малой Морской, где доктору уже были приготовлены комнаты. Он очень устал в дороге, а в Петербурге уже установилась настоящая зима. Однако в комнатах было уютно и тепло, хотя Гранвиль к своему удивлению не обнаружил в них ни камина, ни печей.

Главной задачей Гранвиля было наблюдение за состоянием здоровья графини, еще не оправившейся от последних родов. Когда она почувствовала себя лучше, в доме Воронцовых открылся блестящий и многолюдный салон. Графиня представляла гостям Гранвиля как своего *tédecine intime de Londres* (личного врача из Лондона). Таким образом он стал известен в аристократических кругах северной столицы. Гранвиля стали приглашать для консультаций, и он познакомился со многими влиятельными персонами. Среди его знакомых, кроме Воронцовых, — Волконские, Долгорукие, Куракины, Голицыны, Нарышкины, Строгановы, Ливены, Кочубеи, Нессельроде, Бенкендорфы, Щербатовы, Орловы, президент АН граф Уваров, князь Меншиков, граф Мусин-Пушкин, князь Херхеулидзе, В.А. Жуковский, граф Матусевич, Джеймс Виллие, барон Николаи, О. Монферран и многие другие.

Гранвиль, однако, не ограничивался светским времяпрепровождением. Протекция графа Михаила Семеновича и сделанные в Петербурге знакомства позволили британскому доктору максимально эффективно использовать свое пребывание в столице как для знакомства с достопримечательностями города, так и для удовлетворения своего профессионального интереса. Высокое покровительство и здесь открывало все двери. В сопровождении предупредительных и внимательных гидов — сотрудников соответствующих учреждений Гранвиль посетил множество музеев, театров, концертов, собраний, больниц, частных домов и государственных организаций. В его распоряжении были как адъютанты графа, так и его экипажи. Большую помощь оказали гостю и члены британской колонии в Петербурге, большинство из которых были торговцами и промышленниками.

Именно благодаря своему положению Гранвиль смог со многими подробностями и весьма компетентно описать свое путешествие и пребывание в Петербурге. Его записки вышли в двух томах в Лондоне уже на следующий год по его возвращении, затем появилось второе издание. Множество страниц посвящено России и в автобиографии Гранвиля.

С 1835 г. Гранвиль начал заниматься исследованиям минеральных источников и их медицинского применения. Он всерьез увлекся этой темой и написал популярные в свое время работы *The Spas of Germany* и *The Spas of England and Principal Sea Bathing Places* (в 3 томах). Он посетил многие известные источники в Англии и на континенте и лично их тщательно изучил. Особенно он ценил Киссинген в Германии, проводя там по три летних месяца в году в течение 28 лет. В 1858 г. он съездил в Виши, а затем прославил этот курорт в английской прессе. Научная и общественная активность Гранвиля продолжалась до его самого преклонного возраста. В 85 лет он принялся за автобиографию. Он автор множества статей и более 30 книг по медицине, истории, египтологии, истории и организации науки, описаний минеральных источников и путешествий.

Будучи весьма образованным и просвещенным ученым, доктор Гранвиль уделил во время первого посещения Санкт-Петербурга много внимания знакомству с Императорской Академией наук и ее учреждениями в Санкт-Петербурге. Перевод главы, посвященной Академии, из книги Гранвиля о путешествии в Россию мы и предлагаем благосклонному читателю.

[Академия наук в 1827 г.]

В конце концов, не по количеству и роскоши императорских дворцов и не по милитаристскому блеску самой большой армии мира мы можем судить о сегодняшнем уровне цивилизации в России. Петр Великий вынес из своих «исследовательских» путешествий и поездок убеждение, что наука, литература и изящные искусства одни могут поднять нацию до уровня превосходства над дикой натурой. При самом основании новой столицы и чуть ли не раньше строительства домов и поселения в них людей он заложил предпосылки распространения науки в своих владениях. Во время второго путешествия во Францию и Голландию в 1708 и 1717 гг., Петр уделял большое внимание состоянию наук и искусств в этих странах. Он посещал кабинеты естественной истории, музеи и картинные галереи. Амстердам славился в научном мире, в частности, своими музеями и кабинетами, которые и произвели большое впечатление на царя. Я имею в виду Анатомический кабинет Рюйша, знаменитого ученого, работавшего в нем сорок лет, и Зоологическую коллекцию Себы, содержащую образчики почти всех

известных тогда животных. Полное описание последней, снабженное гравированными иллюстрациями, появилось позже в четырех томах in folio.

Петр купил обе коллекции и приказал аккуратно перевезти их в Санкт-Петербург, где они легли в основание того, что потом стало Музеем естественной истории Академии наук, также основанной императором незадолго до своей кончины. Новые приобретения были помещены в большом каменном здании на берегу Невы, и Петр постоянно бывал в нем и рассматривал коллекции <...>

Петр был твердо убежден, что простое рассматривание различных научных предметов и, тем более, их изучение способствует его великой работе по распространению реформ и прогресса среди своих подданных лучше любого другого средства, поэтому он никогда не покидал надолго своих любимых коллекций. Когда он смертельно заболел, то среди других предсмертных наказов он велел императрице Екатерине Алексеевне, наследовавшей ему, завершить так успешно начатую им работу.

<...> следует признать, что русские, так же как и те живущие в России иностранцы, которые переняли их манеры, обладают учеными учреждениями и людьми, владеющими современной наукой не хуже, чем в любой другой стране. В математике и астрономии, например, заслуги многих прошлых и нынешних профессоров российских университетов признаны во всей цивилизованной Европе. Некоторые из известных мне профессионалов прекрасно знакомы с отраслями науки, близкими к медицине; и даже среди людей знатных и богатых я обнаружил некоторых, занимавшихся наукой ради нее самой и того удовольствия, которое она доставляет. В общем, однако, я думаю, что не слишком ошибусь, если скажу, что нынешнее состояние научных знаний в Санкт-Петербурге хуже, чем в других просвещенных странах. Действительно, в первом номере журнала *Указатель*, выпущенном в этом городе два или три года назад профессором Щегловым из Петербургского университета, утверждалось, «что несмотря на все старания Правительства обеспечить рост научных знаний и сделать их частью обучения в любом общественном образовательном учреждении, несмотря на господствующее в среде высших классов общества представление о важности науки, она распространяется среди россиян все еще слишком медленно». Современный английский

обозреватель русской литературы придерживается, кажется, того же мнения. Он признает, что за последнее время наука в России достигла больших, чем обычно, успехов, однако, добавляет он, «невозможно отрицать, что российские ученые довольствовались наблюдением ее прогресса в других странах, публикуя переводы элементарных зарубежных работ, и не одно из имен этих ученых не связано с какими-либо открытиями». В то же время, было бы справедливо добавить, что в географии и гидравлике это уничтожающее суждение неприменимо. Ведь открытия русских на земле и на море, их великие способности к наблюдению и составлению карт, наконец, система внутренней навигации ставят их имена вровень с именами ученых цивилизованных наций.

Из всех петербургских учреждений, связанных с наукой, первое место в нашем кратком обзоре должна, несомненно, занять Императорская Академия наук. Ее здания расположены на правом берегу Невы в нескольких ярдах вправо от Исаакиевского моста и прямо напротив Адмиралтейства. В первом здании находится Конференц-зал и другие обширные помещения. Замечательны вестибюль и большая лестница <...> Восьмиколонный портик, выходящий на набережную, сразу привлекает внимание. Немного дальше находится большое здание не столь помпезной архитектуры, в котором находятся различные кабинеты и коллекции, а также библиотека и академическая типография. В центре его поднимается шестигранная башня Обсерватории <...>

То, что не смог довершить Петр, закончила Екатерина Первая. Император основал Академию в 1724 году, а его прославленная супруга открыла ее в декабре следующего года. Знаменитый Эйлер, два Бернуллы, Делиль и Байер были приглашены работать в ней, но только в 1747 г. после обнаружения новых планов. Императорская Академия расширила свои исследования в различных областях естественных наук. В правление Елизаветы Академия гордилась одним из тех необычайных талантов, которые весьма редко поднимаются из темноты и из самых низких сословий. Это был Ломоносов, который затем равно прославился как поэт и как ученый. Русские, естественно, очень гордятся им, и Академия воздвигла ему памятник. Екатерина Вторая более, чем кто-либо из ее предшественников, помогала науке и поддерживала интересы Академии. Именно в ее время при Академии был основан колледж, или

университет, из которого многие ученики по приказу Императрицы были посланы в различные страны Европы, чтобы совершенствоваться в различных науках. Эйлер, уехавший в Берлин, был вновь приглашен этой монархиней в Петербург и пользовался ее глубоким уважением. Паллас и несколько его современников также были привлечены к активному членству в Академии и заслуженно стали ее любимцами. Здание с Конференц-залом было сооружено в ее царствование, а рукописи Кеплера, купленные во Франкфурте, и телескоп Гершеля, приобретенный в Лондоне, были подарены Екатериной Академии. Среди многих подарков, полученных от этой монархини, это учреждение более всего ценит написанные ею самой инструкции, данные назначенной ею комиссии по составлению свода законов империи, — они находятся теперь в библиотеке Академии. Император Павел и его супруга также по-своему благосклонно относились к Академии, но возрастанием своей роли и популярности она во многом обязана покровительству Александра, даровавшего ей в 1803 г. новый Устав, по которому жалование удвоилось, привилегии возросли, а сфера деятельности ее расширилась.

Теперь Академия руководствуется Уставом, недавно измененным императором Николаем, что увеличило ее средства и возможности. Устав зафиксировал классы и количество членов, а также обеспечил сохранность и расширение коллекций Академии. Члены Академии разделены на почетных членов, членов-корреспондентов, академиков и адъюнктов, которые фактически являются кураторами различных коллекций. Все они, включая одного профессора астрономии, получают жалование и имеют казенные квартиры недалеко от Академии. Почетные члены и члены-корреспонденты подразделяются на внутренних и внешних, или национальных и иностранных. Дипломы всех членов даются от имени императора и подписываются президентом и непременным секретарем. Академики носят особый мундир — голубой кафтан с красным воротником и особыми пуговицами. Как и в других научных обществах, созываются общие и обычные собрания, на которых должны присутствовать все академики и адъюнкты. Эти два последних класса членов состоят обычно из профессоров, которые, зная какую-нибудь область науки, несут также обязанности по сохранению академических коллекций и по представлению время от

времени наблюдений и мемуаров по этим коллекциям. В настоящее время президентом Академии является господин Уваров, очень образованный ученый во многих отраслях знания, блестящий лингвист, который, говорят, уделял значительно больше внимания изучению древнегреческих авторов, чем обычно принято в России. Доказательства этому можно найти в последнем томе *Мемуаров* Академии. В статье об авторах древнегреческих трагедий, написанной по-французски, господин Уваров представил своим читателям короткий, но хорошо продуманный обзор относительных достоинств трех знаменитых современников — Эсхила, Софокла и Еврипида, а также характера и развития греческих трагедий. Он с большим рвением и усердием развивает также язык своей страны, его усилия по улучшению которого были энергичны и неослабны. Говорят также, что у него очень значительное состояние; это обстоятельство немаловажно для человека, занимающего такую должность; ведь нет сомнения, что глава общего собрания ученых в большой столице лучше представляет достоинство и интересы науки, когда присоединяет богатство и высокое положение ко многим другим способностям, которыми обладает президент Уваров. Непременным секретарем Академии является господин П. Фус, выдающийся математик, который наследовал своему отцу и в этой должности, и в репутации.

Академия разделена на четыре класса; первый включает математические, второй — физические, третий — политические науки, а четвертый специально посвящен развитию истории и филологии.

Заслуги перед наукой Императорской Санкт-Петербургской Академии слишком хорошо известны, чтобы перечислять их здесь. Какой математик не знает об удивительных и ценнейших трудах Эйлера, который на смертном одре заявил, что оставляет в наследство Академии столько математических рукописей, что их достаточно было бы для заполнения академических *Записок* — по два-три мемуара в каждом томе — на полвека вперед. И как строго блюдет его слово! Около тридцати лет прошло со смерти этого выдающегося человека, и последний том *Мемуаров* Академии, как и все его предшественники, содержит именно три статьи Эйлера по трансцендентальной математике. Эта наука, кажется, развива-

лась здесь с особым рвением и успехом, если судить по публикациям, вышедшим из академической типографии за последние сорок лет. Имена Николая и Даниила Бернулли, Германа, Гольдбаха, Крафта-старшего вдохновляли академиков более позднего времени, таких как сам Эйлер, Николай Фус, Румовский, Гурьев, Висковатов и Коллинз. Именно благодаря работам двух выдающихся людей — Даниила Бернулли и Леонарда Эйлера — гидродинамика получила достойное место среди математических наук и приобрела новое, более важное значение. Даже знаменитый Лаплас признал, что астрономия многим обязана трудам петербургских академиков, а особенно теоретическому трактату Шуберта по этой науке. Но было бы несправедливо по отношению к остальным членам Академии выделять только некоторых из них, поскольку все они старались поднять престиж науки и, вместе с этим, сообщества, к которому они принадлежали. Более 1200 мемуаров и статей большей или меньшей значимости, написанных ими и помещенных в семьдесят два тома академических *Записок*, доказывают их усердие и умение и демонстрируют, что ни один из предметов, касающихся математической науки, не был ими упущен.

География, как я заметил раньше, и несколько областей натуральной философии также во многом обязаны стараниям членов Академии. Несколько академиков совершили длинные и опасные путешествия, чтобы расширить географические знания, получить более точные понятия о различных местностях и исправить многие ошибки, которые постепенно вкрались в науку, требующую большой точности. Из двенадцати астрономов, которые были посланы наблюдать прохождение Венеры в различных местах Земного шара, некоторые были членами Академии и — как и академик Иноходцев, который отправился в Сибирь, чтобы определить географическое положение некоторых городов, — проводили свои изыскания за счет Академии. Но, возможно, более чем любое другое предприятие такого рода в России, послужила прогрессу географии и довела искусство составления карт до теперешнего уровня совершенства астрономическая экспедиция Вишневого. Она также проводилась за счет Императорской Академии, длилась

восемь лет и дала нам точное знание не менее трех сотен географических точек, вычисления которых хранятся в Императорской службе военной топографии.

Первые наблюдения за замерзанием ртути проводились Брауном, также членом Академии. Этот удивительный феномен может наблюдаться только учеными, находящимися в таких подходящих для этого местах, как Сибирь. Такое наблюдение было проведено в январе 1827 г. в Перми, поскольку в тот год зима там была необычайно суровой: со 2 декабря 1826 по 30 января 1827 г. термометр Реомюра постоянно показывал от двадцати до тридцати градусов ниже нуля. Ночью 17 января ртуть замерзла; спирт в термометре показывал от тридцати пяти до сорока градусов мороза. Эксперимент с замораживанием ртути производился несколькими исследователями и включал, в частности, превращением этого жидкого металла в тонкие листы путемковки. Возможность проведения этого интересного эксперимента появилась в этой стране впервые после зимы 1811 г. Отчет об этих экспериментах был получен в Императорской Академии и помещен в журналах. Один из коллег Брауна, Рихман¹, погиб при первых в мире экспериментах с грозовым электричеством, проведенных при помощи воздушных змеев. А открытия в области магнетизма и электричества, так же как и изобретение микроскопического телескопа академиком Эпинусом, справедливо выдвинули этого последнего в ряд самых знаменитых натурфилософов.

Некоторый вклад внесли петербургские академики и в физическую науку. Если же говорит о химии, то было бы излишним в стране, столь заполненной химической литературой, как Англия, вдаваться во множество интересных подробностей при рассмотрении великих трудов этих академиков. Действительно, они не сделали таких ярких открытий, которыми отмечены времена расцвета химии в Англии, Франции, Италии и Германии; не опубликовали они также и очень важных трактатов об основах этой науки; но в некоторых ее отраслях они продемонстрировали боль-

¹ Здесь автор помещает в сноске письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову от 26 июля 1753 г. с рассказом об этом печальном происшествии, поскольку это письмо содержит многие подробности, и дает перевод письма «со всеми его странными выражениями».

шую проникаемость и практическое знание полезных ее применений. Имена Ловица, обнаружившего антисептические свойства древесного угля, и Кирхгофа, изобретшего процесс превращения картофельной муки в сахар, прекрасно известны английским химикам, не говоря уже о других именах, которые в подобной же степени заслужили признание европейских коллег.

В естественной истории петербургские академики прошлых поколений едва ли уступали пальму первенства ученым других стран. Кто не слышал о Гмелине, Палласе, Лепехине, Фальке и Георги и о выдающемся вкладе этих натуралистов в различные отрасли зоологии, ботаники и минералогии? Академические экспедиции этих ученых прославили Россию и ее богатства более, чем это могли бы сделать военные победы, а также принесли этой империи огромную пользу. В анатомии человека, а также в сравнительной анатомии академики Дювернуа, Вильд, Вольф, Загорский и, позже, Пандер; в ботанике Буксбаум, автор *Centuria*, Гмелин, который написал *Флору Сибири*, Гильденштедт, усилиям которого мы обязаны появлению *Кавказской флоры*, вместе с Рудольфом, Смеловским и Триниусом; в минералогии Лаксман, Фербер, Ф.Б. Германн и Севергин — все они своими работами поставили академиков из Санкт-Петербурга в ряды тех, кто за последние пятьдесят лет прославился развитием естественных наук.

К сожалению, эти доставившие им высокий авторитет труды не были безопасными; напротив, некоторые самые ревностные и усердные из них либо заплатились жизнью или свободой, либо натолкнулись на ужасные препятствия в своих исследованиях. Так, Ловиц-отец был убит казаками Пугачева, Гмелин-младший умер в плену, а Гильденштедт, захваченный тем же вождем лезгинов Усмей-ханом, обязан своим освобождением русским войскам, посланным ему на выручку генералом Медемом. Черной также умер пленником киргизов, а его часовщик Арнольд выкупил себя после нескольких лет заключения. Фальк и Редовский не были более удачливы: эти два члена Академии умерли от истощения в долгих и полных тягот путешествиях.

Но Петербургская Академия справедливо гордится своими успехами в другой отрасли научных исследований, в развитие которой она принимала большое участие, а именно, в навигации. Я имею в виду великие экспедиции, которые предпринимались

время от времени по ее инициативе и всегда с ее согласия почти во все царствования, начиная со славных дней Петра. Результаты этих путешествий были представлены научному миру и стали фактически общим европейским достоянием. Они являются одной из наиболее блестящих страниц научной истории России, жители которой обязательно с интересом прочтут собрание описаний некоторых вышеназванных путешествий, приготавливаемых к изданию на русском языке по предложению господина Уварова, Президента Академии. Недавние путешествия Озерцовского, Зуева, Редовского, первооткрывателя мамонта Адамса и исследования двух натуралистов — Тилезиуса и Лангсдорфа, сопровождавших адмирала Крузенштерна, закрепили за русскими славу умелых, осторожных и удачливых навигаторов. Первое кругосветное путешествие русских было осуществлено только в 1803 г. в царствование Александра.

Не менее достойны похвал и успехи академиков в их собственной национальной истории и филологии, нумизматике и российских древностях, политической экономии и статистике. Выдающиеся имена Келера, Грефе, Френа, Мюллера и Фишера являются достаточным свидетельством широты и достоинства различных мемуаров по этим интересным предметам, как включенных в тома академической периодики, так и напечатанных отдельно. Две последние моральные науки все еще находятся в младенчестве во всей цивилизованной Европе и тем более в России (где они развивались только последние двадцать лет, да и то не лучшим образом), чтобы дать какой-нибудь значительный результат; тем не менее, среди членов Академии всегда были и сейчас есть те, кто с усердием занимались той или другой и заложили своим примером и личными усилиями основу для более широких и значительных исследований. Академик Шторх, известный несколькими достойными сочинениями, пользуется высочайшим авторитетом как автор работ по политической экономии. Его последнее сочинение по этому предмету было хорошо принято в Германии, Англии, Франции и Нидерландах. Эта работа, кажется, рассматривается как наиболее доказательная — насколько это возможно в науке, не имеющей основания. Другой из ныне здравствующих академиков, Германн, претендует на основание новой теории статистики,

находящейся в согласии с нынешним состоянием политических наук и основанной на целом ряде хорошо проверенных фактов.

В двух последних томах *Мемуаров*, или *Записок* Императорской Академии — 9 и 10 в новой серии — оба вышеназванных автора поместили очень интересные статьи по своим любимым отраслям науки. Шторх, например, в своем мемуаре обсуждает несколько наиболее важных вопросов политической экономии, а именно, 1) каким образом нации богатеют, используя свои дополнительные доходы; 2) какие виды частных доходов составляют национальный доход.

Академическая обсерватория, несмотря на многие неудобства своего положения, произвела ряд наблюдений и получила ценные результаты; и, судя по авторитету астрономов, которые в свое время работали в ней, эти записи имеют большую ценность. Наиболее замечательным событием, однако, в истории этого учреждения была открывшаяся перед астрономами Академии возможность наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца, когда не менее двенадцати из них были посланы в различные места для наблюдения этого небесного явления, которое повторится теперь только в 1874 г. Именно в этом случае астрономы смогли определить с наибольшей до сих пор возможной точностью расстояние от Земли до Солнца, а также произвести другие важнейшие вычисления, связанные с нашей планетной системой. В обсерватории ведется точная запись метеорологических явлений, а в последнем томе *Мемуаров* будут помещены два доклада о них господина Петрова, в том числе и сообщение о метеорологическом состоянии атмосферы в 1819 и 20 гг. <...> В обсерватории нет ничего особенно замечательного, что не встречалось бы в других подобных учреждениях. В ней можно увидеть все наиболее современные и совершенные инструменты, многие из которых сделаны в Англии; в ней есть также небольшая библиотека астрономических книг. Это каменное здание, которое когда-то было частью дворца царицы Прасковьи Федоровны, существенно пострадало от пожара 1747 года, но было через некоторое время восстановлено. Прежде чем оставить астрономию, я должен сказать пару слов о Готторпском глобусе, о котором так много было сказано другими путешественниками. Мне удалось увидеть этот прославленный гигантский инструмент, но не без преодоления некоторых трудностей из-за

строительства больших коммерческих зданий в его окрестности и из-за нашего гида, который не знал точно, где вход в помещение, в котором содержится глобус. Я должен был пробраться по нетропутому снегу высотой в два фута, которым было окружено здание, и, поднявшись по нескольким ступенькам, обнаружил разваливающуюся стеклянную дверь, открывшуюся от малейшего усилия. Внутри этого деревянного сооружения находится глобус, сдвинутый с подставки, совершенно заброшенный и в некоторых местах поврежденный: длинный винт под столом, с помощью которого глобус ранее можно было поворачивать и тем представлять движения небесных тел, более не мог выполнять свои функции. Поверхность этого полого глобуса диаметром четырнадцать футов представляет Землю, в нем сделан квадратный проем, достаточно большой, чтобы пропустить человека внутрь. На внутренней поверхности обозначены планеты и созвездия, а в центре закреплен стол с круговым сиденьем, чтобы зрители могли наблюдать движение небесных тел. Глобус деревянный, и манера, в которой земные и небесные объекты представлены на внешней и внутренней его поверхностях, не делает чести художнику. В целом, все это производит впечатление лишь *conchetto* или *bizzaria*¹. Я нисколько не удивляюсь тому небрежению, в которое он впал. Чем скорее его уберут, тем лучше: его нельзя больше выставлять ни как объект для любопытства, ни как пособие для обучения. С точки зрения использования, два глобуса, небесный и земной, принадлежащие Королевской библиотеке в Париже и сконструированные Коронелли, неизмеримо лучше. Они, действительно, меньше в диаметре на два фута, но представление различных объектов на них гораздо более точно и умело. Оригинальный Готгорпский глобус был сделан из меди и стоял в башне обсерватории, но он был практически уничтожен большим пожаром 1747 г. и заменен другим, доведенным до его нынешнего состояния².

Я посвятил одно утро целиком и еще частично два других посещению и изучению различных коллекций, принадлежащих Академии. Сначала договорились, что для этих целей я буду иметь

¹ Муляжа или курьеза (ит.).

² Мне сообщили, что за время, прошедшее с первой публикации этой книги, глобус был помещен в новое здание, а в академическом доме и вокруг него сделаны существенные улучшения [прим. автора].

честь сопровождать Президента, но поскольку состояние его здоровья не позволило ему выйти в столь суровую погоду, я решил пойти один. В один из дней, однако, меня, к счастью, сопровождал профессор Грефе, уже представленного читателям как куратора Нумизматической коллекции, к которой я могу теперь добавить и Египетский музей.

Количество ожидавших меня комнат, большинство из которых не отапливалось, делало довольно рискованным мое намерение пройти их с должным вниманием и изучить с надлежащей тщательностью многие представленные в них предметы. Помещения эти расположены главным образом на первом и втором этажах, и под одной крышей находятся следующие коллекции:

- A. Зоологический музей, вверенный заботам гг. Озерецковского (уже умершего), Севастьянова и Пандера
- B. Кабинет минералогии
- C. Коллекция высушенных растений
- D. Азиатский музей
- E. Коллекция старинных медалей и монет
- F. Три Кабинета азиатских, российских и современных медалей
- G. Кабинет редкостей и обширная, хорошо организованная библиотека

Следует только сожалеть, что такие несметные богатства научного знания, многие из которых совершенно уникальны и находятся только здесь, не получают средств, соответствующих первоначальным намерениям великого основателя науки в Санкт-Петербурге, для содержания в зимний сезон всех помещений проветриваемыми и теплыми, чтобы открывать их для публики дважды в неделю на несколько часов и во все остальные дни, кроме воскресенья, для студентов или для тех, кому необходим доступ к находящимся здесь предметам для их изучения. Каталоги, составленные, во-первых, согласно занимаемым экспонатами местам в музеях и регистрационным номерам, во-вторых, с алфавитным перечислением предметов и, в-третьих, согласно отраслям наук, к которым принадлежат экспонаты, должны быть изданы для использования их посетителями, иначе коллекции почти бесполезны или становятся пустым зрелищем. Я не знаю, был ли составлен какой-

нибудь новый каталог после публикации почти бесполезного теперь *Museum Petropolitanum*, вторая часть которого появилась в 1745 году. Если такой и существует, то мне он предложен не был, и я не обнаружил никаких его следов. В настоящее время, как я понимаю, нет никаких фиксированных дней для допуска публики, но всяческая помощь оказывается тем, кто хочет посетить музеи частным образом. Летом, должно быть, очень приятно прогуляться по множеству прекрасных, хорошо устроенных комнат, заполненных в образцовом порядке тысячами предметов, произведенных природой и человеческим трудом. Но зима — это время для научной работы, и необходимо принимать меры, чтобы делать условия в этих помещениях сносными для тех, кто, в противном случае, будет в течение нескольких месяцев в году лишен возможности изучения коллекций, которые ничем не хуже соответствующих собраний *Jardin des Plantes* в Париже, хотя и уступают этому знаменитому музею в общих размерах и в составе коллекций по двум-трем главным отраслям науки.

Как бы то ни было, но защитившись толстым английским пальто и получив разрешение не снимать галош, поскольку мне придется стоять часами на холодном каменном полу в этих помещениях, я отправился в первую очередь осматривать музей естественной истории. Моим читателям не следует пугаться этого официального заявления, поскольку за ним не последует подробное и точное перечисление чучел четвероногих и птиц, засушенных рыб и еще более сухих минералогических образцов, анатомических препаратов и великолепных коллекций насекомых и моллюсков — все это было бы дополнением к каталогу, на отсутствие которого я жаловался. Для настоящей книги было бы вполне достаточно передать общее впечатление, полученное при осмотре этого учреждения.

Зоологический и Минералогический музеи находятся, кажется, в цветущем состоянии, но масштаб их недостаточно грандиозен для великого национального хранилища. В них было произведено несколько изменений из-за значительного расширения коллекций, произошедшего со времени публикации последнего путеводителя для иностранцев. Несколько помещений, которые были частью библиотеки, были переоборудованы для этих целей, причем

образцы были расположены лучшим образом и в большем соответствии с теперешним состоянием естественной истории. Многие отделы этих музеев обогатились коллекциями, присланными из Южной Америки академиком Лангсдорфом или подаренными Пандером, одним из кураторов. Они состоят, во-первых, из коллекции рыб, амфибий и моллюсков, привезенных в Россию доктором Сивальдом при возвращении из кругосветного путешествия; во-вторых, из коллекции насекомых и окаменелостей, а также полной геогностической коллекции из Крыма и окрестностей Одессы, собранных этим господином во время путешествий, предпринятых им на его собственные средства; и, в-третьих, из второй коллекции окаменелостей, составленной этим же натуралистом в окрестностях Санкт-Петербурга и особенно Павловска и Царского Села. Эта последняя дает полное представление о геологии этих районов, являясь хорошим дополнением уже имеющихся в Академии коллекций, иллюстрирующих геологическое строение Эстонской, Финской, Новгородской, Олонецкой и Пермской губерний, двух очень интересных районов Сибири, Екатеринбургской, Томской, Иркутской губерний и Камчатки. Эта часть музея естественной истории, являющаяся, строго говоря, как минералогической, так и геологической, устроена согласно новым системам Гаюи и Вернера и многим обязана господину Севергину, потерю которого только что оплакивала Академия. Кроме значительного собрания экзотических минералов этот музей содержит несколько богатых геогностических коллекций из Швеции и Венгрии, а также несколько редких образцов из Северной Америки, с острова Ферро, из Гренландии, Норвегии и Гарца. Каждая из двух частей музея естественной истории содержит по одному действительно уникальному и по вызываемому интересу, и по величине экспонату, известному во всех цивилизованных странах Европы и справедливо прославляющему российскую науку. Я имею в виду, с одной стороны, знаменитый скелет громадного жителя древнего мира, названного мамонтом, а с другой — огромную массу, известную как Палласово железо, то есть кристаллический метеорит весом в 1656 фунтов. Изучение обоих этих объектов является для натуралиста достаточным поводом, чтобы предпринять путешествие в российскую столицу.

История их открытия слишком хорошо известна, чтобы повторять ее здесь. Я стоял перед гигантским животным, рядом с которым даже скелеты африканского и азиатского слонов выглядят незначительными, пораженный и испытывавший благоговейный трепет; я никогда не испытывал подобных чувств с тех пор, как имел возможность увидеть прекрасно сохранившиеся остатки большого мегатерия, занимающие центр большого зала Королевского музея в Мадриде <...>

На стенах зала под галереей размещена очень хорошая, хотя и небольшая, коллекция птиц в красивых стеклянных футлярах. На галерее же размещены академические книги, составляющие очень ценную и обширную библиотеку.

Я уважением осмотрел купленную Петром за 30 000 флоринов коллекцию анатомических образцов знаменитого Рюйша, которая занимает несколько стеклянных шкафов и была устроена самим великим натуралистом, и я с большим интересом изучил ряд человеческих зародышей с самого раннего этапа развития, на котором, как считает Рюйш, различимы их рудименты, хотя с тех пор убедились, что эти рудименты можно увидеть и на более ранних стадиях с помощью мощных линз; эмбрионов всего сто десять. В этой части музея располагается также большая коллекция людей-монстров, изрядно пополненная благодаря указу Петра Великого. Согласно этому указу, все образчики отклонений от обычной человеческой природы, появившиеся в пределах империи, должны были препровождаться в Императорскую Академию. Задачу создать для публики описание этой весьма любопытной части Анатомического музея взял на себя Вольф. Весь музей содержится в полнейшем порядке и демонстрирует большое умение и вкус его куратора, благодаря усилиям которого коллекции были недавно приведены в наилучшее состояние. Признаюсь, что анатомические препараты кажутся мне неуместными в музее Академии наук. Когда они были куплены Петром, в Петербурге еще не было ни университета, ни, тем более, медицинской школы, и их устроили наилучшим образом под присмотром членов Академии наук; но теперь такая школа существует, и с ней должен быть связан имеющий соответствующую репутацию в России музей, поэтому препараты Рюйша и все их дальнейшие дополнения были бы не только более уместны в таком музее, но и принесли бы гораздо больше

пользы тем знанием, которое они могли бы дать множеству ежедневно посещающих коллекцию студентов. Частое изучение подобной коллекции, как я знаю по собственному опыту, оказывает огромную помощь студентам-медикам.

Кабинет Петра Великого состоит из ряда комнат, в которых размещены принадлежавшие этому государю предметы. В одной из комнат хранятся несколько латунных цилиндров, обработанных и гравированных самим монархом; токарный станок его тоже сохранился и, кажется, устроен весьма замысловато. Рисунки очень любопытны. На цилиндрах помещены барельефы, изображающие битвы, а на крышках — интальо, представляющие портреты и здания. В комнате стоят математические и географические инструменты, в центре ее висит люстра слоновой кости странной и очень сложной работы — также произведение самого Петра. Во внутренней комнате сидящая в кресле восковая фигура великого основателя Академии, одетая в прекрасный костюм, который был на нем, когда он возлагал императорскую корону на голову Екатерины Первой, привлекает внимание своими почти гигантскими размерами. Вокруг него висят неплохого качества карандашные портреты нескольких монархов. Победитель Полтавы помещен недалеко от арабской лошади, пронесшей его по этому кровавому полю, и двух любимых собак, которые везде его сопровождали. Эти животные сохраняются в виде прекрасно набитых чучел в соседней комнате, где взгляд посетителя также быстро скользит по множеству рабочих инструментов императора <...> Для полноты этого интересного собрания предметов, связанных со славной памятью основателя, члены Академии сохранили набитую кожу его слуги — француза, а не мамелюка, как недавно утверждал один писатель, — чей гигантский рост в семь футов резко контрастирует с величиной карлика-поляка, чья высушенная и набитая кожа помещена рядом.

Кабинет редкостей составляет часть круглого зала, перекрытого в центре красивым куполом, под которым располагается замечательный медный небесный глобус диаметром семь футов, созданный наследниками славного географа Блю и подаренный Генеральными Штатами царю Алексею Михайловичу. Вся эта часть окружена портиком, а под ним выставлена прекрасная и полная

коллекция кораллов и раковин в стеклянных витринах. Над портиком проходит галерея, освещенная многочисленными окнами. В нишах между колоннами расположены несколько хорошо выполненных фигур, одетых в настоящие костюмы китайцев, персов, алеутов, карел и жителей многих восточных, тихоокеанских и северных островов, посещенных или открытых русскими путешественниками и навигаторами, а также в одежду различных национальностей, населяющих Сибирь. Среди огромного количества народных костюмов мне было показано платье языческих священников-предсказателей, именуемых шаманами, а также используемые ими ритуальные предметы — шапка, железный рог, плетка с кольцами и барабан с очень низким звуком.

Здесьняя коллекция насекомых очень ценна; то же можно сказать о засушенных растениях, коллекция которых составлена не только из гербариев, привезенных из своих путешествий Гмелином, Фальком и Палласом, но и из местных растений Горенок, богатой коллекции покойного выдающегося профессора Гофмана из Москвы, а также из коллекций Зибера, собранных в Палестине, Египте, Новой Голландии, Иль-де-Франсе и Вест-Индии и купленных Академией по предложению куратора Триниуса. К этому были добавлены ценная коллекция американских растений — подарок президента г-на Уварова — и собрание растений из окрестностей Одессы, подаренное Пандером. Эта часть музея пребывала в совершенном небрежении до назначения Триниуса, стараниями которого она приведена теперь в состояние, обещающее наилучшие научные результаты.

Музею медалей, включающему и старинные, и современные монеты различных стран, начало было положено еще при Петре; но за исключением российских бронзовых медалей, выбитых по указанию императрицы Екатерины, чтобы отметить важнейшие вехи российской истории от Рюрика до Екатерины Второй, и добавленных в коллекцию, с 1732 по 1823 г. не было предпринято никаких шагов для увеличения ее ценности или для увеличения в ней количества монет. Она славна, действительно, несколькими очень ценными римскими медалями; а среди экспонатов новейших времен несколько редких и важных из Священной Римской империи, Франции, Англии, Саксонии, Италии и Голландии; но

все же собрание это очень неполно. Президент Академии, прекрасно сознающий важность нумизматических иллюстраций для прочтения и понимания истории различных народов, получил разрешение покойного императора купить прекрасный нумизматический кабинет греческих и римских монет, принадлежавший генералу графу Сухтелену, за 50 000 рублей, взятых из накоплений Академии. Число медалей в этой коллекции доходит до 12 000, из них 183 золотые и 3 758 серебряные. Эти медали, вместе с уже имевшимися, занимают две очень красивые комнаты на главном этаже второго здания Академии и вверены заботам профессора Грефе, который занят составлением их генерального каталога и который любезно показал мне несколько наиболее ценных и интересных экспонатов. Медали Гасса с изображениями российских царей исполнены замечательно. В этой же части здания помещены различные золотые предметы, найденные в сибирских захоронениях. Видимо, губернаторы этой части России получили указание посылать в Академию все подобные находки, которые могут появиться в дальнейшем. Произведения малоизвестного народа включают диадемы, оружие, кольчуги, драгоценные камни, идолов и фигурки различных животных. Материал, из которого они сделаны, и качество их выделки говорят о большом богатстве и достижениях в искусстве и ремеслах на территориях, завоеванных когда-то народом Чингисхана. Эти достижения вряд ли были признаны, если бы не указанные бесспорные свидетельства.

Компетентные специалисты сообщили мне, что Азиатский музей Академии является одним из богатейших музеев такого рода в Европе и включает, наряду с другими экспонатами, хорошо подобранную библиотеку китайских, маньчжурских, японских, монгольских и тибетских печатных книг и манускриптов. Среди них несколько важнейших произведений почти во всех областях литературы. В музее находятся большие коллекции арабских, китайских и японских монет, а к ним можно добавить интересное и полное собрание монгольских бронзовых идолов, дающее возможность для настоящего изучения религии Будды. Музейные богатства пополняются благодаря неустанным усилиям профессора Френа. Он разобрал также семьсот арабских, персидских и турецких рукописей, привезенных из Багдада, и закончил каталог ну-

мизматической части коллекции. На меня произвели большое впечатление парадные и повседневные одежды различных восточных народов, особенно китайцев и японцев, выставленные в этих комнатах. Орудия и утварь, предметы роскоши, оружие, произведения искусства и ремесла лучше, чем любое описание, дают представление об обычаях и привычках этих народов.

Еще одна и последняя коллекция в том же самом здании добавлена недавно и вверена особым заботам Грефе — это собрание, иллюстрирующее религию и некоторые обычаи древних египтян. Хотя после коллекций в Берлине, Париже и Турине вряд ли следует ожидать чего-либо особенного из наследия древних египтян, однако Египетский музей в Санкт-Петербурге достоин серьезного внимания. Он был первоначально сформирован миланским путешественником Кастильоне, который долгое время жил в Александрии и Каире; затем собрание было куплено у него Академией за 40 000 рублей, взятых из накоплений Академии. Постоянные приобретения ценных и, я бы сказал, необходимых коллекций научной организацией, которая не может позволить себе зависеть в получении денег на покупки от воли министерства финансов или непредсказуемого голосования законодательного собрания, являются свидетельствами великолепного и экономного управления фондами этого научного общества его достойным президентом и административным советом. Я имел возможность изучить египетскую коллекцию с большим вниманием. Она состоит примерно из 1 000 предметов, среди которых три статуи, тридцать барельефов (некоторые замечательные), четыре мумии, две из которых хранятся в узких богато изукрашенных лакированных ящиках, а две другие — это мумии детей, две большие алебастровые вазы и несколько сотен маленьких идолов, утварь и орнаменты из терракоты, глазированные очаги (не лучше, однако, подобных в берлинском музее). Есть также и несколько папирусов. Две комнаты, занятые этими предметами, декорированы так, чтобы представлять внутренность какой-нибудь египетской гробницы.

Императорская Академия наук проводила 29 декабря 1826 г. по старому стилю общее собрание, посвященное столетней годовщине со дня ее основания. По этому случаю император и две императрицы вместе со всей остальной императорской фамилией присутствовали по просьбе господина Уварова и еще нескольких

членов Академии, которые составили депутацию, представленную обер-камергером графом Литтой императору. Присутствовали также все министры, дипломатический корпус, главные военные и гражданские лица, большое количество высших придворных чинов и несколько церковных иерархов. Президент Уваров сказал по-русски речь, в которой он дал краткий очерк основания и развития Академии, а также милостей, дарованных ей государями в первые сто лет ее существования. За этой речью последовало чтение Непременным секретарем мемуара на французском языке. Мемуар содержал отчет о трудах Академии и перечисление множества важных услуг, оказанных ею за первое столетие каждой отрасли науки. Золотая медаль, специально отчеканенная по случаю юбилея, была преподнесена их величествам и членам императорской фамилии. Было замечено, что императрица-мать, которая так живо интересуется интеллектуальным богатством своего народа, очень сильно почувствовала торжественность момента, возможно потому, что за полвека до этого она участвовала в аналогичной церемонии во время празднования пятидесятилетия Академии. Через несколько дней после общего собрания Академия послала депутацию к этой августейшей особе с еще одной золотой медалью, которая была преподнесена ей, чтобы особо отметить и память о минувшем столетии, и благорасположение императрицы-матери. Эта медаль, выполненная замечательным любителем и медальным мастером графом Федором Толстым, на одной стороне имеет ее портрет, а на другой — два венца, один из роз, а другой из дубовых листьев, с датами 1726/1826 в центре. Русская надпись на медали гласит: *Pour le bonheur de tous*¹.

Затем секретарь зачитал программы различных конкурсов, предложенных Академией на следующий год, включая два по историческим темам, предложенным Президентом и одним анонимным лицом. После этого был зачитан список только что избранных почетных членов и членов-корреспондентов, и во главе первого стояло имя Николая Первого.

Когда собрание закончилось, высокие гости и все участники перешли к столам, накрытым обильно и с большим вкусом в одном

¹ Ради всеобщего счастья (*франц.*).

из залов Академии, а вечером все здания ее были иллюминированы. Это чествование науки, самое великолепное из всех, когда-либо проводившихся в других странах, да еще и народом, научным знанием которого всего сотня лет, делает честь Санкт-Петербургской Академии и прославляет монарха этой страны.

Еще одна юбилейная медаль была гравирована графом Федором Толстым по рисунку профессора Келера, знаменитого нумизмата, которого я уже упоминал. Она достойно представляет искусство России и может без всякого пристрастия быть названной одной из лучших медалей современности. После моего возвращения у меня было несколько возможностей показать один из экземпляров ее, отчеканенный в бронзе, двум-трем известным английским художникам, которые согласились с высказанным мною мнением. На одной ее стороне помещен очень близкий к натуре портрет императора с надписью «Николай I, Император и Самодержец Всероссийский», а на обороте изображена сидящая фигура Минервы, окруженная различными своими атрибутами и держащая в вытянутой правой руке лавровый венок на двумя бюстами императоров Петра и Александра и надписями «Основателю и Хранителю» и «Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, 29 декабря 1826». Все надписи сделаны по-русски. По этому же случаю Академия получила от князя Сергея Салтыкова очень важный для современной истории России документ — инструкцию, написанную по желанию императрицы Екатерины, по образованию покойного императора Александра и великого князя Константина. Документ подписан этой государыней и теперь хранится в Архиве Академии.

В изданиях Академии время от времени появляются интересные работы, главным образом, на русском языке. Кроме наблюдения за изданием собственных *Мемуаров*, достигших уже семьдесят второго тома (десятого в новой серии), Академии вменено в обязанность правительством надзирать за изданием «Российской газеты», которая рассматривается как официальная.

Интерес, который открытие Египетского музея, кажется, вызвало среди многих высокопоставленных людей и ученых в столице, побудил меня предложить президенту Императорской Академии разрешить мне прочесть лекцию об искусстве бальзамиро-

вания древних египтян и продемонстрировать уникальный образец египетской мумии, хранящийся у меня несколько лет посланный (для этой цели) морем в Санкт-Петербург, куда он благополучно заранее и прибыл. Я думал, что это наилучший способ передать данному научному обществу мои чувства в связи с включением меня в его состав по предложению президента. Идея была с готовностью принята, для проведения лекции был выбран Конференц-зал главного здания Академии наук, назначили день, и в придворной газете было помещено официальное объявление, приглашавшее всех, интересующихся наукой или египетскими древностями, посетить собрание. Снятие моста в связи с ненадежным состоянием реки отложило выполнение проекта на несколько дней. Наконец, 4 декабря 1827 г., сделав все необходимые приготовления с помощью господина Савенко, многообещающего молодого русского хирурга, с которым я познакомился за несколько лет до этого в Лондоне, я имел честь прочесть по-французски лекцию на указанную тему для очень большой аудитории, состоявшей из многих выдающихся личностей и членов Академии — теперь моих коллег, — на снисхождение которых я очень рассчитывал. Вряд ли было очень просто приступить к делу иностранцу, только что прибывшему в страну, собиравшемуся говорить на неродном ему языке перед почти 300 человек высокого ранга и авторитета, среди которых были президент Академии, граф Станислав Потоцкий, граф Строганов, граф Лаваль, господин Сперанский, господин Булгаков, барон Шолинг, английский и несколько других иностранных послов и дворян, президент Медико-хирургической академии и несколько профессоров. Однако мумия была продемонстрирована, процесс бальзамирования объяснен и проиллюстрирован, разъяснены некоторые второстепенные и особо любопытные проблемы. Многие предметы, относившиеся к теме лекции и собранные мною на столах, в том числе и экспонаты из академического музея, получили, каждый в свою очередь, необходимую долю внимания. Так, *tant bien que mal*¹, я продвигался в выполнении своей задачи, все время стараясь заставить аудиторию почувствовать хотя бы долю того энтузиазма, который испытывает человек, несколько лет занимающийся своим любимым делом.

¹ Скорее хорошо, чем плохо (франц.).

Президент был доволен до такой степени, что через день или два он вручил мне одну из юбилейных медалей Академии в память об этом замечательном событии моей жизни¹.

* * *

Об этом путешествии Гранвиль упоминает и в автобиографии. Однако в ней гораздо подробнее описывается вторая поездка в Россию. Весной 1849 г. английский врач получает приглашение жены российского военного министра княгини Чернышевой приехать в Петербург, чтобы проследить за ее беременностью. Под давлением личных обстоятельств и испытывая к русским большую симпатию после первого путешествия, Гранвиль согласился. На сей раз он отправился в северную столицу морем. Пробравшись сквозь майские льды Финского залива, Гранвиль остановился во дворце князя Чернышева и вновь погрузился в светскую жизнь Петербурга. Его письма домой пестрят именами великих князей и княгинь, Нессельроде, Бутурлиных, Вревских, Барятинских, Щербатовых, Гагариных, Меццеских, Долгоруких. Он осматривает знатных пациентов и пациенток, посещает званые обеды и театры, катается вместе с Чернышевыми на лодке по Неве. Он посещает военные учреждения и госпитали, беседует с ведущими петербургскими врачами, демонстрирует им свои сочинения.

4 июня Гранвиль наносит визит Президенту Императорской Академии наук графу Уварову. Он был принят «сердечно, как старый друг».

17 июня княгиня Чернышева благополучно родила дочь, и приглашенный специалист засобирался на родину, несмотря на настойчивые приглашения князя остаться и обосноваться в Петербурге. Перед отъездом доктор был удостоен аудиенций Наследника Цесаревича и Великого князя Михаила Павловича, а затем совершил с генералом Бутурлиным краткую поездку в Москву.

14 июля 1849 г. Гранвиль покинул Россию.

Гранвиль всегда интересовался политическими событиями в Европе. В 1853 г., когда обстановка в Европе опять накалилась, он счел нужным написать лорду Пальмерстону конфиденциальное письмо и дать в нем профессиональную оценку состояния здоровья императора Николая I,

¹ Granville A.B. St. Petersburg. A Journal of Travels to and from that Capital... Vol. 2. Second ed. L., 1829. Ch. VII. Picture of St. Petersburg. P. 97–133 (с небольшими сокращениями).

чтобы английские дипломаты могли учитывать особенности поведения Николая Павловича и делать правильные прогнозы. Он писал:

Киссинген, Бавария. 6 июля 1853 г.

Милорд, — Потерпев неудачу в моем стремлении встретиться с Вами в Палате Общин 22 числа, хотя я и собирался сообщить *à viva voce*¹ важную, по моему мнению, для правительства информацию касательно идущих политических дискуссий с Россией, я утверждал в моей второй записке, написанной в момент моего отъезда из Англии сюда, что я очень об этом сожалею, тем более что предмет, о котором я хотел говорить, из-за своего деликатного характера не мог быть передан письменно. Я так думаю и до сих пор. Но, с другой стороны, необходимость для правительства обладания данной информацией, как мне кажется, возрастает с каждым днем, так что, если эту информацию вообще можно использовать, сделать это нужно немедленно или она не сможет вовремя пригодиться министрам в их переговорах с Россией и в оценке некой особенности, которая, как я понимаю, сначала спровоцировала, а затем и повела императора по его сегодняшнему безрассудному курсу. Мое сообщение — не политическое, а профессиональное и поэтому строго конфиденциальное. Оно не предположительно, но совершенно определено, основано главным образом на личном знании и частично на собранной информации. Нет необходимости говорить об источниках, поскольку я беру на себя всю ответственность, так как все в целом подтверждает то, что я сам наблюдал, изучал или слышал непосредственно. Западные правительства находят поведение императора Николая странным, нелепым, противоречивым и непредсказуемым. Они удивляются его требованиям; они сильно удивлены его государственными бумагами; они не могут понять их контекста; они больше не находят в них ясных и подробных аргументов этого Нестора российской дипломатии, но видят диктат железной воли, с которой он был принужден отождествить свое имя; они находят новые принципы внешней политики императора экстравагантными; они сомневаются в том, что у него разумные советники. И все же они продол-

¹ Устно (*ut.*).

жают вести дела и переговоры так, будто не появилось ничего вызывающего недоумение нового в дипломатическом поведении державы, до сих пор считавшейся образцом политической лояльности. Западные правительства заблуждаются. Здоровье царя пошатнулось. Это произошло в течение последних пяти лет. Он стал раздражительным, вспыльчивым, привередливым, более обычного суеверным, капризным, опрометчивым и к тому же упрямым — все из-за плохого здоровья и неумелого лечения; наконец, недавнее ухудшение до степени мозгового возбуждения, которое, лишая возможности здравого рассуждения, побуждает его ко всяким нелепостям — так же, как это было с его отцом в 1800 г.; как с Александром в Польше в 1820 г.; как с Константином в Варшаве в 1830 г.; как с Михаилом в Санкт-Петербурге в 1848–49 гг. Как и у них, его природа переживает фатальный переход к наследственному сумасшествию — естественному следствию незаметного и прогрессирующего перенапряжения мозга. Как и они, он спешит к своему неизбежному концу — внезапной смерти от этой болезни. В один и тот же период жизни — между сорока пятью и шестидесятью годами — обрывается карьера представителей этой знаменитой семьи. Павел, сначала неистовый и фанатичный, а в сорок пять лет совершенно безумный, отправлен на тот свет в сорок семь лет в 1801 г. Александр умирает в Таганроге в декабре 1825 г. в возрасте сорока восьми лет. В течение предшествующих этому пяти лет его характер и разум время от времени демонстрировали наследственную болезнь, что выражалось в его капризной и своевольной манере обращения с польскими провинциями. Он умер от конгестивной лихорадки мозга, во время которой он сбил с ног своего любимого врача Джеймса Виллие, пытавшегося поставить ему пиявки на виски, о чем Виллие рассказывал мне лично в Санкт-Петербурге в 1828 г. Константин, всегда эксцентричный, тираничный, жестокий, умирает в Варшаве внезапно в июле 1831 г. в пятьдесят два года, после того как жестоким обращением с офицерами привел страну к восстанию. Я виделся и разговаривал с ним на параде и в его дворце в Варшаве в декабре 1828 г. Его вид и манеры достаточно красноречиво говорили врачу, что он за человек и какая судьба его ждет. Говорили, что он умер от холеры или что его убили, как отца. Главный врач польских военных госпита-

лей через несколько лет уверял меня, что он умер в припадке ярости от апоплексического удара. Михаил, многие годы страдая от тех же недомоганий, что и его единственный оставшийся брат, стал в 1848–49 гг. невыносимо раздражительным, вспыльчивым и тираническим по отношению к военным инженерам и артиллеристам, которыми командовал и для которых был августейшим шефом. В июле 1849 г. я консультировал его в Санкт-Петербурге <...> Завершает это несчастное описание внуков Екатерины их мать Мария Вюртембергская, образцовая княгиня, умершая от апоплексии в ноябре 1829 г., едва достигнув шестидесяти пяти лет. Приступ, ошибочно принятый за слабость, ее доктор Буль лечил стимуляторами и хиной, кровопускание было единственным выходом, когда ошибка обнаружилась — но слишком поздно, чтобы стать спасением <...> Все, что я собрал во время моего второго пребывания в Санкт-Петербурге — в 1849 г. в течение десяти недель, — все мнения о здоровье императора, все его действия, говорившие об эксцентричности, все впечатления его врача Мандта, который, будучи гомеопатом, имел на пациента огромное влияние и, тем не менее, не смог вылечить его и вынужденно ограничивался лишь какими-то загадочными каплями и пилюлями, все, что обнаруживалось в политических доктринах и мнениях, все, что я потом собрал в Москве на данную тему, — все это должно быть представлено Вам для выводов, которые очевидны после всего, что я раскрыл. Пойти дальше означало бы обмануть доверие, а в этом я никогда не был замечен. Во всем, что я рассказал, нет ничего сообщенного исключительно мне; поскольку настоятельные требования момента призывают к немедленному сообщению всего этого, я с уверенностью делаю это, будучи убежден в том, что мои страхи и предчувствия будут поняты. Если так, то метод общения с подобным всемогущим сувереном должен отличаться от более привычного способа ведения дел между правительствами. Для этого необходимо сделать известной министрам Ее Величества ту профессиональную информацию, которую я передаю в Ваши руки и которая является столь строго конфиденциальной, что я не буду ставить под ней свою подпись. То, что я выбрал Вас для передачи моей информации, а не Министра иностранных дел, к которому было бы более уместно обратиться, сразу покажется Вам естественным. Поскольку однажды в течение

нескольких лет я был Вашим личным врачом <...> вы знаете меня лично и считаете, что все, написанное моим пером, исходит от человека чести и Вашего покорного слуги¹.

Однако, как отметила, дописывая биографическую книгу Гранвиля, его дочь, это весьма своевременное профессиональное предупреждение было оставлено без внимания. Кто знает, сколько бы человеческих жизней, средств и усилий было сохранено, если бы политики соответственно изменили свои взгляды и действия. Быть может, удалось бы избежать и Крымской войны.



¹ Granville A. Autobiography of A. B. Granville. In 2 vols. L., 1874. Vol. 2. P. 409–415.

ЧАСТЬ 3 МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В ПЕЙЗАЖЕ

Предуведомление

В первую очередь я хотел бы предупредить благосклонного читателя, что перед ним вовсе не «история» в обычном смысле этого слова. Здесь не будет захватывающих описаний сражений наполеоновских и русско-турецких войн, в которых с таким блеском участвовал русский офицер и генерал граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856). Здесь не будет распутывания тонких интриг и сложных дипломатических ходов опытнейшего придворного и дипломата. Биография человека, кончившего жизнь светлейшим князем и генерал-фельдмаршалом, воспитанного в Англии, восемнадцать лет непрерывно воевавшего, более четверти века полновластно управлявшего огромным Новороссийским краем и Кавказом, может дать богатейший материал не для одного романа или интереснейшего исторического исследования. Не будет здесь и увлекательной схватки идейных позиций и эмоций их носителей (по большей части выдуманной биографами).

Впервые опубликовано: *Микешин М.И.* М.С. Воронцов. Метафизический портрет в пейзаже // *Философский век. Альманах. Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историсофской антропологии.* СПб., 1997. С. 99–220.

Я предлагаю вам, как кажется, не менее увлекательное занятие. Из всех исторических дисциплин оно ближе, вероятно, к палеонтологии. Г. Башляр так это и называл: *палеонтология исчезнувшего духа*. Попробую реконструировать, как Воронцов мыслил.

Разумеется, полностью это сделать невозможно, и я ограничусь лишь главными структурообразующими мировоззренческими моментами. Такая более узкая задача имеет определенное решение, хотя только с той или иной степенью достоверности. Подобную задачу решают обычно историки философии, которые сравнивают философские тексты своих подследственных с теми или иными взглядами философов других эпох, не забывая при этом об основных социальных событиях, современных подследственным. Здесь возникают свои сложности, я не буду их обсуждать, но в данном случае ситуация еще неопределеннее: М.С. Воронцов практически ничего «мировоззренческого» не писал, кроме нескольких высказываний, рассыпанных в его огромной переписке. Он «лишь» много делал — и для Отечества, и для себя. При этом известны его масштабные, необычные, остроумные решения. Даже весьма тенденциозный в 1900-х годах Л.Н. Толстой в повести «Хаджи Мурат» признает его тонкий ум и европейское образование. Но Воронцов — не профессиональный мыслитель, не философ, не писатель, не художник, не мемуарист... Светлейший князь оказался всеми сразу. Действуя, на первый взгляд, вполне в рамках тогдашних дворянских «стандартов», Воронцов оставил нам квинтэссенцию своей культуры. Строя себе место отдохновения, он сотворил Алупкинский комплекс (АК) — место, где живет Дух.

Итак, передо мною стоит двуединая задача: я буду гипотетически восстанавливать основы мировоззрения М.С. Воронцова вместе со структурой Алупкинского комплекса, утверждая, что последний есть «отражение», «автопортрет» его хозяина-творца. При этом я хотел бы особенно подчеркнуть, что меня будет интересовать именно мировоззренческая «сторона» личности графа, хотя психологическая сторона также весьма интересна. Более того, это важная задача — разделить психологию и *палеонтологию духа*.

Мне очень бы хотелось, чтобы читатель имел собственное представление об Алушке и прочитал этот текст между, надеюсь, неод-

нократными ее посещениями: «я <...> враг всем пророкам, насилующим душу истинами. Наш путь лежит через вещество и через формы его. Те, кто зовут к духу, зовут назад, а не вперед <...> Но я ведь именно не хочу ни тронуть, ни зажечь. Я обращаюсь к пониманию, а не к чувству. Я нарочно ставлю грань между мной и читателем, чтобы оставить ему свободу, чтобы он не мог согласиться со мной, но чтобы нечто от моего осталось, дало бы в нем уже собственный его росток»¹.

Методология

...мысль — это форма пустоты, а никак не содержание того, в материале чего она выполнена: в материале языка, культуры, текстов.

А.М. Пятигорский

Попадая в жанр исторического портрета, я сразу сталкиваюсь с привычным для литературы такого рода парадоксом: в описании истории действуют безличные личности. Под лозунгом «научности» история нередко и невольно уподобляется естествознанию. Признаются только факты (документы) без субъективных и психологических схем и интерпретаций. Идеалом является восстановление последовательности событий со стопроцентной вероятностью. Но исторический факт есть событие с личностями, с именами. Однако, при указанном подходе личности не остается, она как бы заранее «отвергается», относится к епархии психологии. От полноценной личности остается лишь ее профессиональное, лишь та или иная функция («Х как дипломат», «У как аристократ» и т.д.). И тогда вырисовываются два способа описания: во-первых, цепочки определенного рода событий, в которых люди выступают как функции, во-вторых, люди как функции, участвующие в своей жизни в определенных последовательностях событий. Человек распадается на функции, история — на слои: вот круг Пушкина, вот круг политиков, вот деяния воинов... Самое опасное здесь то, что «разложение по полочкам» часто определяется ситуацией,

¹ Волошин М.А. Коктебельские берега. Симферополь, 1990. С. 122.

привычной для исследователя, а не исследуемого, поскольку основывается на неявных предпосылках мышления исследователя и присутствует в методологической установке последнего еще до начала конкретной работы.

Особые трудности возникают, если личность рассматривается в функции мышления. Понимая мыслителя (по аналогии с ремесленником) как изготовителя «продукта» — мысли, концепции, системы, — мы попадаем в традиционную трудноразрешимую проблематику творчества. Индивидуальность мыслителя «умирает в продукте», «заслоняется кажущимся самодвижением созданной им системы: ее систематическими (внеличностными) запросами и логическими (вневременными) последовательностями»¹.

Хуже всего приходится мастеру, когда его исследуют в «непрофильном» для него аспекте, скажем, художника как мыслителя². При попытке систематически изложить философские взгляды, например, поэта, последний загоняется в прокрустову схему философии, носителем которой (схемы) является сам исследователь. В самом деле, как же ему поступить, если у поэта собственной философской системы как бы и нет? Значит, надо выбрать из текстов мастера явно произнесенные философские суждения и «разложить» их «по категориям». В этом, видимо, может помочь и обращение к философии тех учителей-«обществоведов», у которых учился поэт. Тогда философия выражается категориально одинаково — сущностно не меняется как дисциплина — и для поэта, и для исследователя. Результат — смешение эпохи и художника, бездоказательность интерпретаций, спекулятивность построений. Чем хороши художественные произведения, особенно поэтические и притчевые, так это тем, что при переносе в произвольный культурный контекст из них можно вычитать очень многое — в зависимости от желания и способностей читающего. Поэт становится часто плоским философским пошляком, поскольку пропускается целый слой опосредований между художественным текстом и философией.

¹ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 7-8. С. 116.

² См., например: Малинин В.А. Пушкин как мыслитель. Красноярск, 1990; «Матрица» как философия: Эссе. Екатеринбург, 2005, и множество других.

Отношения личности и общества, жизни и мысли — это всегда проблемы, которые должны решаться особо для каждого конкретного случая. Игра в общие категории может дать перечень возможных проблем, а не решений. Связь категорий есть связь возможных проблем, а чтобы любая из них имела конкретное решение, в нее надо «подставить» частные данные и условия.

Чтобы не впасть в простую игру или художественное жизнеописание, а остаться в науке, надо найти соответствующий метод восстановления «основ личности», причем в данном случае я выберу гораздо более узкий спектр: я буду пытаться восстановить не все жизненное, а лишь связанное с ним мыслительное единство личности. Мне будет интересна — и, надеюсь, что вам личность своею а) мыслительной и б) общественной стороной. Иначе говоря, я хочу восстановить основные структурные моменты общественно значимого мышления данного конкретного человека. Для метода нужны будут *мировоззренческие схемы* с опорами на «культурные метки». Личностными будут тогда элементы «второго порядка», то есть реальные особенности проявления и интерпретации *мировоззренческой схемы*.

Стремление к научности подхода вовсе не означает «синдрома однозначности». Мы настолько отвыкли жить в сложной с тысячелетними традициями культурной среде, понимая ее, что считаем творения культуры чуждым чудом, а творцов — обладателями «тайного знания». «Культура целостности», структурности утрачена нами, ибо могла существовать, воспроизводиться — и вырождаться — только наследственностью, непрерывностью культурной среды и носителей.

Считая «сливками» культуры ее «гуманитарную часть» — поэтов, писателей, художников, философов, не забываем ли мы о том, что это лишь «озвучиватели» культуры, лишь ее «громкоговорители», «рупоры», причем — одновременно — выразители, «сказители» и — *искажители*. Ведь они говорят о том, о чем, по их мнению, следует кричать. Но пропускают то, что считают само собой разумеющимся. Кроме того, они говорят. Но все ли сказуемо?..

М. Фуко¹ ищет, идет до структуры мышления и прослеживает изменения, глобальные перестройки на ее «архе»-уровне. Но этого

¹ Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.

мало. Это половина пути. Интересно проследить также обратный путь — от общей структуры до реальности. А реально, «наблюдаемо» структуры воплощаются только в личностных формах; эти структуры только так и существуют. Меня интересует, напоминаю, не психология, а личностное сознание общего. Глубинная «схема» именно и задает (корректирует, обосновывает, *определяет*) индивидуальное понимание и ощущение общего. Эта схема, «эпистема» детерминирует индивидуальное не только языком (это уже слишком обще, абстрактно), но и более «частно-универсальным», специфическим языком образов. «Слово писанное не улетучивается, как слово произнесенное. Оно кладет свою печать на разум <...> Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетет его <...> Слово — обращенный ко всем векам глагол — это не одна только речь Спасителя, это весь Его небесный образ»¹. Сегодняшний язык — обыденный и философский — стал плоским, пошлым, ходульным, нищим. Надо сделать его вновь объемным, а это значит изменить интенцию и возможности мысли, передающей словом образ: надо идти «за слово», к образности. При этом лучше всего опереться на родную — пусть и прерванную почти — традицию, но не слова только, а шире — мышления, образности. Поэтому я использую то, что есть «текст», но «текст представлений», который шире, богаче языка слов, не линейен, допускает множество толкований, не уводит в подтекст «само собой разумеющееся». Это позволит тренировать, учить наши мышление и язык.

Один из таких «текстов» — архитектура (включая садовую и парковую). Многие исследователи отмечают близость архитектурного и естественного языков и, одновременно, феномен возникающего на основе архитектурного творчества синтеза, сближающего архитектуру с философией. Архитектура есть манифестация духа, она закрепляет время в пространстве, преобразует переходящее в вечное. Архитектурно организуя пространство, человек не только создает утилитарную среду обитания, но и выделяет свое видение мира, представления о красоте, гармонии, мечты об идеальном бытии. Практически любое архитектурное сооруже-

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 134, 136.

ние или парк по своей значимости не уступают, а по силе воздействия порой и превосходят произведения письменности. Классический пример храм как модель мира, космоса, как «промежуточное звено» «мезокосм» — между человеком-«микрокосмом» и мирозданием-«макрокосмом». «Памятники архитектуры как ценный документ эпохи вполне могут быть использованы в культурологическом исследовании, особенно когда речь идет о реконструкции целостного общественного сознания на основе методов комплексного источниковедения и интеграции источников»¹.

Проблема состоит в том, как раскрыть семантику архитектуры, парка, сада, конкретное содержание их образности. Созданный в камне и дереве образ мира нуждается в специальных навыках для его прочтения².

Сад воспринимается как текст Д.С. Лихачевым³. Сад, полный неоднозначности, недоговоренности, движения, надо разгадывать. Из всех характеристик сада как иконологической системы — семиотичности, эмоциональности, архитектурности главной является именно семантика. Отсюда его связь, органическое родство со словесными искусствами, особенно с поэзией. В разные эпохи при разном обращении к слову напомнимания о слове были различны, поэтому о различном «просил» и сад, используя два типа семантики. Он говорил: всем своим стилем (эстетической системой, принадлежностью к определенному «эстетическому климату») и значениями своих компонентов. В садово-парковом искусстве использовались значения самых различных характеров растения, надписи, скульптура, запахи, звуки... Эстетизируется все, удовлетворяются все чувства. Главный принцип сада во все времена — организованное многообразие (*variety*). Многообразие необходимо, поскольку сад или парк всегда есть модель мира в микромасштабах, превращение мира в некий интерьер, модель идеальных взаимоотношений человека с природой.

Сад трактуется людьми как:

- подобие Вселенной, книга о Вселенной;

¹ Громов М.Н. О философской семантике архитектуры // *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 2. М., 1990. С. 85.

² См., например: *Histoire des jardins de la Renaissance à nos jours*. P., 1991.

³ Лихачев Д.С. *Поэзия садов*. СПб., 1991.

- аналог Библии, ибо Вселенная – материализованная Библия, текст, по которому читается божественная воля;
- книга, отражающая мир только в его доброй идеальной сущности, то есть Эдем, Рай;
- поток времени;
- жизнь человека в ее истории, разнообразии, воспоминаниях;
- эквивалент разума (визуализация мысли);
- эквивалент души (визуализация чувств);
- класс, школа, академия – место для чтения, учения, размышления, беседы;
- путешествие;
- ассамблея;
- кунсткамера;
- театр;
- произведение живописного искусства;
- подражание, игра и т. д.

Отсюда ясно, что сады тесно связаны с социальным устройством общества, укладом жизни хозяев, бытом. Поэтому Д.С. Лихачев специально вводит понятие *садового быта*.

Своей задачей Д.С. Лихачев считает рассмотрение стилей в садово-парковом искусстве в связи с великими стилями искусства в целом. При этом он сталкивается со следующими трудностями, отмечаемыми им самим. Сады плохо поддаются разложению по стилям, поскольку являются живыми, самоизменяющимися объектами искусства. В связи с особенностями живописного материала история садов не знает резких стилевых переходов, да и сам принцип разнообразия допускает разностильность. Провозглашенная в рассматриваемой концепции связь сада и мировоззрения начинает под внимательным взглядом распадаться, ведь, с одной стороны, «пейзажные сады конца XVII и начала XVIII в. хотя и обладали уже своей философией, не могут быть отнесены к определенному стилю», а с другой – «и Классицизм и принципы пейзажности в садовом искусстве оба имели общую философскую основу: культ естественности и природы»¹. Сад плохо ложится в стандартные слова.

¹ Лихачев Д.С. Поэзия садов. С. 182, 187.

Прекрасная книга Д.С. Лихачева избавляет меня от необходимости делать обзор литературы и взглядов, оценивать место парка в европейской культуре. Однако продолжением достоинств указанной концепции являются ее недостатки. «Подгонка» реальных парков под известные а priori «большие» стили позволяет сделать лишь некоторое эмпирическое обобщение, ведь стиль есть не что иное как принадлежность к эстетической ментальности определенного времени и типа. Содержательное же утверждение сводится к одному: сады тоже всегда были явлениями культуры, в частности, эстетическими и идеологическими, то есть они были осознанно включены в эти сферы. Сами стили суть особенности использованных семантических средств, то есть особенности того, как выражено нечто. Отличительные черты этого нечто и связь с ним того, как остаются «за кадром», как и зависимость стилевых и индивидуальных характеристик творцов садов, парков, архитектурных сооружений.

Для объяснения семантики архитектурных памятников П.А. Флоренский, а за ним Г.К. Вагнер рекомендуют *функциональный метод*. «Отделите храм от того, что в нем совершается, забудьте образы, которые приурочиваются к его отдельным частям, стоят в связи с его устройством, и вы получите какой-то остов, какую-то анатомическую массу без жизни и голоса. Чтобы понять назначение и отношение этих частей, вам нужно видеть их работу, т.е. отправления жизненные» — говорит А.И. Голубцов¹. Руководствуясь этим соображением, Г.К. Вагнер понимает под *функциональным методом* анализ структуры предмета, рассмотрение этой структуры в тесной связи со средой и условиями возникновения предмета и, наконец, рассмотрение структуры в действии, то есть функционально («в жизненных отправлениях»). При этом под функционированием понимается не только жизненная реализация непосредственных требований и задач, но и выполнение «требований (задач) более широкого идеологического плана — миро-

¹ Голубцов А.И. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. 2. Сергиев Посад, 1918. С. 3.

воззренческих (символично-космологических), политических (государственных), эстетических (художественных)»¹. П.А. Флоренский связывает необходимость указанного подхода именно с духовной деятельностью человека: «Чем выше человеческая деятельность, чем определеннее выступает в ней момент ценности, тем более выдвигается функциональный метод постижения и изучения и тем бесплоднее делается доморощенное коллекционирование раритетов и монстров»².

Сам Флоренский дал явный образец такого подхода рассмотрел Троице-Сергиеву лавру в контексте России. Для него лавра жизненно едина как микрокосм и микроистория, как своеобразный конспект бытия, «художественный портрет России в ее целом», «осуществление или явление русской идеи — энтелехия», в которой Россия ощущается как целое. Это и придает лавре характер ноуменальности. Эта местность пронизана духовной энергией создателя лавры преподобного Сергия. Дом Сергия есть лицо России, ее портрет, сгущенно суммирующий в себе многообразие различных впечатлений. Теоретическая возможность такого «портрета» кроется в самом принципе культуры: «самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а следовательно — и существующую в себе, неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности»³. Индикатором же такого воплощения служит наш эмоциональный отклик. Лавра есть образ, лицо России, а основатель ее есть первообраз ее, первоявление, лик ее лица.

Если попробовать кратко обозначить основные пункты подхода Флоренского, то получится цепочка: культурная общность — лицо ее (энтелехия) — лик лица ее (творец). Опираясь на имеющуюся традицию, я могу теперь вернуться к графу и сотворенному им Алушкинскому комплексу. Здесь, в Алушке, сработал мой собственный эмоциональный индикатор. АК притягивает меня — как

¹ Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990. С. 3. См. также «третью сигнальную систему» И.П. Шмелева: Шмелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение. М., 1990. С. 234–340.

² Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия. Храмовое действо как синтез искусств // О Русь, волшебница суровая. Н. Новгород, 1991. С. 233.

³ Там же. С. 214.

лавра притягивала отца Павла — но не общественным, а сугубо личностным своим характером. Тяга к высоким проявлениям личности вполне объяснима сегодня. Перейдя «от уединенного рас­судка ко всенародному разуму»¹, перейдя самонасильно, упав в пропасть средневековья, но с современными масштабами и техни­ческими средствами, мы получили такую идиосинкразию, аллергию на общественность, на общность, что срочно ищем в своей родной традиции что-нибудь личностное.

Существующие работы по АК носят в большинстве своем обзорно-описательный характер. Все они утверждают уникальное единство и ценность АК, практически не помогая мне понять, почему в Алушке я дома более, чем в собственном доме. В этих работах остается открытым вопрос о структуре АК, о принципах его устрой­ства — не только чисто эстетических, выработанных долгой тради­цией, но и мировоззренческих. Правда, существует «стилевой» под­ход, довольно распространенный среди искусствоведов. Я уже отме­чал его описательность, но тем не менее, он хорош как «первое при­ближение» в решении моей задачи. Основываясь на книгах А.П. Вергунова, В.А. Горохова и Д.С. Лихачева², я попытаюсь дать крат­кую стилевых особенностей романтических парков, к которым еди­нодушно относят АК. Начало XIX в. считается периодом расцвета садово-паркового искусства, а пейзажный романтический парк — его вершиной, поскольку он включал в себя все достижения мысли и ремесла в паркостроении предыдущих двух веков. Пейзажный сад имеет два идеологических источника — английский либерализм и философию рационализма и один литературный — поэзию, в част­ности, поэмы Мильтона. Пейзажность есть следствие мировоззрен­ческой установки на естественность, культ природы, ненасилие над ней. Речь идет о преобразовании и улучшении природы путем вы­явления существенного в ней (а не привнесения его извне и не «об­дирания» ее до полной схематичности), что ведет к эстетизации природы, восприятию ее «изнутри» человека — как пейзажа, отра­жающего «мир души». Сад становится произведением искусства и тяготеет к живописи, оставаясь синтезом многих искусств. Основное качество сада — наибольшее разнообразие на наименьшей пло-

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия. С. 230.

² Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988; Лихачев Д.С. Поэзия садов.

щади — под влиянием принципов пейзажности и свободы приводит к победе динамики над статикой: на первый план выходит вечное становление, жизнь, изменения самого сада и подвижность наблюдателя. Основным занятием посетителей становятся прогулки, появляется склонность к жанру сентиментальных путешествий. Возникающая разностильность, контрасты, совмещения различных эпох покоятся на *мировоззренческом* единстве сада и его построек. Традиционный мемориально-эмблематический характер сада в романтизме преобразуется: воспоминание становится организующим принципом парка. Принцип свободы лишает парк явных границ, сливает его с окружающей местностью. Стремление не к разнообразию объектов, а к обилию восприятий выражается в контрастной неожиданной смене пейзажей, ассоциации вызываются теперь не столько эмблемами и символами, сколько самими характером садовых композиций. Эмблемы понятий сменяются эмблемами личных чувств, ассоциации идей — ассоциациями настроений, исторические события уравниваются с автобиографическими — все элементы парка подчиняются эмоциональным переживаниям личности. «Сады и рощи — внутри нас», — говорил Шефтсбери. Романтические парки отчетливее всех других откликаются на индивидуальные вкусы.

Впитав богатую традицию, пейзажный парк характеризуется значительным увеличением информативности и выбора сообщений. Неопределенность информации велика, и способ ее прочтения в сильной степени зависит от знания романтического «тезауруса» и настроенности «читателя». Значит, романтический парк живет только в среде «образованных» посетителей, к которым тогда относилась, в основном, аристократия. В аристократической культуре сад занимал одно из первых мест, тесно сочетаясь в первую очередь с поэзией. Элементы романтического сада, следовательно, непонятны вне «садового быта» воспитанного, образованного, просвещенного аристократа. Все это приводит к сильнейшей зависимости строения и смысла романтического парка — особенно в период его максимального развития — от личности и образа жизни его хозяина, который в большинстве случаев принимал непосредственное участие в проектировании и создании парка. Значит, без *подробного знания о хозяине невозможно восстановить смысл и значение парка*. Конечно, существует и некоторый

«набор стандартных элементов» романтизма — бегущая и спокойная вода, надписи, античные источники, старые уединенные деревья, травы и цветы, «парнасы» и т.д. — они воспринимаются как «реперы» в море смыслов. Но даже их использование сугубо индивидуально. Так, например, для романтического парка характерен *оссианизм* — мрачное меланхолическое настроение без тени иронии, с темой печали и смерти. Однако, в Алушке подобный пейзаж занимает чрезвычайно небольшую долю площади, и на этом основании называть парк «испытанным на себе влияние оссианических настроений»¹ не стоит (типичный оссиановский пейзаж — горная Шотландия — северная, дикая, мрачная, холодная, скалистая; в Алушке же тепло и солнечно).

Самые интересные и глубокие, на мой взгляд, соображения о внутренних смыслах АК высказываются бывшим научным руководителем музея в Алушке А.А. Галиченко как в написанных ею работах, так и в публичных выступлениях, экскурсиях и дискуссиях. Обобщая большой материал наблюдений и источников, она считает, что АК построен на месте средневековой усадьбы Палеологов (и даже еще более древнего святилища) и продолжает ее традицию. АК лежит в амфитеатре у чаши моря, являясь единой системой идей и образов. Внутреннее движение АК происходит по вертикали амфитеатра, начинаясь с моря. Парк же раскрывается зрителю историей ландшафтного искусства, поднимаясь от античной Греции к Возрождению и Востоку. Дворец ощущается в АК центром мироздания, в нем разворачивается Европа с запада на восток, а смена стилей комнат представляет собой путешествие по странам мира в уюте и созерцании. Севернее дворца располагается Хаос — символ неуловимого и неумолимого времени. И над всем этим господствует Ай-Петри — путеводная звезда, небесный замок, жилище высшего Разума². По Галиченко, АК, отражая *двоемирие* русского дворянина (жизни парадную и интимно личную), разделяется на две части — официальную и пейзажную — и пространственно организован в виде большого креста (оси: море — Ай-Петри, церковь архангела Михаила — мыс Ай-Тодор), в средокрестии которого находится дворец, а весь АК есть микрокосм, модель мира, реализа-

¹ Лихачев Д.С. Поэзия садов. С. 316.

² Галиченко А.А., Пальчикова А.П. Алушкинский дворец-музей. Симферополь, 1989.

ция Платоновой «той Земли» из диалога *Федон*, символически обозначенной треугольной пирамидой в озере верхнего парка. Многие моменты этой концепции, безусловно, верны, но в целом она кажется мне искусственной, собранной и изменяемой *ad hoc*, поскольку метафизическая основа АК отождествляется с единственной идеей «той Земли», описание которой у Платона ничем не напоминает АК. Хозяин Алупки, конечно, знал античных авторов (переводил их с французского еще в детстве), но был слишком сложной и своеобразной натурой, чтобы положить в основу АК лишь одну абстрактную идею. АК имеет — даже на первый взгляд — тщательно разработанную структуру, значит, она необходимо должна быть связана со структурой мировоззрения М.С. Воронцова. Понимание структуры АК должно вывести нас на мировоззренческие особенности личности, характерные для определенного социального слоя того времени. При этом я хочу сойти со стандартного «эстетического» пути объяснения культуры эпохи через господствующие эстетические стили, которые сами требуют понимания того, почему оказывается массовым тот или иной «изм». Перед нами модель мироздания, «человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалой»¹, отражение особенностей представлений о мире («вторичное отражение»).

Итак, чтобы действовать строго, я должен доказать *теорему возможности*, то есть адекватность выражения метафизической структурой АК мировоззренческой структуры принадлежавшей к высшему российскому дворянству первой половины XIX в. личности, спланировавшей и сотворившей руками многих мастеров АК. Но такое доказательство обязательно потребует обращения к определенной методологии, которая позволила бы раскрыть и сопоставить обе эти структуры.

Поскольку речь идет о сословии и времени, которые прекрасно представлены в классической русской литературе, я могу поискать именно в ней «подсказку». И действительно, сразу найду то, что нужно, в седьмой главе «Евгения Онегина». Там Татьяна решает именно нашу задачу: пытается (и с успехом!) понять «структуру»,

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия. Храмовое действо как синтез искусств. С. 223.

«смысл» души Онегина, изучая оставленную им усадьбу. Назову это *методом ТДЛ* и рассмотрю, комментируя¹.

XV

<...>

В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.

1. Т. долго думает об О., настроена на него. Она хорошо знает его круг, разговоры, сплетни, образ, в котором он являлся свету, некоторые важные события его жизни.

Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.

2. Надо осмотреть место, усадьбу, где О. жил. Сначала общий вид и план.

Его здесь нет. Меня не знают.

3. О. уже нет здесь, есть лишь следы, «остатки», структурированные его сознанием бытовые реалии.

4. Т. — сторонний, но очень заинтересованный наблюдатель, любящий, внимательный к душе О.

«Взгляну на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обводит
Недоуменья полный взор...
И входит на пустынный двор...

5. Теперь Т. рассматривает вблизи дом и — обязательно! — двор и сад. С удивлением, как бы совершенно не понимая.

XVII

И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.

¹ Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 10 т. Изд-е 4. М., 1977. Т. 5. С. 126–130.

Она глядит: забытый в зале
 Кий на бильярде отдыхал,
 На смятом канапе лежал
 Манежный хлыстик. Таня дале;
 Старушка ей: «А вот камин;
 Здесь барин сживал один».

XIX

Татьяна взором умиленным
 Вокруг себя на все глядит,
 И все ей кажется бесценным,
 Все душу темную живит
 Полумучительной отрадой

6. Т. подробно осматривает дом изнутри, со всеми «следами» и особенностями. Главное для нее — «дух», а не «просто факты». Важно все, все детали: мебель, портреты, фигурки, даже вид из окна. Но «дух» улавливается под впечатлением целостности, единства всех подробностей. Ибо душа жившего здесь О. проявляется именно в организующем принципе, соединяющем в общем-то стандартные детали.

Вернусь теперь чуть назад к пропущенной части XVIII-ой строфы.

И старый барин здесь живал;
 Со мной, бывало, в воскресенье,
 Здесь под окном, надев очки,
 Играть изволил в дурачки

7. Неплохо посмотреть и традиции, фон предшественников, на который накладываются «следы» О.

XXI

<...> Через день
 Уж утром рано вновь явилась
 Она в оставленную сень,
 И в молчаливом кабинете,
 Забыв на время все на свете,
 Осталась наконец одна,
 И долго плакала она.
 Потом за книги принялася.

Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен. Чтению предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

8. Теперь: что О. читал, шире — чем увлекался, в какой образной среде жил.

XXIII

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живеи.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
С чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

9. Т. фиксирует, как душа О. выражает себя невольно, реагируя на «поток культуры» (курсив мой. — М. М.).

XXIV

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?

10. О. познается теперь в своей противоречивости. Ищется близкое «слово», выражающее кратко основные характеристики структуры его души.

11. И последнее. Следует заметить, что найденная Т. разгадка иронична, неокончательна и может быть сформулирована только в форме вопроса, а не ответа.

Итак, налицо основные принципы *метода ТДЛ* (1–11).

Однако, вдохновившись Александром Сергеевичем, следует подойти к делу более серьезно.

Сознание человека для философа есть штука «закрывающаяся», оно не является объектом¹, поэтому невозможно построить его теорию. Чтобы зафиксировать невещественное, необъективное сознание, нужно отразить его в чем-то объектном; вернее, оно само только и делает, что постоянно в чем-то и в ком-то отражается, изменяясь; оно само есть построение и перестроение связей в объективном мире. Занимаясь своими исследованиями, я не «вскрываю механизмы» сознания, но сужу о его представлениях по его продуктам, то есть отражениям, «отпечаткам». «Человек не может передать другому человеку идеальное как таковое, как чистую форму деятельности <...> Идеальное как форма субъективной деятельности усваивается лишь посредством активной же деятельности с предметом и продуктом этой деятельности, т.е. через форму ее продукта, через объективную форму вещи»². Формой выражения идеального является язык, причем понимаемый в самом широком смысле слова, в котором языком будет всякая связанная система «отпечатков». Можно даже сказать в интересующем нас аспекте, что сознание является нам как «создатель отпечатков», то есть некий механизм структурирования и переструктурирования материи,

¹ Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10.

² Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 226.

установления новых типов связей объектов. Тогда сознание оказывается «бессубстратным» в том смысле, что носителем его является человек в самом общем понимании.

Различные «отпечатки» фиксируют в различной степени те или иные особенности сознания. Чтобы не заниматься дальше решением сверхглобальных проблем, я выделю из «отпечатков» те, что фиксируют *мировоззренческие* представления. Назову совокупность этих представлений *мировоззренческой структурой*. Таким образом, я могу констатировать некое соответствие, подразумеваемое в слове «отпечатки», между структурой мировоззрения человека и структурными связями, привнесенными человеком в мир в результате его деятельности. Тогда изучение мировоззрения дает возможность интерпретировать «отпечатки», и наоборот.

Данная постановка вопроса должна учитывать сложность и неоднозначность связи между представлениями и «отпечатками» и покоиться на некоторых аксиомах.

Аксиома 1. Для данного состояния данного общества из всех многообразных проявлений и особенностей сознания можно выделить его мировоззренческую структуру.

Аксиома 2. В данном обществе в данном его состоянии (в момент времени) всегда *существуют* один или несколько *типов мировоззренческих структур*, характерных для сознания большинства членов этого общества и отражающихся в их творениях.

При изучении различных конкретных творений определенного времени можно выявить наиболее распространенные варианты мировоззренческих структур. Все «отпечатки» условно делятся на «лингвистические» и «нелингвистические» («квазилингвистические»). Вторые отмечают витающие в континууме сознания смыслообразы, существующие и действующие в «непроговоренном» виде. Первые же представляют собой тексты, дающие нам систему мировоззренческих категорий, а также мифы — «картины мира». Тексты, написанные с целью выполнить указанную задачу, называются собственно философскими, или имеющими философское содержание. Системы категориальных координат, держащих на себе мировоззренческие структуры, состоят из категорий, фиксирующих трактовки и соотношения Абсолюта, мира, человека. Главные особенности мировоззренческой структуры отражаются в трактовке Абсолюта и отношения к нему человека. Это два

конца струны, звучащей мировоззренческим мифом. Вне всякого сомнения, здесь мы попадаем и в религиозную область, но речь идет все-таки о другом Абсолюте — о философском, «квазирелигиозном»¹.

В культуре европейского типа «отпечатки» очень часто личностны. «Идеальное есть только там, где есть человеческая личность, индивидуальность», поскольку оно для индивида «является формой его собственной активной деятельности»². Вся проблема заключается в том, что заранее связь личности и общества, индивидуального сознания и того, что можно назвать сознанием общественным, а также «жизни людей» и «мира идей» *неизвестна*. Общие соображения дают весьма мало, ибо способ соединения взаимовлияющих личностей в социокультурное целое исторически и индивидуально изменчив. Его всегда надо увидеть *конкретно* для каждого случая, для каждой личности.

Индивидуальное сознание продуцирует изменчивый личностный миф³, но основные структуры типичных личностных мифов в данном обществе меняются весьма медленно. Как уже указывалось, существуют их типологии. Мировоззренческая структура изменчивого личностного мифа «отпечатывается» буквально на всем, поскольку структурирует всю деятельность личности, но какие-то «отпечатки» позволяют увидеть ее наиболее ясно — те, которые фиксируют отношение личности к своему Абсолюту. Для адекватного определения этого отношения, для понимания его языка надо знать и учитывать контекст эпохи, то есть, в данном случае, существовавшие в то время варианты этого отношения, которые легче всего определить по работам философов, ибо они специально и занимались проговариванием своих мифологических структур. Еще один богатейший источник данных — искусство, особенно литература, поскольку там выявляются сами личностные мифы (тождество субъекта и объекта в объекте, по А.Ф. Лосеву), которые после этого уже легче анализировать.

Мой подход, кажется, позволяет обозначить путь к решению в каждом конкретном случае рассмотренной многими, в том числе

¹ Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема. С. 17.

² Ильенков Э.В. Идеальное. С. 227.

³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.

и герменевтиками¹, проблемы плюрализма и сопоставимости традиций. Чтобы понять мыслителя прошлого (вообще — «другого»), необходимо «включиться» в его традицию, не потеряв своей. Значит, надо найти способ сравнения традиций, адекватного перевода языков. Умершее сознание оставило лишь «отпечатки», о сознании «другого» мы судим по его внешним проявлениям. Конечно, в принципе «расшифровка отпечатков» возможна потому, что у всех людей существует единая человеческая взаимосвязь. Но более конкретные вопросы требуют «привязки к объективности»: как они «на самом деле» мыслили? То есть речь идет о системе мировоззренческих категориальных координат. Про «на самом деле» можно было бы говорить, если бы существовала как в механике Ньютона — абсолютная система координат (единный гносеологический Абсолют). Однако такой системы нет, но есть исторически изменчивые личностные системы, только их мы и можем сопоставлять.

Г. Башляр говорил о двух историях: «истории оттуда» и «истории отсюда»². «Оттуда» все равно немного «отсюда», ибо невозможно — да и не нужно — вживаться «туда» полностью. В моих терминах: «история отсюда» и «история оттуда» будут отличаться «системой отсчета», то есть привязкой к Абсолютам. «История отсюда» — рассмотрение мыслителя того времени («другого») в «здешнем» Абсолюте, тогда в общем случае пропадает его структурированность, односвязность, он распадается на набор «удачных» и «неудачных», «верных» и «неверных» следов-отпечатков-идей (для «верных» обычно используют термин «предвосхищение»); «история оттуда» — рассмотрение мыслителя в его системе координат, в его Абсолюте, с единым стержнем его мировоззрения, смыслом его поисков. Башляр говорил в этом случае о «палеонтологии исчезнувшего духа».

В рамках «палеонтологии духа» возникает возможность решать две взаимосвязанные задачи: во-первых, реставрировать (с той или иной степенью достоверности) мировоззрение конкретной личности; во-вторых, расшифровать, понять смысл творений данной личности. Для реставрации мировоззрения личности необходимо проследить за двумя потоками:

1. Тексты и другие «отпечатки» личности в ее деятельности.

¹ См., например: Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

² Bachelard G. L'activité rationaliste de la physique contemporaine. P., 1951. P. 61.

2. Социокультурный фон личности и ее «отпечатков».

Главные трудности, в преодолении которых можно рассчитывать лишь на удачу и интуицию исследователя, — в грамотном «препарировании» фона (в основном с точки зрения мировоззренческих координат) и (при отсутствии явных мировоззренческих высказываний) в использовании смыслообразов, «витавших» в культурном пространстве того времени, даже если «подследственный» не осознавал их применения; ведь смыслообразы потому и «витали», что люди пытались выразить в них свой взгляд на мир. Развиваемая методология позволяет выявить мировоззренческую, философскую структуру — основу образного языка личностной духовности. То есть мы рассматриваем личность и ее творение (самовыражение) в ее собственной (связанной с ней) «системе отсчета».

Итак, *палеонтология духа* соединяет две сущности: артефакт, культурный феномен, творение, «прочитанное» в основных своих семантико-структурных принципах, и мировоззренческий структурный миф его творца. При этом выясняется, от чего этот миф зависит, в каких условиях формируется и существует. основополагающие принципы мифа чаще всего фиксируются в культуре с помощью идеи Бога: понимание Бога, отношение Бога и мира, Бога и человека — вот неподвижные точки, реперы, инварианты самоотражения. Однако многое зависит от степени мировоззренческой «заряженности», «загруженности» творений, «отпечатков», которая может подразделяться примерно на следующие уровни и оттенки:

1. Философский текст.
2. Художественно-мировоззренческий текст.
3. Научно-мировоззренческий текст.
4. Теоретический, спекулятивный текст (в естествознании, теологии, астрологии и т.д.).

В этих «отпечатках» мировоззрение выражено явно или достаточно легко определяется.

5. Культурные комплексы, созданные в определенном стиле, одним автором или «сразу» (то есть связанные с определенным временем и местом — храмы, города, романы, парки, здания, усадьбы и т.д.).

6. Более «бедные» художественные произведения и другие творения.

7. Творения «вспомогательные», «отдельные», содержащие информацию о человеческих отношениях лишь в незначительной степени.

Последние три «оттенка» гораздо больше нуждаются в знании «фона», неявных образов, культурных традиций, без учета которых вообще невозможны мало-мальски релевантные мировоззренческие гипотезы.

Если же известны мировоззренческие контуры личности, то с их помощью можно расшифровать «мировую структуру» ее творения, поскольку последнее и есть материально-духовное самовыражение личности, в том числе и мировоззренческой ее части. Для этого необходимо определить примерный набор мировоззренческих параметров. Он во многом зависит от типа, жанра творения. В наборе может быть сделан акцент на онтологических, гносеологических или иных параметрах. По нему следует проследить ту традицию, в которой мыслила личность, а также конкурировавшие тогда традиции (с кем явно или неявно полемизировала). Вскрывая подобное «антропогенное структурирование», можно понять культурное творчество как создание единой мелодической структуры, обогащенной личностными колористическими модуляциями. Узнав, как личность интерпретирует в основных чертах сама для себя свои смыслообразы, можно также понять, что она хочет сказать нам постановкой их в контексте в определенные соотношения. Поскольку речь идет о *реальном воплощении* мировоззренческой структуры, то имеет смысл отыскать (или придумать) для нее промежуточный структурный образ, соответствующий данному типу духовной культуры, времени и самым существенным индивидуальным особенностям рассматриваемого казуса.

Дворянство

Il faut que j'arrange ma maison.

Предсмертные слова А.С. Пушкина.

Главное, что определяло социальный статус М.С. Воронцова, — это его принадлежность к высшему российскому дворянству. Социальный статус, разумеется, связан с мировоззрением личности, поэтому для выяснения последнего мне пришлось бы сделать краткий обзор истории роли дворянства в российском обществе в XVIII — начале XIX в. и, соответственно, эволюции дворянского мироощущения. Однако за недостатком места отсылаю вас к лучшему, что сделано в этой области русской исторической наукой, к изложению темы Василием Осиповичем Ключевским¹.

Треугольник «власть — дворянство — народ» очерчивает поле социальных напряжений в России. Николай I так сформулировал принципы своей политики: «Я никогда не препятствую естественному ходу вещей и конечно смело могу сказать, что мы осматрительно идем вперед без всяких крупных перемен или сильных переворотов. Этим Россия может похвалиться перед другими державами. Но опять повторяю, что во всех переменах, кроме их постепенности, надобно иметь в виду одну главную идею <...> Я стараюсь, чтобы все истекало отсюда (здесь он показал на свою грудь)»². Дворяне стремились ставить правительство и ограничивать его власть посредством аристократического сената и конституции. «Высшие сословия <...> представляли в численном отношении маленькие неровности, чуть заметные нарывы на народном теле; между тем только эти неровности маленькие и пользовались полнотою гражданских прав». Сложный правительственный механизм и бюрократические учреждения «правили ничтожной кучкой народа, может быть миллионом с небольшим душ; вся остальная масса ведалась своими особыми властями» (землевладельцами, чиновниками земской полиции). Везде господствовал крепостной

¹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1987–1990. Т. 5. С. 117–281.

² Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М., 1892. С. 407, 387.

принцип. Дворяне в большинстве своем стремились к уничтожению крепостного права, поскольку были заинтересованы не в крепостных, а в земле. Существовавший порядок обладания крестьянами для дворянства являлся способом прикрепления его к царской службе, к выполнению полицейской функции. Но убежденных сторонников освобождения были единицы: «государственные люди, привычные к размышлению и думавшие о положении дворянства, к которому принадлежали сами, как граф Киселев, князь Воронцов»¹.

Все время сохранялась тенденция эмансипации элиты от политического центра. Идеология и психология «аристократического автономизма», тип «большого барина» — все это вызывало серьезную нелюбовь самодержавия и поиски им «противоядия» служилых людей, целиком зависящих от должности и жалования. «Большой барин» вновь приобрел значение и вес в начале александровского царствования. «Великолепным образчиком этой породы был знаменитый граф М.С. Воронцов <...> царская служба не помещала ему, как говорили раньше, «под рукой» достичь всего <...> Удача была обязана сознанию безнадежности борьбы с самодержавием. Воронцов предпочитал ему служить. И все-таки это не делает из него обычный тип царского бюрократа-парвеню. Воронцов сохранил большой аристократический стиль». Можно вспомнить достаточно много известных лиц начала XIX века, единый стиль которых имеет давнюю традицию, восходя к «князю Щербатову, аристократическому инакомыслу екатерининской эпохи»². Фактически речь идет уже о личностных особенностях дворянства, о дворянском типе (типах) личности. Личностную эволюцию дворянства в XVIII–XIX веках в связи с социальными процессами прослеживает опять же В.О. Ключевский.

По Ключевскому, российский дворянин с петровских времен прошел следующие этапы развития³:

- петровский артиллерист и навигатор (военно-техническая выучка);

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. С. 250, 435.

² Парамонов Б. Канал Грибоедова // Знание — сила. 1991. № 4. С. 63.

³ См. также: Губер П.К. Дон-Жуанский список А.С. Пушкина. М., 1990. С. 12–14.

- елизаветинский петиметр (светская муштровка); (на этих двух этапах приобретен некоторый навык к учению, порыв к образованию);

- екатерининский *homme de lettres* — вольнодумец, масон, вольтерьянец (требование некоторой литературной полировки).

Следующее поколение сильно отличалось от отцов-вольтерьянцев обилием чувства, перевесом его над мыслью. «Молодым генералам» 1812 года и «друзьям 14 декабря» выпало то «возбуждение», которое сообщилось обществу в результате войны. Поколение это воспитывалось французским эмигрантом «третьего привоза» — католиком-консерватором, что дало ему — взамен игры в либеральные идеи — фальшивое или искреннее религиозное чувство и смутную потребность жить своим умом. Однако такое воспитание также давало мало знакомства с действительностью. Пережив войну, лишения, сделав многие наблюдения в Европе, люди этого поколения стремились быть полезными, тем более что действительность представлялась им мрачнейшей. Если отцы не знали и игнорировали ее, то дети продолжали не знать действительность, но перестали ее игнорировать. «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими». Отсюда и декабристское движение было, по Ключевскому, несчастным выражением «накипевших чувств» дворянской образованной молодежи. Политические и нравственные идеи все время расходились с жизнью и ее отношениями.

Включая царствования Александра и Николая в единую по своей глубинной направленности эпоху, Ключевский образно и просто показывает разницу настроений начала правления Александра и послевоенной истории, различая мировоззренческие структуры двух императоров. Для «раннего» Александра: высота птичьего полета, общие очертания, архитектурный план действительности, мелкие детали — колеса, смазки, отбросы — незаметны; поэтому можно пытаться сразу переделать машину общества, надо только заказать план искусному механику (политику)¹. Для Николая: взгляд снизу, из казарменного воспитания, сквозь движение и суетливую работу мелких колес государственного механизма, из

¹ Ср.: Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 14 т. Т. 4. М., 1951. С. 171-172.

конкретности; уподобление общества армии, где закон — устав, дисциплина — опора прочного порядка, где порядок — строй, хождение в ногу, где солдат силен только как элемент единого строя, где введение нового это передача предания, постепенное введение навыка, привычки (а не опора на творческий разум). Главный принцип подobia в мировоззрении Николая (общество = армия) сказался и на его личности. В семейном кругу это был прямой, веселый, остроумный, эстетически развитой человек, добрый хозяин. Но в официальной обстановке он держался именно как твердый, суровый, властный начальник. Сначала это была расчетливая поза, правительственный прием, но вскоре стало привычкой, невольной манерой. Он стал обращаться с подданными командой и окриком. Всякое отклонение от привычной нормы рассматривалось им как нарушение воинской дисциплины.

Говоря об общей дворянской социальной позиции, следует в связи, конечно, и с жизнью моего графа — обратить особое внимание на армию. Это весьма важный для страны и дворянства общественный институт. В судьбе армии очень хорошо видно одно из главных противоречий российского государства конца XVIII — начала XIX в., да и более широкого интервала времени. Всякая устойчивая социальная структура стремится стать более самостоятельной, автономной, то есть сословием. Так и армия в начале XIX в. несла черты корпоративности. Рекрут, переходя в солдаты, и юридически, и фактически переходил в другое состояние. Правительство стремилось сделать службу солдат наследственной. Имела армия и своеобразные социально-психологические особенности. Она была одним из каналов вертикальной социальной мобильности, здесь чаще всего удовлетворялись чаяния людей по переходу в более высокие сословия, причем этот переход в большей степени, чем где-либо, зависел от личных заслуг. Индивидуальный и корпоративный интересы взаимодействовали так, что по традиции люди состязались между собой в преданности службе престолу и Отечеству, а наградой им был более высокий социальный уровень. Существовала целая система мероприятий, наград и поощрений, которая весьма сильно сказывалась на выработке особого мировоззрения. И для дворянства военная служба была чем-то вроде обязательной ступени образования. Это было одно из наиболее достойных занятий для благородного сословия, к тому

же военная служба поднимала человека по лестнице рангов в полтора-два раза быстрее, чем гражданская. Далее, военные были желательны и по выходе в отставку, на гражданской службе, поскольку обладали ценными «бюрократическими» качествами — исполнительностью, решительностью, умением взять на себя однозначное решение.

В отличие от современной армии, текучесть кадров в войсках того времени была обратной: солдаты служили очень часто почти всю жизнь в одной части, а офицеры — лишь по несколько лет. Поэтому для солдата большое значение имел «добрый командир», «отец солдатам». Они были склонны всю ответственность за хорошее и плохое приписывать одному конкретному лицу — их командиру.

И еще немаловажная деталь для оценки роли армии в обществе: «Армия и флот были главными институтами Российской империи — около половины государственных средств расходовалось по линии Военного и Морского министерств»¹.

После войны 1812–1814 гг. усилилась марсомания, жесточайшая служебная субординация и дисциплина, вплоть до палочной. Это было вызвано, во-первых, общим усилением бюрократических тенденций в управлении страной. Во-вторых, в армии еще с екатерининских времен накопилось много злоупотреблений. И в-третьих, «власти предрасположены не могли не видеть опасности создания в России военной корпорации, которая способна была в дальнейшем выступить в качестве противовеса центральной власти»². После возвращения русского оккупационного корпуса из Франции в 1819 г. и волнений Семеновского полка в 1820 г. многие офицеры и генералы, прославившиеся в войне, верой и правдой служившие Отечеству и занимавшие многие значительные посты, почувствовали себя лишними. Это особенно относилось к людям, хорошо известным своим независимым поведением. 1820–1823 гг. стали переломными для многих личных судеб. А.Н. Сеславин уволен и отдан под тайный надзор полиции, Д.В. Давыдов — в отставку, смещен с поста начальника Генерального штаба князь П.М. Волконский, А.А. Закревский отправлен в почетную ссылку и стал генерал-губернатором Финляндии, П.Д. Киселев уехал в долгий

¹ Лапин В.В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 46.

² Там же. С. 57.

заграничный отпуск, думал об отставке А.П. Ермолов, в отставку же неожиданно ушел П.Я. Чаадаев. Похожая судьба ожидала и М.С. Воронцова. В это время начался постепенный распад союза между властью и просвещенными людьми (то есть определенной частью дворянства), продолжившийся при Николае, «власть утратила безусловную поддержку идейной части дворянства, желавшей служить отечеству. В русском дворянском обществе появились лишние люди, занимавшие не только нижние, но и верхние ступени табели о рангах. Служба царю была отчуждена от службы отечеству, что породило сильный духовный кризис ряда высших генералов, привыкших к их нераздельному единству»¹. И здесь пути многих разошлись...

Итак, я могу констатировать, что русское дворянство к началу XIX в. накопило весьма большой социальный и культурный опыт. В течение всего XVIII в. оно складывалось как служилое и управляющее сословие общества. По ходу дела происходило и становление определенного типа, вернее, типов дворянской личности. Дворянская культура достигла своей зрелости в России именно в конце XVIII — начале XIX в. и имела тогда весьма богатый личностный спектр. Одновременно «переход на личности», то есть порождение культурой людей ярких, высокой степени индивидуальности, «ренессансного» типа — это верный признак вершины, «начала конца» данного социокультурного движения. Меня из всего спектра будет интересовать тип дворянина-деятеля, служащего Отечеству, выполняющего свой *Долг* — ведь именно таким был мой граф.

И еще я отметил бы несколько моментов, важных для дворянской личности. Во-первых, это *аристократический пафос свободы*. «Аристократическая свобода», точнее, свобода аристократической личности — единственная по существу форма личностной свободы, которая была возможна в течение долгого времени на Руси. Поэтому аристократизм для нас так привлекателен и так часто путается с интеллигентностью. Во-вторых, это эстетизм как один из основных принципов личности. В-третьих, это «*отеческая*

¹ *Экштут С.* Чурбан-паша.// Родина. 1991. № 5. Однако, это одна из гипотез. Весьма вероятно, что генерал-губернаторство в Финляндии — отнюдь не «почетная ссылка». Вероятно также, что мой граф *добивался* своего назначения в Новороссию (см. далее главу «Выбор места»).

любовь к Отечеству» (П.А. Вяземский), которая, кроме любви сыновней, заключала еще в себе попечительство, заботу о благосостоянии родной страны. Следствием этого отношения и было отношение дворянства к государству и власти как одной из своих имманентных функций. Дворянство и создано Богом, чтобы управлять обществом, отечески направлять его и защищать от врагов. «Отеческая любовь к Отечеству» не была чувством подвластности, «принадлежности хозяину» (скажем, просто преданности государю), скорее наоборот, это было чувство ответственности хозяина, строгого отца, отвечающего за свою страну и народ лишь перед Богом, служащего государю, но готового, как это не раз бывало, и «подправить» монарха, а то и вовсе его сменить, если тот плохо выполняет свой долг перед Отечеством.

«Лучшие представители» дворянства были не только управленцами, они были организаторами. И организовывали они не просто государство и его отдельные учреждения, но и общество, его культурную среду. А всякая организаторская деятельность требует определенного уровня осмысления, причем обязательно хотя чаще всего неявно — и на универсальном мировоззренческом уровне. Отсюда метафизический интерес к масонству, мировой культурной символике. Существовали и вполне универсальные формы выражения общемировоззренческих смыслов — это быт, образ жизни. Это, наконец, особняки, *усадьбы*.

Усадьба — неотторгаемая собственность дворянства. «Куда бы ни забросила судьба Гриневых, Лаврецких, Нехлюдовых, Левиных, они не перестанут чувствовать эту связь. Родовая усадьба — это центр, около которого вращается их жизнь: здесь она началась, здесь источник ее существования, здесь место ее отдыха и успокоения»¹. Это центр свободы и душевного покоя дворянина, здесь он полновластный хозяин, здесь *его* государство, центр его вселенной. Здесь и удобный дом, и парк, и река, и небо, и пейзаж — все его и для него. Через все это он укоренен в настоящем и прошлом его земли и семьи. Поместье было рассчитано на полноценную жизнь хозяина, который проводил в нем по крайней мере полгода (от Пасхи до Покрова). И каждое новое поколение стремилось устроить жизнь по-своему, приблизить ее к своему идеалу. Поэтому

¹ В. Переверзев. Цит. по: *Золотонос М.* Глагол, которому названия нет. Заметки читателя // Час пик. 1 апреля 1991 г. № 13 (58).

усадьбы так часто были выражением представлений о должном устройстве мира и общества, о «Рае на земле». Поэтому усадьбы сегодня — это тексты, по которым мы можем прочесть и восстановить мировоззренческие представления наших предков.

Ну что ж, у вас прелестная усадьба: почему бы вам прочно там не обосноваться до конца ваших дней? Это счастливая необходимость, и от вас одной зависит извлечь из нее всю ту пользу, какую могли бы вам доставить самые поучительные указания философии. Сделайте свой приют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид чувственности, заботы ваши будут иметь целью не вульгарные удовольствия, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Очень прошу вас не пренебрегать этими внешними мелочами. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую утонченность чувства, всякое понятие об изящном <...> Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей домашней жизни¹.

Воронцовы

Почему «век Николая» был «веком Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не веком Ермолова, Воронцова и как их еще. Даже не знаем. Мы так избалованы книгами, что даже не помним полководцев... Но ведь это же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь.

В.В. Розанов

Род Воронцовых — один из древнейших в русском дворянстве². Согласно «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 35-37.

² Подробно о роде Воронцовых и Воронцовых-Дашковых см.: Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.

Империи», части 1, № 28, он происходит от Симона Африкановича, воеводы, прибывшего из Германии в Киев в XI веке. Бояре Воронцовы играли заметную роль при Московском великокняжеском дворе. Однако настоящую известность эта фамилия получила с 1741 года, когда в дворцовом гвардейском перевороте, возведшем на престол Елизавету Петровну, весьма активную роль сыграл будущий канцлер и умнейший государственный деятель М.Л. Воронцов. Брат его Р.Л. Воронцов также занимал ряд государственных должностей, был, в частности, Владимирским наместником и прославился своим богатством. Вслед за братом он был возведен в графское достоинство. Из пятерых законных детей Романа Ларионовича в русской истории в той или иной степени прославились почти все. Елизавета стала фавориткой Петра III, Екатерина, в замужестве княгиня Дашкова, была одной из самых известных личностей екатерининской эпохи, руководила Академией наук¹. Александр был необходим и Екатерине II, и молодому Александру I, который назначил шестидесятилетнего государственного мужа канцлером. Александр Романович не имел ни жены, ни детей, так и не разделил своего имущества с братом Семеном, считал сына его и своим сыном и отдал последнему как свою любовь и внимание, так и все наследство. Самый младший, Семен Романович, более двадцати лет (1785–1806) был полномочным министром (послом) России в Лондоне, где и прославился как весьма умный, дальновидный и благородный дипломат². В 1781 г. он, уже будучи генерал-майором и героем румянцевских походов, женился на Екатерине Алексеевне Сенявиной, представительнице славного рода, многие члены которого принесли славу российскому флоту. Родив Семену Романовичу двоих детей — сына и дочь — Екатерина Алексеевна скончалась в Венеции в 1784 г.

Чрезвычайно богатая событиями и делами жизнь Михаила Семеновича Воронцова³ началась 19 (30) мая 1782 г. в Санкт-Петербурге, в доме на Малой Морской. Екатерина II прислала на его

¹ См. биографию княгини: *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

² См. биографию С.Р. Воронцова: *Захарова О.Ю.* Граф С.Р. Воронцов — посол Российской империи. Симферополь, 2005.

³ Подробные биографии М.С. Воронцова см.: *Удовик В.А.* Воронцов. М., 2004 (Серия «Жизнь замечательных людей»); *Щербинин М.П.* Биография генерал-фельдмар-

рождение драгоценную табакерку. Младенцем он увезен в Венецию, а затем в Англию, которую отец выбрал как место исполнения дипломатической должности — и не в последнюю очередь как страну, где его дети могли получить наилучшее в то время образование. И действительно, Семен Романович весьма строго подходил к подбору гувернеров и учителей, различных для сына и дочери. Домашнее образование мальчика было весьма широким — от гуманитарных предметов, языков, естественных наук, математики, архитектуры до верховой езды, владения оружием и посещения английских заводов, светских собраний, парламента и русских военных кораблей. Еще в ранней юности проявилось страстное желание молодого человека стать военным. Он внимательно следил за успехами армии Суворова. Отец воспитывал сына в весьма патриотическом духе. Считая, что революция, начавшаяся во Франции, непременно произойдет и в России, русский посол учил сына и ремеслу — чтобы тот смог занять достойное положение и в послереволюционной стране. Разумеется, сын приучался и к дипломатическим делам, помогал отцу как секретарь.

Надо заметить, что жизнь посла была тогда весьма непростой, особенно в те месяцы правления Павла, когда Семен Романович был уволен, а имения его отобрали. В это время семья даже вынуждена была частично жить в долг при помощи друзей из среды английских банкиров. При воцарении Александра посол был восстановлен в должности и правах, а сын его отправился по исполнению 18 лет в 1801 г. в Россию с единственным чемоданом и даже без слуги.

Поскольку еще при рождении Михаил Семенович был записан бомбардир-капралом в лейб-гвардии Преображенский полк, а в 16 лет стал действительным камергером двора, то по прибытии в Россию он мог занять сразу весьма высокие посты в гвардии и при дворе. Однако он попросился всего лишь поручиком в гвардию, а через год службы и парадов в столице соскучился и с помощью

шала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858; *Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar.* Toronto; L., 1990; *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001; *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2005; *Удовик В.А.* М.С. Воронцов: человек, полководец, государственный деятель. СПб., 2009.

дяди Александра Романовича отправился на Кавказ в действующую армию. С этих пор граф почти непрерывно воевал около двадцати лет. До 1805 г. это была война на Кавказе, где он стал майором и получил три боевых ордена, а в январе 1804 г. едва не погиб. В 1805–1807 гг. воюет в Померании, получает полковника. 1809–1812: в войне с Турцией на Дунае в войсках Багратиона, еще два ордена, золотая шпага с бриллиантами за Руцук и чин генерал-майора (1810).

Так, в войсках Багратиона, граф и вступил в войну 1812 года. В Бородинскую битву его сводная гренадерская дивизия защищала знаменитый Шевардинский редут, укрепления у деревни Семеновской. К концу дня 26 августа от дивизии осталось 300 солдат и 3 офицера. Сам командир был ранен пулею в ногу и отправлен в тыл, в свой московский дом.

В это время шла эвакуация ценностей из дома. Грузились подводы. Хозяин велел прекратить погрузку, снять все имущество, а затем положить на подводы раненых. Около 50 генералов и офицеров были доставлены в имение Андреевское Владимирской губернии. Там они лечились за счет хозяина. Полученная в наследство от княгини Дашковой вместе с еще одним домом (в нем размещается сегодня Московская консерватория) библиотека в несколько тысяч томов сгорела.

В декабре того же года граф, излечившись, вернулся на фронт. У него было много славных дел в Европе вплоть до взятия Парижа. В феврале 1813 г. пожалован в генерал-лейтенанты, получил орден за Лейпциг, орден за Краон, где противостоял самому Наполеону. В 1815 г. с двенадцатилетним опытом армейской службы генерал-лейтенант граф Воронцов пишет «Некоторые правила для обхождения с нижними чинами в 12-й пехотной дивизии», главная мысль которых состоит в том, что и солдатом, и офицером должны руководить благородство и амбиция. Унизительно командовать униженными, поэтому и наказания должны быть в четком соблюдении законности, а самоволие истреблено. С августа этого же года граф назначен командиром отдельного русского корпуса в союзной армии Веллингтона, стоявшей во Франции после войны до 1818 г.

Интересно послушать известного мемуариста того времени Ф.Ф. Вигеля, довольно долго служившего при графе. «В новейшее

время у Русского войска было <...> два любимца: Воронцов и Ермолов <...> молодой еще тогда, храбрый Воронцов, богатый золотом и доблестями, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочел забавам и пышности двора, — нежный, попечительный отец для подчиненных, товарищ, брат и друг соратствующим». В 1818 г. Вигель приезжает во Францию в расположение русского корпуса (30 тысяч человек) и видит следующую картину. «Я вступал в русские владения. Далее показался деревянный столб, выкрашенный белою и черною краской с красными полосками <...> Написано было по-русски расстояние от каждого городка, и я, считая версты, поехал как бы по Московской дороге <...> За такую наглость спасибо Воронцову <...> Находящиеся тут русские имели право жить постоем; но у них было много денег, и они предпочитали жить шире и показывать себя щедрыми <...> Вообще все сии наши воины, счастливее других три года сряду наслаждавшиеся плодами победы и, следуя примеру своего начальника, были приветливо-горды с жителями и старались задабривать их ласками и деньгами <...> в одни сутки перенесен я был в Россию из центра Франции»¹. Здесь было все родное: щи, каша, кулебяка, блины, квас, двойные рамы, печи с лежанкой, полковые песельники и русская баня. Местное население произносило благодарности и чеканило медали в честь оккупантов. Покидая Францию вместе с корпусом, граф оплачивает долги русских офицеров — это обходится ему в полтора миллиона.

В 1819 г. граф женится на богатой невесте, родственнице князя Потемкина Елизавете Ксаверьевне Браницкой, которую встретил в Париже.

В 1820–1823 гг. Воронцов не у дел. Однако мой герой не бездельничает. Он много ездит по Европе, изучает материалы по усадьбам и паркам, планируя свое будущее «гнездо», выбирает для него место. Занимается он и «общественной работой»: в 1820 г. М.С. Воронцов и А.С. Меншиков подают царю проект общества, во главе которого они готовы встать, по полному освобождению крестьян, предлагая дать волю крестьянам, принадлежащим каждому из них, и умоляя Его Величество позволить им предложить другим

¹ Вигель Ф.Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля. Ч. 1–7. 1891–1892. Ч. 1. С. 76; Ч. 5. С. 138–139.

последовать их примеру. К ним присоединяются братья Тургеневы и несколько высокопоставленных лиц. Государь, однако, не соглашается на устройство общества. Воронцов и Меншиков основывают также вместе с С. Потоцким и А.А. Лобановым-Ростовским «Общество первых в России учредителей дилижансов», заключившее с почтовым департаментом контракты и получившее привилегии на перевозку пассажиров с 1820 г. между Петербургом и Москвой, а затем до Выборга, Иматры, Киева, Ковно и т.д.

Наконец, осуществляется давняя идея, обсуждавшаяся графом в переписке с Ланжероном еще в 1811 г.: М.С. Воронцов назначается генерал-губернатором Новороссии и полномочным наместником Бессарабии. В Новороссию входили тогда Южная Украина, все северное Причерноморье и Крым. Эти земли лишь в самом конце XVIII в. вошли в состав Российской империи, многие из них были фактически пустынные. После некоторого колебания граф выбрал местом своей официальной резиденции Одессу, а место отдохновения — Крым.

Теперь вместе с наместником мы попадаем в поток повседневных дел, бесконечных поездок по краю и раз в год-два через всю Европу в Англию, к сестре и отцу. В середине 1823 г. граф на сделанном в собственном имении пароходе с привезенной из Петербурга паровой машиной выходит в Днепр, привлекая невиданным зрелищем зевак. Затем он на гребной шлюпке является в Екатеринослав и принимает дела как генерал-губернатор. Одна из первых глобальных проблем, которая его ожидала — шестилетнее нашествие саранчи. В советской исторической и литературоведческой литературе об этом известно главным образом по столкновению Воронцова с Пушкиным (я позволю себе вообще опустить этот эпизод — поэт жил в Одессе меньше года, — поскольку он затрагивает жизнь Пушкина и требует специального рассмотрения, имея огромную литературу¹). С 1824 г. граф начинает строительство собственных домов в Одессе и Алушке. В 1825 — борьба с чумой в Измаиле. Именно в этом году начинается болезнь глаз, длившаяся более 20 лет. Тогда же устанавливаются непосредственные контакты губернатора с крымскими татарами и муфтием. Сове-

¹ См. об этом: *Удовик В.А.* Пушкин и чета Воронцовых. СПб., 2007.

менники отмечают в качестве характерной особенности Воронцова: он всегда поддерживал прекрасные отношения с местным населением, будь то в Крыму, Бессарабии или, позже, в Тифлисе.

В октябре в Крым приезжает Александр I и подхватывает лихорадку, сведшую его в могилу. Воронцов присутствует у тела умершего императора и там же, в Таганроге, узнает о событиях 14 декабря. Он пишет с гордостью в своем дневнике, что в Одессе по этому делу не был арестован ни один человек. В 1826 г. граф назначается членом Государственного совета и в этом качестве принимает участие в первых заседаниях особого трибунала по делу декабристов. Затем он едет в Аккерман, где ведет переговоры и заключает выгодную для России конвенцию с Турцией, а потом под Одессой катает удивленных турок на диковинке — парохоме. В конце года Воронцов избирается почетным членом Императорской Академии наук.

Именно в эти годы Одесса расцветает как порто-франко и начинается ее слава как «житницы всей Европы». Город отстраивается, получая свою знаменитую лестницу, памятник Ришелье, дворцы, набережную, мостовые. Воронцов не только командует, он «пробивает» в инстанциях проекты и решения, привозит из Европы инженеров, врачей и даже лично набор английских хирургических инструментов для городской больницы. Одесса становится многонациональным купеческим городом. Здесь есть светское общество при «дворе» Воронцовых, ими поддерживаемый театр, лицей, институт восточных языков (основан графом), научные общества сельскохозяйственное, истории и древностей (граф добился в столице решения и денег), публичная библиотека (во многом пополнявшаяся за счет книг графа). У самого графа в доме хранился богатейший архив, содержащий множество ценных рукописей и документов. Хозяин приглашал работать с ним специалистов по древностям и во время Крымской войны при обстреле города велел спасать его в первую очередь. Через библиотеку, купцов, промышленников, врачей, архитекторов по югу России распространяется европейская культура¹. Выходят две полуофициальные газеты на русском и французском языках и журнал «Новороссийский календарь».

¹ *Алексеев М.П.* Английская литература. Очерки и исследования. Л., 1991. С. 308.

Крым, который он сам выбрал, «который лелеет он как игрушку, как любимое детище»¹, Воронцов застаёт почти пустынным и проводит активную политику по его заселению. Он принимает в Алушке царей с семьями, успешно уговаривая их стать «крымскими помещиками», чем необычайно поднимает престиж этих мест, рекламирует Южный берег в высшем свете и в печати. Наместник раздаёт земли чиновникам лишь с условием активного садоводства. При Воронцове расцветает знаменитое крымское виноделие, поскольку в его владениях Ай-Даниле, Гурзуфе, Массандре оно было поставлено на промышленную основу мирового уровня: выписаны из Европы известнейшие сорта винограда и специалисты, выстроены подвалы, винокуренные и дрожжевые заводы. Со всего света привозили в Крым и экзотические растения. Поскольку Южный берег имел стратегическое значение, да и Воронцову было выгодно соединить свои владения, строится дорога от Симферополя к морю, а затем вдоль берега к Севастополю. Вино начинает поставляться по всей России и вывозится судами в Европу. Просвещенный граф интересуется историей и древностями Таврии, поощряет археологические и культурологические исследования. По его приказу снимаются планы древних укреплений Южного берега, реставрируется Бахчисарайский дворец и башни крепости Алустон (Алушты).

В 1828 г. на Черном море было основано пароходство, и первые пароходы были выписаны из Англии. В этом же году в Одессу приезжает Николай I. Он назначает Воронцова командующим при осаде Варны вместо контуженного Меншикова. Через полтора месяца Варна сдалась. Граф был награжден алмазным оружием. В 1829 г. он получил высшую награду империи — орден Св. Андрея Первозванного — за отличие в кампании и безостановочное снабжение припасами армии. Вернувшись к мирной деятельности, наместник опять столкнулся с эпидемией чумы в Одессе, Бессарабии и Крыму. Особенно тяжело далось ему усмирение чумного бунта в Севастополе, где меры по предотвращению болезни вызвали стихийное возмущение. Воронцов вынужден был приехать, навести порядок и провести расследование (считавшееся, кстати, весьма законным и мягким). Он делал это в то время, когда у него умирала за границей

¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 449.

дочь, которую он так и не успел застать в живых. Вообще эти три года (1830–1832) были очень трудными для графа в семейном плане: в Англии умер сын Михаил, а затем 88-летний отец. Видимо, эти события настроили графа на укрепление своего «гнезда», и именно с этих лет начинается усиленное строительство усадьбы в Алушке — по новому проекту.

В 1833 г. было основано «Общество паровой коммуникации Одесса-Константинополь», заложены Ялтинский порт и Бердянск. Ялта вообще строилась усиленными темпами и в 1837 г. по посещении императором стала уездным центром. Юг России в 1833 г. постиг серьезный неурожай, 700 000 человек осталось без средств к существованию, но генерал-губернатор сумел так организовать подвоз, хранение и распределение зерна, что ни один человек не умер с голоду. Граф заботится о посадке лесов, следуя опыту немецких колонистов и особенно меннонитов.

Новороссия в эти годы развивается совсем не по старому крепостному сценарию. Крепостные крестьяне по 10 ревизии (1857) составляли в Таврической губернии, например, всего 6%. На юг приходило множество беглых, которые там не преследовались. Растущие города, флот, хозяйство требовали много рабочих рук. Взгляды Воронцова на крестьянский вопрос отразились в его письме к графу П.Д. Киселеву от 17 февраля 1837 г.:

Вы делаете мне честь, спрашивая мое мнение о великом крестьянском вопросе. Вы уже давно знаете мой принцип в этом деле, а что касается средств исполнения, то я уже так давно далек и противоположен в действиях и правительству, и всей стране, где основное богатство состоит в подневольном труде на земле, что мне трудно иметь правильные идеи касательно первоначальных мер, а также о величине препятствий (если не предполагать невозможности), которые появятся в борьбе с предрассудками и привычками массы собственников крестьян и дворовых. Однако вот мое мнение <...> можно было бы сразу, без всякого риска, начать с меры, предложенной и одобренной Императором 7 лет назад, а именно полного разделения дворовых и прикрепленных к земле крестьян <...> Этим первым шагом мы лишь достигнем состояния, в котором были некоторые страны Европы два или три века назад; но это все же был бы очень большой шаг, и я даже убежден, что он привел бы осторожно и быстро к разумному раскрепощению. Истинное несчастье, что этот проект не начал осуществляться во

время последней ревизии: в течение очень короткого времени наш помещик увидел бы, что он только выиграл от такого установления, а уменьшение челяди, которое можно еще ускорить хорошим налогом на дворовых, восполнилось бы доходами домашней жизни, упорядочивающей и цивилизующей нравы и привычки наших собственников. Этим самым главный пункт, главная отягощающая нас забота, настоящий позор России в XIX веке — личное рабство было бы если не отменено, то по крайней мере сдвинуто к скорейшему полному исчезновению <...> все были бы богаче, и страна была бы богаче, поскольку появилось бы больше рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности, и поскольку население разделилось бы по общему интересу, по качеству и количеству земли вместо случайной раздачи ее тому или иному собственнику¹.

После указа от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах Воронцов первым выразил желание перевести крестьян своего имения Мурино под Петербургом на положение обязанных. «Я с огромным удовольствием занимаюсь этим делом, и если все в Мурино пойдет хорошо и в течение следующего года тамошние крестьяне начнут ценить преимущества их нового социального положения, я покажу это нескольким умным крестьянам с других наших земель, и я уже не буду сомневаться в успехе. Пожалуйста, сообщите мне, последовало ли сколько-нибудь еще владельцев примеру Мурина?» — писал граф П.Д. Киселеву в другом письме². Примеру Воронцова последовали только Витгенштейн и Потоцкие. Всего было переведено 24 708 душ мужского пола. Сам граф встретил целый ряд препятствий и проволочек со стороны высшей администрации, так что только после усиленных хлопот дело было доведено до конца³. Стремление графа к отмене крепостного права имеет давнюю историю, восходящую не только к 1820, но и к 1815 г., когда он подписал обращение М.Ф. Орлова к царю касательно этой проблемы.

И Новороссии, действительно, требовались рабочие руки. Население Одессы, например, с 1823 по 1849 г. выросло в два раза и достигло 87 000 человек. И это несмотря на войну 1828–1829 гг., чуму 1829, холеру 1830, неурожай 1833, чуму 1837, холеру 1848–1849

¹ Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. С. 15–17.

² Там же. С. 103.

³ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XVI^A. СПб., 1895. С. 700.

годах¹. Воронцов так хорошо научился принимать организационные весьма суровые меры против заразных болезней, накатывавших из Турции, что само его появление в том или ином зараженном городе вызывало полное доверие населения и строгую подчиненность карантинным порядкам. При этом Одесса производила на приезжих удивительное впечатление. Вот, кроме пушкинской главы из «Онегина», еще отзывы. «Одесса в 1830-х годах соединяла в себе все, что было у нас образованного, изящного и богатого и что по каким-либо причинам не могло или не хотело примириться с жизнью в столице или же в чужих краях. Южный климат, солнце и тепло в течение большей части года, блестящее радужными переливами чудное Черное море <...> итальянская опера <...> звучная итальянская речь на улицах, дешевизна портофранко и вообще приволье и легкость жизни полуиностранного и полурусского города, в связи с просвещенным обхождением и доступностью новороссийского генерал-губернатора, графа Михаила Семеновича Воронцова — привлекали к Одессе общее сочувствие»². И.С. Аксаков пишет в ноябре 1848 г.:

Город поразил меня своею торговою деятельностью и своею совершенно оригинальною физиономиею. Море с лесом мачт, красивые улицы, обстроенные домами из дикого камня, без штукатурки, с плоскими кровлями, набережные, обсаженные деревьями, лоск и блеск европейской торговли, *отсутствие тяготеющей власти* — все это делает первое впечатление приятным. Не судите Одессу как русский город. Это разноплеменный рынок, где выгода соединила людей из разных мест в одно общество. Этот город — явление искусственное, но, однако же, не насильственное, как Петербург. Это город, весь созданный из иностранных элементов, связанных довольно дружелюбно русским цементом. Космополиты и либералы — Дюк де Ришелье, граф Ланжерон и граф Воронцов придали ему характер космополитизма. Торговле хорошо под сенью русской силы, и она мало заботится о внутреннем политическом состоянии России, а Одесса — вся торговля <...> Здесь дешево, исключая дров, которые, впрочем, заменяются углем, добываемым в Екатеринославской губернии. Вас поразит свобода, бесцеремонность даже в официальных сношениях, здесь царствующая <...> Одесса <...> не имеет никакого политического значения, и ее

¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXI^А. СПб., 1897. С. 727.

² Дабига В.Д. Николай Никифорович Мурзакевич. 1806–1883 // Русская старина. 1887. Кн. 53, январь. С. 5.

жизнь так подходит к окружающей ее природе, что в ней больше естественности¹.

Упомянутая Аксаковым добыча угля в Екатеринославской губернии тоже во многом заслуга наместника. Говорят даже, что он сам ставил в Одессе и потом на Кавказе успешные опыты по переделке дровяных печей на угольные, что решало проблемы обеспечения топливом. Эти угольные месторождения дали начало Донбассу.

В декабре 1844 г. шестидесятидвухлетний наместник Новороссии становится по высочайшему повелению еще и наместником Кавказа и главнокомандующим кавказскими войсками с неограниченными полномочиями. Он встретил в Тифлисе «пучину неурядиц»², военный перевес всюду был у горцев, они свели на нет все предыдущие успехи русской армии. Новый начальник попал в близкую и знакомую ему еще с юности стихию. Прежде чем приступить к делу, он отправился в Москву, где встретился со своим давним старшим другом А.П. Ермоловым и обсудил с ним кавказские проблемы. В Петербурге Воронцов получил личные указания государя и инструкции, согласно которым он должен был взять штурмом «столицу» Шамиля аул Дарго. Этот поход начался 6 июля 1845 г., был сопряжен с большими опасностями, не принес задуманного успеха и привел к огромным потерям. Граф сам возглавил поход, терпел вместе с войсками лишения и подвергался смертельным опасностям. Оценка этого события весьма разноречива, да это и не удивительно, поскольку исполнение высшей воли, начертанной в Петербурге, чуть не обернулось большой трагедией. Я не компетентен оценивать полководческие таланты Воронцова, но наличие у него и Ермолова огромного опыта кавказской войны заставляет предположить, что именно потому он лично возглавил поход, что видел бесперспективность затеи Николая покончить с Шамилем одним ударом. Поскольку в конце концов графу удалось выйти из весьма сложного положения, не замарав «начальства» и чести оружия, государь не остался в долгу и возвел Воронцова в княжеское достоинство именно за этот поход.

¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. С. 408–409 (курсив мой. — М.М.).

² Толстой В. Князь Михаил Семенович Воронцов // Русский архив. 1877. Т. 3. С. 295.

В дальнейшем русская армия добивалась все больших успехов, потому что князь наводил в ней все больше порядка и сменил способ ведения войны, считая, что вместо лихих наскоков «следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими»¹. Князь применял тактику «экологической» войны, разработанную Ермоловым. Вдоль дорог на два пушечных выстрела вырубались и выжигались леса, постепенно все дальше продвигались вновь построенные укрепления. В результате горцы потеряли возможность нападать неожиданно и были отрезаны от плодородных долин, дававших им пропитание. Таким образом, с прибытием Воронцова дела на Кавказе «резко изменились к лучшему»². Да и гражданская деятельность князя «была изумительна и плодотворна». Он привлек на свою сторону местную аристократию, стремился придавать своим распоряжениям по возможности широкую гласность и через три года навел такой порядок, который привел к относительному успокоению и безопасности кавказской жизни. Как и в Новороссии, Воронцов уделял на Кавказе специальное внимание развитию торговли, промышленности, дорог, портов, хлебопашества. Впечатление от его дневников тех лет³: тяжелая повседневная управленческая работа, приезды высокого начальства, война, болезни, преследующие уже пожилого человека, и главное — бесконечные разъезды по Кавказу и Новороссии. Князь занимается образованием детей всех сословий, сохранением древностей, постройкой тифлисского театра, перестройкой Софийского собора. «Заветной мыслью его было создание частных капиталов в своем наместничестве. Этим он надеялся поощрить частную предприимчивость к разработке местных природных богатств»⁴. Он получает титул «светлости».

Наконец, в 1853 г. князь по состоянию здоровья просит уволить его от всех должностей. Летом 1856 г. в день коронации Александра II он пожалован в генерал-фельдмаршалы, а 6 ноября, возвратившись в Одессу, умирает.

¹ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 2–4. С. 181.

² Дондуков-Корсаков А.М. Князь М.С. Воронцов // Старина и новизна. 1902. V. С. 298.

³ Воронцов М.С. Выписки из дневника М.С. Воронцова с 1845 по 1854. СПб., 1902.

⁴ Толстой В. Князь Михаил Семенович Воронцов. С. 304.

Разумеется, князь полжизни провел в колониальных войнах, разумеется, он был высшим чиновником самодержавного государства, обличенным доверием императора, разумеется, он был очень богатым человеком, имевшим огромную власть. Но в российской истории довольно мало найдется людей с таким послужным списком организатора и создателя, плодами деятельности которого мы пользуемся до сих пор.

* * *

Даже поверхностное знакомство с жизнью и делами графа дает право утверждать, что приписывание его к высшему дворянству, офицерству и чиновничеству еще не может объяснить всего своеобразия его личности. Он явно выделяется из того 1% населения страны, который составляло к началу XIX в. российское дворянство. Граф по принципиальным соображениям отказался как от придворной карьеры, так и от тихой жизни в собственном поместье, не порывая с тем и другим окончательно. Не нуждаясь в деньгах благодаря полученному наследству, он сознательно выбрал пожизненную весьма хлопотную и ответственную службу. Надо, видимо, признать, что пушкинское «Полумилорд, полукупец...» — не просто злая эпитафия. Поэт уловил некоторую существенную особенность жизненной позиции новороссийского наместника. граф нашел, кажется, «нишу», в которой был наиболее свободен и неуязвим, он брал выгодные черты сословий, но стремился — и не без успеха — избежать недостатков их. Он был дворянин — но имел нужное Отечеству дело жизни и не страдал от безделья. Он был буржуа — но без болезненной страсти к торгашеству и накопительству. Он был чиновник и имел власть — но без «административного восторга» и идиотизма канцелярщины. Он был «един в трех лицах» — и не был рабом ни одного из них. граф был кем-то особым, имеющим три «ипостаси» он был личностью, личностным единством России и Запада, дружбы и командования, благородства и выгоды, дела и роскоши, поэта и чиновника. Может быть, это было следствием его характера и темперамента... Следует, видимо, обратиться к психологическому портрету графа, чтобы понять, почему не оправдалась надежда эпитафиста. Я

постараюсь дать его максимально кратко, обобщив более 30 источников.

«Благородный разумник»

Я хочу изобразить, для созерцания юношества, достойного государственного человека... того открытого, обнародованного деловца, который удостоен заседать с ним <государем> в советах, иметь право непосредственно предлагать ему свои умозрения, того обличенного великою силою действовать его именем и отличенного блистательным, но вкуче и опасным преимуществом свидетельствовать, скреплять или утверждать его высочайшие указы своею подписью, отвечая за пользу их честью и жизнью. Словом, я хочу описать посредника между троном и народом, изъяснить достоинство государственного человека, министра или правителя...

Г.Р. Державин

Граф Михаил Семенович росту был около 175 см, славного телосложения, сухой, пригожей наружности, с тонкими, не совсем правильными, но красивыми и замечательно благородными мужественными чертами лица. Он был приятен в любом возрасте, на тонких, словно отточенных резцом губах почти всегда — улыбка доброжелательства (или коварства?). Всю свою жизнь граф был похож на самый известный свой портрет кисти Лоуренса. Голос имел твердый и нежный. Он был прост в одежде (повседневно — в егерском сюртуке без эполет), внешне непринужден, но, в сущности, застенчив. Л. Толстой в «Хаджи Мурате» сравнивает его с лисом. Это настоящий барин, *grand seigneur*, истинно барское изящество. Большинство отмечало его английскую складку и навыки лорда с приветливой гордостью и щеголеватую неловкостью. Те, кто не любили графа, считали его эгоистом, корчащим из себя аристократа и вице-короля, выправка которого надменна, а вежливость оскорбительна. Близкие же друзья называли его совершенно русским в сердце. Воронцов выглядел свежим и бодрым и в 70 лет,

хотя страдал болезнью глаз и не переносил холода. Все в один голос отмечают тонкий и ловкий ум моего героя, его рассудительность, благоразумие, толковость. Он — «благородный разумник»¹, имевший дар заставлять других признавать свое превосходство. Холодный рассудок и постоянный умственный труд давали ему возможность глубоко знать людей.

Граф имел редкого качества европейское образование. Он с юности много читал, знал языки, точные науки. Просвещенность и широкие взгляды его дают право назвать графа культурнейшим, утонченно чувствующим культуру. В работе отличался усердием, упорством, терпением, методичностью, настойчивостью, силой воли, самоотверженностью, трудолюбием. Он был человек полезного дела; рассчитывая на будущее, сам неустанно трудясь, был требователен и заряжал деятельностью других. Действовать любил спокойно, твердо, быстро, решительно и — самоуправно. «Вицерай полуденной России» был одним из немногих истинно государственных мужей, правил усердно и размеренно, имел трезвый, утилитарный, широкий взгляд на вещи. Либеральный администратор, он успешно хозяйничал в своих наместничествах, будучи непосредственно знакомым с нуждами края. Жизнь при нем была своеобразна и привлекательна. Он не был формалистом, не придирался к мелочам, интересуясь сутью. Меры часто принимал самодержавно — но меры постепенные, заботливые; наводил порядок и не встречал ни тени сопротивления. Не любил канцелярщины и бумаг, не создавал новых бумажных учреждений. Распоряжения отдавал максимально гласно, помогая и покровительствуя туземцам. Всю переписку диктовал сам. Искал и привечал полезных для дела людей, а противников не щадил. В результате вокруг Воронцова всегда образовывалась группа преданных ему людей, которым он полностью доверял и особенно переживал случаи их предательства.

С подчиненными он был мягок, очарователен, но требователен. Даже Пушкин называл его очень ласковым, лучшим начальником для чиновников. Был доступен, прост, не педант. Обстановка в его «ставке» царилась свободная. Исполнителей, как и себя, не жалел,

¹ Архив князя Воронцова. Кн. XL. С. 525.

относился к делу строго, но жестокости к низшим не терпел. Умел обнадеежить. Соратникам был брат и друг.

С высшими граф — тонкий придворный. Дружил со многими властными людьми, умел писать начальству тонкие частные письма. Граф пользовался особым расположением Николая I, его неограниченным доверием. Этим прикрывалось все, поскольку царский наперсник был для подчиненных отблеском трона. Разумеется, он был «монархист», человек вполне благонамеренный, хотя и весьма либеральный. Как писал П.А. Вяземский, не донкихотствовал против власти. Будучи в своих наместничествах фактически самодержцем, Воронцов, конечно, вызывал и вызывает осуждение нескольких недоброжелателей и особенно тех литераторов и литературоведов, которые судят о нем лишь по формально-идеологическим моментам.

Граф, действительно, бывал деспотичен, особенно в старости, о чем свидетельствуют его близкие сотрудники¹. Недруги считали его честолюбивым, беспринципным карьеристом, ненасытно тщеславным и высокомерным, однако это плохо сходится с его отказом от придворной жизни, нелюбовью к Петербургу и пребыванием в течение 30 лет в одной должности в отдаленной от столиц и пустынной тогда Новороссии и на весьма политически сложном и опасном Кавказе. Я думаю, все объясняется достаточно просто: это был человек с чувством собственного достоинства. Его раздражали не задержки в карьере, а несправедливое не по реальным заслугам отношение как к нему самому, так и к его соратникам. Именно поэтому граф предпочел военную службу и наместничество — ведь там он был наиболее самостоятелен, там наиболее важную роль играли личные качества, решения и заслуги. Именно поэтому он был склонен выказаться², принимал советы и возражения только наедине и не терпел совместничества. Еще отец приучил его к самостоятельности и самоуважению. Мечтая с детства о военной службе, он и на поле боя был искусен, храбр, самоотвержен, смел — особенно там, где опасность. Не любил парадов и хвастовства. И, как продолжение достоинств, — самонадеянность, приводившая иногда к большим потерям. Храбрый в бою, в деле, хлебосольный и либеральный в отдыхе, он был всеобщим любимцем

¹ Дондуков-Корсаков А.М. Князь М.С. Воронцов.

² Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1902.

в армии. То же стремление иметь и ценить свои личные реальные заслуги я вижу и на его мирном поприще. Граф был очень богат, вернее, стал богатым, получив наследство от дяди и тетки и женившись на Браницкой — наследнице Потемкина. Однако он любил считать то, что заработал сам, а не унаследовал. Хозяйство его, разбросанное по всей европейской России, всегда было в порядке, «без роскоши и недостатка»¹. Вот это «без роскоши» особенно удивительно для нас, привыкших к нищете (специально выделяет роскошь Воронцова *Большая советская энциклопедия* 1929 г. издания). Никто из современников не говорит об излишествах, речь всегда идет о красоте, расчете, продуманности и соразмерности личности графа и его быта. Хозяином он был добрым, расчетливым, но не скупым. Щедрым, но разборчивым. В часы отдыха был необыкновенно гостеприимен и радушен. Число сотрапезников его в разные периоды жизни и в разных мемуарах удивительно постоянно превышает сотню. При этом сам он ест весьма просто, без излишеств — два блюда, предпочитая щи и кашу. Желание нравиться, покорять приятностью, вниманием и ласкою, самые любезные свойства графа, его полная доступность и простота, свобода и дар очарования приносили ему всеобщее уважение. Это признавали даже явные противники, коих было немного. Остальные же все любили его, он же любил людей деловых и надежных, а в минуты отдыха — хорошую компанию, верховую езду, морские прогулки и путешествия, южную природу, книги, рукописи, гравюры — и свою Алупку.

Долгая и бурная жизнь графа многому научила его. Главный урок оказался горьким: к концу жизни он все меньше доверял и верил людям. Он пришел к результату, во многом заложенному в основном противоречии его личности. Михаил Семенович был воспитан внимательными, любящими его людьми и тщательно подобранными учителями. Отсюда его душевность, теплота и мягкость сердца, врожденная доброта, чудный уживчивый характер, чувствительность, честность. Поощряемое отцом стремление подготовить себя к службе в армии, все уметь самому, воспитало его твердый дух, спокойствие, силу воли, уважение и глубокую пре-

¹ Архив князя Воронцова. Кн. XXIII. М., 1882. С. 49.

данность долгу, скромность и невзыскательность. Крепкий семейный «тыл», поддержка и доверие отца и сестры, которые граф ощущал всю свою жизнь, помогали ему быть благородным и великодушным, справедливым и беспристрастным, снисходительным, прощающим слабости, защищающим оклеветанных. Он никогда не опасался показать себя человеком, не гнушался и повиниться, в том числе и перед подчиненными. Он всему знал меру, стремился жить упорядоченно и разумно дисциплинированно, любил режим, но не подчинялся ему рабски.

Приехав в Россию мужественным, умным и обаятельным юношей, Воронцов попал в мир далеко не ласковый и не романтичный. Видимо, жизненные коллизии постепенно изменяли внешние проявления его качеств. Он стал скептически относиться к людям, даже презирать их, стал скрытным, надменным, несправедливым, несносным. Неспособность и нежелание людей оценивать деятеля по его заслугам оскорбляли и раздражали самолюбие графа. Он стал часто дурно судить о людях, внимать наговорам, злобствовать и мстить по мелочи. Недоброжелатели считали его неблагодарным, неразборчивым в средствах, интриганом, однако, доносителем он стал уже в советское время.

Таким образом, граф, бывший о себе — и не без основания — высокого мнения, в реальной жизни вынужден был относиться с открытой душой ко все меньшему кругу людей. Он верил только в себя и свою «хунту», став к старости совершенным эгоистом, тем более что — как человек яркий, талантливый, блестяще образованный и «упорядоченный» — всегда осуждался за непохожесть, «англоманство», «нерусскость»¹.

¹ См. основные источники: *Андроников Р.И.* Князь М.С. Воронцов в деле Ю.А. Копьева // *Русская старина*. 1873. Т. 8.; *Архив князя Воронцова*. Кн. XII. С. 289; Кн. XXIII. С. 49; Кн. XXXVII. С. 285, 323, 326; Кн. XL. С. 509-528; *Большая советская энциклопедия*. Т. 13. М., 1929; *Вигель Ф.Ф.* Записки Филипа Филиповича Вигеля; *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского; *Дондуков-Корсаков А.М.* Князь М.С. Воронцов; *Записки Н.Н. Мурзакевича* // *Русская старина*. 1887. Т. 53-56; 1888. Т. 59; 1889. Т. 61; *Из писем Александра Яковлевича Булгакова к брату* // *Русский архив*. 1901. Кн. 2. С. 74, 91; *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1983; *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. в 10 т. Т. 10. С. 70-72; *Щербинин М.П.* Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова; *Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar.*

Мировоззрение

Управлять движением и не давать ему управлять — вот великий принцип; но недостаточно его декларировать, надо затем действовать, а где можно действовать легче, сильнее и увереннее, чем у нас?

М.С. Воронцов

В современной культурной мифологии существует обобщенный образ русского мыслителя-литератора-философа, «типичного русского интеллигента». Он философствует в красках, в живых образах. Главное для него — тема России, которую он рассматривает в дуализмах, в неустранимом невротическом конфликте Востока и Запада. Его «двоемирие» утопично насквозь. Русский мыслитель, ориентирующийся на господствующие архетипы, больной неврозом своеобразия, носит с идеей общего организма, духовной цельности, «всеединства», нарушенного сегодня, но имевшего место в прошлом. Однако гностическая парадигма стадильности царств Света и Тьмы обещает удовлетворить его потребность в принадлежности к идеальному целому, покончить с его «сиротством», воссоединив с народом-богоносцем. Ожидаемое должно преобразить данное. «Истинное просвещение» можно обрести лишь в народном бессознательном. Основа же самобытности народа российского — в православии. Из такой мировоззренческой парадигмы следуют психология самоедства, нелюбовь к настоящему, суетливое беспокойство о вечном, самовлюбленность, безответственность¹.

Ясно, что граф не принадлежал к такому личностному типу, поскольку был не разночинцем, а дворянином, причем из высших. Разумеется, он не был «мыслителем-профессионалом», но образы его мышления «поверены» разумом, их соотношения рационализированы, смыслы разнообразно и глубоко продуманы. Его образность демонстрирует широкое и глубокое знание современной ему европейской культуры, «романтическое» преобразование

¹ См. об этом, например: Хоружий С.С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. 1991. № 5.

наследства рационализма XVIII века. По моим наблюдениям, мировоззрение графа близко к размышлениям В.Ф. Одоевского и П.Я. Чаадаева, причем к последнему настолько, что картины АК оказываются как бы иллюстрациями текста Чаадаева и, наоборот, Чаадаев разъясняет структуры Алупки.

От философии в начале XIX в. «ожидали не столько ответа на теоретические запросы ума, сколько указаний на то, как разрешить вопросы жизни. Это не было устранение теоретических проблем, а была *потребность целостного синтеза*, аналогичного тому, какой дает религия. Потому-то философия и становилась главным проводником творческих исканий, что она воспринималась, как *секулярная замена церковного мировоззрения* <...> вся эпоха этого времени, особенно в России, жила под знаком некоего *универсального и надцерковного христианства*»¹. Дело шло об активности в Боге и преображении жизни, отсюда большое влияние Сен-Мартена, вновь обратившегося к учению христианства о «поврежденности» человека и через него всей природы вследствие первородного греха. Человек в своем действии к Богу должен преобразовать себя и природу, вернувшись к догреховному, «истинному» состоянию. Поэтому в мысли того времени так велик эстетический момент, окрашивающий собой все философские интересы.

Согласно современнику М.С. Воронцова В.Ф. Одоевскому, в человеке слиты три стихии — верующая, познающая и эстетическая. В их целостном соединении и заключается содержание культуры, их развитие образует смысл истории. В познании и любви человек постепенно освобождается от греховного состояния, в его эстетическом развитии символически и пророчески преобразуется будущая жизнь, которая дает ту цельность, какая была в Адаме до грехопадения². Цельность восстанавливается и в природе, в которой все есть метафора одно другого, одни явления «отражаются» в других, человек — в природе.

Идея «восстановления», «лечения» природы, осуществляющегося вместе с развитием человека и его сознания, хорошо разрабо-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л., 1991. С. 120, 126.

² Одоевский В.Ф. Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке. Сущее, или существующее. Гномы XIX столетия. Из записной книжки // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М., 1974.

тана еще в раннебуржуазной натурфилософской мысли, например, у Ф. Бэкона. Эта идея позволяет «получить божественную санкцию» на изучение природы, «исходя из ее собственных начал», то есть методами классической науки. Весь мир тогда как бы охватывается единой рациональностью, в принципе прозрачной для человеческого разума, включенного в мировой процесс «прояснения», прогресса, движения истории, ведущего к установлению Царства Божия на земле. Порядок мысли и порядок бытия гладко переходят друг в друга в едином поле бытия-познания. Тот, кто познавал, для классического мышления всегда отсутствовал, был «упорядоченным куском непрерывности», прозрачным в своей видимости. Тот, кто познавал и действовал, «не имел ничего за душой», не имел неразстворимого, непознаваемого, плотного, непроницаемого «осадка», «сердцевины». Смысл, который дает истории классическое мышление, заключается в том, чтобы «установить тщательное наблюдение за самими вещами, а затем описать результаты наблюдения в гладких, нейтральных и надежных словах <...> Документами этой новой истории являются не другие слова, тексты или архивы, но прозрачные пространства, где вещи совмещаются между собой: гербарии, коллекции, сады <...> Кабинет естественной истории и сад <...> устанавливают вещи в «таблице»». По М. Фуко, тогда не было человека в современном европейском понимании. «В течение всего XVIII века составители классификаций устанавливали признаки сравнением видимых структур», но на границе XVIII и XIX веков в Европе происходит важный переход: «преобразование структуры в признак стало обосновываться на принципе, лежащем вне области видимого, — на внутреннем принципе, не сводимом к игре представлений». Здесь и появляется впервые «эмпирико-трансцендентальная двойственность, называемая *человеком*». И дело не во влиянии «неведомо какого зарождающегося романтизма», дело в том, что принцип связи лежит теперь вне системы представлений. Вещи и представления сближаются благодаря их «отношению к», включенности в «структуру упорядочения», называющуюся «данной личностью». Рождается *принцип личностного структурирования*. «Будучи двуединством эмпирического и трансцендентального, человек является, таким образом, местом непонимания — того самого непонимания,

которое постоянно грозит затопить мысль ее собственным небытием, но в то же время позволяет мысли собраться в целостности на основе того, что от нее ускользает»¹.

Именно это, как мне кажется, происходит и с мышлением некоторых российских культурных людей. То, что в Европе складывалось как особенность сознания определенного социального слоя, как господствующая установка или как элемент идеологии общественных движений (уже подразумевающие наличие суверенной «буржуазной» личности), в среде российских образованных людей становится индивидуальной характеристикой, редкой особенностью. Для меня именно это отличает АК и его хозяина от других российских усадеб и хозяев.

Поскольку граф практически не оставил никаких прямых письменных свидетельств своих философских взглядов, то его мировоззренческие принципы приходится гипотетически восстанавливать, пользуясь архивными и печатными материалами, в частности, его автобиографией, письмами, воспоминаниями современников и материалами, связанными с его отцом, лично воспитывавшим сына.

С.Р. Воронцов был лично знаком со знаменитым тогда Луи-Клодом де Сен-Мартеном, более того, он был преданным учеником мыслителя, обладающего всеми достоинствами «l'homme de désir», то есть, по терминологии Сен-Мартена, человека будущего мира. «При этом следует подчеркнуть, что Сен-Мартен именно в этот период переживает резкую смену взглядов: он отрекается от масонства ради идеи либерально-гуманной утопии, свободной от уз орденовой организации <...> Такое движение мысли, видимо, было характерно и для окружавшего Сен-Мартена русского кружка, и для С.Р. Воронцова»². Сам французский философ называл среди своих друзей лишь немногих, способных подниматься до его возвышенных умозрений. Один из них – С.Р. Воронцов.

Отмечу важные для моей концепции представления Сен-Мартена о мире и человеке:

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 192, 302, 316, 410, 415.

² Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 547–548.

-
- вселенная и человек оживотворяются одним общим принципом, из которого эманерируют спиритуальные силы;
 - эти силы действуют и во внешней природе, и в человеке;
 - низшие силы управляют материальной природой, высшие — умственной жизнью человека;
 - человек выше природы и вообще ближе к этим высшим силам;
 - величайшее усилие духовных способностей человека должно состоять в «великом деле» (*le grand oeuvre*), то есть в стремлении к непосредственному слиянию с высшими силами, чем и достигается тогда знание тайн создания и Божества;
 - силы, управляющие материальной природой, не суть физические законы, но действующие спиритуальные существа;
 - эти духи, объясняя материальную природу, вместе с тем получают отвлеченное и нравственное значение;
 - спиритуальные силы имеют различные градации, существуют области различного спиритуального достоинства;
 - истинное «просвещение» есть для человека трудный подвиг, эти усилия — не только усилия чувства и отвлеченной мысли, но и известные материальные способы;
 - правила морали человек найдет в себе самом, потому что он есть отражение высшего Начала, и руководством должен служить ему внутренний свет;
 - человек не должен забывать своего высокого достоинства, должен стараться, чтобы другие также уважали его; любовь к ближнему является сохранением чистоты самого Начала¹;
 - одни люди впадают в рабство, другие этого избегают; тот, кто избегает камней преткновения, тот менее изменяет, обезображивает идею своего Начала, менее удаляется от первоначального состояния; тот, кто мало старался, не имеет успехов и даров; тот, кто имеет преимущества, должен быть выше и управлять;
 - тот, кто предохранил себя от мрака и разврата, должен стать владыкой не только по делу и необходимости, а и по долгу; он должен овладеть рабами, чтобы соблюсти свою власть и безопасность общества, он имеет все права, в данном случае праведные; это и

¹ Пытин А.И. Русское масонство XVIII — первой четверти XIX в. Пг., 1916. С. 211-212, 216-217.

есть происхождение временного владычества человека над себе подобными;

- это владычество не только не угнетение, но твердейшая опора естественного общества, самое лучшее средство его подкрепления против как внутренних, так и внешних врагов;

- владетель же должен строго придерживаться своих качеств, которыми приобрел владычество, и стараться для собственной пользы устроить блаженство своих подданных; он владеет Светом, при помощи которого может и должен все видеть, знать основания законов и правосудия, уставы воинского порядка, права людей и свои, пружины государственного управления¹.

К главным особенностям этих представлений я отнесу 1) их *вертикальность* (то есть наличие иерархии спиритуальных сил и людей), 2) их акцент на индивидуальности, *личности* и 3) то, что трудный подвиг истинного просвещения личности подразумевает и *материальные* способы его осуществления наряду с духовными усилиями, поскольку человек образует духовное единство с природой. У Сен-Мартена путь достижения «золотого века», рая на земле при усовершенствовании человека выглядит значительно более индивидуальным, внутрличностным, чем в иных масонских системах. Кроме того, акцент переносится с внешней, обрядовой стороны на морально-нравственные правила.

Вплетенное Сен-Мартеном в мировую схематику понятие *долга* играет, мне кажется, ведущую роль в жизни отца и сына Воронцовых. Семен Романович в напутственном письме при отъезде восемнадцатилетнего сына в Россию 3 мая 1801 г. советует ему выбрать такую карьеру, за которую потом не будет стыдно, и главное — строго выполнять свой *долг* («faire exactement votre devoir»), что особенно важно в стране, где живет «нация униженная, расслабленная, потерявшая великолепие и чувство долга». «Помните, — пишет отец, — что быть добродетельным лучше, чем богатым и могущественным», что честь и чистая совесть — это лучшие основания для счастья. Бесплезно пытаться изменить нравы страны, ведь они зависят от климата, способа управления и образования народа. Все внимание молодому человеку следует обратить на свои способы размышления, поведения и общения. Он должен

¹ Сен-Мартен. О заблуждениях и истине. М., 1785. С. 268–270, 277–278.

уважать окружающих, постигать страну и не упускать случая помочь честным, но несчастным¹. То же понятие долга присутствует и в мемуарах графа и его письмах². О глубокой преданности его чувству долга пишут его ближайшие соратники-мемуаристы³. Видимо, долг для М.С. Воронцова — это долг личности самоосуществиться, не предать себя: выполнять приказ императора не потому, что долг императору или отечеству сам по себе превышает всего, а потому, что взялся за дело, сделал свой выбор, ввел себя в должностное и теперь должен идти до конца (это уже и есть честь). Это — верность долгу, высокое служение, как бы имеющее возвышенные внешние корреляты «самослужение».

Обращение к долгу делает людей нравственными, заставляет их покоряться закону и уважать истину. «Но ведь закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами <...> в основе всякого нравственного действия, как бы оно ни казалось самостоятельным и оторванным, всегда лежит, следовательно, чувство долга, а тем самым — подчинения», — рассуждает Чаадаев, говоря далее, что именно такая подчиненность долгу не позволяет личностному началу совершено обособить человека, разобщить его со всем окружающим, дает ему «внутреннее ощущение, глубокое сознание своей действительной причастности ко всему мирозданию». Отрешившись от пагубной индивидуалистической трактовки своего Я, человек «нашел бы вновь и идею, и всеобъемлющую личность, и всю мощь чистого разума в его изначальной связи с остальным миром <...> он снова начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам Господь Бог в тот день, когда Он извлек его из небытия <...> утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено <...> это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает»⁴.

¹ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 5–10. Полный текст письма в русском переводе см. в главе «Они вообразили, что стали совершенно свободными».

² Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 82, 89, 94–95; Из писем фельдмаршала кн. М.С. Воронцова к М.П. Щербину с Кавказа и из чужих краев в Москву. Стб. 2198, 2200.

³ Архив князя Воронцова. Кн. XL. С. 516; *Дабига В.Д.* Николай Никифорович Мурзакевич. С. 124.

⁴ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 54–56.

Запомним главную особенность мировоззренческого типа, к которому принадлежит граф: это *личностная вертикаль деятеля*.

Такое мировоззрение совершенно соответствует натуре графа.

Принципы

Апостол не сказал им: «Я *приношу* вам какую-то новую, чужую веру», а сказал «Я вам открываю то, что уже было в вашем сердце».

А. Мень

Определив мировоззренческий фон и тип моего графа, я формулирую теперь кратко основные методологические принципы моделирования *алупкинской метафизики*.

1. Принцип динамической пейзажности. Как явление развитой и богатой культуры, Алупкинский комплекс (АК) не допускает однозначных толкований. Он многослоен, полифоничен, целостен. У Воронцова ни в чем нельзя искать лишь одну причину или соображение. Он привык видеть и мыслить «комплексно», то есть культурно. Разумеется, это «комплексы того типа культуры». Всюду в Алушке мы найдем многозначность, полифункциональность, полисемантическую. Кроме того, АК рассчитан на восприятие в движении. И дворец, и парк *пейзажны*. Видишь одно, но тогда не видишь другое. Динамическое восприятие подразумевает отсутствие точки охвата — абсолютной гносеологической позиции. Нельзя сразу схватить всю структуру АК. Движение от точки к точке — игра и взаимопереход смыслов и пейзажей, сохраняющих, однако, внутреннее идейное единство: «Как в радуге один распятый луч»¹.

2. Принцип личностного единства. Единство АК я буду искать не в чем ином как в личности хозяина его. Ни единый стиль, ни абстрактная метафизическая концепция, вычитанная из литературы, не лежат в основе АК, вернее, не иллюстрировались явно хозяином-творцом. Я, как видите, пытаюсь построить контуры такой концепции, но не для АК, а для мировоззренческого типа графа.

¹ Волошин М.А. Коктебельские берега. Симферополь, 1990. С. 148.

Алупка же есть «внутренний» автопортрет М.С. Воронцова. «Это чудо <...> коренится в чуде его личности, слишком широкой, чтобы втиснуться в любой монолог, слишком калейдоскопичной, чтобы сложиться в логическую систему, — и все же достигающей единства»¹. Усадьба, конечно, искусственна — ровно настолько, насколько искусственна сама дворянская личность. Дворец — это антиклассицизм, анти-Петербург с его многочисленными рядами колонн Александровского ампира. Отсутствует даже античная римская и греческая символики (соответствовавшие обычно имперскому или демократическому уклону политической мысли). Нет и выпирающего пафоса военной победы, геройства. Итак: личность, а не государство, не тоталитарность. Личность в мире, среди мира — в долге перед Богом. Это роскошь не ради роскоши и демонстрирования богатства. Это богатство ради личностной гармонии, радости, полноты, разнообразия — но без обжорства, казенщины, бахвальства. Позиция твердой, но внешне мягкой самодостаточности. Это «дом Канта», но не по меркам немецкого бюргера, а в масштабе русского процветающего дворянина богатого и древнего рода.

Личностную основу АК подтверждают и крайности оценок Алупки (подобно крайностям оценок характера хозяина) — от полного восторга до удивления ее аляповатостью и количеству зря потраченных средств.

3. Принцип обыденной символичности. Изотерические смыслы в АК возможны, но не играют ведущую роль. Воронцов использует образные комплексы, присутствующие, «растворенные» в обыденном сознании (общей культуре) образованного высшего дворянства. Рукотворная гармония доступна нам непосредственно, без «посвящения», если мы владеем определенным общеевропейским культурным багажом. Многое в том обыденном сознании определялось интуитивно или было получено с воспитанием и образованием. Сегодня же нам приходится это многое расшифровывать. Однако необходимо помнить, что, во-первых, — как и в геральдике — символом может служить не отдельная деталь, а сразу некоторый «блок» элементов, во-вторых, граф ис-

¹ Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 379.

пользовал их своеобразно, ибо ему нужно было обозначить не абстрактные онтологические сущности или моральные качества, а свойства и пристрастия своей собственной натуры, и в-третьих, любой элемент АК всегда имеет простое естественное объяснение без всякой символики — скажем, рациональностью, удобством или приятностью. «Кто-то может чисто логически зафиксировать определенную тенденцию, но не увидеть картину. А чтобы <...> видеть картину, нужно обладать особым воображением <...> Это *овнешивление* в картинах поэтических, ритмических, музыкальных всего того, что кипело в душе <...> в данном случае, универсальной российской душе и вокруг нее»¹.

Масонские символы

Это был город, где жили ученые, философы, студенты, это был город, наполненный статуями, изваяниями, прекрасными храмами языческим богам, но там не хватало — милосердия.

А. Мень

Объяснив о неизотеричности источников, я сразу же получаю возможность использовать широко распространенную тогда в дворянской культуре мировоззренческую символику. В самом деле, и дед, и отец, и дядя, и множество других родственников графа были масонами (а кто тогда из высшего дворянства не был?). Правда, мне не удалось найти свидетельства о причастности самого графа к масонству (я-то думаю, его неучастие неслучайно), но во вверенном ему оккупационном корпусе в Мобеже масонская ложа процветала, включая, в частности, всех его адъютантов.

Попробую при помощи символов масонства — самых расхожих² — «расшифровать» смысл АК и его деталей.

Масонство — это не религия, а инициационная школа, которая считает мистирию Истины интимно связанной с внутренним со-

¹ Мамардашвили М.К. Философ может не быть пророком... // Человек. 1991. № 2. С. 133.

² См., например: Мораморко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990.

держанием отдельной личности, которая эту истину способна понять, ибо уже содержит ее. Массонство полагает себя вместилищем надъисторической и универсальной религиозности, основанной на чувстве единства жизни, на внутренней уверенности в существовании нравственного закона, на опыте одновременно мистическом и рациональном, связанном с переживанием «священной» стороны жизни, вторгающейся в обыденное существование. Приоритетом является воспитание и образование, а не борьба за нового человека, убеждение, а не принуждение, прощение, а не месть. Лейтмотив символии — универсализм. Массонство помогает пройти путь, но не претендует на обязательность. Для масона совершенствование равнозначно самостроительству, он призван вечно строить, продвигать дело роста, подъема, познания — такова его «дхарма». Это великое дело он должен затем передать миру. «Храм» есть не только отражение мира, но и воспроизведение на земле трансцендентной модели.

Итак, при масонском подходе, смысл АК — мистерия единой Истины. АК — это масонский храм, всегда открытый миру и переданный ему (парк всегда был открыт для посещения, а через внутренний двор шла транзитная дорога). Начнем читать смыслы, помня, что «масонская символика — криптография, доверенная творческой расшифровке всякого из вольных каменщиков по своему усмотрению».

Вход в масонский храм символически обращен на запад, у входа — две колонны В и J: колонна В, Воаз, «утвержденный силой», — слева, ниже; колонна J, Иахин, «утвержденный Богом», — справа, выше. Это довольно точное описание западного входа Алушки.

На востоке — трон Мастера. Восток — источник духовного света. Это кабинет графа, его рабочая библиотека и пейзажный парк.

На западе и юге — места первого и второго Смотрителей. Во дворце акцентированы именно западный и южный фасады.

В центре храма — алтарь. У его подножья — один неотесанный и один отесанный камень. Дворец расположен в центре комплекса и окружен как обработанными (с юга), так и необработанными (с севера) скалами.

Вдоль стен храма — шнур с семью узлами любви. Вспомним о шести надписях в южной нише «Нет победителя, кроме Аллаха», идущих по стене (почему их шесть, а не семь — разговор особый, у меня есть некоторое предположение).

Весь храм построен как священный космос, по линии зенит — надир. В АК вертикальное направление задается вершиной Ай-Петри, как бы нерукотворным храмом.

В храме масоны занимаются «Работой», которую открывает Смотритель на западе; Смотритель на юге объявляет об окончании «Работы» и призывает к отдыху. Западный — рабочий вход в АК, юг — зона отдыха и роскоши.

В храме должны царить разум, серьезность, благодеяние и веселье. Всего этого, по отзывам современников, в Алушке было достаточно.

Масонский Мастер называется (по-английски) «почтенным» («worshipful»), «достойным» («worthy»). Забавно, что совпадают инициалы: «Worshipful Master» — WM, «Worthy Master» — WM и «Woronzow Michael» — WM. Граф так и подписывался: M. Woronzow. Его переплетенные инициалы, всюду встречающиеся во дворце — на каминах, мебели и т.д., — весьма напоминают масонские клейма.

Храм прямоуголен. Как и главный корпус дворца.

Пол храма в шахматную клетку символизирует космический дуализм, тернистый путь по «черному» и «белому», Землю. Вот и у графа в Зимнем саду пол шахматный.

Масоны прочитали в Библии, что Дерево положило начало дуалистическому разделению мира; Дерево ассоциируется часто также с героическими деяниями. Мастер, как стражник-Херувим в Библии, охраняет Древо Жизни мечом. Меч — мужской архетип, так же как чаша — женский. Пламенный меч — символ силы, воли, творчества, разрушающее и очистительное начало. Заметим, что в центре АК (над стеною двора) — дерево, японская софора, и хозяин его — герой, весьма хорошо владеющий мечом. Кроме того, в плане дворец очень похож на меч (саблю?), обращенный к западу и югу (места, где воевал хозяин) и «охраняющий» дерево и «чашу» (хозяйственные корпуса в плане), а граф — творец, разрушитель, очиститель. Вообще, силуэт дворца в плане допускает несколько

толкований. Его можно интерпретировать как топор, которым рубили ливанские кедры для строительства храма — кедров в парке много. Существует и символика сломанного ключа: обязанность Мастера починить его, сложить воедино, то есть победить смерть воскресением.

Большую роль в масонской символике играет Арка. Существует обряд Арки — квинтэссенция масонской философии, он неотделим от степени Мастера. Арка символизирует соприкосновение с Богом, спиритуализм, вход в вечную жизнь, прекрасное, силу, радуго. Нет нужды говорить, что, в отличие от колонн, арка и ее мотивы — основной архитектурный акцент дворца. Главную роль, конечно, играет арка-ниша южного фасада.

Цвета находящихся в храме голубой, пурпуровой и червленной завес ассоциируются с цветами комнат дворца: Голубой гостиной, Малинового кабинета (Ситцевой комнаты), Китайского кабинета (Малой гостиной).

В обряде инициации масоны используют воду в сосуде (символ души в теле), «кубок возлияний» (чаша с водой памяти и водой забвения), образ реки Леты, ведущей в Аид, модель пещеры (зал размышлений, место медитации), надпись VITRIOL — «посети утробу земли и, направив свой путь, ты найдешь тайный камень» (то есть глубоко осмысли теневые стороны своего существа, свою слепоту и непросвещенность) — все это находит свое соответствие в озерах и гротах алушкинского Хаоса. Даже алхимические символы Солнце и Луна (золото и серебро) присутствуют в названиях этих озер.

И в гербе Воронцовых, изображение которого можно часто встретить во дворце, роза и лилия — так же естественно прочитывается символически, например, как расцвет духа и обозначение святого триединства. Кстати, фонтан с розами и лилиями существовал некогда в конце «львиной» лестницы...

И, конечно, пирамида встречается не только в воронцовском озере. Этот символ — «самый масонский».

Ну что ж. Все так красиво объясняется — вплоть до мелких деталей. Однако это лишь видимость объяснения, ибо не хватает чего-то самого главного, «стержня», специфического для Алушки и ее хозяина. И этот стержень — личность графа. А масонская символика

универсальна — и безлична. В ней все подчинено идее ордена, общества, эзотеризма, «приобщенности». Мне кажется, что Воронцов был «проще»: он «просто» выстроил себе дом, место отдохновения, место наиболее *удобное*. Удобство здесь есть главный принцип, удобство как соответствие мировоззрению и здравому смыслу графа. Все остальное, в том числе и распространенная масонская, геральдическая и другая символика, использовалось лишь по мере надобности, как «удобный», понятный в то время культурному человеку во всей своей неоднозначности способ выражения, обозначения, провоцирования мысли и настроения.

Выбор места

...Если выпало в империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

И. Бродский

Вернемся теперь на некоторое время к истории жизни М.С. Воронцова, чтобы попытаться проследить, как он выбирал, какие события и особенности его мировоззрения сказались на определении места для его главной усадьбы.

В 1823 г. граф был назначен генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии. Почему это случилось? Как Воронцов оказался в Крыму и Новороссии? Это важный вопрос как для истории края, так и для истории России XIX в.¹

Существует традиционная трактовка указанного назначения. Она состоит примерно в следующем.

Вернувшись после наполеоновских войн и командования оккупационным корпусом во Франции, граф Михаил Семенович застал разгул аракчеевщины и не захотел более служить в армии, не

¹ Мое исследование данного вопроса было впервые опубликовано в виде статьи: *Микешин М.И.* Воронцовы и Крым // *Воронцовы — два века в истории России*. Вып. 2. Петушки, 1996. С. 105–119.

появляясь в приданном ему корпусе, испрашивая длительные отпуска и даже отставку. Александр отставку не дал, но в конце концов «сослал» графа подальше от столицы как передового по взглядам и любимого в армии генерала, как он сослал многих других ярких людей, проявивших себя во время войны.

Насколько верно такое понимание событий?

Как показали недавние исследования¹, Александр отнюдь не «разгонял» молодых генералов и офицеров-героев войны. Наоборот, основной процент высших чиновников империи составляли именно они. Пост генерал-губернатора Новороссии был в то время одним из важнейших, полномочия его и ответственность были огромны. Генерал-губернатор был «доверенным лицом» самодержца. «Спокойная твердость Воронцова всех поразила: в нем, более чем наместника, увидели наперстника царского»². Следовательно, назначение графа Воронцова никак не могло быть — даже почетной — «ссылкой».

Само назначение воспринималось тогда многими как вполне закономерное. Если уж Воронцову не суждено больше служить в армии, считает А.П. Ермолов, то лучше его определить в Одессу на место Ланжерона³. Ф.Ф. Вигель пишет:

Женатый на внучке бездетного Потемкина, на дочери его племянницы, Воронцов вступал в управление краем, как бы в законное наследство. Многие так думали и были тем чрезвычайно обрадованы. Я полагал, что и в нем была эта мысль, но впоследствии увидел, что ошибаюсь. Воспитанный в Англии престарелым отцом, который беспрестанно с восторгом твердил ему об отечестве его, с русскими солдатами, при виде опасностей, в первый раз забило сердце его желанием славы. Всю молодость свою, до зрелых лет, провел он посреди русской рати и с нею приобрел все воинские успехи свои; более чем кто из наших знатных почувствовал он достоинство русского имени. Но впечатления, поверия, полученные им в отрочестве и в самой первой молодости, остались в нем навеки. Чему бы посвятил досуги, которые оставял ему утвердившийся мир? Если бы он родился великобритан-

¹ См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 40 и др.

² Записки Филипа Филипповича Вигеля. Ч. 6. М., 1892. С. 113.

³ Письмо А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. 8 июня 1823 г. // Бумаги графа А.А. Закревского. Сб. Имп. русского ист. общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 417.

ским подданным, то он наверное пожелал бы сделаться лордом-комиссаром на Ионических островах; но в России есть нечто подобное — южный приморский край, и Одесса лучше Корфу. Я уверен, что он предпочел бы Кавказ и Закавказье, но место было занято <...> был Ермолов, и он сидел тогда на царстве в Тифлисе, русской Калькутте¹.

Эти мнения подводят нас к необходимости посмотреть на назначение Михаила Семеновича с точки зрения «внутренней», то есть семейной.

Отношение семьи Воронцовых к Крыму и Причерноморью имеет давнюю историю.

Один из давних предков, тоже Михаил Семенович Воронцов (ум. ок. 1538 г.) в 1510-х — 1530-х гг. служил воеводой «на берегу» при защите от крымских набегов².

О русско-турецких отношениях по поводу северного Причерноморья докладывал Екатерине II канцлер М.Л. Воронцов. 6 июля 1762 г., ровно через неделю после того, как она взошла на престол, канцлер представил *Описание состояния дел во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны*, которое заканчивалось разделом *О Малой Татарии*³ (т.е. о Крыме). Канцлер подчеркивал ключевое значение Крыма: «Полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений. Доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России; а напротив того, когда бы находился под Российской державою, или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью, и под страхом ближние восточные и южные страны, из которых неминуемо имела бы она между прочим

¹ Записки Филипа Филиповича Вигеля. С. 102.

² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 158–159.

³ Описание состояния дел во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны (сочинено графом М.Л. Воронцовым в июле 1762 г.) // АКВ. Кн. XXV. М., 1882. С. 308–312 («О Малой Татарии»). Многочисленные цитирования смотри также в: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 65–68.

привлечь к себе всю коммерцию»¹. Другой канцлер из Воронцовых, дядя нашего графа, Александр Романович уже в 1803 г. в записке Александру I защищал свободу торговли в Причерноморье от попыток монополизации со стороны Генеузской компании².

Дед графа Воронцова адмирал Алексей Наумович Сенявин получает в 1769 г. от Екатерины II поручение создать сильный Азовский и Черноморский флот.

Сын Е.Р. Дашковой Павел, будучи адъютантом Потемкина, привез в столицу донесение о взятии Крыма³.

Особенно много связывает с Крымом Семена Романовича Воронцова.

В 1780-е гг. он участвует в войне с Турцией, отличается при Ларге и Кагуле.

Лишь только прибыв в Лондон и принимая дела полномочного министра, С.Р. Воронцов получил от князя А.А. Безбородко разъяснение о повелении императрицы о переселении английских каторжников в Таврическую область:

Ее императорское Величество повелеть мне изволила, по содержанию сей депеши, дать знать вашему сиятельству, что таковые ссыльные из Англии здесь приняты быть могут и что для поселения их назначаются места в области Таврической <...>⁴

Хорошо известно, что посол приложил все усилия, чтобы западные каторжники не появились в России⁵.

В 1791 г. Воронцов вместе с сотрудниками русского посольства срывает планы английского правительства, предотвращая посылку военного флота к берегам Северного Причерноморья. Эта история вошла теперь в учебники по истории дипломатии.

¹ Описание состояния дел во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны... С. 309.

² Данные факты сообщены мне одесским историком А.И. Третьяком.

³ В июле 1783 г. См.: *Дашкова Е.Р.* Записки. Л., 1985. Ч. 2.

⁴ Письмо А.А. Безбородко к С.Р. Воронцову. 28 октября 1785 г. СПб. // Архив князя Воронцова. Кн. XIII. С. 101.

⁵ Письмо С.Р. Воронцова к Н.П. Панину. 6(18) мая 1801 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XI. С. 177-179.

Упомянутое письмо Безбородко было отнюдь не первым и не единственным. Поддерживая дружеские отношения, князь еще в 1784 г. обращался к С.Р. Воронцову:

Писал я вашему сиятельству, что в области Таврической близ города Карасу-Базара, имею я весьма хорошую дачу. Кроме огромного дома и сада, который возле Петербурга рядом бы шел с царским, есть там на самой реке Карасу в конце сада оставшийся каменный Татарский домик, который, как прежним сего имени помещиком князем Григорьем Александровичем, так и мною назначен для заведения Английской фермы во образе хозяйства для того края. Ни на кого я лучше в выборе такого хозяина положиться не могу, как на вас, и для того прошу всепрележно приказать его приискать с семьею, с наблюдением, дабы он был семейный, так чтобы и жена его или дочери могли ведать какую-либо часть хозяйства, наипаче же скотоводства, и за ключа с ним контракт прислать его сюда¹.

А.А. Безбородко и Н.А. Львов состояли в свите, сопровождавшей Екатерину II в ее поездке в Крым. Н.А. Львов описывает Семену Романовичу Бахчисарай, Севастополь (рисую план последнего), предсказывает хорошее будущее Крыму и его торговле².

Н.А. Львов, состоявший в постоянной переписке с братьями Воронцовыми, посещает Крым еще раз в 1803 г. 24 августа он в Керчи, затем в Еникале, Кафе. Николай Александрович проявляет в Крыму интерес к месторождениям соли и к древней архитектуре.

Семен Романович, видимо, весьма интересовался Тавридой, присоединенной к России в том числе благодаря победам, в которых он принимал участие. Посол читал описания Крыма. Так, в 1786 г. он получил «описание знаменитой Тавриды», однако, разочаровавшее его, поскольку содержало лишь «несколько идей по естественной истории этого края и более ничего»³.

Интерес и знания Семена Романовича проявились и позже при обсуждении с сыном перспектив южного края.

¹ Письмо А.А. Безбородко к С.Р. Воронцову. 20 августа 1784 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XIII. С. 59.

² Письмо Н.А. Львова к С.Р. Воронцову. 22 мая 1787 г. Севастополь // *Львов Н.А. Избранные сочинения.* СПб., 1994. С. 329–333.

³ Письмо гр. С.Р. Воронцова к гр. А.Р. Воронцову. 4/15 ноября 1786 г. Лондон // Архив князя Воронцова. Кн. IX. Ч. I. С. 174.

Михаила же Семеновича Крым «преследовал» с самого его рождения.

А.А. Безбородко пишет в мае 1782 г. к Александру Романовичу: «Государыня мне вручила вчера после обеда сама посылаемую с сим табакерку, пожалованную графу Семену Романовичу по случаю крещения сына его» — и тут же долго рассказывает о делах Потемкина в Крыму.

Затем тема юга России и Тавриды пунктиром присутствует в огромной переписке графа.

В 1811 г. граф знакомится с Ланжероном, вступая с ним в длительную переписку. В письмах 1816 г. они обсуждают перспективы развития Одессы, а в 1818 — в полусутоливой форме «философскую идею» жизни в Крыму, причем Ланжерон предлагает свое место Воронцову¹.

В 1815 г. Михаил Семенович в письме к Бутурлину фактически изложил всю программу своей дальнейшей жизни:

Вы советуете мне сделать две вещи: во-первых, оставить военную службу и, во-вторых, обзавестись хозяйством. Что касается первого, то уверяю вас по чести, что вы ошибаетесь, если думаете, что амбиция или жажда славы удерживают меня в этом занятии. Истинная слава очень редка и трудно приобретаема, чтобы я смог ей угодить, и поскольку она в наши дни в моде, то по истине не стоит труда. Я не могу быть льстецом и получать аплодисменты, щедро раздающиеся в то же время и в том же месте в адрес неких Чернышева² и Винценгероде³. Что же касается амбиции, то я никогда не помышлял искать ни чинов, ни власти; для этого следовало бы вращаться при дворе, который я всегда избегал, и среди придворных, которых я не люблю. Итак, не по этим причинам я служу в армии, но потому что мой вкус, мои склонности и привычки располагают меня к сему. Вы помните мою страсть к этому занятию; ничто ее не ослабило, наоборот, все способствует ее возрастанию и служит средством ее укрепления во мне. У меня было

¹ Письмо А.Ф. Ланжерона к М.С. Воронцову. 18 мая 1818 г. Цит. по: *Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar*. P. 50, 63, 229.

² Чернышев Александр Иванович (1785-1857) — участник Наполеоновских войн, генерал от кавалерии и генерал-адъютант, в царствование Николая I — военный министр.

³ Винцингероде (Винценгероде) Фердинанд Федорович (1770-1818) — генерал от кавалерии и генерал-адъютант; во время войны с Наполеоном командовал кавалерийскими отрядами русской армии.

много счастья и радости, а главное - я сделал ее привычкой. Самые лучшие годы моей жизни прошли в этом занятии, поскольку (кроме 1808 года, который я пробедокурил в Петербурге) с 1803 года лишь с небольшими перерывами я все время в лагере. Армия стала, если можно так выразиться, моей родиной. Конечно, я испытываю и большую скорбь, когда вижу, как погибает вокруг меня в жестокой схватке большинство людей, с которыми я был тесно связан с самого начала моей службы; но это несчастье, которое нельзя возместить. Однако у меня остались связи в армии, которыми я очень дорожу, и уже нет времени завязывать подобные где-либо еще. Идея навсегда покинуть армию кажется мне более жестокой, чем идея смерти, к которой каждый человек — а особенно военный — должен быть готов всегда. Вот таков мой первый ответ на ваш первый совет; я не могу ему последовать, хотя вероятно на вашем месте я бы думал так же как вы.

Со вторым делом обстоит иначе. Я разделяю ваш взгляд и чувствую, что подходящее устройство личной жизни и хозяйства было бы лучшим средством обеспечить себе счастливое будущее. Я был бы уже счастлив тем удовольствием, которое это доставило бы моему отцу и моим родственникам; но я не помышляю ни о браке по расчету, ни о браке, устроенном другими. Нужно, чтобы это случилось само по себе и чтобы я полюбил и оценил человека, желающего добра мне. За одно или два пребывания в России в мирное время я смог бы найти то, что мне нужно, без спешки. Сердце мое совершенно свободно, и я желал бы только, чтобы это могло устроиться с первого раза, поскольку время не молодит: не будучи старым, я начинаю седесть. Это произошло и из-за жизни, которую я вел, но тем не менее это может не нравиться барышням, и они не захотят, быть может, иметь со мной дело.

Возобновляющаяся война заставляет меня отложить эти идеи; мне это досадно, но делать нечего; что касается службы, то я ее не оставлю.

Знайте, мой дорогой граф, что самое мое здоровье выигрывает от военной службы: привычка к климату умеренному и даже жаркому, в котором я все время находился, усилила всегда бывшую у меня склонность к теплу; 8–9 месяцев холода в Петербурге или Москве и, как следствие, заключение в квартире не устроили бы меня больше никогда. Гарнизон в южных провинциях империи, например, в Киевской, Волынской губерниях или в Подолии, путешествия на 3–4 месяца в год в Петербург или в Москву с поездками в Англию, чтобы увидеть отца и сестру, — вот существование, какого я желал бы в мирное время.

Вот, мой дорогой граф, мое кредо. Мне кажется, что оно разумно, если учитывать мои внутренние наклонности и привычку, которая, как вы знаете, вторая натура¹.

Мне кажется, изложенная в этом письме позиция во многом объясняет основу выбора, сделанного Воронцовым. То, что это был хорошо продуманный выбор, становится все более ясно при анализе писем графа, его отца и ответов их адресатов.

Тема выбора постоянного места жительства, дома и службы особенно активно обсуждается, естественно, после женитьбы графа 20 апреля (2 мая) 1819 г.

А.П. Ермолов реагирует на известие о женитьбе «брата Михайлы» следующим образом: Воронцов, «имевший несколько в предмете Грузию, теперь думаю о ней и помышлять не станет»².

Возможно, что в качестве приданого Елизавета Ксаверьевна могла получить какие-то земли в Тавриде, ранее принадлежавшие Потемкину, например, в Алушке. На это часто делаются прозрачные намеки в описаниях Крыма XIX века: во время присоединения Крыма к России в Алушке было более 40 дворов и такое изобилие садов,

что князь Потемкин-Таврический, очарованный климатом и производительными силами почвы, избрал эту местность, как изобилующую водою и гораздо лучше других защищенную от северо-западных ветров, — первым рассадником экзотических растений, доставлявшихся по указанию его из Константинополя и других мест в 1787 году³.

Я не берусь судить, повлияло ли южное наследие Потемкина на выбор невесты или это было удачное совпадение, но сразу же после свадьбы и посещения отца граф едет с женой в Белую Церковь, а затем — в Одессу, которую, как указывает граф в своих мемуарах, он видит впервые в конце ноября 1819 г.⁴

¹ Письмо М.С. Воронцова к Бутурлину. 30 марта 1815 г. Калиш // Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 411–413.

² Письмо А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. 6 августа 1819 г. // Бумаги графа А.А. Закревского. С. 340.

³ Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Т. 1. 1875. С. 154.

⁴ Mémoires du prince M. Woronzow. 1819-1833 // Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 69–70.

Однако уже 17 октября Семен Романович пишет сыну ответ на письмо, посланное из Одессы 18 (30) сентября. Отец соглашается с мнением сына о важности этого города и торгового порта, считая отвоеванный Екатериной южный край исконным и перспективным богатством России. Юг вообще необходим России, ведь недаром сын Рюрика перенес столицу из Новгорода в Киев¹. И здесь же Семен Романович убеждает сына, что тот имеет полное право обзавестись своим очагом:

Вы служили с усердием, с величайшей активностью в течение 19 лет, со счастьем и одобрением; вы имеете право пожить для себя, для своей семьи, для устройства ваших дел, которые у вас не было времени узнать, для приготовления подходящего жилища и для пользования, наконец, независимостью, которая является хорошим руководителем для человека ваших понятий о чести и вашей возвышенности души².

Довольно загадочно выглядит замечание Н.М. Лонгинова в письме к Семену Романовичу от 12 ноября того же года:

Граф Михаил заметил мне, что он ждал этой передышки, чтобы съездить на несколько дней в Одессу и увидеть перемены, произошедшие там за несколько лет³.

Михаил Семенович делится своими мыслями о южном крае и с Ф.В. Ростопчиным, получая от последнего ответ (от 1 февраля 1820 г.), в котором назначение Воронцова генерал-губернатором уже упоминается как слух, ходящий в Петербурге:

У вас всегда была страсть к путешествиям и, не довольствуясь пересечением Франции, Германии и всей Сарматии, вы уже побывали в Одессе. Я отнюдь не удивлен ее прогрессом: у нее есть все для процветания — порт, солнце, река и привилегии; только бы примесь французской крови не породила там местного либерализма. Но я думаю, что Ланжерон так же силен в создании общественного мнения, как и его предшественник, и только и думает, как такой опасности избежать.

¹ Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 17 (29) октября 1819 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 508–509.

² Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 17 (29) октября 1819 г. С. 510.

³ Письмо Н.М. Лонгинова к С.Р. Воронцову. 12 ноября 1819 г. СПб. // Архив князя Воронцова. Кн. XXIII. С. 407.

Из газет я узнал о вашем прибытии в Петербург. В новостях из этого города вас называют то генерал-губернатором пяти провинций, то командиром корпуса гренадеров подобно Неистовому Роланду. Я жду более подробной информации об этом¹.

Согласно мемуарам графа, он летом 1820 г. опять съездил в Одессу, посетил Бессарабию (до этого он имел встречу с царем в Вознесенске²). В конце сентября — в Вену, Италию, Париж. При опрокидывании экипажа повредил плечо, поэтому провел 3 недели в Париже:

Именно в это время, никогда не быв в Крыму, и по рекомендации герцога Ришелье я купил у г-на Стевена, директора Никитского ботанического сада, находившегося в отпуске в Париже, земли в Мартьяне и Ай-Даниле на южном берегу Крыма³.

Эта покупка, я думаю, говорит о вполне созревшем решении графа «осесть» на юге России и, в частности, в Крыму, поскольку еще летом выбор места подробно обсуждался в его переписке с отцом:

Я не знаю, когда у вас будет время найти и самому осмотреть землю для покупки на юге России, чтобы построить хороший дом в хорошем климате? Я ожидаю сведений о вашем путешествии, чтобы понемногу узнавать, когда и с чем вы встретились, я люблю это обдумывать и воображаю себя вместе с вами и нашей дорогой Лизой.

Я не думаю, что вы сможете найти время проехать Екатеринославскую губернию и Крым, самые южные теперь территории, а тем более углубиться в Грузию. Часть Польши, некогда бывшая русской во времена киевских князей и возвращенная императрицей, была бы великодушным местом для строительства, особенно вдоль Буга и Днестра; но поскольку эту часть России следует отделить и отдать Польше, о

¹ Письмо Ф.В. Ростопчина к М.С. Воронцову. 1(13) февраля 1820 г. Париж. // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. М., 1876. С. 476.

² Письмо П.М. Волконского к А.А. Закревскому. 2 сентября 1820 г. Варшава // Бу маги графа А.А. Закревского. С. 18.

³ Mémoires du prince M. Woronzow. 1819-1833 // Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 70-71.

чем открыто говорят поляки, Боже вас сохрани, мой дорогой Мишель, от того, чтобы стать подданным другой страны¹.

В следующем 1822 г. события продолжают развиваться. Согласно мемуарам, Михаил Семенович в июле едет к императору в Петербург, а затем — в Одессу и — впервые — в Крым².

По уверениям путеводителей,

Князь Воронцов, в первый раз осматривая Крым, был очарован местоположением Алупки. Он вскоре скупил земли, казавшиеся всем ни к чему не пригодными, выписал архитекторов, ботаников, садовников и разных мастеровых из Англии, Германии и Франции и доказал, что с деньгами можно сделать самое дикое место не только очаровательным, но и плодородным³.

Однако, и здесь не обошлось без советов с отцом:

Кстати о Крыме, тот или та, кому герцог Ришелье уступил свою землю, должен будет, вероятно, при случае ее продать, а это могло бы стать хорошим приобретением для вас, мой друг, поскольку снизило бы для вас затраты на строительство дома и увеличило бы ваше маленькое имение, да еще вы и получили бы хорошо устроенный сад⁴.

Последовали также распоряжения управляющим и денежные траты:

Он дал мне в этом последнем [письме] поручение купить из деталей дворца Св. Михаила великолепный мозаичный камин и двери красного дерева с орнаментами из позолоченной бронзы, все это предназначено для нового дома, который граф Мишель должен построить. Это приобретение стоило 5350 рублей...⁵

¹ Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 4 (16) июня 1820 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 519–520.

² Mémoires du prince M. Woronzow. 1819-1833 // Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 72.

³ Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875. Разд. 19. С. 2–3.

⁴ Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 3 (15) августа 1822 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 528.

⁵ Письмо Н.М. Лонгинова к гр. С.Р. Воронцову. 22 августа 1822 г. СПб. // Архив князя Воронцова. Кн. XXIII. С. 456–457.

Осенью граф в Париже, но и здесь он работает на свою будущую усадьбу:

А еще я расскажу вам о графе Мишеле. Он извлекает лучшее из своего теперешнего положения. Он занимается домами, различными устройствами усадеб, садами и т.д.¹

Граф уже начинает агитировать своих друзей купить земли в Крыму:

Он написал мне из Белой Церкви, советовался по поводу своего конного завода, прекрасно описал мне Крым и хочет, чтобы я купил там землю. Но я ответил ему на это, что пользуясь правами человека, я собираюсь, проведя три года в России, кончить свою жизнь в Италии².

А.П. Ермолов внимательно следит за действиями «брата Михайлы» и сообщает в ноябре этого года другому «брату», А.А. Закревскому, что Воронцов ищет место Ланжерона, но действует неверно³.

В феврале 1823 г. Воронцов – в Петербурге. В марте он, наконец, назначается на место Ланжерона. Он получает право выбора резиденции и указывает на Симферополь. Семен Романович тут же откликается со знанием дела:

Лонгинов пишет мне, что, по его мнению, вы выбираете центр Крыма для вашей главной резиденции; это не географический центр подвластных вам территорий, и я думаю, что это место совершенно необходимо привести в порядок: ведь оно было в невообразимом запустении уже 50 лет спустя я не скажу завоевания, но ловкого приобретения Крыма. Беспорядки, пренебрежение и несправедливости во времена Екатерины и Павла разрушили эту несчастную страну, и бедные татары были вынуждены вследствие причиненных им обид покинуть свою родную страну, а только они могли бы сделать ее цветущей⁴.

¹ Письмо гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову. 1 октября (19 сентября) 1822 г. Париж // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. С. 438.

² Письмо Ф.В. Ростопчина к С.Р. Воронцову. 7 марта (23 февраля) 1823 г. Париж // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. С. 445.

³ Письмо А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. Ноябрь 1822 г. // Бумаги графа А.А. Закревского. С. 395.

⁴ Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 1 (13) июня 1823 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 535.

Видимо, эти соображения, а также необходимость иметь дело и с Бессарабией, заставляют графа отказаться от устройства официальной резиденции в Крыму. Но все равно он решил по-своему, ибо именно для Воронцова Одессу сделали резиденцией генерал-губернатора, до этого ею должен был быть Херсон¹.

Семьей и близким друзьями Михаила Семеновича назначение было встречено как давно желаемая радость. Некоторых оно все-таки удивило².

И в дальнейшем проблемы жизни в Тавриде и Новороссии активно обсуждаются сыном и отцом Воронцовыми³. Семен Романович весьма доволен выбором сына и расписывает красоты Крыма своим адресатам:

Кстати о мягком климате Крыма... о прекрасном солнце на широте сорок пять градусов, то есть на три градуса южнее Парижа и на девять южнее Москвы. Весь южный берег этого полуострова укрыт горами от северных ветров. Мишель, проехавший с инспекцией вдоль моря, писал мне, что оливы растут на открытом воздухе и что он видел также плодоносящий лимон⁴.

Теперь мы можем трактовать фразу биографа буквально:

¹ Записки Филипа Филиповича Вигеля. С. 90.

² «Я был очень удивлен, узнав здесь о назначении графа Мишеля на место Ланжерона. Я поздравляю всех, кто будет ему подчинен; но дел у него будет очень много, а преодоление трудностей при этом справедливо будет сравнить с подвигами Геракла» (Письмо Ф.В. Ростопчина к С.Р. Воронцову. 1 (13) июля 1823 г. Карлсбад // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. С. 450).

³ См., например: «Я с большим удовольствием вижу, что дорога вдоль южного берега Крыма возродила эту часть полуострова, что страна наполняется новыми переселенцами и культура виноградарства и выращивания оливок понемногу распространяется, а качество земли, наконец, увеличивает ее цену. Как вы и представляли себе при начале строительства дороги, вы можете быть удовлетворены тем, что сделали добро людям, превратив их страну в более населенную, лучше ухоженную и более богатую» (Письмо С.Р. Воронцова к М.С. Воронцову. 15 (27) октября 1825 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XVII. С. 567).

⁴ Письмо С.Р. Воронцова к Ф.В. Ростопчину. 5 ноября 1823 г. Лондон // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. С. 557.

Посетив Новую Россию и угадав, сколько таится источников благосостояния в недрах этого юного пустынного края <...> он [Воронцов] пожелал продолжить начатое в 1803 г. Дюком де-Ришелье¹.

В том состоянии, в коем Ришелье оставил Одессу, нашел ее граф Воронцов <...> Казалось, что знатный помещик приехал в богатое село свое, начал в нем жить по-барски, судить крестьян своих по правде, искать умножения их благосостояния <...> Еще скорее можно было сравнить сие с житием владетельного немецкого герцога в малой столице: двор, его окружающий, достаточен для составления ему приятного общества².

Итак, как всегда у Воронцова, все может быть объяснено естественными причинами, вернее, согласуется, не противоречит нормальному ходу вещей.

Несмотря на «тайное влечение» Воронцовых к Тавриде, выбор графом места не был, конечно, predetermined. «Увлечение Крымом в 1820–1830-х годах было обусловлено не только естественным ходом колонизации на юге России, но в значительной степени стимулировалось также романтической идеализацией восточных окраин России, той идеализацией, которая возникла на почве внутренних переживаний русской дворянской культуры этой эпохи». Выход вперед буржуазного сословия по всей Европе приводит к тому, что «феодальный дворянский класс и его стареющая культура вместе со своим последним расцветом в начале XIX века переживали эпоху ретроспективных настроений». Это выливалось в две страсти — к средневековью с его рыцарством и к Востоку с его романтикой и природой. «Хозяйственная организация, как стимул колонизации, отступает на второй план, и дворянские поместья на Южном берегу получают значение исключительно загородных сельских резиденций»³. В самом деле, Пушкин (в 1820 г.) ожидал увидеть в Крыму «развалины Митридатова гроба», «следы Пантикапеи».

Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к

¹ Шербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858. С. 165.

² Записки Филипа Филиповича Вигеля. С. 134.

³ Шербинин М.П. Цит. соч. С. 18.

горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа — огромный Аю-Даг <...> и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный <...> На полуденном берегу в Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского lazzaroni.

Скалы Кикенеиса и Бахчисарайский дворец его не потрясли, но сильное впечатление оставил Георгиевский монастырь с его крутой лестницей к морю и баснословными развалинами храма Дианы. «Растолкуй мне теперь, — пишет поэт Дельвигу, — почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?»¹.

Очень резко такой подход осуждает М. Волошин:

Отношение русских художников к Крыму было отношением туристов, просматривающих прославленные своей живописностью места. Этот тон был дан Пушкиным, и после него, в течение целого столетия поэты и живописцы видели в Крыму только:

Волшебный край — очей отрада.

И ничего более. Таковы все русские стихи и картины, написанные за XIX век. Все они славят красоты южного берега, и восклицательных знаков в стихах так же много, как в картинах тощих ялтинских кипарисов. Среди этих гостей бывали, несомненно, и очень талантливые, но совершенно не связанные ни с землею, ни с прошлым Крымом, а потому слепые и глухие к той трагической земле, по которой они ступали <...> Южный Берег — это плохонькие политипажи русской работы: их лучше не глядеть, чтобы не нарушить цельности впечатления. Для тех же, кому нравятся именно они, — подлинный Крым недоступен. За все время своей истории Крым, вероятно, не переживал ни разу такого запустения, как во времена Екатерининского завоевания, и это вина не только русской расы и тяжелой имперской политики, но и его отрезанности от свободных морских путей, от животворящего дыхания Средиземного моря <...> Древняя Готия от Балаклавы до Алустона застроилась непристойными императорскими виллами в стиле железнодорожных буфетов и публичных домов и отелями в стиле императорских дворцов. Этот музей дурного вкуса, претендующий на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере, очевидно, так и останется в Крыму единственным

¹ Пушкин А.С. Полное собр. соч. Т. 10. С. 17-18.

монументальным памятником «Русской эпохи» <...> Но что же тогда является памятниками Крыма? — Развалины и пейзаж. Каждая культура, каждый народ несет с собой свой собственный исторический пейзаж <...> Ни в одной стране Европы не встретить такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю и так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли, как в Крыму. Даже в Греции не найдешь такой сжатости. Это Вытекает из расовой и культурной насыщенности Крыма <...> В нынешнем — русском — Крыму не осталось ничего, кроме пейзажа, но в нем можно прочесть все его прошлое. Это великолепная книга с рисунками гениального мастера¹.

Мне кажется, эта филиппика не совсем справедлива по отношению к графу Михаилу Семеновичу, хотя именно он положил начало дворянской колонизации Южного берега. Именно он стал заменять существовавшую с византийских времен единую систему крепостей и укреплений Южного берега, дошедшую до нас почти только в развалинах, цепью роскошных вилл. Причем свой дворец он строил так же, как древние — «с прекрасным знанием местности и искусно»² — и примерно там же, где находилось одно из самых больших укреплений системы — Алушка-Исар. Лично выбрав место и архитектурный стиль будущих построек, граф реально осуществил синтез искусства и природы, архитектуры и пейзажа, моря и гор, камня и леса, природы и цивилизации, дикости и изящества, истории и современности, Севера и Юга, Европы и Азии. Он учел наличие большого количества водных источников, климат с максимальным защитным эффектом яйлы, значительную площадь пологих ориентированных на юг склонов, великолепие и разнообразие романтического пейзажа³. «Красивый гордый шпиль Ай-Петри царит над всей местностью от Ай-Тодора до Симеиза <...> Шпиль Ай-Петри всего красивее и величественнее с Алушки»⁴.

¹ Волошин М.А. Коктебельские берега. Симферополь, 1990. С. 216–219.

² Кеппен П.И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837. С. 45.

³ Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. С. 319; Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. Разд. 19. С. 2–3; Тимофеев Л.Н., Царин А.П. Алушкинский дворец-музей. Симферополь, 1981. С. 4.

⁴ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1912. С. 225–226.

Вот эта *вертикаль*, точнее, *визуальная экспонента*, составленная отвесными скалами Ай-Петри и пологими террасами берега, и позволяет графу воплотить в наглядной реальности свое *пирамидальное* мировоззрение, создать реально-идеальный мир, в котором выявлялась бы гармония единства человека и мироздания. Именно здесь возможно соединить, слить вертикаль духа с горизонталью жизни, создав нечто *удобное*, то есть вполне соответствующее мировоззрению творца. Я вижу здесь уникальность в масштабе и, одновременно, камерности деяния и личности. Граф использовал всю глобальность культурных и природных возможностей «снизу доверху», сохранив при этом уют и, я бы сказал, особую деликатность. Последняя проявляется и во внимательнейшем использовании местной природа без ее нарушения, и в «мозаике» архитектуры комплекса, каждый крупный элемент которой имеет соответствие в богатейшей истории Тавриды (античный павильон, генуэзские башни, киоски и ниши мусульман), и в выборе материала для строительства — *грюнштейна-диабаз*, из которого состоят окрестные скалы, и в самом силуэте дворца, повторяющем в общих чертах абрис гор. При взгляде издалека пейзаж побеждает, поглощает искусственное, а не «распарывается» последним, как при постройке современных «дворцов отдыха». *Камерная глобальность* становится возможной потому, что в основе АК — универсальность личности, а не тоталитарный гигантизм обезличенных социальных структур.

Вертикаль

...есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a...

А.С. Пушкин

Ощущающая Алушкинский дворец как центр мироздания А.А. Галиченко совершенно права. Построенный по линии «море — горы», он образует как бы «среднюю точку» этой «вертикали». Его расположение формирует вторую фундаментальную

точку зрения на АК — «от хозяина», из центра, взгляд человека (первая — «взгляд Бога», охватывающий все как целое, модель — план сверху). Однако направления из этого центра в разные части света совершенно неравнозначны. Безусловно, «Ай-Петри — настоящая путеводная звезда парка» и всего АК, «движение прослеживается по вертикали алушкинского амфитеатра и начинается прямо у моря»¹, а меридиан Ай-Петри — главная ось АК (юг — север). Основное ощущение в АК — разомкнутость, обращение наружу (выше). Интимность присутствует близ дворца и в уголках парка, но не создает впечатления замкнутости, отгороженности от мира. Все время открываются море и горы. Вид моря — радость высоты и простора, парения над. Вид гор — радость пред высотой, стремление души вверх. Вершина Ай-Петри выглядит «небесным замком» или величественным храмом только из Алушки. Во многих исследованиях и путеводителях отмечаются древние традиции благоговейного отношения к «Святому Камню» как к святилищу или «жилищу духа». Графу, как человеку армейскому, трезубец мог напоминать мушку в прорези прицела и, как человеку культуры романтизма, — средневековый многобашенный замок или даже две полураскрытые ладони, держащие в горсти святыню-камень.

Особенно удобно было «целиться» графу из северных окон дворца, поле зрения из которых ограничено так, что взгляд сам направляется по единственной перспективе: мимо скалы, правее, через софору — «дерево мудрецов» к вершине. Например, письменный стол в кабинете хозяина стоял именно так, слева от окна, с видом на Ай-Петри. Скала Изюм-таш (она же «Виноградный камень», «Лунный камень», «Потемкинская») повторяет своими очертаниями линию обрывистых вершин и «срезает» всю нижнюю часть панорамы, открывая лишь дальние горы. Короче, все в поле зрения наблюдателя, глядящего из северных окон дворца, напоминает, кричит, указывает, «тащит» к Ай-Петри.

Но «закрывающая» скалой ось не пропадает — она отмечена в верхнем парке гребнем Хаоса и растущими на нем соснами (высаженными там, кстати, специально). А еще дальше и выше воображае-

¹ Галиченко А.А., Пальчикова А.П. Алушкинский дворец-музей. Симферополь, 1989. С. 13, 53, 63.

мая ось-меридиан пересекает уступ, на котором в древности находилась уже упомянутая крепость Алупка-Исар (ее план был снят по приказу графа). В развалинах на отдельной скале в 1830-х годах был поставлен над Алупкой большой белый деревянный крест¹.

Наконец, южнее дворца меридиан, проходя мимо Чайного античного домика, уходит в море на самой оконечности мыса близ «скалы Айвазовского».

Итак, граф использовал естественный — по некоторым предположениям образовавшийся в XIV в. вследствие землетрясения — валунный гребень, каменистый отрог Ай-Петри, чтобы осуществить на местности в *визуальной экспоненте принцип вертикали*. Выходит, что АК — это усадьба со *скрытой осью*, отмеченной лишь некоторыми естественными и искусственными особенностями. Это не является изобретением графа, поскольку *скрытая ось*, видная ясно лишь на общем плане, присутствует у Н.А. Львова в разработке его собственной усадьбы Никольское. Н.А. Львов, известный архитектор, художник, композитор, дипломат, ученый, общественный деятель, специалист по символам и аллегориям, законодатель вкусов дружил с отцом и дядей графа в течение многих лет. Он много строил в имениях Воронцовых. Именно план Никольского хранится почему-то со времен хозяина в библиотеке Алупкинского дворца. Следы влияния Львова на духовную жизнь трех Воронцовых заметны и в других областях (символика, проекты использования отечественного угля и т.д.). Львов использовал *скрытую ось* для построения усадьбы, трактуемой как «мироздание естественного человека»². У Воронцова же ось овеществляет *личностный стержень АК*.

Видимо, настало время выбрать определенную модель, образ этой *вертикали*, отражающий единство *вертикального* и *горизонтального* в структуре АК. Здесь, действительно, нет необходимости что-либо специально изобретать, поскольку в индоевропейской культуре многие тысячелетия существует некий смыслообраз, фиксирующий *вертикаль*, символизирующий взаимосвязанность иерархических уровней и «статическое движение», взаимопроникновение противоположных сущностей. Николай Кузанский в 15 в. назвал его

¹ Кеттен П.И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837. С. 197.

² Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. С. 352.

фигурой П, или парадигмой. Ее с глубокой древности используют широко и в самых различных вариантах — это и взаимопроникающие пирамиды (конусы, треугольники), и «щит Давида», и Андреевский крест, и алхимический символ амальгамы, и знак золотого сечения, и многое, многое другое. Очень подходит сюда и известный символ Иисуса Христа, где указаны не только вертикаль и косые границы, но и особенности горизонталей, где α — начало, а ω — конец. Словесное выражение парадигмы принадлежит легендарному Гермесу Тризмегисту: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного»¹. Парадигма неоднократно встречается и расшифровывается в масонских текстах и изображениях, но я лучше воспользуюсь подробным советом-разъяснением Николая из Кузы:

Вообрази пирамиду света проникшей во тьму, пирамиду же тьмы — вошедшей в свет и своди все, что можно исследовать, к этой фигуре, чтобы с помощью наглядного руководства ты смог обратить свое предположение на скрытое <...> Бог, будучи единством, представляет собой как бы основание [пирамиды] света; основание же [пирамиды] тьмы есть как бы ничто. Все сотворенное <...> лежит между Богом и ничто. Поэтому, как ты наглядно видишь, высший мир изобилует светом, но не лишен тьмы, хотя тьма кажется исчезнувшей в свете из-за его простоты. В низшем мире, напротив, царит тьма, хотя он не совсем без света; однако фигура обнаруживает, что этот свет во тьме скорее скрыт, чем проявлен. В среднем мире соответственно средние свойства, так что если ты исследуешь промежутки порядков и пространств, то делай это посредством подразделений <...> при исследовании любой частной вещи ты должен представить с помощью фигуры «П» единство этой вещи в ее совершенстве и сообразно с этим вообразить себе меньшей или большей интенсивность света и густоту тьмы, чтобы получить более конкретное знание о любой вещи, учитывая ее место среди других вещей во Вселенной <...> Фигура «П» послужит тебе во всем и в каждом: в применении к чувственному — если единством сделаешь чувственный свет, а инаковостью чувственный мрак; в применении к рациональному — если единством назовешь свет рассудочной дискурсии; она послужит тебе потом и в применении к интеллектуальному, если за единство примешь свет интеллекта

¹ Цит. по: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 369.

<...> ты увидишь возвышенную жизнь, ясность единства которой поглощает всякую инаковость; заметишь и другую, чье единство окутано инаковостью текучей и неустойчивой тьмы¹.

Задаваемый *парадигмой* принцип универсального подобия позволяет совместить в одном многокрасочном творении множество — фактически, бесконечное — различие смыслов, по-разному интерпретируя «статическое взаимопроникновение противоположностей». Получается одновременно и модель мира, и модель личности, и история ее жизни, и структура социума, и историческая модель познания.

«Накладывая» *фигуру П* на «неевклидову экспоненциальную визуальную поверхность» АК, я совмещу одно ее основание («света») с вершиной Ай-Петри, а другое — с уходящим в море острием мыса у рыбацкой пристани. Тогда дворец попадет на среднюю линию *фигуры П*, а внутри окажутся особые зоны парка — верхняя и нижняя, которые столь насыщены смыслами, что резко отличаются от пейзажной его части. Западная и восточная границы *парадигмы* отмечены на местности исходящими из одного верхнего источника потоками и тропами (лестницами) вдоль них. Все это могло бы показаться натяжкой, если бы не прямое указание автора комплекса на его идеальную структуру: в верхнем парке у Большого Хаоса расположено озеро, в центре которого стоит еще одно классическое изображение *парадигмы* — две составленные основаниями трехгранные пирамиды, вернее, вершина пирамиды, отражающаяся в водах озера. Если встать на южном его берегу на меридиан, то эта «стрелка компаса» укажет на вершину Ай-Петри и ее отражение в воде. Эти «ключом» я и собираюсь «открыть» секрет структуры АК. Подсказывает мне и монограмма хозяина, ведь она также состоит из *фигур П*.

По крайней мере однажды хозяин продемонстрировал конфигурацию АК всем. Это случилось во время праздника в честь прибытия в Алупку Николая I с семейством в 1837 г. «Вся Алупка, ее великолепные сады и все скалы хаоса, были дивно иллюминированы и горели разноцветными огнями. Непрístupные высоты горы Ай-Петри, уставленные пылающими смоляными бочками,

¹ Николай Кузанский. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 206, 207, 209, 222, 251–252.

представляли чудную картину. Вся эта масса пламени ярко отражалась в морской зыби»¹.

Я еще вернусь к символике смыслов и тонкой *вертикальной* структуре, но сначала надо обратить внимание на более крупные абстрактные членения АК.

Рай

Сколько раз на школьном табурете:
 Что за горы там? Какие реки?
 Хороши ландшафты без туристов?
 Не ошиблась, Райнер, — рай — гористый,
 Грозовой? Не притязаний вдовьих —
 Не один ведь рай, над ним другой ведь
 Рай? Террасами? Сужу по Татрам —
 Рай не может не амфитеатром
 Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
 Не ошиблась, Райнер, Бог — растущий
 Баобаб?...

М. Цветаева

Стандартное членение парка обычно производят по зонам, отличающимся особенностями рельефа и преобладанием тех или иных типов растений. Это: верхняя предгорная зона севернее дворца, придворцовая зона к югу (обе формировались с конца 1820-х годов вместе с дворцом) и две восточные зоны, севернее и южнее дороги, имеющие единый пейзажный характер². Различия настолько значительны, что «принцип контраста здесь положен в основу композиции не только отдельных групп, но и целых районов»³. Я выделю пять ясно видимых на местности блоков: въездной, северный, дворцовый, южный и восточный. Они не равны по площади, и это связано с их *метафизическими* значениями. Въезд-

¹ Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875. С. 5.

² Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. С. 320.

³ Волошин М.П., Косаревский И.А., Рубцов И.А. Алушкинский парк в Крыму. Киев, 1961. С. 33.

ной блок оформляет парадный въезд в усадьбу и большого интереса для меня не представляет. Вся драма разыгрывается между *вертикалью* запада (юг-дворец-север) и *свободой* востока. На востоке — «сад Едемский» (Быт. 3, 24). Для дворянских усадеб вполне типично устраивать подобие «рая», но здесь, в Алушке, ощущение многократно усилено. Выходя из парадного двора через восточные ворота, видишь, что замок как бы уходит под землю, исчезает, растворяется в пейзаже. Скалы постепенно уменьшаются до редко разбросанных корней, потоки «успокаиваются», пропадают в растительности и углубленных руслах, укрощаются мостами, они не видны, а шум их становится приглушенным. Узлами композиции становятся обширные поляны с живописными группами деревьев, привезенных из разных стран мира, тщательно подобранных. Важно, что у восточного выхода в парк собраны деревья, растущие именно в местах библейского Эдема — из Малой Азии, Сирии, Ливана, Закавказья. здесь *принцип вертикали* уходит в подтекст: фон Ай-Петри, на которую «стреляют» кипарисы — деревья-указатели, персты, направленные вверх. Вдоль по террасам ведут удобные покойные аллеи, а вверх — более узкие каменные лестничные тропы. Чем выше, тем хаотичнее, непроходимее — действует романтический принцип одухотворения природы: ее дикость не ад, а свободная стихийная жизнь духа (вспомним работу Адама и Евы в раю — умирять излишнее буйство растительности). В пейзажной части *восприятие в движении* основывается на приеме *знакомой неожиданности*: на каждом шагу открываются уже знакомые виды, но повторить их намеренно очень трудно, дорожки выются, ветвятся, почти невозможно запомнить, как найти место.

Отдельно стоящие, роскошно раскинувшие ветви старые деревья на изумрудных подстриженных мягких ровных лужайках создают впечатление свободы, покоя, света. А разнообразие пород деревьев — роскоши, но разумной, не излишней, поскольку отсутствует буйство зарослей. Итак, *Рай* — это *разумная свобода*. Даже не Рай, а главная идея Рая — идея свободы. Никаких излишеств — как и во дворце — в точном соответствии со вкусом хозяина, разумная достаточность для эмоции и мыслей. И нет, конечно, пафоса нищих: Рай — это где всего много-премного, «завались». Наоборот, излишняя роскошь в концепции графа — одна из главных опасностей, одно из искушений.

Поскольку английский пейзажный парк во многом обязан своим происхождением литературе и, в частности, поэме Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай», то, обратившись к ее тексту, вы можете сравнить данное там описание Рая (или другие описания, встречающиеся в литературе) с реальным пейзажем и устройством восточной части АК — иногда совпадение почти дословное)¹. Сравнение позволяет получить следующий смысл для АК. Хребет Ай-Петри есть символ Рая, утесистые неприступные Райские Врата. А внизу, на склонах — модельная ситуация: человек, изгнанный из Восточных врат Рая, проходит весь круг жизни человечества и своей собственной и вновь приближается к Раю с запада. Но слиться они могут лишь *вверху*, стремясь к вершинам духа. Кстати, Адам перед изгнанием уже побывал на высочайшей вершине Рая, и архангел *Михаил* показал ему оттуда всю будущую земную жизнь, а потом вывел прародителей из Рая, начертав программу действий.

Эдем поэтический имеет свои особенности, поскольку «поэт вообще щедрей апостола. Поэтический «рай» не ограничивается «вечным блаженством», — и ему не угрожает перенаселенность рая догматического. В отличие от стандартного христианского рая, представляющегося некоей последней инстанцией, тупиком души, поэтический рай скорее — край, и душа певца не столько совершенствуется, сколько пребывает в постоянном движении. Поэтическая идея вечной жизни вообще тяготеет более к космогонии, нежели к теологии, и мериллом души часто представляется не степень ее совершенства, необходимая для уподобления и слияния с Создателем, но скорее физическая (метафизическая) длительность и дальность ее странствий во Времени»².

Воронцовская *вертикаль движения в статике* ведет человека к Раю, но не помещает его уже в Раю, даже модельном, ибо такое положение противоречило бы истине и принципу *Долга*, то есть жизненного направления движения к Богу.

Вход с запада и Рай на востоке, а также святая вершина над — все это единый Храм, в который человек уже вошел, остановившись-двигаясь на пороге.

¹ Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976. С. 111–115, 124.

² Бродский И. О Марине Цветаевой // Новый мир. 1991. № 2. С. 159–160.

Если западная *парадигма* центрирована на человеке, то Рай — это том, где *везде центр*, на любой поляне. Не отсутствие центра, а именно ощущение вездесущности его, ибо везде человечно-божественно, и в каждом месте — больше. Святой Камень здесь не цель стремления, а осеняющий символ, он не высоко впереди, а над, он *присутствует*.

Значит, *метафизическая схема* АК не плоскостная, а пространственная: «Рай с пропеллером». Фигура П — это человек, микрокосм, изгнанный из Рая и на пороге его стоящий, сброшенный в море греха, труда и повседневности и из этого моря возросший, поскольку *парадигма* в статике изображает движение человеческого духа, в пределе своего развития сливающегося с Раем. «Пирамидальный район» — это как бы пройденное исторически и духовно, «выкупленное» Древо познания (софора). Древо мудрости, слившееся с человеком в его грехе, возвращается теперь им в Рай, от греха очищаясь.

Так я вернулся к *вертикали* и ее смыслам.

Смыслы вертикали

Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность...

М. Волошин

Как я уже говорил, ключ от *вертикали* — это пирамида в озере. Расположена она достаточно высоко, близко к *области духа*, поскольку «пирамидальная схема» весьма абстрактна, являясь метафизическим основанием всей структуры АК. Хочу заметить, что и здесь в статике скрыта динамика: если идти от дворца к озерам, то *пирамида* встречается несколько раз, сначала «всухую», затем в небольшом озере под водопадом. Символ, таким образом, постепенно осмысливается, «выгуливается», предчувствуется, формулируется. К «сухой» теоретической мысли добавляется живой поток воды-времени-жизни. Взаимодействуя, они кристаллизуются в *парадигму*, отражающуюся в глади озера.

Когда-то из вершины пирамиды бил фонтан высотой до 20 м, затем высота его уменьшалась, а сегодня он замусорился окончательно...

...О смертной мысли водомет,
 О водомет неистошимый!
 Какой закон непостижимый
 Тебя стремится, тебя мятет?
 Как жадно к небу рвешься ты!
 Но длань незримо-роковая,
 Твой луч упорный преломляя,
 Сверкает в брызгах с высоты¹.

Разумеется, древнейший символ пирамиды тоже имеет множество толкований. Так, тему «твердой призматической пирамиды» в парковой архитектуре разрабатывал Н.А. Львов, считая трехгранную пирамиду «непоколебимой купностью трех добродетелей» — Истины, Человеколюбия, Совести². Это понимание перекликается с лилией в гербе Воронцовых, поскольку лилия — одно из обозначений Троицы, Троиединства.

И еще одно с глубокой древности единство. Четыре стихии, четыре начала, четыре движущих силы объединены здесь в одно: вода, земля, воздух, огонь. Тетраэдр — символ огня — из камня, в воздухе, отражается в воде. «Мистическое» слияние противоположных начал: каменный огонь в воде. Пирамида (четырехгранная), включающая змеевидную «линию красоты», есть символ разнообразия (Variety) в английской эстетической мысли того времени³.

Однако вернемся к *парадигме*, смыслом которой несть числа, а в каждом конкретном случае акцентируются лишь некоторые. Вот и в Алушке можно назвать достаточно много смыслов, выделенных местными условиями и, разумеется, хозяином. Поскольку *фигура П* дает модель любого внутренне противоречивого явления, она, конечно, описывает и противоположность материи и духа. «Нижний» (южный) предел, вернее, бесконечность (горизонтальная

¹ Тютчев Ф.И. Фонтан. 1836.

² Никулина Н.И. Николай Львов. Л., 1971. С. 77.

³ См., например: Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. М., 1987. С. 30.

асимптота *визуальной экспоненты*) дает полную изменчивость, неоформленную материю — море. «Верхний» (северный) предел — это постоянство, дух, Бог. Южный блок АК — этапы развития цивилизации, в которых из материи начинает светить дух. Дворцовый блок — «средняя линия», человек. «Женская» половина — южный фасад (роскошь, нега, богатство); «мужская» половина — северный фасад (аскетизм, разум, порядок). Северный блок — этапы развития духовности, мысли, постепенно освобождающейся от материи (отчего та становится отчужденной, циклопической, неохватными глыбами).

На местности все это выглядит разделением на семь условных зон: 1) море; 2) пейзажный террасный парк; 3) регулярный террасный парк; 4) дворец и придворцовые зоны; 5) Малый Хаос; 6) Большой Хаос; 7) Ай-Петри. Или на семь типов пейзажей: 1) море; 2) скалы, кипарисы, сосны; 3) кустарники, стелющиеся растения; 4) итальянский партер, дворец, парадный двор; 5) валуны, гроты, местные растения, озера; 6) нагромождения скал, сосны; 7) отвесная скальная стена. В южном блоке преобладают стенные фонтаны, в северном — «естественные» источники. С юга по направлению к дворцу возрастает искусственность, обработанность, цивилизованность, очеловеченность. За дворцом на север «видимая очеловеченность» быстро исчезает, совершается переход в мир иной — не наглядный.

Террасы южного склона представляют нам одновременно географические пояса Европы и этапы ее истории: связанное с античностью Средиземноморье, полудикие заросли и стены Средневековья, итальянское Возрождение и мавританская Альгамбра — и Англия как северный «итог». Подобные «параллельные» пояса существуют и в России, но как бы двигаются в обратном порядке.

«Выходящие» из моря скалы сразу же «облагораживаются» античной площадкой — оркестрой перед амфитеатром террасы с соответствующими растениями — платанами, лаврами, дубами. Входит Сократ:

Клянусь Герой, действительно прекрасный уголок! Этот платан такой развесистый и высокий, а разросшаяся, тенистая верба великолепна: она в полном цвету, все кругом благоухает. И что за славный родник пробивается под платаном: вода в нем совсем холодная, вот можно ногой попробовать. По-видимому, тут святилище каких-то

нимф и Ахелоя, судя по изваяниям дев и жертвенным приношениям. Да если хочешь, здесь и достаточно прохладно, что чрезвычайно приятно; по-летнему звонко оглашается все хором цикад. А самое удачное то, что здесь на пологом склоне столько травы — можно прилечь и голове будет очень удобно¹.

И действительно, голове Сократа было бы удобно мыслить здесь, где святилищем — Чайный домик, а родником — трехструйный стенной фонтан с античной ванной, находящийся строго на оси домика. Из небольшого перистилия, образуемого двенадцатью колоннами, можно созерцать не только скалы и море, но и струи фонтана, образующие триединство текущего времени. Граф, видимо, придавал очень большое значение платонической мысли в своем мировоззрении, поскольку в структуре парка античный домик — фактически единственное парковое здание, кроме того, расположенное *антисимметрично* озеру с символической пирамидой (они совмещаются — разумеется, приблизительно! — при повороте вокруг центра дворца, то есть лежат на одной прямой по разные стороны от него).

<...> в былое время с удовольствием читали Платона. Вспомните, как заботливо самый идеальный, самый выспренный из мудрецов древнего мира окружает действующих лиц своих философских драм всеми благами жизни. То они медленно гуляют по прелестным побережьям Иллиса или в кипарисных аллеях Гносса, то они укрываются в прохладной тени старого платана или вкушают сладостное отдохновение на цветущей лужайке, а то, выждав спадения дневной жары, наслаждаются ароматным воздухом и тихой прохладой вечера в Аттике, или же, наконец, возлежат в удобных позах, увенчанные цветами и с кубками в руках вокруг стола с яствами, и, только прекрасно устроив их на земле, автор возносит их в надлунные пространства, в которых так любит витать².

Аристократ Воронцов нашел себе родственную философскую душу.

Этим античные импликации не исчерпываются, но я вернусь к ним несколько позже при рассмотрении дворца.

¹ Платон. Федр. 230b-c.

² Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 36.

Выше по террасам господствующее в «античности» море отгораживается деревьями, его шум заменяется журчанием струй каскада. С этих мест видны лишь верхние зубцы дворца на фоне Ай-Петри. Разбросаны огромные камни. Ели и дикость. Это — «духовность средневековья»: есть далекая цель и закрыт прямой путь к ней.

Придворцовые террасы оказываются этапами европейского Возрождения. Главный акцент здесь — Львиная лестница. Каррарского мрамора львы привезены из Италии. Склоны обработаны здесь со всеми затеями итальянского сада, что близко садам Тиволи и Фраскати (я думаю, что это не только дань романтической моде, поездки графа в Италию не пропали даром, в частности, одна из них непосредственно предшествовала коренному изменению проекта дворца). Сюда же выходит и библиотека.

Верхняя терраса — партер в духе «итальянских садов» в Англии.

На последних террасах — как и в культурной реальности Средиземноморья — переплетаются Восток и Возрождение, Альгамбра и Плиниева вилла. Господствует ощущение полноты и богатства жизни, гуманистической и утонченной роскоши. Но архитектурные и парковые формы пересекают путь к «путеводной звезде» — вершине гор. Так, дорожка, на которую выходит торжественная Львиная лестница, при движении на восток быстро и неожиданно заводит в тупик, упираясь в скалу. Отсюда открывается внезапный вид на Ай-Петри, а движение далее возможно лишь взглядом — через башню библиотеки с флюгером, указывающим стороны света (то есть направление скрытой главной оси). Второй такой «вид из тупика» открывается из восточного угла самой верхней террасы: и здесь невозможно движение «вверх», а только вниз, к «Фонтану слез» и первому этажу библиотеки на (некогда) заросшую виноградом сумрачную площадку. «Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом...»¹ Отсюда, от и из библиотеки особенно легко увидеть, что периоды истории человечества — это еще и этапы образования и просвещения личности (графа).

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Гл. 32 «Прощение и вечный приют».

Далее к цели путь лежит через поиски духовные. Они символизируются скалами, тропами и водными системами Хаоса. Отсутствие архитектурных сооружений, как бы естественный суровый ландшафт, журчание и шум падающей воды предназначены именно для создания настроенности на размышление, на глубокую задумчивость. бегущая говорливая вода в парке — символ времени и мысли, духа, питающего все живое, символ жизни. Но здесь, на границе Малого и Большого Хаосов, рядом с бурными водопадами устроены тихие, молчаливые озера — от верхнего, потаенного, закрытого листвой и неподвижного, до большого, свободного, почти круглого. Последовательность озер, их «троичность» наводят на мысль о просветлении духа (и названия их — Лунное, Солнечное...). Большое озеро становится кульминацией духовных поисков: пришедшая сверху широко разлившаяся ясная вода омывает и отражает «осмысленную снизу» каменную пирамиду. Символ АК и Человека находит свое место именно здесь, в высотах духа. Мысль проясняется, «укореняется» в Свете.

Водные потоки и источники, питающие парк, очень важны и для его метафизики. Они начинаются как бы из одного источника у вершины Большого Хаоса и пронизывают весь АК, то пропадая под землей, то вырываясь на поверхность водопадами и фонтанами. В пейзажной части парка они едва слышны и видны, спрятанные в лощинах. Шум моря на берегу уступает место шуму водопадов на внутренних террасах. В *вертикали* потоки и идущие вдоль них тропы и лестницы отмечают условные границы *парадигмы*. Фонтанами отмечены важнейшие точки и даты вокруг дворца. Именно движение вверх вдоль потоков всегда приводит к цели к единому источнику, к вершинам духа.

Здесь, в Большом Хаосе близки вершина и «воронка», вершины и пропасти духа, резкие крайности, противоположности: ужас воронки в хаосе, ее тишина, поглощение, засасывание — и ветер, и опасность вершины, гребня. Когда дух свободен от материи, она превращается в Хаос, порождающий, согласно греческой мифологии, все. Сюда, на гребень приходит путешественник, преодолев трудный путь жизненных и духовных поисков. Сюда, к соснам, отмечающим верхнюю точку на главной оси «вертикали» АК. И что же он видит? Что почти ничего не сделано, что все еще впереди. Вершина Ай-Петри так же недостижима.

Так завершается земной образ, конкретная модель скрещения, взаимопроникновения двух потоков — духовного «сверху», с севера, с Ай-Петри (скатилось хаосом и разбилось дворцом, гармония сконцентрировалась, оформилась, стала главенствовать в материале, дух вышел в явь) — и материального, природного, «нижнего». Драма, мистерия Истории, Истины, Человека, Мира.

Будьте, как мой граф, «перипатетиками»: прогуливаясь, гармонизируйте себя и мир.

* * *

Главная ось *вертикали* существует лишь как ориентация, интегральный эффект. Локально она размыта, неопределима. Все вдоль нее расставлено — но примерно, приблизительно, «естественно». Ось отмечена несколькими точками — окончечностью мыса, центром главного корпуса дворца, софорой, соснами на гребне Хаоса, вершиной Ай-Петри. В «нижней» части *парадигмы* ось определить, находясь в парке, практически невозможно, поэтому здесь можно только блуждать. Единственное место, откуда видна четкая ориентация и несколько точек — это, как я уже указывал, окна северного фасада дворца и двор.

Во всей *вертикали* для моделирования реальных сложных путей развития и духовных поисков используется *горный эффект*: кажется, что цель рядом, а идти — не дойдешь прямым путем. Однако, кратчайший путь к цели, идущий почти по оси, существует. Это — «тайная» тропа, изгибающаяся подобно *линии красоты* в английском символе Variety. В южной части АК она прорезает террасы, выводя из «античности» прямо к дворцу и используя «тайные» лестницы в стенах террас, отмеченные стенными фонтанчиками. В северной части этот путь идет по тропе, покрытой грубыми каменными плитами. Он плутает между скалами, но в конце концов приводит быстрейшим образом от дворца к вершине Хаоса, начинаясь под софорой. Именно на этом пути «случаются» главные события мистерии АК: оркестра, Львиная лестница, дворец, софора, всегда прохладное ущелье (с могилой любимой собаки), «сухая» пирамида, символичная пирамида в озере, воронка Хаоса и, наконец, гребень. Этот, далеко не самый пологий и легкий путь, дает идущему наглядное представление о «философии глаз

и ног» хозяина Алупки. В тяжелом дыхании стоящего на вершине — тяжелый пройденный путь духа.

«Божественный промысел» в АК «размыт», скрыт — подобно тому, как он скрыт и «на самом деле». Кроме отсутствия прямых аллей и дорожек вдоль оси, относительно нее смещены и важные парковые узлы, причем их смещение также осмыслено социокультурно. Так, «античное направление», задаваемое осью симметрии Чайного домика и фонтаном на «орхестре», параллельно главной оси, но смещено к западу. Следовательно, ось намечена еще в «античности»: ориентировка указана домиком и заданы две точки — острие мыса и начало лестницы. То есть здесь по локальным признакам можно определить ось, правда лишь зная дальнейший ход истории. Именно такая оценка давалась интегрально в эпоху Просвещения античности и, в частности, платонизма как предшественника христианской мысли. Ведь вершина Ай-Петри фактически не видна с «орхестры», ее заменяет верх левой башни дворца.

Но главное обстоятельство, скрывающее «истинную» ось — это поворот на 30° относительно нее главного корпуса дворца, арканиша его южного фасада и лестница, Львиная лестница, ведущая в никуда... Однако теперь речь зашла уже о дворцовом комплексе.

Дворец

...европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца.

А.С. Пушкин

Владения Скотта расширялись, а с ними рос и его дом <...>дом уже начал превращаться в то, чему Скотт дал название «Заколдованный замок». Архитекторам Эдуарду Блору и Уильяму Аткинсону пришлось приводить свои проекты в соответствие с изменившимися требованиями заказчика. Строительство продолжалось несколько лет — то одно, то другое, — и Скотт втянулся в этот процесс так же основательно, как в разведение деревьев. В 1822 г. он писал: «Я убил все это лето на то, чтобы закончить свой дом-роман, выстроенный по образцу помещи-

чьих особняков старой Шотландии...» О доме он отзывался как о «Великом столпотворении», им же самим возведенном, а архитектурные украшения именовал «этим дурачеством» <...> Абботсфорд со всеми акрами воплотил в землях и камне любовь к романтическому <...> Он не стремился копить деньги — ему нравилось их тратить, чтобы воплощать свои мечты или облегчать жизнь другим. Может быть, самая привлекательная форма тщеславия — покупка поместья; это позволяет человеку наладить связь с матерью-землей и повысить ее плодородие, а также помочь своим ближним, если он к тому расположен. Скотт был образцовым лендлордом. Он жил в поместье <...> глубоко вникал во все дела, лично знал всех своих наемных работников, заботился об их благополучии, был гостеприимным, щедрым и патриархальным хозяином¹.

Поменяйте в этом пассаже Скотта на Воронцова, слегка измените географию и масштаб и вы получите описание отношения графа к своей усадьбе. Вальтер Скотт говорил: «Мое сердце — в имении, что я создал своими руками»². Да, видимо, и архитектор Блор проектировал усадьбы для определенного типа хозяев... В таких случаях усадьбы становятся их портретами³. В Алушке сам дворец есть личность (модель личности), продолжающая жить после ухода хозяина. Дворец встречает нас на проезжей дороге неприступно-открыто. Суровые и прочные каменные стены когда-то были в большей части покрыты ковром вьющихся цветов и плюща⁴. Таков был и характер графа: ласковый и приветливый внешне, Михаил Семенович был тверд в своих глубинных принципах.

По замыслу хозяина и архитектора дворец выглядит «как органически неотъемлемая часть окружающего ландшафта»⁵. Одна из причин этого — строительство его из материала тех же скал, которые его окружают. Диабаз укладывался на свинцовой прокладке и скреплялся медными скобами, что давало очень прочную антисейсмичную конструкцию, рассчитанную на века. Сам дворец «усажен» верхом на гребень. При взгляде с моря комплекс располага-

¹ Пирсон Х. Вальтер Скотт. М., 1983. С. 114.

² Там же. С. 173.

³ О дворцах как топосах культурного пространства в России см.: Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии. СПб., 2006.

⁴ Ширнев С.Д. Алушка. Дворец и парк. С. 50.

⁵ Волошин М.П., Косаревский И.А., Рубцов И.А. Алушкинский парк в Крыму. С. 6.

ется на фоне скального обрыва яйлы и поэтому в основном распределении масс повторяет его силуэт, причем двухэтажный главный корпус соответствует вершинной части — «небесному замку». Отсюда и членение масс сооружения, и его линейность вдоль яйлы по террасе.

Изучение общего распределения архитектурных масс АК наводит на еще одну интересную аналогию. Она, конечно, не является обязательной, но позволяет определенным образом расширить подтекст мировоззренческой позиции графа. В самом дворце, казалось бы, отсутствует всякое «упоминание» об античности. Однако, это не так. Именно общее распределение масс имеет античную аналогию. Оно уподобляет дворцовый комплекс... афинскому Акрополю. Роль холма выполняет верхняя терраса со двором. Пантеон на Акрополе сориентировать относительно сторон света так же, как и главная масса АК (это одна из возможных причин поворота главного корпуса относительно меридиана). И Акрополь, и АК имеют главный вход с запада, защищенный специальными укреплениями. Там, где у Акрополя был фонтан «Клепсидра», соответственно располагается в АК фонтан «Трилби». Место театра Вакха занимает Львиная лестница и амфитеатр берега морского залива там, где море наиболее близко подходит к дворцу. И еще одна важная импликация: церковь в деревне Алупка. Она находится к западу от дворца на расстоянии трех его длин, была закончена в 1838 г. в дорическом стиле и напоминала афинский храм Тезея¹. Такое описание можно найти в старых путеводителях. Там же говорится о сходстве церкви Архангела Михаила, где даже иконостас утверждался графом, с другими сооружениями «Воронцовской античности» — домом в Симферополе и Чайным домиком (а православный храм в форме периптера не был тогда редкостью, до сих пор существует, например, Петропавловская церковь в Севастополе, построенная в 1844 г.; ее тоже уподобляют Тезейону или Парфенону). В Афинах на северо-запад от Акрополя на Агоре находился храм Гефеста, покровителя ремесленников, который весьма часто ошибочно называли и называют Тезейоном. Он представлял собой дорический периптер, возведенный в 5 в. до н.э., и «сохранился лучше других подобных архитектурных сооружений, так как

¹ Ширлев С.Д. Цит. соч. С. 27.

в VI в. н.э. был преобразован в церковь»¹. При такой аналогии дворец в АК становится подобием Акрополя, деревня Алупка – ремесленных кварталов Афин, а церковь – храма Тезея. Граф же уподобляется – нет, не Периклосу – самому древнегреческому герою Тезею, что имеет смысл, поскольку «приписываемая ему [Тезею. – М.М.] преобразовательская деятельность, как считали древние, стала образцом для всей Греции и положила начало <...> демократическому духу и первенству Афин среди полисов <...> Античная традиция приписывает Тезею объединение всех жителей Аттики в единый народ <...> и единое государство (полис) Афины <...> Все эти реформы были проведены Тезеем в расцвете лет. Он снискал у греков репутацию неподкупного и справедливого арбитра в труднейших спорах». В 1838 г. графу исполнилось 56 лет, и церковь напоминала ему, что «вступив в зрелый пятидесятилетний возраст, Тезей оказался увлеченным стихией недозволенных поступков, приведших к крушению его жизни»². Так в АК подразумевается тема свободного человека-гражданина, много трудящегося на благо Отечества, справедливого и демократичного властителя.

Дворец впитывает и продолжает все существующие в Алупке природные особенности, все бывшие в Крыму стили и эпохи. Граф все объединяет, использует, сочетает, творя новое единство, среду, жилище живущей в истории личности. Недаром первоначальный тщательно разработанный проект Блора «подгонялся» и достраивался по месту Хантом. Отдельно стоящий у моря укрепленный замок с башнями – очень характерная для Южного берега постройка. Вдоль берега расставляли свои крепости византийцы, феодалы, генуэзцы. Замок графа оказался одной из них.

Поскольку Таврия всегда была перекрестком путей и народов, для ее культуры характерен синкретизм, наличие построек «народов самых разных вер и происхождения», объединение художественных деталей, придающих «неуловимый аромат смешения восточных и западных культурных элементов»³. Поэтому и АК не столько выделяется, сколько растворяется в природно-культурном фоне, а значит и хозяин акцентирует не различие, а единство че-

¹ Словарь Античности. М., 1989. С. 573.

² Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 504.

³ *Фадеева Т.М.* По горному Крыму. М., 1987. С. 93.

ловека и природы, подчиненность их единым законам. АК строился в период стиливого перелома в европейской и российской архитектуре. Зримым воплощением идеи эпохи Просвещения, идеологической «заботе об общественном благе» стал Петербург — идеал архитектурного совершенства в господствовавшем стиле классицизма. Его высокий гражданский пафос хорошо выражал патриотический подъем начала XIX в., растущую мощь Российского государства. Просвещенческий культ разума призывал к «мудрой простоте» и «естественности», которые понимались как подчинение архитектурных композиций единому ясному принципу — симметрии, четкому ритму колонн, гармонии спокойных пропорций, систем классических ордеров, торжественности, монументальности. Все это, как нетрудно видеть, противоположно характеру АК. Во дворце графа совсем нет колонн, нет прямых соотношений с «демократической» символикой Греции или единодержавием имперского Рима. Здесь вообще нет вертикалей (дажеobelisks), кроме пути к Ай-Петри — то есть внутренней, неявной духовной *вертикали* суверенной личности.

«Классицизм тяготел к выражению «вечных истин», «вечной красоты», к равновесию и гармонии. В противовес ему искусство эпохи романтизма стремилось познать мир и человека во всем их многообразии, уловить и передать изменчивость мира, переходность состояний природы, тончайшие оттенки движений души <...> Раскованность человеческого духа и в то же время стремление углубиться в «тайны души», обостренное внимание к человеческой личности, к неповторимому, индивидуальному и в человеческом характере, и в явлениях жизни — важнейшие черты эстетической программы романтизма»¹. Увлечение уникальным тесно связано с интересом к истории, к древности, но «очеловеченной»; «археологические данные стали использовать для более живого и точного знания прошлого <...> Впервые давнее прошлое почувствовали как нечто осязаемое и реальное. На античность стали смотреть другими глазами, предпочитая Риму Элладу. В передаче архитектуры, костюмов и утвари старались соблюдать археологическую точность, но главное — стремились при изображении античных сюжетов тронуть зрителя героическим величием души и

¹ Пушкин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. С. 27.

благородством поступков». Английская культура, с которой так тесно был связан граф, открывала и свое собственное национальное прошлое, «и еще одно характерное явление: подчеркивание английскими романтиками важности духовного начала <...> и благоговейное преклонение перед всем прекрасным, облагораживающим человеческую душу — прежде всего перед природой <...> Именно соединение этического и эстетического начал является отличительной чертой английского искусства, как романтического, так и реалистического»¹.

Романтизм в России, конечно, имеет свои особенности. О его отражении в российской художественной культуре существует огромная литература. Разумеется, граф был весьма хорошо знаком с этой культурой и сам играл в ней некоторую роль. Однако романтизм характеризовал как бы сам дух дворянской культуры и проявлялся также в социальной жизни. Граф очень много сделал для привлечения российских землевладельцев в Тавриду. Но его задача была в некотором смысле облегчена романтическим настроением дворянства.

Перенесение акцента на внутренний мир личности не могло не сказаться и на формировании внешней ситуации и окружения, в которых эта личность пребывала. Раньше всего это отразилось в устройстве поместий и архитектуре особняков, дворцов и загородных вилл. «Именно в этой области строительства стали относительно последовательно воплощаться новые взгляды на функциональные качества произведений архитектуры и складывавшиеся в эти годы новые представления об уюте и комфорте. Сказалось влияние и собственно эстетических факторов: состоятельные и хорошо образованные заказчики-аристократы, не менее четко, чем архитекторы, улавливавшие новейшие художественные веяния, охотно использовали их в отделке своих жилищ. "Удобство во внутреннем расположении и богатое разнообразие в подробностях" считались важнейшими критериями, определявшими достоинство особняка»². Во главу угла ставится идея личного выбора, то есть расцветает эклектика, главными принципами которой являются: 1) человек в мире, уникальность личности; 2) соответствие функционального назначения и стиля сооружения; 3) *умный выбор* — не произвольный, а скорректированный функциональными

¹ Некрасова Е.А. Романтизм в английском искусстве. М., 1975. С. 8, 12.

² Пушин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. С. 69.

и творческими задачами выбор стиля с расчетом на индивидуальность заказчика. Если в классицизме *тип рациональности* задан господствующим художественным и идеологическим стилем, то в романтической эклектике *тип рациональности, стиль жизни* выбирается в умном соответствии с личностным стилем мышления и чувствования, с назначением и функцией архитектурного творения. Используется *личностный принцип единства*.

Разработавший проект АК Э. Блор как раз и является наиболее «строгим» примером романтика-эклектика. Хорошо известный у себя на родине придворный архитектор не просто копирует образцы прошлого, он стремится достигнуть эффекта, отвечающего идеям и представлениям своего времени. Ради этого он использует самые причудливые сочетания деталей, не теряя при этом тонкого чувства стиля. Он не только тщательно изучает «источники», но проникает в их «природу», интерпретируя заново и связывая элементы глубоким общим замыслом. В результате «в эклектизме блоровской архитектуры, как бы мы к ней ни относились, главным образом и заключается своеобразная прелесть Алушкинского дворца, придавшая ему совершенно индивидуальное выражение»¹.

Приглашение графом Э. Блора отнюдь не является случайным. Кроме личного знакомства в Англии, причины нужно искать еще и в общей европейской моде на стилизаторскую неоготику, которая оказалась «едва ли не самым последовательным воплощением художественных идеалов романтизма в архитектуре того периода». Увлечение готикой поддерживалось чтением Байрона и В. Скотта. Она соответствовала вкусам Николая I, воспринималась как стилистический знак николаевского Петергофа и особенно расцвела в архитектуре загородных усадеб и резиденций по всей европейской части России. «В этом явлении можно увидеть и определенный идейный подтекст — желание подчеркнуть привилегированность аристократии, противопоставив древность и знатность рода (истинную или иллюзорную) тем общественным силам, которые рождали новый XIX век»². При этом наиболее характерная черта романтической архитектуры в России в 1820–30-х годах — преобладание английского влияния. Английская неоготика начинается с подражания позднему «перпендикулярному» стилю,

¹ Ширяев С.Д. Алушка. Дворец и парки. С. 35.

² Пушин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. С. 30, 37.

затем идет назад к более ранней готике, а затем — к смешанному стилю английского Возрождения, в котором существенны влияния позднего итальянского и немецко-фламандского Ренессанса. Обращение Блора «к формам раннего английского Возрождения является вполне логичным и оправданным самим назначением здания. Именно в это время, в XVI веке в Англии окончательно сложился тип сельского "замка", характер которого носит Алушкинский дворец. Время Генриха VIII и королевы Елизаветы было эпохой зарождения и расцвета английского гуманизма на почве необычайного экономического подъема страны и успехов ее в области международного торгового обмена»¹. (Замечу в скобках, что сам выбор «образцовой эпохи» — вспомните воронцовское «*два или три века назад*» в письме Киселеву — намекает на предполагавшуюся графом судьбу юга России и на его роль хозяина в этой судьбе.) Важно то, что в «стиле Тюдоров утонченность быта, комфортность жилища была одной из важнейших творческих задач»², замки тогда теряют всякое военное значение и становятся сельскими резиденциями.

Граф «пересаживает» идею сельского замка из Англии в Россию, эта идея, казалось бы, целиком «сцитирована» с Запада, но резиденция удивительно «становится на место», наглядно иллюстрируя способ российского заимствования у Запада.

Наконец, необходимость использования «готического» стиля с точки зрения метафизической — то есть *вертикали АК* — хорошо разъясняет П.Я. Чаадаев в 1832 г.³ Треугольник — это именно та фигура, которая хорошо очерчивает готику. Вертикальность готики антитетична горизонтальности эллинского зодчества. Эта антитеза определяет все разнообразие архитектурных стилей всех времен и стран. «В греческом стиле <...> вы откроете чувство оседлости, домовитости, привязанности к земле и ее утехам, в <...> готическом — монументальность, мысль, порыв к небу и его блаженству; греческий стиль со всеми производными от него оказывается выражением материальных потребностей человека», готика же — «выражением его нравственных нужд; другими словами, пирами-

¹ Ширяев С.Д. Алушка. Дворец и парк. С. 33, 41–42.

² Пунин А.Л. Цит. соч. С. 71.

³ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 217–220.

дальная архитектура является чем-то священным, небесным, горизонтальная же — человеческим и земным». Готика, на первый взгляд, носит характер бесполезности, простой монументальности. «Но присмотревшись ближе, вы заметите, что совершенно так же обстоит дело и с красотами природы <...> все наиболее величественные картины природы, как и изящнейшие ее произведения, точно так же сначала не будят в уме никакой мысли о пользе, вызывают в первую минуту лишь совершенно бескорыстные мысли; между тем в них есть полезность, но на первый взгляд она не видна и только позднее открывается размышлению». Готические творения *ведут к небу*, «показывают вам, что человеческому созданию было дано однажды для прославления Бога возвыситься до величия самой природы».

Итак, по Чаадаеву, готика по своей сути треугольна, пирамидальна, вертикальна, бесполезна, просто монументальна, являет собой мысль-порыв к небу и блаженству, выражает не материальные, но нравственные нужды человека, показывая, что «красота и добро исходят из одного источника и подчиняются одному и тому же закону». Готический стиль содержит в себе такие же «первообразы архитектурной красоты» какие заложены в метафизической структуре АК, что показывает внутреннее единство всего АК и объясняет, почему дворец не мог быть другим, скажем, «античным». От «античности» к «Тюдорам», от материального к духовному — на этом контрастном переходе и построен нижний парк АК.

Однако, я должен вспомнить, что южный фасад дворца совсем не готический. Здесь властно вмешивается тема Востока. Южные терраса и балкон главного корпуса создают впечатление «киосковой» архитектуры, характерной для дворцов восточных владык, (например, Бахчисарайского) и как бы «растворяющейся» в природной зелени. Кроме того, силуэт дворца с юга повторяет по очертаниям историческую географию Южного берега: крепости на крайнем западе и востоке, роскошь климата, архитектуры и гор — в центральной, самой высокой части. Восточная роскошь своеобразна: основная идея дворца в ней — воплощение мечты о райском саде, где в грезах стирается различие между действительностью и волшебным миражом. «Эту идею дворца-сада при всем различии конкретного архитектурного воплощения мы встречаем в самых

разных концах мусульманского мира — от дворца Топкапи в Стамбуле до прославленной Альгамбры в Гранаде, где легкие ажурные павильоны группируются вокруг внутренних двориков с зеркалом воды и фонтаном в качестве центра — смыслового и организующего одновременно»¹. В АК в наличии все эти элементы — вплоть до копии Бахчисарайского фонтана в тенистом замкнутом дворике. Но в восточном дворце киоски суть лишь «пристройки к мирозданию», главный смысл которого выражен в фундаментальной строгой мечети. А у графа личность не является «довеском», но выходит на первый план, хотя «для полноты иллюзии» мечеть в АК все же есть, вернее, была. Она стояла северо-западнее дворца. Более того, главный корпус дворца с ее великолепной нишей ориентирован... именно на мечеть! Так выходит, если смотреть с моря прямо вдоль Львиной лестницы. Существует, естественно, простое объяснение такой ориентировке главного корпуса: он повернут лицом к кратчайшему пути к морю, куда и ведет, кажется, роскошная лестница. Из ниши видно только море, террасы парка скрадываются. Это кратчайший путь к обрыву. Применяв введенное мною *правило антисимметричности*, получим, что попадание в мечеть (в области «духа») равносильно падению с обрыва (в области «материи»). Таким образом, эта короткая ось может быть названа *ложной*. Роскошная лестница не ведет никуда, если спускаться, и завершается мощным аккордом порталной ниши, если подниматься.

Происхождение ниши загадочно. С одной стороны, она задумывалась Блором как полуоткрытый интерьер, в его проектных чертежах она называется *салон*, то есть гостиной. Использовалась она и как сцена, там, в частности, выступали Шаляпин и Рахманинов. С другой стороны, фундамент ниши, говорят, был заложен еще до Блора, согласно первому проекту. Ясно, что такая огромная арка с фоном из купола мечети и минарета, должна быть входом, воротами — вероятно, в мусульманский рай? Но вместо рая, войдя, мы обнаружим... типичный английский «тюдоровский» холл. Видимо, мы опять имеем дело с метафизической иронией хозяина.

В 1844 г. (еще до перевода графа на Кавказ, войны с Шамилем и делом у Дарго) в нише были сделаны шесть арабских надписей, которые переводятся как «Нет победителя, кроме Аллаха» (*ва ла*

¹ *Фадеева Т.М.* По горному Крыму. С. 64.

галиб иллялах). Скорее всего, надпись была заимствована из знаменитого на всю Европу дворца в Альгамбре, где она повторяется в виде узора в каждом зале — тысячи раз. По преданию, строитель дворца султан Мухаммед ибн аль-Ахмар, вынужденный в 1248 г. помогать в войне христианам против мусульман, вернулся победителем и на приветствия «Победитель! Победитель!» скорбно качал головой, повторяя: «Нет победителя, кроме Аллаха»¹. На этом и кончается внешнее сходство АК с Альгамброй, но интересны следующие моменты. Дворец в Гранаде был широко известен как лучший образец культуры и роскоши мусульманства. Бахчисарай еще при Екатерине называли «русской Альгамброй». Дворец в Испании в 1828–30 гг. привлекал внимание культурных людей еще и тем, что восстанавливался тогда после землетрясения 1821 г. Альгамбра, как и АК, выполняла три функции: замка, дворца, жилища для слуг. Цитадель там тоже была на западе, распределение основных масс, форма и ориентация холма напоминает верхние алупкинские террасы. Парк при дворце, как и в Алулке, был весь в розах. Но самое характерное для парка в Гранаде — густая роща английских вязов, привезенных туда в 1812 г. во время Наполеоновских войн герцогом Веллингтоном, впоследствии хорошим знакомцем нашего графа².

По поводу Востока в АК у меня, кроме ссылки на эстетические пристрастия графа, есть красивая, но не очень крепкая гипотеза. Вспомним, что для XVIII–XIX веков мусульманский Восток был славен, с одной стороны, строгим единобожием, а с другой — излишней любовью к роскоши и наслаждениям и фанатизмом. *Ложная ось* — это выпестованная в мусульманстве идея единобожия. Родившаяся в дебрях средневековья (начало лестницы), она расцветает, пробуждается (как львы вдоль лестницы) и «восходит» в виде огромной арки. Но эта арка — не врата рая, а ниша, где надписи подтверждают единобожие. И не просто подтверждают, а утверждают, что сильная глубокой идеей мусульманская культура не победила, не вышла на правильный путь, а лишь пересеклась с ним. Надписей шесть (два раза по священной тройке), есть и седьмая — это весь АК, идея которого: «Нет победителя, кроме Бога»; нет истины, кроме божественной; нет закона, кроме данного

¹ Ланда Р. Альхамбра и Хенералифе // Азия и Африка сегодня. 1991. № 5. С. 28.

² Encyclopaedia Britannica. Vol. 1. Chicago; L.; Toronto, 1959. С. 622.

Богом; нет красоты, кроме как от Бога; нет единства, кроме божественного. Но граф не был бы самим собой, если бы не смотрел на метафизику «эгоистически», через свою личность. Роскошь, погружение в наслаждения и эмоции были, пожалуй, главными искушениями для него. Их символика и сосредоточена здесь, в южной, «женской», наиболее роскошной части дворца.

Подтверждение этим построениям нахожу у Чаадаева. Заслугу исламизма он видит в содействии уничтожению многобожия и в распространении идеи единого Бога. В великом историческом развитии религии Откровения религия Магомета должна быть непременно рассматриваема как одно из ее разветвлений» (в нашем случае — под углом в 30°). На Востоке и поэзия, и философия, и искусство — все «служило и служит одному только — для удовлетворения физического существа <...> преувеличения мысли происходят из измышлений и самообольщения материального человека». И далее: «Как все инстинктивные идеи человека, идея бессмертия души была сперва простой и разумной; но попав затем на слишком тучную почву Востока, она там разрослась свыше меры и вылилась, в конце концов, в нечестивый догмат»¹. А с надписью-«эпиграфом» в нише перекликается выбранный Чаадаевым эпиграф к Третьему философическому письму: *Absorpta est mors ad victoriam*². Их близость раскрывается, если процитировать все стихи 54–57 из *Первого послания к Коринфянам* святого Апостола Павла:

54. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглочена смерть победою».

55. «Смерть! где твое жало? Ад! Где твоя победа?»

56. Жало же смерти — грех; а сила греха — закон.

57. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!

Напомню и постараюсь развить теперь провозглашенный мною для АК принцип *антисимметрии* (конечно, приближительный, поскольку должна сохраняться естественность). На одной линии, проходящей через центр главного корпуса дворца, лежат и

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 127, 106, 74.

² «Поглощена смерть победою» [I Кор. 15, 54].

совмещаются при воображаемом повороте вокруг этого центра на 180°. Чайный домик и озеро с пирамидой; на другой линии — обрыв к морю, Львиная лестница, скала Потемкина, мечеть; на третьей — меридиане — вершина Хаоса и крайняя оконечность мыса. Двор (противо)соответствует верхней террасе, кабинет хозяина — Голубой гостиной. Это принцип, кстати, наблюдается и в фамильном гербе Воронцовых: в центре — лилия как символ триединства, а розы — антисимметрично по диагонали. Антисимметрия допускает даже еще более «тонкую» схему. «В ней будут две линии. Линия утверждения и линия отрицания. Первая есть линия *любви*, вторая — *ревности*. Или, точнее будет сказать, что первая выражает момент преклонения, вторая — момент ревности, ибо это два необходимых проявления любви. В первой потенции, хотя в ней и просвечивает универсалия, — преклонение перед отдельным человеком <...> В третьей потенции — преклонение перед универсалией <...> В первой потенции ревность имеет предметом соперника-человека, в третьей — ревность к внешней тьме и сатане»¹. Тогда *парадигма* получает толкование диагоналей: «восточная» — ревность, «античная» — преклонение. Идут они с юга конкретности на север универсальности.

Видимо, к этой гипотезе тоже надо относиться с долей иронии, ибо слишком много смыслов можно видеть в каждой — особенно, существенной — детали. В этом и прелесть. Например, знаменитые львы. Для одних это аллегория Южного берега как крепости на краю империи (лев как символ силы)². Для других это чисто декоративный элемент³. Можно заметить, что для восточных храмов и дворцов характерно то, что их входы часто «сторожат» звери или фантастические существа. Такой взгляд подчеркивает значительность, «сакральность» Алушкинского дворца. Возможны и другие толкования, вот еще одно: «Лев — слово индоевропейского характера, означает животное, которое, в свою очередь, является лунно-

¹ Иеромонах Онисим (Поль О.В.) Любовь как условие возможности Царства Божия // Человек. 1991. № 5. С. 118.

² Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. С. 320.

³ Волошин М.П., Косаревский И.А., Рубцов И.А. Алушкинский парк в Крыму. С. 23.

солнечным символом. Спящий (лежащий) лев — луна, бодрствующий — солнце»¹. Это сразу напоминает названия озер в АК и символику ислама. Короче говоря, каждый элемент или подструктура в АК «работает» как «фонтан смыслов», играющий перед глазами богатейшим спектром и брызгами ассоциаций. Но видение радуги зависит от точки зрения наблюдателя...

Теперь зайдемте во дворец. Быть может, он устроен действительно «в жанре путешествия» (А.А. Галиченко), во всяком случае, в нем явно чувствуется движение истории — особенно во дворецовом «коридоре». «Чем дальше от арки западного въезда, тем больше наслаиваются признаки архитектуры последующих эпох»². По мере движения на восток эволюционирует кладка стен: рваный камень все более упорядочивается и обтесывается; контрфорсы переходят в пилястры и профилированные трубы каминов; грубые зубцы верха, квадратные трубы, башни становятся тонкими зубцами, колонками с фиалами. Неожиданный ажурный мостик — и перспектива «ломается», коридор поворачивает, открывается двор. Вдоль всего коридора плавно повышается уровень почвы и окружающих стен. (При выходе из восточных ворот двора ситуация в точности обратная — антисимметрия!) Из раннего средневековья мы попадаем в английское Возрождение, из крепости — в усадьбу.

Внутренний план главного и столового корпусов АК довольно прост. И здесь соблюдается *принцип уюта Biedermeierzeit'a* — в отличие от роскошных, но часто холодных и бездушных анфилад предыдущей эпохи. Здесь, внутри главного корпуса осуществляется тот же общий принцип построения АК. Кабинет противоположен гостиной, северо-восток и восток — деловые, «мыслительные»; юго-запад, юг — «зона отдыха». Каждая комната, как было принято, оформлена в особом стиле. Последовательное их посещение можно рассматривать как путешествие по странам³, хотя их здесь всего получается три — Турецкая (Сераскирская, Голубая) гостиная, Китайский кабинет (Малая гостиная) и английский

¹ Левин Э. Чудесное зеркало крымской топонимики // Крым-90. Альманах. Симферополь, 1990. С. 89.

² Галиченко А.А., Пальчикова А.П. Алупкинский дворец-музей. С. 9.

³ Там же. С. 20.

холл, а под «китайским» (*chinoiserie*) тогда понимали все «восточное», вплоть до арабских надписей¹. Быть может, оформление комнат было, скорее, «обосновано мировоззренчески» (типа «помасонски»). Устройство же «анфилады» из Голубой гостиной в бильярдную, мне кажется, с учетом общей линейной структуры этой части дворца планировалось из соображений удобства и домашних привычек, подобных одесским: «Большая зала, почти всегда пустая, разделяла две большие комнаты и два общества. Одно, полушлебейское, хотя редко покидал его сам граф, постоянно оставалось в бильярдной. Другое, избранное, отборное, находилось в гостиной у графини <...> В столовой к обеду сходились вместе»². Хозяева Алулки приходили из главного корпуса, а многочисленные гости — из гостевого Шуваловского корпуса или Азиатского павильона.

Заключение

В парке, говорят, заложена целая философия, но сюжет ее утрачен — все заросло...

Из разговора туристов в Алулке.

В одной из лучших книг об Алулке я встретил другой перевод, вернее, еще одно понимание надписи в нише: «И нет счастья, кроме посланного от Бога»³. Быть может, эта интерпретация не совсем точна, но она выражает идею, «лозунг», «девиз» всего комплекса. Ведь смысл АК — радостная, оптимистическая *мистерия Истины* и живущей в ней *Личности*. Уникальность же его — в продуманности и масштабе творения и качествах творца. Граф использовал все, все «значащие» слои, все смыслы «снизу доверху». В Крыму много прекрасных мест и пейзажей, но граф использовал всю глобальность — сохранив при этом уют, камерность, поскольку не опирался на тоталитарность, не считающуюся ни с чем ради единственной идеи.

¹ Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. С. 3.

² Записки Филипа Филиповича Вигеля. С. 124.

³ Ширлев С.Д. Алулка. Дворец и парки. С. 50.

Я могу привести конкретный пример последнего. В 1930-х годах был разработан генеральный проект планировки района Ялта-Мисхор-Алупка¹. Предполагалось провести сюда железную дорогу для электропоездов, от станции проложить два эскалатора, один к центру Алупки, другой дальше к морю, общей длиной 600 м с перепадом высот 140 м. От станции же к парку должен был доставлять людей фуникулер с перепадом высот 101 м. Рядом с парком предполагался стадион на 5–6 тыс. мест и зеленый театр на 3 тыс. мест. Проектировалась пассажирская пристань длиной 60 и шириной 12 м. Рассчитывались пассажиропотоки (в тыс. чел.), подвесная дорога на Ай-Петри (в метрах) и т.д. Словом, спустя сто лет после графа-«крепостника» счет уже шел на тысячи. Место отдыха «вице-короля» должно было превратиться — как и весь Южный берег — в «комбинат здоровья». Только не уточнялось, «каторжники» будут импортные или свои...

Как в «индивидуальном», так и в «массовом» случае «метафизика» передается телесно, в результате чего мы получаем возможность философию как бы видеть <...> (и не исключено, что в нашей культуре пока вообще нельзя научить философии другим способом, нежели простым показом)². Воронцов сделал эгоистический, эгоцентрический акцент (сама форма «текста» — усадьба) и избежал социально-политической конкретности. Он «сделал красиво» — себе, то есть вечно — всем, так как эстетические импликации имеют гораздо более широкий спектр, чем словесный, тем более, традиционный философский текст, «потому что текст относится к тем объективациям культуры, к тем случайным сгущениям сознания в язык, которые, строго говоря, не дают представления об истине философии»³. Здесь, в Алупке нам наглядно представлены все те мотивы русской метафизической мысли, которые так пышно расцвели позднее. Здесь и религиозное в своей основе стремление к цельности «как должному и чаемому состоянию мира и человека»⁴, и представление о совершенном образе

¹ Материалы генерального проекта планировки района Ялта-Мисхор-Алупка. Вып. 4. М., 1937.

² Рыклин М.К. Метафизика речи // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 20–21.

³ Там же. С. 20.

⁴ Хоружий С.С. Философский процесс в России как встреча философии и православия. С. 34.

бытия, связанном с мифологемой Эдема, и восстановление этого идеального бытия как «фундаментальная задача всего исторического бытия человека, его назначение и смысл», и единство множества гармонически соотносящихся элементов (будущее *всеединство*), полученное в наследство от христианского неоплатонизма, и глубинная связь эмпирии и Абсолюта, и взаимозависимость онтологии и гносеологии, при которой познание является воссоединяющей активностью, и, наконец, Триединство как универсальная онтологическая парадигма — динамическая структура, принцип, описывающий «драму бытия».

А знаете ли вы, что это за жизнь? Это Небо: и другого неба, помимо этого, нет <...> Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий разумного существа, конечное предназначение духа в мире. Я не знаю, призван ли каждый из нас пройти этот огромный путь, достигнет ли он его славы конечной цели, но то, что предельной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира, это я знаю, ибо только таким образом может наш дух вознестись в совершенство всего, а это и есть подлинное выражение Высшего Разума. <...> Здесь надлежит заметить две вещи, во-первых, что мы не имели в виду утверждать, будто в этой жизни содержится все небо целиком: оно в этой жизни лишь начинается [по фигуре П. — М.М.], ибо смерть более не существует с того дня, как была побеждена Спасителем [нет победителя, кроме Бога. — М.М.]; и, во-вторых, что здесь, конечно, говорится не о слиянии вещественном во времени и в пространстве, а лишь о слиянии в идее и в принципе¹.

Эта любовь к христианскому образу вертикали в российском мышлении настолько длительна и сильна, что ярко проявляется и сегодня:

Все дело в том, что небесное должно случаться на земле и наоборот. В свое время Мандельштам называл (а он был созвучен в этом смысле христианству) это вечностью не во времени, а вечностью как вертикальным сечением этой жизни.

Я думаю, что другая жизнь, другое небо, другой мир — находятся в этом мире. Самая древняя философская мудрость, записанная еще в египетском папирусе, говорит: так, как наверху, так и внизу. Внизу так,

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 57 и прим.

как наверху. То есть, если ты связан, соотнесен с верхом — а это и есть человеческая история, то есть история возвышения человека над самим собой, над своей тварной природой, своей двойственностью — ты должен уложить верх на низ <...> наверху так же, как внизу.

Это ответ всякой истины религиозной и всякой истины философии.

Действительно, происходит что-то неземное, но неземное происходит в земном. Это вертикальное сечение самого земного, это, так сказать, вечность. Она не во времени какого-то предмета, который был бы вечен и не менялся, был бы совершенней, чем наши несовершенные вещи — нет. Это сечение — искусство истинной духовности, религиозности, экзотичности, нравственности человеческой, это помещение верха на низ <...> эта другая жизнь есть то, что есть в *этой* жизни, только не как предмет, а как смещающаяся точка вертикального сечения самой этой жизни¹.

Мой граф сумел самым апофеозом времени и изменчивости — романтическим парком — создать образ вечности.

Чтобы понять, теперь уже теоретически, почему это стало возможным, надо обратиться еще раз к аналогии парка с поэзией, поскольку «пейзажные парки в особенности были созданием поэтов по преимуществу»², а стихи часто сравнивают с цветущим садом». Основные особенности поэтической метафизики можно перечислить, например, с помощью И. Бродского и А. Кушнера³. Поэзия — сфокусированное мышление, конденсация, опускание само собой разумеющегося. Это удержание времени, поскольку предполагает множество смыслов и много попыток осмысления. И стих «вертикален»: его идея — описание «того света», где источник представлений о нем — свет этот. И поэзия, и романтический пейзажный парк отличаются отсутствием «дидактического априорного позитивизма», они непредсказуемы и, следовательно, неидеологичны. Мысль в поэзии и в парке не живет сама по себе, она неотделима от носителя, конкретна и подробна, ее нельзя абсолютизировать или логически распространить, обобщив, на все случаи жизни. Мысль тут не однолинейна, а сразу движется по всем направлениям, как жизнь, растет, как кристалл или, если угодно,

¹ Мамардашвили М.К. Философ может не быть пророком... С. 136.

² Лихачев Д.С. Поэзия садов. С. 24.

³ Бродский И. О Марине Цветаевой; Кушнер А.С. Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л., 1991.

как дерево, допуская и даже подразумевая стилистическую контрастность, держащуюся, подобно ветвям на стволе, на нравственном стержне, на совести. Поэтому ее нельзя пересказать, ибо получается банальность или абсурд, на нее можно только указать. Что я и пытаюсь сделать этой книгой: «вернуться назад по лучу».

И еще в Алушке, как в настоящей поэзии, есть ощущение удачи, то есть новизны, опирающейся на многовековую традицию. И есть память о счастье.

Но обязательно надо иметь в виду, что в основе всего — игра. Со словом, с ландшафтом, со стилем. Создатель пейзажного парка оставял якобы «все как есть». «Кристалличность», разностильность, неоднозначность не могут существовать без внутренней игры и иронии. Да в то время, кстати, творческое мышление было не только насквозь эстетизированным, но и столь же ироничным — достаточно вспомнить Пушкина.

Раз возможны различные варианты интерпретаций, сразу возникает то, что я бы назвал *иронией достаточности любого уровня*: как ни интерпретируй, все получится хорошо. Фонтан тонкой струей из пирамиды — одновременно пародия. А вот фонтан под названием «Trilby»: одно из значений слова — «мягкая фетровая шляпа»; шляпа тогда — символ свободомыслия; на фонтане изображена собака, хватящая кошку... А вот в столовом зале два больших полотна Гюбера Робера. Одно из них изображает знаменитый парк Эрменонвиль с могилой Ж.-Ж. Руссо — это просто символ романтического парка и меланхолии. Он обозначает настроение Алушки? Отнюдь! Это, скорей, образец для *контраста*. В пейзажных парках принято было строить легкие павильоны в восточном стиле с надписями, а в Алушке павильоном с арабской вязью оказывается сам дворец. Все эти примеры вместе с замечаниями современников о тонком уме графа приводят к мысли, что Воронцов сотворил грандиозную «обманку» в весьма модном тогда романтическом стиле, которая расшифровывается совсем не стилем — хотя можно и им, конечно, — а глубоко продуманной личностно-метафизической концепцией. Ирония — в полифонии смыслов. Оказывается, модность и стильность не противоречат глубине и продуманности, но их сочетание дает иронический эффект. Настоящая добрая ирония только и может существовать, только и проявляется — в игре смыслами земными, но при «опоре на небо».

Я убежден, что граф выполнил основную задачу всякого философа, мыслителя, творца: оставил нам «технику впадения в истину», стремясь «через собственное развитие и просвещение развивать и структурировать определенным образом социальную материю вокруг себя, так чтобы она была дифференцирована и многообразна. Потому что только сложные организмы жизнеспособны»¹. И ясно мне теперь, с кем сравнивал «полунежеда» граф Воронцов в 1824 г. молодого, талантливого, но беспутного поэта Пушкина, утверждая, что у того мало образования. Он сравнивал его с самим собой, а творения поэта — со своей тогда уже задуманной «Алупкинской поэмой».

Впрочем, не буду забывать о мною же провозглашенной иронии. Не исключено, что все здесь написанное есть сон, «игра в бисер»... «открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл как следует глаза, он увидел, что шумит море <...> и что, короче говоря, он сидит на самом конце мола и что под ним голубое сверкающее море, а сзади — красивый город на горах». Сегодня Алушка воспринимается в лучшем случае как цветущий остров из любимого графом романа о Мельмоте-скитальце. Сейчас в АК показывают именно «остатки былой роскоши», потеряв метафизическую основу, которая как-то совсем почти «заросла» — «наиболее философские» места запущены (терраса у библиотеки, «секретная» тропа, гребень Хаоса и т.д.), «парк — для большинства посетителей это лишь красивый ландшафт. Былое символически-созерцательное отношение к природе стало прагматически-утилитарным <...> одна из основных задач <...> — реставрация не только архитектурных форм, но и человеческого сознания»². Граф понимал, что символическое и прекрасное — это и есть прагматическое и утилитарное.

В целом граф вряд ли может обижаться на судьбу своих творений. Многие из его начинаний живут и приносят людям пользу и сегодня. Только личность светлейшего князя в них присутствует неявно, в основаниях, подобно его родному дому в Петербурге на Малой Морской, что не исчез вовсе, а стал, проданный, в 1900-х годах первыми этажами огромного здания фирмы братьев Шталь.

¹ Мамардашвили М.К. О философии // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 10.

² Пимонова В. В поисках утраченного времени // Искусство Ленинграда. 1991. № 3. С. 31.

...Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На разохшейся скамейке — Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса¹.



¹ Бродский И. Сочинения. Т. II. СПб., 1992. С. 286.

Литература

- Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 33-59.
- Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988.
- Алданов М.А. Девятое термидора // Алданов М.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., 1993.
- Александр II // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб, 1896.
- Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1-2. Варшава, 1897.
- Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.
- Алексеев М.П. Английская литература. Очерки и исследования. Л., 1991.
- Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1993.
- Андроников Р.И. Князь М.С. Воронцов в деле Ю.А. Копьева // Русская старина. 1873. Т.8.
- Апресян Р.Г. Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита // Историко-философский ежегодник. Вып. 25. М.: Наука, 2005. С. 88-107.
- Артемьева Т.В. Адам Смит в России // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. СПб., 2002. С. 39-66.
- Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб., 1994.
- Артемьева Т.В. Науки о человеке в первых изданиях Британской энциклопедии // Человек. № 6. 2003. С. 70-85.
- Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005.
- Артемьева Т.В., Златопольская А.А., Микешин М.И., Тоси А. А.М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. СПб., 2008.

Артемяева Т.В., Микешин М.И. Вальтер Скотт в России: культурное распределение или интеллектуальная коммуникация // Современная культурология: научная школа профессора Л.М. Мосоловой. СПб., 2013. С. 117-138.

Артемяева Т.В., Микешин М.И. Екатерина Великая в зеркале современных интерпретаций // Философский век. Альманах. Вып. 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. СПб., 1999. С. 7-12.

Артемяева Т.В., Микешин М.И. Перевод времени, или непереводаемая игра понятий // Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешинной / Под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М., 2010. С. 194-211.

Артемяева Т.В., Микешин М.И. Сюжеты исторической персонологии // Философский век. Альманах. Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии. СПб., 1997. С. 5-28.

Архив князя Воронцова Т. I-XL. Азбучный указатель. Роспись Архива / Изд. П. Бартенева. М., 1870-1897.

Архив семьи Бизли.

Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. СПб., 1997.

Афанасьев В.Г. История русской интеллигенции. СПб., 2013.

Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева. Дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2006.

Белинский В.Г. Собр. соч. В 9 т. М., 1976-1982. Т. III.

Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.

Богомолов П. Почтили память бунтаря-москвиты // Парламентская газета, 7 февраля 2003 г. <http://www.cargobay.ru/news/parlamentskaja_gazeta/2003/2/7/id_141741.html>.

Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929.

Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: В 3-х тт. Т. 3. М., 1996.

Бродский И. О Марине Цветаевой // Новый мир. 1991. № 2.

Бродский И. Сочинения. Т. II, V, VII. СПб., 1992-1999.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XVI^A, XXI^A. СПб., 1895, 1897.

Бумаги графа А.А. Закревского. Сб. Имп. русского ист. общества. Т. 73. СПб., 1890.

В Лондоне открыта мемориальная доска графа Воронцова // Коммерсант, 26 ноября 2002 г. <<http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=57511>>.

Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990.

Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988.

- Вехи. Из глубины. М., 1991.
- Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
- Вигель Ф.Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля. Ч. 1–7. 1891–1892.
- Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1902.
- Волошин М.А. Коктебельские берега. Симферополь, 1990.
- Волошин М.П., Косаревский И.А., Рубцов И.А. Алушкинский парк в Крыму. Киев, 1961.
- Воронцов М.С. Выписки из дневника М.С. Воронцова с 1845 по 1854. СПб., 1902.
- Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. М., 2010 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Галиченко А.А., Пальчикова А.П. Алушкинский дворец-музей. Симферополь, 1989.
- Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954–1965. Т. 1.
- Гириц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29.
- Голубцов А.И. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. 2. Сергиев Посад, 1918.
- Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства <http://ru.wikisource.org/wiki/Грамота_на_права,_вольности_и_преимущества_благородного_российского_дворянства>
- Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986.
- Громов М.Н. О философской семантике архитектуры // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990.
- Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Грюнберг П.Н. Вступление // Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 309–313.
- Губер П.К. Дон-Жуанский список А.С. Пушкина. М., 1990.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
- Дабига В.Д. Николай Никифорович Мурзакевич. 1806–1883 // Русская старина. 1887. Кн. 53, январь.
- Давыдов Ю. Русский с Гарлей-стрит // Родина, 1992. № 8–9.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1980.
- Дашкова Е.Р. Записки. Л., 1985.
- Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность // Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986. С. 317–335.
- Добролюбов Н.А. Разные сочинения С. Аксакова // Добролюбов Н.А. Собрание соч. в девяти т. Т. 4. М.-Л., 1962.

- Долинин А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.
- Дондуков-Корсаков А.М. Князь М.С. Воронцов // Старина и новизна. 1902. V.
- Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964.
- Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.
- Екатерина II. Записки, касательно Российской истории // Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными прим. академика А.Н. Пыпина. Т. 8. СПб., 1901.
- Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 72-153.
- Елагин И.[П.] Опыт повествования о России. М., 1803.
- Жуковский В.А. Дневник 1835 г. // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. М., 2004.
- Журавина Т.Г. Дворянское гнездо: Санкт-Петербург, Английская набережная, 10. СПб., 2002.
- Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007.
- Записки Н.Н. Мурзакевича // Русская старина. 1887. Т. 53-56; 1888. Т. 59; 1889. Т. 61.
- Захарова О.Ю. «Я князь, коль мой сияет дух...» Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.С. Воронцова. Подольск, 1997
- Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.
- Захарова О.Ю. Генералы своих судеб. М.С. Воронцов – генерал-губернатор Новороссийского края. М., 1998.
- Захарова О.Ю. Граф С.Р. Воронцов – посол Российской империи. Симферополь, 2005.
- Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М., 2013.
- Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2005.
- Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л., 1991.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVII в. М., 1988.
- Золотоносов М. Глагол, которому названия нет. Заметки читателя // Час пик. 1 апреля 1991 г. № 13 (58).
- Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

Иеромонах Онисим (Поль О.В.) Любовь как условие возможности Царства Божия // Человек. 1991. № 5.

Из писем Александра Яковлевича Булгакова к брату // Русский архив. 1901. Кн. 2.

Из писем фельдмаршала кн. М.С. Воронцова к М.П. Щербинину с Кавказа и из чужих краев в Москву // Русский архив. 1870.

Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. М., 1991. С. 38-40.

Интеллектуальное пространство современной России: круглый стол. СПб., 2008.

Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. М., 1997.

Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М., 2007.

Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001.

Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М., 2007.

Кантор В.К. Соседи: Арабески. М., 2008.

Карамзин Н.М. История государства российского. СПб., 2003.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987.

Кеппен П.И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837.

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М., 1997.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1987-1990.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Т. 1. 1875.

Кросс Э. Исповедь любителя XVIII века // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.-СПб.-Ферней-Вольтер, 2001.

Кросс Э.Г. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005.

Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

Кузнецов С.О. Неизвестный Левицкий: Портретное искусство живописца в контексте петербургского мифа. СПб., 1996.

Кушнер А.С. Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л., 1991.

Ланда Р. Альхамбра и Хенералифе // Азия и Африка сегодня. 1991. № 5.

- Лапин В.В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991.
- Левин Э.* Чудесное зеркало крымской топонимики // Крым-90. Альманах. Симферополь, 1990.
- Левин Ю.Д.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975.
- Ливанов Ф.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875.
- Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2.
- Лихачев Д.С.* Поэзия садов. СПб., 1991.
- Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из Российской истории // *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 365-373.
- Лопатин В.С.* Светлейший князь Потемкин. М., 2005.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990.
- Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. Новая серия. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 122-151.
- Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1983.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
- Лотман Ю.М.* Культура и интеллигентность. Серия телевизионных бесед.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987.
- Лунин М.И.* О влиянии Вальтер Скотта на новейшие изыскания по части средней истории // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1836 г. Харьков, 1836. С. 14-16.
- Львов Н.А.* Избранные сочинения. СПб., 1994.
- Магницкий М.* Судьба России (публикация А.Ю. Минакова) // Исторический вестник. № 7/8. 2000. С. 230-237.
- Малинин В.А.* Пушкин как мыслитель. Красноярск, 1990.
- Мамардашвили М.К.* О философии // Вопросы философии. 1991. № 5.
- Мамардашвили М.К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10.
- Мамардашвили М.К.* Философ может не быть пророком... // Человек. 1991. № 2.

Марасинова М.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999.

Материалы генерального проекта планировки района Ялта-Мисхор-Алушка. Вып. 4. М., 1937.

Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26-29 августа 1996 г. СПб., 1996.

Микешин М.И. «Божественный» разум Просвещения // *Философский век. Альманах.* Вып. 24. История философии как философия. Часть 1. СПб., 2003. С. 147-155.

Микешин М.И. «Маленькая семейная негоция» // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Вып. 3. Петушки, 1998. С. 109-126.

Микешин М.И. «Они вообразили, что стали совершенно свободными» // *Международный журнал исследований культуры.* Научное рецензируемое электронное издание. № 4(13) 2013: Интеллектуальная культура России. <http://www.culturalresearch.ru/ru/curr-issue>

Микешин М.И. Архив семьи Бизли // *Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества.* Вып. 11. СПб., 2007. С. 103-118.

Микешин М.И. Британская пресса о жизни С.Р. Воронцова // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Выпуск 16. СПб., 2013. С. 37-50.

Микешин М.И. Воронцовы и Крым // *Воронцовы — два века в истории России.* Вып. 2. Петушки, 1996. С. 105-119.

Микешин М.И. Две смерти в семье Воронцовых (по публикации Г. Струве) // *Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей.* СПб., 1998. С. 76-84.

Микешин М.И. Диагнозы английского врача: Академии наук (1827) и императору (1853) // *Философский век. Альманах.* Вып. 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998. С. 34-64.

Микешин М.И. Интеллектуалы и их среда: клубы и общества в Шотландии в 18 веке // *Человек,* 2004, № 1. С. 115-129.

Микешин М.И. Лейтенант королевского флота // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Выпуск 13. СПб., 2010. С. 123-137.

Микешин М.И. М.С. Воронцов. Метафизический портрет в пейзаже // *Философский век. Альманах.* Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историсофской антропологии. СПб., 1997. С. 99-220.

Микешин М.И. П.Я. Чаадаев как философ повседневности // *Философский век. Альманах.* Вып. 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб., 1998. С. 72-76.

- Микешин М.И.* Последние годы жизни С.Р. Воронцова (некоторые подробности) // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Вып. 6. Петушки, 2001. С. 65–72.
- Микешин М.И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005.
- Микешин М.И.* Союз Моцарта и Сальери // *Философские науки.* № 6. 1989. С. 14–19.
- Мильтон Дж.* Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976.
- Милуков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1887.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Мифы народов мира.* Т. 2. М., 1988.
- Мораморко М.* Массонство в прошлом и настоящем. М., 1990.
- Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1912.
- Мотрошилова Н.В.* Предисловие // *Кант И.* Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. I. «Трактаты и статьи» (1784-1796) / Подг. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М., 1993.
- Муравьев М.Н.* Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: В 3-х ч. Часть 2. СПб., 1819-1820.
- Некрасова Е.А.* Романтизм в английском искусстве. М., 1975.
- Никифорова Л.В.* Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии. СПб., 2006.
- Николай Кузанский.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1979.
- Никулина Н.И.* Николай Львов. Л., 1971.
- О философии* // *Примечания на Санкт-Петербургские ведомости.* Ч. 52. Июня 1738 г.
- Одоевский В.Ф.* Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке. Сущее, или существующее. Гномы XIX столетия. Из записной книжки // *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века.* Т. 2. М., 1974.
- Парамонов Б.* Канал Грибоедова // *Знание — сила.* 1991. № 4.
- Пимонова В.* В поисках утраченного времени // *Искусство Ленинграда.* 1991. № 3.
- Пирсон Х.* Вальтер Скотт. М., 1983.
- Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову* // *Русский архив.* 1890. № 2–4.
- Платон.* Федр.
- Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846.
- Померанц Г.С.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990.
- Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990.
- Пушкин А.С.* Полное собр. соч. в 10 т. Изд-е 4. М., 1977.

- Пыпин А.И.* Русское масонство XVIII – первой четверти XIX в. Пг., 1916.
- Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.
- Рассуждение о пользе феоретической философии в обществе // Ежемесячные сочинения. 1756. Сентябрь. С. 216.
- Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
- Русакова О.Ф.* Историософия: структура предмета и дискурса // Вопросы философии. № 7. 2004.
- Рыклин М.К.* Метафизика речи // Вопросы философии. 1991. № 5.
- Саваренская Т.Ф.* Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. М., 1987.
- Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
- Сафонов С.В.* Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. Одесса, 1840.
- Сен-Мартен.* О заблуждениях и истине. М., 1785.
- Словарь Античности. М., 1989.
- Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
- Смит А.* Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных, с письмами М. Кондорсе к Кабанису О симпатии / Пер. П.А. Бибилова. СПб., 1868.
- Соколов Б.В.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». М., 1992.
- Соловьев С.* Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. II. Отд. III. М., 1855.
- Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983.
- Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 7-8.
- Старчевский А.* Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845.
- Станиславская А.М.* Англо-русские отношения в конце XVIII века // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1957. № 12.
- Тамарченко Е.Д.* Факт бытия в реализме Пушкина // Контекст-91. М., 1991.
- Теплов Г.Н.* Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751.
- Тимофеев Л.Н., Царин А.П.* Алупкинский дворец-музей. Симферополь, 1981.
- Толстой В.* Князь Михаил Семенович Воронцов // Русский архив. 1877. Т. 3.
- Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 14 т. Т. 4. М., 1951.

- Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001.
- Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991.
- Удовик В.А. Воронцов. М., 2004 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Удовик В.А. М.С. Воронцов: человек, полководец, государственный деятель. СПб., 2009.
- Удовик В.А. Пушкин и чета Воронцовых. СПб., 2007.
- Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
- Урнов Д.М. «Сам Вальтер Скотт», или «Волшебный вымысел» // Скотт В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 1. М., 1990.
- Фадеева Т.М. По горному Крыму. М., 1987.
- Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II с Доктором Циммерманом с 1785 по 1792 г. СПб., 1803.
- Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М., 1994.
- Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб., 2004.
- Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия. Храмовое действо как синтез искусств // О Русь, волшебница суровая. Н. Новгород, 1991.
- Фрабергер И. Неизвестная сторона Семена Воронцова: его политические взгляды и его доля участия в реформах в России в начале 19 века. Выступление на 8-х Воронцовских чтениях. СПб., 11-13 октября 1999 г.
- Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Смит. Эстетика. М., 1973.
- Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
- Хоружий С.С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. 1991. № 5.
- Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989.
- Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение. М., 1990.
- Ширяев С.Д. Алупка. Дворец и парки. Симферополь, 1927.
- Шмидт С.О. Общественное сознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX века. М., 2002.
- Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. М., 1916.
- Штейнберг Е. С.Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал. Кн. 11-12 (123-124). 1943.
- Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1-7. СПб., 1770-1791.
- Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.
- Экитут С.А. На службе российскому Левиафану. Исторические опыты. М., 1998.

Экшутт С.А. Чурбан-паша // Родина. 1991. № 5.

Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала государей все великия и вечной достойныя памяти ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере ЗЛАТАГО ВЕКА во время царствования ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ в себе заключающая. Т. 1. СПб., 1767.

Энциклопедия военных и морских наук. Т. 2. СПб., 1884.

Юм Д. Сочинения в двух томах. М., 1996.

Яновский Н. Новый словотолкователь. Ч. 1. СПб., 1803.

A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World; in Which the Coast of North-West America Has Been Carefully Examined and Accurately Surveyed. Undertaken by His Majesty's Command, Principally with a View to Ascertain the Existence of Any Navigable Communication between the North Pacific and North Atlantic Ocean; and Performed in the Years 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, and 1795, in the Discovery Sloop of War, and Armed Tender Chatham, under the Command of Captain George Vancouver. In Three Volumes. Vol. III. L., 1798.

Anderson R.C. Naval Wars in the Baltic, 1522-1850. L., 1969.

Appleby J.H. Woronzow Greig (1805-1865), F.R.S., and His Scientific Interests // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 53. No. 1. January, 1999. P. 95-106.

Artemieva T.V. Adam Smith in Russian Translation // A Critical Bibliography of Adam Smith. L., 2002. P. 153-167.

Artemieva T.V., Mikeschin M.I. Hume in Russia // The Reception of David Hume in Europe / Ed. by P. Jones. L.-N.Y., 2005. P. 195-224.

Authentic Copies of Treaties... L., 1793.

Autobiography of A.B. Granville. In 2 vol. L., 1874.

Bachelard G. L'activité rationaliste de la physique contemporaine. P., 1951.

Black J. The Grand Tour in the Eighteenth Century. Phoenix Mill, 1997.

Brown D. Walter Scott and the Historical Imagination. L., 1979.

Brookwood Cemetery. St Marylebone Church Reburials (Plot 77) <<http://www.brookwoodcemetery.com/st-marylebone-reburials.htm>>

Chitnis A.C. The Scottish Enlightenment: A Social History. L., 1976.

Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // Russian Review. Vol. 38. No. 3. Jul., 1979.

Clanwilliam/Meade Papers. D3044. Public Record Office of Northern Ireland. Belfast.

Clark J.C.D. The Language of Liberty 1660-1832. Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World. Cambridge, 1994.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Rooms, Tottenham-Street. L., 1794.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1795.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1796.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1798.

Count Woronzow. Obituary // The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December, 1832. Vol. CII. Part 2. L., 1832. P. 78-90.

Cross A.G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London // Solanus: International Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies. New Series. Vol. 3. 1989. P. 12-24.

Cross A.G. Marginalia. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse // The Slavonic and East European Review. Vol. 70. No. 4. October 1992. P. 708-721

Cross A.G. Yakov Smirnov: a Russian Priest of Many Parts // Oxford Slavonic Papers. NS. VIII. 1975. P. 37-52.

Delavergne L.-E. Histoire de Robert, surnommé le Brave. L., 1800.

Dewald J. The European Nobility, 1400-1800. Cambridge, 1996.

Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury. Vol. IV. L., 1844.

Encyclopaedia Britannica. Vol. 1. Chicago; L.; Toronto, 1959.

Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. <http://www.alembert.fr>

Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew S. Skinner, Thomas Wilson. Oxford, 1975.

Ettinger P. Portraits of Charles Fox at the Hermitage // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 45. No. 257. August, 1924.

European Nobilities: Northern, Central and Eastern Europe / Ed. by H. Scott. L., 2006.

Fraser's Magazine for Town and Country. Vol. LXV. No. CCCLXXXVI. L., February, 1862.

Felton S. Testimonies to the Genius and memory of Sir Joshua Reynolds. L., 1792.

Forbes D. The Rationalism of Sir Walter Scott // Cambridge Journal. Oct. 1953. VII. P. 20-53.

Forget E.L. Cultivating Sympathy: Sophie Condorcet's Letters on Sympathy <<http://society.cpm.ehime-u.ac.jp/het/kenkyukai/claey&forget/forget2.doc>>

Foynes J. The Mystery of Lieutenant Beazeley. Isleworth, 2005.

Gareth Jones W. 'Tis Sixty Years Since: Sir Walter Scott's Eighteenth Century and Tolstoi's Engagement with History // Russian Society and Culture and the

Long Eighteenth Century. Essays in Honour of Anthony G. Cross / Ed. by R. Bartlett, L. Hughes. Muenster, 2004. P. 185-194.

Geertz C. Local Knowledge. L., 1983.

Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y., 1973.

Gleason W.J. Moral Idealists, Bureaucracy and Catherine the Great. New Brunswick (N.J.), 1981.

Granville A.B. Autobiography of A.B. Granville. In 2 vols. L., 1874.

Granville A.B. St. Petersburg. A Journal of Travels to and from that Capital... Vol. 2. Second ed. L., 1829.

Grimsted P.K. The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825. Berkeley, 1969.

Haumant E. La culture française en Russie (1700-1900). P., 1913.

Histoire des jardins de la Renaissance à nos jours. P., 1991.

Industrial Revolution. A Documentary History. Industrial revolution: a documentary history. Ser. 1, The Boulton and Watt archive and the Matthew Boulton papers from the Birmingham Central Library. Marlborough, 1993.

Jones P. Hume and the Beginnings of Modern Aesthetics // The Science of Man in the Scottish Enlightenment: Hume, Reid and Their Contemporaries. Edinburgh, 1989.

Lukacs G. The Historical Novel. L., 1962.

Kaplan H.H. Russian Overseas Commerce with Great Britain During the Reign of Catherine II. Philadelphia, 1995.

LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order 1700–1825. Oxford, 1991.

LeDonne J.P. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, 1984.

Lee W. The Plan of the Boxes at the King's Theatre, Hay-market, with An Alphabetical List of the Subscribers. L., 1797.

Livingston D. Hume on the Natural History of Philosophical Consciousness // The Science of Man in the Scottish Enlightenment: Hume, Reid and Their Contemporaries. Edinburgh, 1989.

Loyal volunteers of London & environs, infantry & cavalry, in their respective uniforms. Representing the whole of the manual, platoon, & funeral... L., 1799.

Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

McConnell A. Alexander I's Hundred Days: The Politics of a Paternalist Reformer // Slavic Review. Vol. 28. No. 3. Sep., 1969.

Mikeshin M.I. History as a Family Affair: an Aristocratic View // The Philosophical Age. Almanac 40. The Northern Lights. Enlightenment and History: a View from Northern Europe and Russia. St. Petersburg, 2014.

- Mikeshin M.I.* The Vorontsov Brothers' Utopia of the Aristocratic Senate // The Philosophical Age. Almanac 39. The Northern Lights: Social Philosophies and Utopias of the Enlightenment in Northern Europe and Russia. St. Petersburg – Helsinki, 2013. P. 22–35.
- Mitton G.E.* Hampstead and Marylebone. The Fascination of London. L., 1902.
- Morgan K.O.* Divided We Stand // History Today. Vol. 49. Issue 5. May 1999. P. 24–26.
- Mortimer G.* Observations and Remarks Made during a Voyage to the Islands of Teneriffe... L., 1791.
- Mudge T.* A Description, with Plates, of the Time-Keeper Invented by the Late Mr. Thomas Mudge... L., 1799.
- Murray V.* High Society in the Regency Period, 1788–1830. L., 1999.
- Narkiewicz O.A.* Alexander I and the Senate Reform // The Slavonic and East European Review. Vol. 47. No. 108. Jan., 1969.
- O'Brien K.* Narratives of Enlightenment. Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997.
- Obolonsky A.V.* The Drama of Russian Political History: System Against Individuality. College Station, 2003.
- Princesse Dachkova.* Mon histoire. Mémoires d'une femme de lettres russe à l'époque des lumières / Édition présentée et annotée par Alexandre Woronzoff-Dashkoff, Catherine Le Gouis, Catherine Woronzoff-Dashkoff. P.-Montréal, 1999.
- Public Record Office (PRO) Chancery Lane. London.
- Pushkarev S.* The Emergence of Modern Russia: 1801–1917. Canada, 1985.
- Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1838. The Hague, 1957.
- Read Ch.* Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. N.Y., 1990.
- Rhineland A.* Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Toronto; L., 1990.
- Scott H.M.* The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Western Europe. In 2 vols. L., 1995.
- Scott W.R.* Adam Smith as Student and Professor. N.Y., 1965.
- Sherwig J.M.* Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France, 1793–1815. Cambridge (Mass.), 1969.
- Sidney Herbert, First Baron Herbert of Lea (Obituary) // Fraser's Magazine for Town and Country. Vol. LXV. No. CCCLXXXVI. L., February, 1862. P. 212.
- Smith A.* The Theory of Moral Sentiments // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 1 / Ed. by D.D. Raphael and A. Laffie. Oxford, 1976.
- Smith A.* Théorie des sentiments moraux: ou essai analytique sur les principes des jugements que portent naturellement les hommes d'abord sur les action

des autres, et ensuite sur leurs propres actions suivi d'une dissertation sur l'origine des langues / Trad. par Marie-Louise-Sophie de Grouchy Condorcet. P., 1860.

St Marylebone Almshouses: A history of the Early Years // Tales from St John's Wood <http://talesfromsjwood.blogspot.ru/2009_06_09_archive.html>

Steinberg M.D. Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910-1925. Ithaca, 2002.

Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nikolaijs, and Others // California Slavic Studies. 1970. Vol. 5. P. 93-136.

Taylor M. Tables of Logarithms... L., 1792.

The Annual Register, or a View of the History and Politics of the Year 1856. L., 1857.

The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, of the Year 1832. L., 1833.

The Annual Register, or a View of the History and Politics of the Year 1856. L., 1857.

The Diary and Letters of Gouverneur Morris. Vol. II. N.Y., 1888.

The European Magazine, and London Review, Containing Portraits, Views, Biography, Anecdotes... Vol. 53. From January to June 1808. L., 1808.

The Gentleman's Magazine. 1832, July.

The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. Vol. XCIII. Part 1. L., 1823.

The Gentleman's Magazine. Vol. XLV (New Series). L., 1856.

The Letter-Bag of Lady Elizabeth Spencer-Stanhope. Vol. I. Compiled from the Cannon Hall Papers, 1806-1873 by A.M.W. Stirling. Note 29 to Ch. 1 (The Project Gutenberg EBook. Release Date: January, 2005 [EBook #7253]).

The Letters of David Hume / Ed. by J.Y.N. Greig. Vol. I. Oxford, 1932.

The London Gazette. June 1785. Issue 12656.

The London Gazette. June 1785. Issue 12658.

The Monumental Inscriptions of St Marylebone Parish Chapel and Churchyard and Parish Church. L., 1978 (typed manuscript).

The National, Municipal, and Parochial Register. L., July, 1835.

The New Annual Register, or General Repository of History, Politics, and Literature, for the Year 1792. L., 1793.

The Weekly Entertainer; or, Agreeable and Instructive Repository, Containing a Collection of Select Pieces, Both in Prose and Verse; Curious Anecdotes, Instructive Tales, and Ingenious Essays on Different Subjects. Vol. XLVI. Sherborne, 1806.

The Works of Dr. Jonathan Swift / Collected and revised by D. Swift. L., 1765.

Tillyard S. Aristocrats. Caroline, Emily, Louisa and Sarah Lennox, 1740-1832. L., 1995.

Twist A.F. Widening Circles in Finance, Philanthropy and the Arts: A Study of the Life of John Julius Angerstein (1735–1823). Amsterdam, 2002.

Waagen G.F. Peter Paul Rubens. His Life and Genius. L., 1840.

Wertz S.K. Hume, History, and Human Nature // Journal of the History of Ideas. № 36. 1975. P. 481-496.

Wilton and the Russian link // The Salisbury Journal, Thursday 2nd Jan. 2003 <[http:// www.thisiswiltshire.co.uk](http://www.thisiswiltshire.co.uk)>

Wiltshire Record Office (WRO). Trowbridge, England.

Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova: A Life of Influence and Exile. Philadelphia, 2008.



Именной указатель

- Аксаков, Иван Сергеевич, 299, 302, 303
Аксаков, Сергей Тимофеевич, 76, 77, 376, 378
Александр I, 77, 146, 157, 163, 164, 168, 172, 184, 188, 191, 192, 193, 202, 206, 238, 243, 255, 259, 287, 293, 294, 298, 325, 327, 387, 388, 389
Александр II, 215, 216, 304, 376
Алексей Михайлович, 250
Андреевский, Эраст Семенович, 223, 226, 227, 228, 230
Апресян, Рубен Грантович, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 376
Аристотель, 15, 16
Армфельд, Александр Густавович, 220, 222
Артемьева, Татьяна Владимировна, 19, 29, 32, 55, 64, 376, 377
Аткинсон, Уильям, 355
Багратион, Петр Иванович, 295
Байер, Готлиб Зигфрид, 69, 73, 237
Байрон, Джордж Гордон, 361
Бартенев, Петр Иванович, 223
Бахтин, Михаил Михайлович, 44
Башляр, Гастон, 263, 282, 386
Безбородко, Александр Андреевич, 168, 192, 205, 327, 328, 329
Бекельбек, Мери, 172, 173, 175, 185
Белинский, Виссарион Григорьевич, 90, 377
Бенкендорф, Александр Христофорович, 128, 378
Бердяев, Николай Александрович, 113, 114, 377
Бернулли, Даниил, 237, 240
Бернулли, Николай, 237, 240
Бибиков, Петр Алексеевич, 55, 57, 58, 61, 62, 384
Бизли, Джордж, 152, 153, 154, 156, 159, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185
Блор, Эдуард, 355, 356, 358, 361, 362, 364
Бойль, Роберт, 33
Боливар, Симон, 233

- Болотов, Андрей Тимофеевич, 10
- Болтон, Мэтью, 142, 143, 388
- Бомарше, Пьер Огюстен Карон де, 51
- Браун, Иосиф Адам, 241
- Бродский, Иосиф Александрович, 28, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 171, 324, 347, 372, 375, 377
- Брунов, Филипп Иванович, 217, 220
- Буксбаум, Иоганн Христиан, 242
- Булгаков, Александр Яковлевич, 215, 380
- Булгаков, Михаил Афанасьевич, 352
- Бэкон, Фрэнсис, 33, 55, 62, 313
- Бэтти, Хелен, 184
- Ванкувер, Джордж, 145, 386
- Везалий, Андреас, 233
- Веллингтон, Артур Уэлсли, 295, 365
- Вигель, Филипп Филиппович, 295, 296, 310, 325, 326, 336, 337, 369, 378
- Виллие, Джеймс, 259
- Вильде, Иоганн Христиан, 242
- Винцингероде, Фердинанд Федорович, 329
- Висковатов, Василий Иванович, 240
- Витгенштейн, Петр Христианович, 301
- Вишневецкий, Викентий Карлович, 240
- Владимир Святославич, 71, 78, 79, 81, 82
- Вознесенский, Андрей Андреевич, 44
- Волконский, Петр Михайлович, 289, 333
- Волконский, Сергей Григорьевич, 308, 310, 378
- Волошин, Максимилиан Александрович, 264, 318, 338, 339, 348, 378
- Вольта, Алессандро, 232
- Вольтер, 8, 9, 20, 76
- Вольф, Каспар Фридрих, 242
- Вольф, Христиан, 8, 9
- Воронцов, Александр Романович, 136, 138, 140, 141, 144, 148, 151, 152, 164, 165, 192, 193, 196, 197, 198, 200, 202, 207, 210, 293, 295, 327, 328, 329
- Воронцов, Иван Ларионович, 208
- Воронцов, Михаил Ларионович, 136, 137, 205, 208, 293, 326
- Воронцов, Михаил Семенович, 19, 21, 77, 78, 80, 129, 136, 139, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 162, 163, 164, 165, 169, 175, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 209, 210, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 230, 232, 234, 262, 263, 275, 285, 286, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 317, 318, 319, 322, 324, 325, 326, 327, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 342, 351, 356, 373, 374, 376, 379, 380, 382, 383, 384, 385, 389
- Воронцов, Роман Ларионович, 67, 136, 179, 190, 208, 293
- Воронцов, Семен Михайлович, 182, 186, 187, 189
- Воронцов, Семен Романович, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142,

- 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149,
150, 151, 152, 153, 154, 155, 156,
157, 158, 159, 160, 162, 163, 164,
165, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
175, 176, 178, 179, 184, 185, 186,
192, 196, 197, 198, 200, 202, 203,
204, 205, 206, 207, 209, 211, 212,
213, 214, 216, 222, 232, 293, 294,
314, 316, 327, 328, 329, 332, 334,
335, 336, 376, 377, 379, 382, 383,
385, 387
- Воронцова Екатерина
Алексеевна (урожденная
Сенявина), 293
- Воронцова, Анна Карловна
(урожденная Скавронская),
208
- Воронцова, Анна Михайловна
(в замужестве Строганова),
208
- Воронцова, Екатерина
Алексеевна (урожденная
Сенявина), 138
- Воронцова, Екатерина
Семеновна (в замужестве
Пемброк), 139, 151, 152, 153,
157, 158, 169, 173, 180, 204, 205,
209, 210, 211, 212, 213, 214, 216,
217, 219, 221, 222, 224, 225, 226
- Воронцова, Елизавета
Ксаверьевна (урожденная
Браницкая), 184, 221, 223, 226,
230, 232, 233, 296, 309, 331, 333
- Воронцова, Елизавета
Романовна (в замужестве
Полянская), 293
- Воронцова, Софья Михайловна
(в замужестве Шувалова), 188,
189, 219
- Воронцов-Дашков, Иван
Илларионович, 189
- Воронцов-Дашков, Илларион
Иванович, 189
- Воронцовы, 8, 19, 22, 136, 138,
139, 140, 141, 142, 144, 145, 148,
150, 151, 152, 153, 158, 163, 164,
165, 168, 171, 173, 179, 180, 182,
184, 185, 186, 187, 189, 190, 191,
192, 200, 204, 206, 210, 211, 213,
215, 216, 219, 221, 222, 223, 231,
232, 233, 234, 292, 293, 297, 298,
316, 323, 324, 326, 327, 328, 331,
336, 337, 342, 349, 367, 376, 382,
383, 385, 389, 390
- Вяземский, Петр Андреевич,
127, 210, 291, 308
- Гадамер, Ганс Георг, 282, 378
- Галиченко, Анна Абрамовна,
274, 340, 341, 368, 378
- Гегель, Георг Вильгельм
Фридрих, 44
- Гей-Люссак, Жозеф Луи, 233
- Гельвеций, Клод Адриан, 8, 9
- Георги, Иоганн Готлиб, 242
- Герберт, Сидней, 153, 158, 159,
204, 210, 211, 212, 214, 216, 218,
220, 221, 222, 224, 225, 389
- Германн, Франц Иоганн
Бенедикт, 240, 242
- Гермес Трисмегист, 343
- Герцен, Александр Иванович,
90, 123, 126, 378
- Гершель, Уильям, 238
- Гессе, Герман, 23
- Гете, Иоганн Вольфганг фон, 66
- Гильденштедт, Иоганн Антон,
242
- Гирц, Клиффорд, 130
- Гмелин, Иоганн Георг, 242
- Гмелин, Самуил Готлиб, 251
- Гоббс, Томас, 16
- Голицын, Дмитрий Алексеевич,

- Гольдбах, Христиан фон, 240
 Гостомысл, 75, 79
 Гранвиль, Август Боцци, 153,
 232, 233, 234, 235, 257, 261, 388
 Грановский, Тимофей
 Николаевич, 91, 378
 Грейг, Воронцов Самуилович,
 159
 Грейг, Самуил Самуилович, 159
 Гренвиль, Уильям, 148, 159
 Гримм, Фридрих Мельхиор, 9
 Гроций, Гуго, 16
 Грязнов, Александр
 Феодосиевич, 56, 57, 60
 Гурьев, Семен Емельянович, 240
 Давыдов, Денис Васильевич, 289
 Даламбер, Жан Лерон, 29, 385
 Дальтон, Джон, 233
 Данмор, Кэтрин, 221, 226
 Дашков, Павел Михайлович,
 136, 327
 Дашкова, Екатерина Романовна
 (урожденная Воронцова), 9,
 19, 20, 136, 293, 295, 327, 378,
 389, 391
 Делиль, Жозеф Никола, 237
 Дельвиг, Антон Антонович, 338
 Державин, Гавриил Романович,
 125, 192, 306
 Дидро, Дени, 8, 9, 20, 29, 385
 Дмитриев-Мамонов, Федор
 Иванович, 8
 Добролюбов, Николай
 Александрович, 76, 77, 378
 Долгорукий, Яков Федорович,
 207
 Достоевский, Федор
 Михайлович, 120, 319, 383
 Дювернуа, Иоганн Георг, 242
 Еврипид, 239
 Екатерина I, 237, 250
 Екатерина II, 9, 10, 16, 17, 19, 20,
 22, 23, 24, 25, 26, 27, 71, 72, 77,
 81, 85, 93, 115, 122, 125, 136,
 137, 139, 144, 145, 150, 162, 168,
 192, 195, 207, 208, 222, 232, 237,
 238, 251, 255, 260, 293, 326, 327,
 328, 335, 377, 379, 382, 385, 388
 Елагин, Иван Перфильевич, 68,
 81, 82, 84, 379
 Елизавета Петровна, 207, 208,
 237, 293, 326, 327
 Ермолов, Алексей Петрович,
 290, 292, 296, 303, 304, 325, 326,
 331, 335, 383
 Жуковский, Василий
 Андреевич, 75, 76, 80, 96, 210,
 234, 379
 Закревский, Арсений
 Андреевич, 289, 325, 331, 333,
 335, 377
 Зеньковский, Василий
 Васильевич, 114
 Зуев, Василий Федорович, 243
 Ильенков, Эвальд Васильевич,
 279, 281, 380
 Иноходцев, Петр Борисович,
 240
 Кабанис, Пьер Жан Жорж, 55,
 57, 61, 384
 Канова, Антонио, 233
 Кант, Иммануил, 44, 319, 383
 Кантемир, Антиох, 9
 Кантор, Владимир Карлович,
 113, 380
 Карамзин, Николай
 Михайлович, 67, 68, 69, 70, 73,
 74, 75, 76, 82, 83, 85, 89, 92, 123,
 147, 148, 150, 193, 210, 314, 380,
 381, 384
 Кеплер, Иоганн, 238
 Кирхгоф, Готлиб Сигизмунд
 Константин, 242

-
- Киселев, Павел Дмитриевич, 286, 289, 300, 301, 362
Кланвильям, Элизабет, 221
Ключевский, Василий Осипович, 89, 92, 93, 122, 123, 193, 285, 286, 287, 380
Кондорсе, София де, 55, 57, 61, 384, 390
Константин Павлович, 255, 259
Кочубей, Виктор Павлович, 168, 191, 197
Крафт, Георг Вольфганг, 240
Кросс, Энтони Гленн, 87, 139, 140, 144, 147, 151, 172, 173, 184, 185, 207, 380, 387, 388
Крузенштерн, Иван Федорович, 243
Крюгер, Франц, 96, 377
Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич, 222
Кушнер, Александр Семенович, 372, 380
Кювье, Жорж, 233
Лаксман, Эрик Густав, 242
Лангсдорф, Григорий Иванович, 243, 248
Ланжерон, Александр Федорович, 297, 325, 329, 332, 335, 336
Лаплас, Пьер Симон де, 240
Ларина, Татьяна Дмитриевна, 275
Ларошфуко, Франсуа де, 61
Левицкий, Дмитрий Григорьевич, 22, 125, 380
Лейбниц, Готфрид Вильгельм, 8, 9
Лепехин, Иван Иванович, 242
Ли, Роберт, 232
Ливен, Христофор Андреевич, 154, 212
Литга, Юлий Помпеевич, 254
Лихачев, Дмитрий Сергеевич, 106, 268, 269, 270, 272, 274, 372, 379, 381
Ловиц, Георг Мориц, 242
Ловиц, Тобиас Иоганн, 242
Локк, Джон, 16
Ломоносов, Михаил Васильевич, 8, 70, 71, 73, 105, 148, 237, 241, 381
Лонгинов, Николай Михайлович, 332, 334, 335
Лосев, Алексей Федорович, 281, 381
Лотман, Михаил Юрьевич, 106, 107, 108
Лотман, Юрий Михайлович, 46, 104, 106, 121, 124, 130, 150, 310, 314, 381
Лоуренс, Томас, 150, 306
Лукач, Дьердь, 87
Львов, Николай Александрович, 328, 342, 349, 381, 383
Магницкий, Михаил Леонтьевич, 66, 381
Мальтус, Томас Роберт, 55
Мамардашвили, Мераб Константинович, 279, 281, 320, 372, 374, 381
Мандельштам, Осип Эмильевич, 371
Мария Вюртембергская, 260
Меншиков, Александр Сергеевич, 220, 234, 296, 297, 299
Мень, Александр Владимирович, 318, 320
Миллер, Герард-Фридрих, 69, 73
Мильтон, Джон, 16, 272, 347
Милпоков, Павел Николаевич, 68, 103, 104, 383
Михаил Павлович, 257, 259, 260

- Монтескье, Шарль Луи де
Секонда, 8, 9, 79, 197, 200
- Монферран, Огюст, 234
- Мордвинов, Николай
Семенович, 147
- Мотрошилова, Нелли
Васильевна, 57, 58, 383
- Муравьев, Михаил Никитич, 77,
78, 79, 80, 383, 385
- Мурзакевич, Николай
Никифорович, 302, 317, 378,
379
- Наполеон I Бонапарт, 157, 162,
175, 188, 233, 295
- Нарышкина, Софья Львовна,
188
- Нессельроде, Карл Васильевич,
212, 214, 215, 216, 217, 218, 220,
222
- Нестор, летописец, 81, 82, 258
- Николаи, Андрей Львович, 168,
210
- Николаи, Павел Андреевич, 210,
220, 222, 234
- Николай I, 17, 22, 96, 126, 128,
129, 213, 216, 238, 254, 255, 257,
258, 285, 287, 288, 290, 292, 299,
302, 303, 308, 344, 361, 385
- Николай Кузанский, 342, 343,
344, 383
- Новиков, Николай Иванович, 10
- Новосильцев, Николай
Николаевич, 169, 191
- Ньютон, Исаак, 33
- Одоевский, Владимир
Федорович, 312, 383
- Озерецковский, Николай
Яковлевич, 243, 246
- Ольга, княгиня, 79, 81
- Орлов, Григорий Григорьевич,
9
- Орлов, Михаил Федорович, 301
- Павел I, 21, 142, 143, 146, 157, 162,
163, 164, 167, 168, 169, 192, 205,
209, 238, 259, 294, 335
- Паллас, Петр Симон, 238, 242,
251
- Пальмерстон, Генри Джон
Темпл, 257
- Пемброк, Джордж, 138, 152, 173
- Пемброки, 150, 152, 158, 209, 232,
390
- Петр I, 9, 10, 16, 17, 21, 27, 71, 72,
93, 115, 117, 136, 164, 166, 199,
200, 207, 235, 236, 237, 243, 249,
250, 251, 255, 385
- Петр II, 207
- Петр III, 17, 293
- Питт, Уильям, 142, 144, 148, 159
- Платон, 15, 41, 275, 351, 383
- Погодин, Михаил Петрович, 71,
383
- Полетика, Петр Иванович, 210,
211, 212
- Потемкин, Григорий
Александрович, 145, 149, 208,
296, 309, 325, 327, 328, 329, 331,
367, 381
- Потоцкая, Александра
Ксаверьевна (урожденная
Браницкая), 221
- Потоцкие, 301
- Пугачев, Емельян Иванович, 242
- Пушкин, Александр Сергеевич,
43, 44, 45, 46, 51, 53, 92, 93, 94,
96, 105, 123, 124, 127, 129, 210,
232, 264, 265, 276, 279, 285, 286,
292, 297, 307, 310, 337, 338, 340,
355, 373, 374, 378, 381, 383, 384,
385
- Пятигорский, Александр
Моисеевич, 264
- Разумовский, Алексей
Григорьевич, 208

-
- Рахманинов, Сергей Васильевич, 364
- Ребиндер, Роберт-Генрих Иванович, 211, 212, 213, 220
- Рейнольдс, Джошуа, 150, 387
- Рид, Томас, 33, 35, 388
- Рихман, Георг Вильгельм, 241
- Ришелье, Эммануил Осипович де, 298, 302, 333, 334, 337
- Робер, Гюбер, 373
- Робертсон, Уильям, 14, 79, 91, 170
- Роджерсон, Джон, 168
- Розанов, Василий Васильевич, 292
- Ростопчин, Федор Васильевич, 163, 332, 333, 335, 336
- Румовский, Степан Яковлевич, 240
- Румянцев, Николай Петрович, 192
- Руссо, Жан-Жак, 9, 373
- Рынди́н, Кирилл Степанович, 168
- Рюйш, Фредерик, 249
- Рюрик, 71, 75, 251, 332
- Салтыков, Сергей Васильевич, 255
- Сведенборг, Эммануил, 176, 177, 178, 179, 181
- Севергин, Василий Михайлович, 242, 248
- Сен-Мартен, Луи-Клод де, 312, 314, 316, 384
- Сенявин, Алексей Наумович, 327
- Сеславин, Александр Никитич, 289
- Скавронская, Мария Николаевна (урожденная Строганова), 208
- Скавронский, Мартын Карлович, 208
- Скавронский, Павел Мартынович, 208
- Скотт, Вальтер, 22, 64, 65, 66, 71, 75, 76, 77, 80, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 134, 151, 355, 356, 361, 376, 377, 379, 381, 383, 385, 386, 387
- Смеловский, Тимофей Андреевич, 242
- Смирнов, Яков Иванович, 139, 140, 142, 153, 154, 156, 169, 172, 173, 175, 180, 181, 185, 210, 211, 387
- Смит, Адам, 9, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 77, 86, 87, 151, 376, 384, 385, 386, 387, 389
- Сократ, 350, 351
- Соловьев, Сергей Михайлович, 82, 91, 384
- Софокл, 239
- Сперанский, Михаил Михайлович, 194, 201, 256, 389
- Строганов, Павел Александрович, 191
- Струве, Глеб Петрович, 99, 157, 223, 224, 225, 226, 382, 390
- Суворов, Александр Васильевич, 143, 294
- Татищев, Василий Никитич, 70, 73
- Теплов, Григорий Николаевич, 11, 384
- Тициан, 233
- Толстой, Лев Николаевич, 93, 94, 112, 119, 120, 123, 263, 287, 306, 384
- Толстой, Федор Петрович, 254, 255
- Третьяковский, Василий Кириллович, 43

- Троцкий, Дмитрий Прокофьевич, 192
Трубачевский, Андрей, 210
Тургенев, Александр Иванович, 297
Тургенев, Николай Иванович, 297
Уваров, Сергей Семенович, 22, 234, 239, 243, 251, 253, 254, 257
Уортман, Ричард, 16, 17, 22, 385
Фальк, Иоганн Петер, 242
Феофан (Прокопович), 43, 199, 200
Фербер, Иоганн Якоб, 242
Фергюсон, Адам, 77, 79
Филмер, Роберт, 15, 16
Флоренский, Павел Александрович, 270, 271, 272, 275, 385
Фойнс, Джулиан Пол, 171
Фокс, Чарльз, 144, 159, 387
Франк, Джозеф, 232
Фуко, Мишель, 106, 266, 313, 314, 385
Фус, Николай Иванович, 240
Фус, Павел Николаевич, 239
Хатчинсон, Уильям, 232
Хифи, Томас, 150
Хопшнер, Джон, 145, 150
Хрентович, Михаил Иринович, 212, 219
Цветаева, Марина Ивановна, 345, 372
Циммерман, Иоганн Георг, 24, 385
Чаадаев, Петр Яковлевич, 38, 39, 40, 42, 44, 267, 290, 292, 312, 317, 351, 362, 363, 366, 371, 385
Чарторыйский, Адам Ежи, 191, 202
Чернецов, Григорий Григорьевич, 96
Чернышев, Александр Иванович, 329
Шаляпин, Федор Иванович, 364
Шамиль, 303, 364
Шаховская, Варвара Федоровна, 188
Шекспир, Уильям, 76, 77, 80, 340
Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф фон, 44
Шефтсбери, Энтони Эшли Купер, 273
Шиллер, Фридрих, 66
Шлецер, Август Людвиг, 69, 73
Шмидт, Сигурд Оттович, 122, 123, 124, 385
Шопенгауэр, Артур, 44
Шпет, Густав Густавович, 69, 385
Шторх, Генрих Фридрих, 243
Шуберт, Фридрих Теодор, 240
Шувалов, Андрей Павлович, 188, 189
Шувалов, Иван Иванович, 8, 9, 10, 241
Шувалов, Михаил Андреевич, 189
Шувалов, Павел Андреевич, 186, 187, 188, 189
Шувалов, Петр Павлович, 188
Шувалова, Екатерина Андреевна, 190
Шувалова, Елизавета Андреевна (в замужестве Воронцова-Дашкова), 189, 190
Шувалова, Мария Андреевна, 190
Шуваловы, 8
Щербатов, Михаил Михайлович, 18, 19, 68, 70, 73, 78, 85, 286, 376, 385
Щербатовы, 8
Щербинин, Михаил Павлович, 317, 337, 380, 385

Эванс, Ричард, 150, 156

Эйлер, Леонард, 237, 238, 239,
240

Элиот, Уолтер, 34

Эмин, Федор Александрович,
74, 75, 82, 84, 85, 386

Эпинус, Франц Ульрих Теодор,
241

Эриксен, Виргилиус, 23

Эсхил, 239

Юм, Дэвид, 32, 33, 34, 35, 36, 37,
56, 62, 78, 79, 87, 88, 89, 91, 385,
386, 388, 390, 391

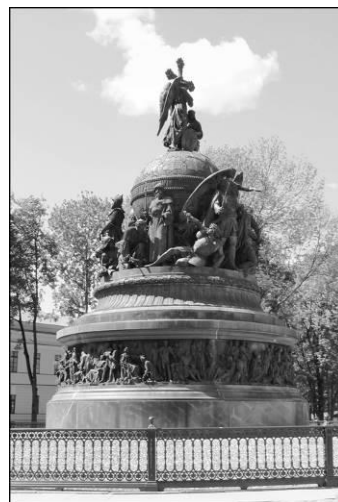




Чернецов Г.Г. Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 г. на Царицыном лугу в Петербурге, 1837 г.



Фрагмент картины Г.Г. Чернецова.



Памятник «Тысячелетие России»,
Новгород Великий



Михаил Ларионович Воронцов



Роман Ларионович Воронцов



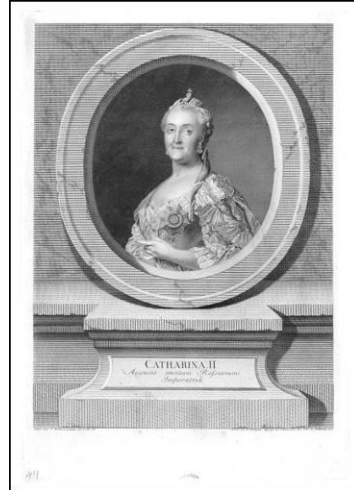
Александр Романович Воронцов



Екатерина Романовна Дашкова
(ур. Воронцова)



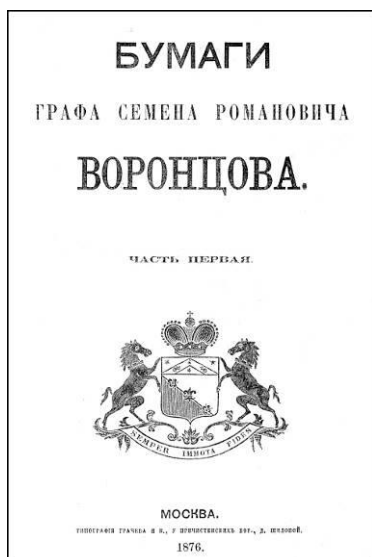
Е.Р. Дашкова в дни «революции».



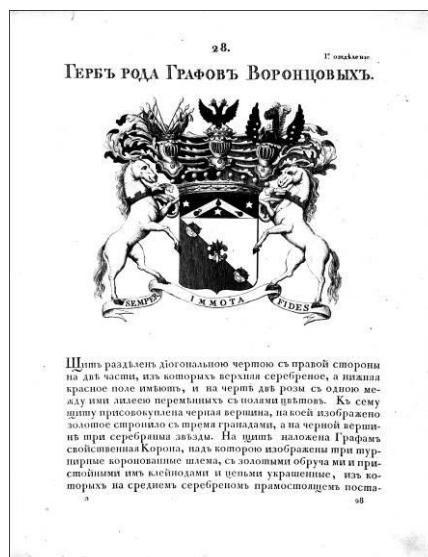
Екатерина II



Усадьба Е.Р. Дашковой Троицкое. Современное состояние.



Архив князя Воронцова. Т. VIII.
Титульный лист.



Описание герба рода графов Воронцовых
в «Общем Гербовнике дворянских родов
Всероссийской Империи». Ч. I. 1798.



Усадьба А.Р. Воронцова, а затем М.С. Воронцова Андреевское.
Современный вид.



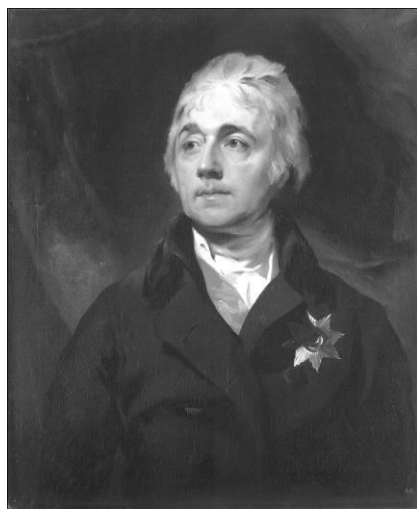
Семен Романович Воронцов



Екатерина Алексеевна Воронцова
(ур. Сенявина)



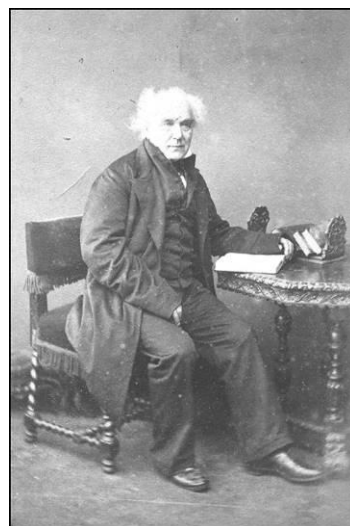
С.Р. Воронцов с российско-
британским торговым договором.
1793.



С.Р. Воронцов



С.Р. Воронцов



Джордж Бизли



Вид Лондона. Начало XIX в.



Мемориальная доска С.Р. Воронцову на Воронцов Роуд. Лондон.



«Мишенька и Катенька» — сын и дочь С.Р. Воронцова.



Михаил Семенович Воронцов



Екатерина Семеновна Воронцова (в замужестве графиня Пемброк)



Елизавета Ксаверьевна Воронцова
(ур. Браницкая)



М.С. Воронцов



Барельеф на памятнике М.С. Воронцову в Одессе



М.С. Воронцов



Е.К. Воронцова



Алупкинский комплекс.
Львиная лестница и южный фасад главного корпуса дворца с нишей-
«Альгамброй». Справа видна вершина Ай-Петри. Старая фотография.



Вид на Алупку с запада. Старая фотография.

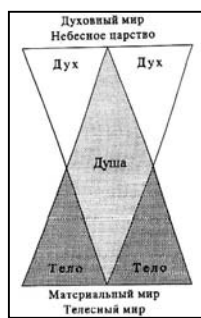


Вид на Алупку с моря. Современная фотография.

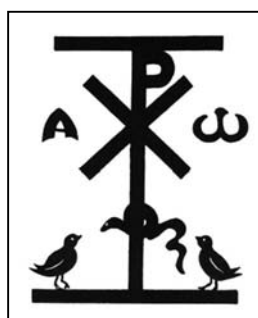


План Алушкинского комплекса.

Главная ось проведена через южную оконечность мыса, центр главного корпуса дворца и по гребню Хаоса. Северное направление оси указывает на вершину Ай-Петри.



Фигура П, или парадигма.



Один из вариантов монограммы Христа.



Вид из ниши Алушкинского дворца на море. Старая фотография.

